

МАКСИМ ВИШНЕВЕЦЬКО

КРОВЬ И ПЛАМЯ

Август 2021 года.

События последних дней показали, что слишком много людей хотят видеть Магическую Германию пылающей, однако мало кто понимает, что Гражданская война здесь уже началась, и что всем, в том числе наёмникам из WarConsulting ближайшее будущее принесёт лишь одно: очень много огня и крови.

Глава I. Гамбит профессора Хайма

*

(18 августа)

Кристина Фавр де Поль, одетая в кремовый брючный костюм зашла в приёмный покой Шаритэ и остановилась. Многое здесь изменилось с того момента, как она вчера забрала отсюда Мольтке.

Во-первых, ведущая в коридор к основному залу дверь отсутствовала вместе с куском стены. И через этом образовавшийся проём было видно и зеркала на стене тоже не висит. Во вторых, встретил её и Энцо Ламбера не учтивый немецкий доктор, а рослый автоматчик в форме без каких-либо знаков отличия. Ещё один при их появлении поднялся со стула слева в противоположном от входа углу. Справедливости ради, учтивый доктор тоже присутствовал, но сидел он за столом в другом углу, что-то перебирал в бумагах и даже поначалу не поднял головы.

— Здравствуйте, — обворожительно улыбнулась Кристина и произнесла по-немецки, — Нам бы пройти.

— Вы пациент? — строго на не очень хорошем немецком спросил автоматчик.

— Нет, — также улыбаясь покачала головой француженка и обернулась на Ламбера. Тот не выказывал никаких эмоций, ожидая дальнейшего развития событий. “Хорошо, хоть теперь он не выглядит, как проповедник-меннонит[1], а то мало ли”, - подумала девушка: “Хотя сейчас он какой-то байкер-ковбой”.

— А по какому Вы вопросу? — доктор поднял голову от бумаг и не вставая с места обратился к ним.

— Моё имя Кристина Фавр де Поль, я пришла навестить вашего пациента, Филиппа Лестрейнджа, — она посмотрела на доктора, про себя удивившись, почему он не походит.

Автоматчик обернулся на медика, тот медленно кивнул:

— Такой пациент у нас, действительно, есть.

— Тогда прошу предъявить документы Вас и Вашего спутника, — автоматчик повернул голову к Кристине, лицо его было непроницаемо каменным.

— Что, простите? — та удивлённо посмотрела на него.

— Предъявите, пожалуйста, Ваши документы, — по-отдельности произнёс мужчина, отступил на пару шагов назад и положил руку на автомат. Фавр де Поль заметила, что его палец оказался опасно рядом с курком. Второй автоматчик повторил жест своего коллеги. Девушка осознала, что эти двое стоят таким образом, что не перекрывают сектора для стрельбы друг другу, а вот она с Энцо стоят точь-в-точь, как мишени.

— Что у вас здесь происходит, какие документы? — она повернула голову к медику. Потом обернулась к Ламберу, тот медленно поднимал свою трость, держа её уже за середину.

— Прошу Вас не делать резких движений, — вздохнул доктор, затем он неспеша поднялся, вытащил волшебную палочку и обратился к автоматчику, — Пожалуйста, сообщите о посетителях, Кристина Фавр де Поль и? — он вопросительно на Кристину.

— Энцо Ламбер, — вежливо улыбнулся француз.

Автоматчик склонил голову и произнёс несколько слов в рацию, висевшую у него на плече. Потом из рации послышался ответ. Ничего, кроме их имён, она не разобрала, но язык

был смутно знакомым, каким-то славянским. Да, на таком же языке говорила та рыжая девушка из поместья Мирбахов, точно!

Автоматчик произнёс ещё несколько фраз в рацию, услышал ответ, утвердительно кивнул, затем произнёс уже по-немецки, но обращался он к сотруднику Шаритэ:

— Сейчас за ними придут, — после повернулся к Кристине и отступил ещё на шаг назад, — Подождите здесь немного, только прошу без резких движений.

Та кивнула, обернулась к Ламберу и негромко произнесла по-французски:

— Делай, как он говорит, это, похоже, русские наёмники, я говорила про них.

Энцо кивнул и опустил трость.

— Прошу между собой тоже говорить по-немецки, — автоматчик заговорил на очень плохом, но понятном французском и даже вежливо улыбнулся.

Кристина очень сильно удивилась, но утвердительно кивнула.

Буквально через полминуты в коридоре послышались шаги, и в проём вошла сухонькая пожилая женщина в форме клинки в сопровождении ещё одного рослого автоматчика.

— Меня зовут Фелиция Вульф, — она подошла к стоявшим на входе и вежливо улыбнулась, — Прошу следовать за мной. И прошу прощения за беспорядок и новые правила.

— Ничего страшного, нам сообщили о происшествии, — Кристина заметила, как поджались у женщины губы после этого слова.

Та кивнула и повела их в коридор. Автоматчик, что её сопровождал, двинулся позади Кристины и Энцо.

— Вам нужно будет подождать здесь, я уточню у профессора Хоффмана, сможете ли вы пройти в зал, — произнесла Фелиция, остановившись у ординаторской и приглашая их туда пройти.

Кристина отметила про себя, что дверь в эту комнату была сломана, хоть и стояла по-прежнему на месте.

— А как же реестр анимагов, туда же обязаны быть занесены все? — на диване слева от входа сидел мужчина в форме Шаритэ и, судя по запаху, пил кофе с каким-то алкоголем. Напротив него, облокотившись на стену стоял мужчина в коричневом летнем плаще, также с чашкой кофе в руке, но француженка заметила, что рядом с ним стояла прислонённая к стене трость.

— Здравствуйте, Кристина, — мужчина в плаще улыбнулся и приветственно поднял чашку, — Рад наконец-то с Вами познакомиться.

— Добрый вечер, месье?

— Меня зовут Михаил Романов, — он снова улыбнулся и сделал глоток кофе, — Я глава аналитического отдела WarConsulting, думаю, Вы слышали о нас? А это, — он указал на сидевшего на диване мужчину, — Герман Штольц, доктор клиники Шаритэ.

— Добрый день, фройляйн, герр, — Штольц поднялся с дивана, приглашая туда присесть, сам же отошёл и встал у стены.

— Наслышана, моё имя Кристина Фавр де Поль, — улыбнулась француженка и, хоть ей не по душе было такое внимание, присела на диван, — А моего спутника зовут Энцо Ламбер, мы прибыли, чтобы проведать одного из пострадавших во вчерашних взрывах.

Её сопровождающий присел рядом.

— О, может кофе? — воскликнул врач и не дождавшись ответа стал разливать ароматный напиток в две пустые чашки.

— Благодарю, — кивнула девушка, — Мы прибыли, как узнали о происшествии, — она

окинула взглядом помещение и отметила про себя, что здесь недавно второпях прибирались. А ещё второпях пытались смыть кровь со стен и пола, но это вышло не очень удачно, многочисленные бурые пятна по-прежнему виднелись, притом всюду.

— Да, это было чудовищно, — поморщился Штольц и подал французам ароматный кофе, — Потому сейчас мы вынуждены просить наших друзей из России охранять нас.

— Прошу простить за неудобства, — улыбнулся Романов, — Но такое время, всего можно ожидать от проходящих в клинику.

— А что здесь произошло, — Ламбер отпил кофе и по-деловому спросил, — Видно, что здесь был бой.

— Как выразился один наш общий с Кристиной знакомый, к нам заглянули любители прусской истории.

— Чего они хотели? — она внимательно посмотрела на Германа.

— Они не сказали, — за него ответил Михаил, — Хотя, может, и я не прав, я уже позже подошёл. И не спрашивал как-то.

— Вы анимаг? — Кристина внимательно изучала мужчину в коричневом плаще.

— Нет, — загадочно улыбнулся Романов.

— Я верно понимаю, что это Вы помогли отбить нападение? Сколько их всего было? — Ламбер с сомнением в голосе повернулся к врачу.

— Шестеро, — отозвался русский, — В целом мне повезло, они не ожидали моего появления.

— Так что здесь произошло, и почему охрану обеспечивают русские, а не мракоборцы? — спросила Кристина.

— Их было шестеро, вначале они пытались просто пройти в клинику. А после решили прорваться силой. Мракоборца, дежурившего в приёмном покое, и доктора Петерса убили, дверь взорвали, — сухо произнёс Штольц, — Что сделали с девочками в этой комнате я, пожалуй, не буду говорить. Я отделался лишь парой Круциатусов[2].

— Это был не Круциатус, — поправил его Романов, — Это заклинание именуется Фольтер, и если я верно понимаю, прусская школа магии способна применять это заклинание не только к живым, но и к нежити.

— Они могут этой чарой пытаться мертвецов? — Энцо Ламбер был явно обескуражен.

— Оживших и ходячих, да, — кивнул Михаил, — Даже такие серьёзные, как вампиры, будут чувствовать нестерпимую боль, точно также, как Герман, — он указал чашкой с кофе на врача.

— Вы разбираетесь в прусском чародействе? — Кристина внимательно смотрела на русского.

— По долгу службы, — улыбнулся тот, — Я вместе со своей компанией работаем на нашего общего знакомого, герра Шваница. Именно по его просьбе мы организуем охрану Шаритэ.

— Но Вы всё-таки глава аналитиков, но почему вы командуете своими бойцами? — спросил Энцо.

— А я не командую, я пью кофе, — улыбнулся Михаил, — У нас тут светская беседа об анимагах была буквально до момента, пока вы не зашли, — он хитро посмотрел на Кристину, — Кстати, герр Шваниц хочет с Вами увидеться, у него имеется, насколько я понимаю, несколько вопросов об одном нашем общем знакомом.

— О каком знакомом? — удивилась француженка.

— Ну, о том, с руной на лбу, — улыбка русского стала ехидной.

— А, — произнесла Кристина, чуть покраснев, — Я поняла, мне нужно было отлучиться во Францию по делам Директории.

— Не объясняйте, — развёл руками Романов, — Просто раз Вы сейчас находитесь в компании столь экстравагантно одетого мужчины, то, видимо, куда делся наш общий знакомый, герру Шваницу всё-таки надо будет объяснить.

Энцо усмехнулся и уже было открыл рот, чтобы что-то сказать, но Кристина была раньше:

— Он выглядел ещё экстравагантнее, но я предположила, что если Энцо будет выглядеть, как проповедник-меннонит, это вызовет вопросы, — она улыбнулась, хотя и несколько нервно.

— У меня в этой стране мало что уже может вызвать вопросы, — Михаил допил кофе поставил чашку на столик, — Прошу простить, надо отправиться домой и чуток отдохнуть, — он взял в руки трость и прошёлся до двери, — Кстати, Кристина, слышали, о Матиасе и Гельмуте Мирбахгах?

Кристина внутренне дрогнула от вопроса, но лицо удержала:

— Да, а что?

— Да просто стало интересно, зачем они понадобились любителям прусской истории, до скорой встречи, — он раскланялся и вышел в коридор.

**

(18 августа)

Несмотря на попытку немецкой полиции пресечь распространение информации о событиях в мечети Омара ибн Хаттаба, участников событий было достаточно, чтобы с утра немецкий Интернет буквально взорвался. При этом учитывая состояния самих пострадавших, тех, кто в ужасе бежал и затапывал единоверцев в попытке спастись из мечети, все свидетельства сводились к очевидцам снаружи, которые если что и видели, то это были вспышки и взрывы в здании, а также работу огнемёта, который сжёг полицейский патруль, попытавшийся задержать нападавших в кожаных плащах.

Никто из среднестатистических террористов не рискнул за это брать ответственность, но пользователям Сети никто не мешал строить самые разнообразные теории о принадлежности людей в кожаных плащах, их целях, и куда в итоге растворились?

Официальный Берлин, держась несколько ехидной позиции, консультировался с официальной Анкарой в стиле: “Нам кажется, снова ваши террористы у нас тут беспорядок учинили, может, вы их уже приструните? Только не на нашей территории, пожалуйста”. Официальная Анкара ничего вразумительного ответить не могла, ибо у неё у самой был ряд вопросов к некоторым фигурам из её закулисья. Но эти фигуры из закулисья упорно делали вид, что их не существует, и вообще вы всё придумали, чёртовы конспирологи!

После обеда к ограде мечети стали приносить первые цветы и свечи. Притом, что характерно, это были поначалу не родственники жертв, а простые молодые немцы, которым, казалось бы, не должно было быть особого дела до жертв среди каких-то там приезжих турок, однако же забор буквально за час оброс фотографиями, свечами и цветами. Несли фото тех, кто был в мечети в момент нападения и точно уже было известно, что он мёртв. Несли фото тех, кто был в мечети, но его врачи увезли в больницу. Несли даже фото тех, кто просто не вышел с родными на связь, но родные думали, что этот человек тоже мог погибнуть в той жуткой атаке. Когда же кто-то принёс фото двух молодых немецких парней

в полицейской форме, то очень быстро эти две фотокарточки перестали быть видны из-за цветов, которых вокруг них положили люди, шедшие потоком к мечети, чтобы почтить жертв трагедии.

Уже начало вечереть.

Ветер разметал утреннюю хмарь, город освещало солнце, а здания отбрасывали свои длинные тени на улицы и площади.

В одной из таких теней и стоял Хаким, прислонившись к углу дома. Через улицу от него была та самая ограда мечети, вокруг которой толпились люди. А он стоял и смотрел туда, где за потоком машин толпились разномастные люди: в хиджабах, без них, в кепках, с непокрытой головой, и многие другие. Разные, не похожие друг на друга, но одинаково испуганные и одинаково жаждущие справедливости, хотя бы какой-то.

Хаким стоял в кожаной куртке, прислонившись к углу дома, а мимо шли люди. Кто-то просто спешил по своим делам, кто-то — уставший домой с работы, а кто-то переходил дорогу и вливался в толпу у мечети.

Возле турка остановилась девушка лет двадцати пяти от роду. Прямые русые волосы были затянуты в тугий узел на затылке. На носу были изящные круглые очки. Она посмотрела снизу вверх на Хакима, потом перевела взгляд на толпу.

— Спустили псов и довольны? — желчно ответил тот, оценивающе поглядев на девушку.

— Если я скажу, что это не мы, ты всё равно не поверишь, — она пожала плечами и засунула руки в карманы своей кожанки.

— Эмма, давай признаем, мы враги, и ты сейчас позвала меня увидеться именно сюда, только ради торжества?

— Какого торжества? — искренне не поняла девушка, повернув голову к турку, — Там, у мечети куча самых разных людей, и ваших, и наших, и всем одинаково страшно.

— Не всех из них жгли сегодня утром, — бросил в ответ Хаким.

— Ты знаешь, что случилось пару часов назад в Шаритэ? — после этой фразы мужчина нахмурился и отрицательно покачал головой, — Эти нелюди заявили и туда, вшестером. Что, не знал?

Хаким хмуро глядел сверху вниз на собеседницу. Она горько усмехнулась, он отрицательно покачал головой.

— А там, между прочим, не только наши, взорванные твоими людьми вчера, — Эмма скривилась, — Ещё и твои, вот эти, — она кивнула на толпу через дорогу, — Шаритэ была нейтральной территорией, и этот нейтралитет эти нелюди нарушили. А ты обвиняешь меня, будто я спустила их с привязи.

— Мы враги, Эмма, — ещё раз произнёс Хаким, — Зачем ты меня позвала?

— Старый хитрый пёс просит тебя ничего не предпринимать, — улыбнулась девушка, — У нас завтра важный день, будет драка за корону.

Турок недоумённо поднял бровь и рассмеялся:

— Ты в своём уме?

— Ну, смотри, — она сделала шаг вплотную к нему, приподнялась на цыпочки и обвила его шею руками, — Эти нелюди завтра явно будут рваться к власти, — она говорила тихим томным голосом, еле-еле дотягиваясь до уха Хакима, — А чтобы вы не спутали нам все карты, пожалуйста, придержи ты своих псов.

Она отстранилась, опустила с носочков и заглянула очень честными глазами в глаза

турка, что у того по телу пробежали мурашки.

— Ну, ты же не откажешь той, кто так похожа на твою сестру? — улыбка Эммы стала чуть-чуть ехидной и торжествующей, но это наваждение мигом развеялось.

— За своих псов не отвечаю, — Хаким дёрнул плечом, ему явно не по-душе был разговор, но он понимал, что ничего с этим поделать не сможет. И не захочет.

— Но я очень надеюсь, что ты поговоришь с ними, — немка мило улыбнулась, — В конце-концов, вдруг я смогу решить твой вопрос без войны.

— Мы враги, Эмма, — поджал губы турок, — Я хочу завоевать твою землю. Всю.

— Не смог завоевать меня, так решил землю бросить мне под ноги? — она хихикнула, снова привстала на носочки и чмокнула турка в щёку. По его смуглой коже разлился румянец.

— Мы враги, и нет, ты неверно меня поняла.

— Ну, неверно, так наверно, — она сняла очки и посмотрела на свет на стёкла, — В любом случае, предложение старого хитрого пса я передала. А если ты вдруг решишь, что ничего предпринимать не надо, и твои люди завтра устроят уличные бои в Берлине, — она поднесла очки к своему лицу и прикусила дужку, с вызовом взглянув на Хакима, — Турки узнают, что такое немецкая методичность.

— Сколько нужно времени, чтобы умертвить двести тысяч турок? — усмехнулся мужчина, словно вспомнив что-то, что говорили ему раньше.

— Недели две, потом из Берлина приедут и спросят, что за беспорядок мы тут развели? — девушка надела очки обратно, приветливо улыбнулась и направилась дальше по улице.

Хаким же покачал головой, развернулся и пошёл в обратном направлении.

***

(18 августа)

На открытой террасе за столом в плетёных креслах сидели двое мужчин.

Закатное солнце садилось за дальний лес, тени становились с каждой минутой всё длинней и длинней.

— Как хорошо в конце трудового дня посидеть вот так и послушать что-то хорошее, да, Отто? — говоривший прислушался к классической музыке, что раздавалась на террасе и пригубил свой напиток.

Он был одет в белую рубашку, чёрную жилетку и смотрел немигающим взглядом на собеседника сквозь круглые очки.

— Да, герр Хайм, — кивнул Отто и перевёл взгляд на заходящее солнце, — День сегодня был труден.

— Завтра ещё труднее предстоит, ты же, надеюсь, не отправишься в Бундестаг лично?

— Я не ко всем успел зайти, — поморщился немец, похожий на хищную птицу, и отпил свой шнапс.

— Ещё вся ночь впереди, — Густав Хайм внимательно посмотрел на него, — К кому ты успел?

— Дитрих Бовеншulte из Бремена наш, — начал загибать пальцы его собеседник, — Ещё Филипп Тельман из Гамбурга и самый главный, Генрих Гессенский. Но этот уже давненько.

— Четверо осталось, — пожевал губами Ариберт, — Генрих был у них главным в заговоре?

— Они с Притвицем его задумали, да. И они собрали весь запад.

— Как я понимаю, кроме Баварии, Пфальца и Бадена?

— Вальдхаузену колебались, но Альбрехт Баварский оказался очень убедительным, — кивнул Отто своим же словам, — Однако, первый наш шаг будет завтра исполнен легко.

— Восток тоже не будет против Августы, — покачал головой Густав, — Фройляйн Вайцеккер пропала?

— Конечно, — его собеседник коварно ухмыльнулся, — Она сама пошла на разговор с турками, этого разговора и не пережила, к сожалению. Жаль, никто не узнает, что с ней случилось.

— Славно. Но это расклад семь на семь, и четверо из заговорщиков Притвица ещё не контролируются нами.

— Я планирую посетить сегодня ещё Ингу Веттин. Вряд ли получится добратся до Анны Эберт, мы потеряли уже третьего разведчика в её лесах, так что мне завтра, видимо, придётся всё же появиться в Бундестаге.

— Нижняя Саксония за, а Вестфалия против, — Хайм задумался, — В Бундестаге будет опасно, Отто. Я не про мракоборцев, заседание явно будут охранять русские.

— Мне доложили, что их глава боевого крыла сегодня прибыл утром в Байрсброн, приняв управление тамошним отрядом.

— Сослали от лишнего шума? — его собеседник улыбнулся одними губами, — Славно.

— Его боевой отряд сейчас уже добрался до базы турок в Саксонии. Оттуда, видимо, они будут выводить колонну на базу русских в Берлине.

— Операция планируется?

— Да, колонну из Бранденбурга я решил не трогать, а в Саксонию вызвал два наших отряда из Чехии. Атаковать базу не будем, они явно этого ждут, возьмём на марше.

— Они и на марше нас ждать будут, — отпил шнапс Густав, — Сколько их там?

— Шесть десятков, по моим данным.

— В целом не так много, два наших отряда, говоришь... — Хайм задумался, — Чтобы уничтожить такую колонну наших может оказаться недостаточно.

— Они идут без воздушного прикрытия, а там есть места, где можно удачно дать бой. Пока они только добрались до базы, пара часов на сбор. Если они смелые, но глупые, то поедут ночью. Если умные и осторожные, то дождутся утра. Так что завтра утром им всем будет не до Бундестага. Даже если они проведут эту колонну ночью, даже если каким-то чудом у нас не удастся операция по её уничтожению, то у них остаётся ещё отряд в Тюрингии, — Отто хищно ухмыльнулся, — А учитывая, что в Тюрингию к ним на базу выехал сам Вильгельм Эрнст, то боюсь, его в Бундестаге не будет утром. Итого мы получаем семерых за смещение Августы фон Вальдбург и всего шесть против.

— Кто в Тюрингии будет действовать?

— Наши отряды с западных земель, с Нижней Саксонии и Шварцвальда. Они уже там расположились, как и чехи в Саксонии. Место выбрано и подготовлено, колонна мимо не проедет.

— Базу в Тюрингии штурмовать не думал?

— Там находится подразделение, которое участвовало в штурме Министерства Магии Британии, они хорошо проинструктированы по противодействию волшебникам, лучше на марше, — улыбнулся Отто.

— До начала заседания нужно, чтобы все семеро были под нашим контролем, — Хайм

внимательно посмотрел сквозь очки на Отто, — Второй этап должен начаться сразу.

Тот кивнул:

— Голосование будет инспирировано сразу же после смещения Августы. Именно поэтому мне в том числе надо быть в Бундестаге в это время. После объявления нового Канцлера, получения им особых полномочий, наш боевой отряд займёт здание, и парламент будет распущен.

— На бумаге гладко, отряд прибудет из Польши?

— Так точно, — кивнул Отто и посмотрел на наполовину закатившееся за лес солнце, — К сожалению, из-за того, что мы потеряли крупную группу в Шаритэ пришлось задействовать всех бойцов нашей польской сети.

— Издержки, — Хайм отпил шнапс, сделал пасс рукой и музыка переменилась, — Думаю, что Вагнер к этому моменту подойдёт лучше. Расскажи, что произошло в Шаритэ?

— Отряд Ганса Шрёдера вошёл в клинику, убив двоих мракоборцев и одного медика, — его собеседник нахмурился, — После появился русский волшебник и атаковал их, он воспользовался тем, что они не ожидали нападения извне.

— Все оказались перебиты?

— Все до единого.

— Что ж, Ганс поплатился за свою заносчивость и недооценку противника. А русские теперь контролируют Шаритэ, и у них осталось меньше свободных людей, — Густав задумчиво смотрел мимо своего собеседника, — А это уже хорошая новость.

— Среди них есть сильные волшебники.

— Большинство из них кайнцауберы, это облегчает ситуацию. Как я понимаю, Шваниц и мракоборцы не купились на твою уловку, что это Кристина Фавр де Поль убила Притвица?

— Нет, — покачал головой Отто, — Но я и не надеялся особо.

— Кристина вернулась в Германию, насколько я понимаю?

— Да, арестовав сестру и брата Абрабанелей на заседании Директории.

— Эти евреи меня мало волнуют, — повёл плечами Хайм, — Но она обеспечила себе волнения в тылу, во Франции. Многие великие рода поддерживают их, им не по-душе будет такой арест.

— Кристина, в любом случае, прибыла в Берлин с охотником, — Отто отпил шнапс, — Его имя Энцо Ламбер. И прибыли они явно за детьми Мирбахов.

— Марта у Брунгильды, я против того, чтобы отвлекать наши силы на эту старую каргу, — проговорил Густав, откинувшись на спинку кресла, — Тем более, у нас в руках два мальчика.

— Мальчики доставлены в Кведлинбургское аббатство, там они будут ждать Вас.

— В любом случае мне понадобится несколько дней на подготовку. Либо это будет наш триумф после захвата власти завтра, и мы покажем всей Германии и Европе настоящего короля, — Хайм допил свой шнапс и поставил стакан на стол, — Либо это будет акт последней нашей воли.

— Герр Хайм, — голос Отто заметно волновался, — Король воплотится?

— Это неизвестно, — простодушно улыбнулся тот, — Быть может, одного мальчика мы используем для пробуждения, а тело второго будет сосудом. Быть может, он посчитает нужным своим духом лично посетить наш мир. Здесь будет зависеть всё лишь от его могучей воли. Но если расчёты верны, крови и жизни двух этих мальчиков будет достаточно для его появления в нашем мире.

Отто торжественно кивнул и допил свой шнапс.

****

(18 августа)

В кабинете Августы фон Вальдбург ярко горели лампы, и были плотно все задернуты шторы.

Сама хозяйка присела на край стола и хмуро оглядывала собравшихся в комнате. Сегодня здесь было многолюднее обычного: на двух креслах расположились Кристина Фавр де Поль и Энцо Ламбер, ещё одно, ближе к камину, занимал Виктор Шваниц, а на диване расположились Альбрехт Баварский, Виктор Церинген и Бригитта Вальдхаузен — делегат Бундестага соответственно из Баварии, Баден-Вюртенберга и Рейнланд-Пфальца.

— Мы, к сожалению, вам не помощники завтра в Бундестаге, — пожалла плечами Кристина, посмотрев с долей сожаления на Августу, — Мы всё же прибыли сюда за похищенными детьми Мирбахов.

— Мы позволим просто так вывезти во Францию Марту и все наработки Генриха? — фыркнула Бригитта, немолодая сухонькая женщина в строгом платье цвета фуксии.

— Просто так они не смогут никого вывезти, Марта у своей бабушки, — вздохнул Шваниц, — Попробуйте, фрау Вальдхаузен, что-то вывезти от Броккенской Ведьмы, когда та не хочет этого.

— Мнение старого пса не спрашивали, — всё также фыркнула женщина и замолчала с презрением взглянув на Кристину.

— В этот раз мы хотя бы не скрываем нашу миссию, — развела руками и попыталась приветливо улыбнуться та, но улыбка вышла скорее издевательской.

— Зато пока ещё ни одного убитого нациста, — мрачно усмехнулась Августа, — Фройляйн, Вы отстаёте от графика!

На этот пассаж француженка чуть зарделась и тихонько рассмеялась.

— В любом случае, как я понимаю, завтра ждём неприятностей от Аненербе? — пробасил Виктор Церинген, огромный мужчина с окладистой рыжей бородой и длинными волосами, заплетенными в косы.

— Ну, благодаря русским Аненербе потеряло шестерых боевиков, — пожал плечами Шваниц, глядя в свой кофе, — По нашим данным, именно эта группа участвовала в утреннем нападении на мечеть. Среди них также был убит некто Ганс Шрёдер, подозреваемый в убийстве старших Мирбахов и их гостей три недели назад.

— Награда нашего героя, — мрачно и негромко произнесла Кристина, но все её услышали.

— И поделом, — пошевелился, словно усаживаясь поудобнее, Церинген, — Но Виктор, ты не ответил на вопрос.

— Августа, — тот повернулся к Канцлеру, — Разрешить рассказать, насколько наши дела плохи?

— Мы хотя бы ещё живы, — та утвердительно кивнула.

— Во-первых, Департамент Магического Правопорядка практически перестал существовать, как самостоятельная боевая единица. После боя в Шарите у меня осталось шестеро мракоборцев, — он выразительно посмотрел на пытающуюся что-то сказать Вальдахаузен, та благоразумно закрыла рот, — Я уже вызвал оставшихся в моём распоряжении людей с земель, к утру я смогу максимум нарастить численность мракоборцев до полутора десятков, но это будут в прямом смысле последние сотрудники моего

департамента. Останутся только те, кто по долгу службы вынужден находиться в наших магических поселениях. Этих ещё шестеро.

— Не густо, — с шумом вздохнул Альбрехт.

— Именно так, герр Виттельсбах, — Шваниц кивнул, — В восточных землях уже началось создание отрядов народной милиции, — на этих словах Вальдхаузен презрительно скривилась, а Церинген заулыбался, — Мекленбург, Бранденбург и Тюрингия.

— Саксония отказалась? — уточнила Августа.

— В Дрездене до сих пор спорят о том, кому быть главным после гибели старших Мирбахов, — поморщился мракоборец, — А в Магдебурге посчитали, что их если что сможет защитить Брунгильда.

— Брунгильда не может далеко уходить от Броккена, — пробасил Церинген.

— Всё так, но переубедить Иоахима Гейне мне не удалось, — развёл руками Шваниц.

— А почему нельзя ввести эти отряды в Берлин? — неожиданно спросил Энцо, совершенно искренним взглядом смотря на собравшихся.

— Подобные отряды, герр Ламбер, могут использоваться лишь для защиты той земли, где они были собраны, — вежливо пояснил Альбрехт и повернулся к Шваницу, — Потому меня интересуют отряды, который могла собрать Эмма Вайцзеккер.

— Она не собрала, — на скулах мракоборца заиграли желваки, — Несколько часов назад при выполнении задания она погибла от рук Аненербе.

— Это точно известно?

— Да, её охранение не смогло предотвратить непоправимое, однако они проследили за нападавшими, — Шваниц отпил кофе, — Те скрылись в частной психиатрической лечебнице Отто Агриколы. Именно он, по всем имеющимся сведениям, стоит за деятельностью Аненербе.

— А, это же тот Отто, кого мы встретили в Шаритэ? — спросила Кристина.

— Да, — усмехнулся мракоборец, — И я сейчас, вроде бы, должен попросить вернуть мне моего сотрудника, которого Вы похитили и спрятали, но учитывая, что этот Агрикола явно наложил на него чары, это будет с моей стороны глупый и непредусмотрительный поступок.

— Ну, нам нужен всего-лишь специалист по прусскому чародейству, — пожала плечами Фавр де Поль.

— У нас половина Шаритэ забита теми, кому нужен такой специалист, — отмахнулся Шваниц, — Пусть этот несчастный мальчик полежит у вас в подвале дальше. Если всё пойдёт по плохому сценарию, станет последним мракоборцем Германии.

— Я верно понимаю, что на сегодняшний момент у нас трое голосов плюс четыре голоса делегата с Востока? — Вальдхаузен посмотрела на Августу.

— Три голоса, — Виктор Шваниц отпил кофе, — Вильгельм Эрнст мало того, что собрал свою милицию, так и выдвинулся к турецкой базе, где окопалась рота русских.

— Он будет её штурмовать? — захлопала глазами Бригитта.

— Он будет их сопровождать. И возможно, его не будет в Бундестаге, есть такая вероятность.

— То есть мы мало того, что разрешили забрать этим русским всё, что было на турецких базах, так ещё и сопровождать будем? — фыркнула та.

— Кристина, а скажи, у вас тоже заседания проходят в такой вот дружественной атмосфере взаимопонимания? — в голосе Августы не было ноток сарказма, её речь просто

состояла из него.

— Конечно, — в тон ей ответила француженка, — Что я зря что ли сегодняшнее заседание начала с арестов и репрессий?

— Мне кажется, Виктору стоит поучиться у наших французских друзей, как вести дела на собраниях, — произнесла де Вальдбург в сторону Шваница, не меняя тона.

Тот поперхнулся кофе.

Церинген захохотал. Вальдхаузен густо покраснела и надулась.

— Русские сейчас наши союзники и единственная реальная сила, имеющая и желание и возможность противостоять и Аненербе и туркам, — проговорила, улыбаясь Августа, но сразу стала серьёзной, — К сожалению, события последних двух дней в Берлине пошатнули доверие к нам со стороны правительства кайнцауберов. Они считают, и вполне резонно, что волшебный мир напал на неволшебный и нанёс ему ощутимый урон. Столько столетий волшебники по всему миру утверждали, что вот придут люди, не знающие магию, и совершат насилие над волшебством, но вот вчера и сегодня история повернулась ровно наоборот, — она потёрла глаза от усталости, — В общем наши договорённости, о которых я сообщила вчера на заседании, пока что заморожены. Более того, они нас предупредили о самых жёстких мерах по отношению к волшебникам, если подобные эксцессы будут повторяться. Ни о каком объединении цауберов и кайнцауберов не может быть и речи, пока мы у себя не сможем навести порядок. Потому да, русские наёмники Свята Салтыкова на данный момент это единственный наш реальный союзник, не в обиду, фройляйн, — она повернулась к Фавр де Поль.

— Даже не претендую, выставить такой контингент мне не под силам, у нас у самих всё беспокойно, — развела руками та.

— То есть вмешательство сил Бундесвера не ожидается в ближайшем будущем? — уточнил Церинген.

— Если завтра ещё что-то взорвётся или ещё какая-то группа боевитых молодых людей ворвётся... да хоть куда ворвётся, думаю, уже от вмешательства Бундесвера в наши дела мы не отвертимся, — поморщилась Августа.

— И как я понимаю, Августа, наши дела настолько плохи, что даже наша коалиция с Востоком в меньшинстве? — Виктор Церинген сначала посмотрел на Альбрехта, потом на де Вальдбург, — И что сил правопорядка настолько мало, что мы только-только можем обеспечить заседание Бундестага охраной?

— Всё так, Виктор, — она кивнула.

— А почему кайнцауберы не вмешаются в дела с Аненербе? — спросила Кристина, — Я думала, что неонацисты их тоже заботят?

— Не знаю, — нахмурилась Канцлер, — Либо они не верят в это, либо просто не хотят лезть, либо ещё чего, например, что профессор Хайм подселил своих ещё и к кайнцауберам. А тут такой шикарный подарок в виде турецких террористов, так что сдаётся мне, сейчас они заняты своими собственными нацистами, до наших им дела нет.

— С турками, вроде бы, договорились, — произнёс Шваниц, глядя в кофе, — По крайней мере, я надеюсь на это.

— Вы пошли на сделку с террористами? — прошипела Бригитта.

— Не с самими террористами, а с их главой, — мракоборец внимательно посмотрел на женщину, — Всегда проще договориться с умеренными, чем воевать со всеми.

— В общем, — Августа повысила голос, чтобы привлечь внимания собравшихся, —

Прошу фрау Вальдхаузен, герра Церингена и герра Виттельсбах явиться завтра на заседание Бундестага со своей личной охраной. Видимо, пришло дело вспомнить старые добрые феодальные порядки и вассальные клятвы. Точно будет охранение от департамента Виктора Шваница, — она кивнула на мракоборца, — И ещё возможно охранение от русских Свята Салтыкова, если, как мне сообщили, их колонны спокойно пройдут из Саксонии и Тюрингии на базу в Берлине. Снимать охранение с Шаритэ они отказываются, потому ждут возвращения остальных сил. Ещё меня заверил герр Салтыков, что охранение с наших магических поселений не будет снято, — Канцлер поглядела на Кристину, — Фройляйн Фавр де Поль, герр Шваниц вас вместе с Энцо Ламбером проводит к Броккенской Ведьме где сейчас находится Марта Мирбах. Я в курсе, что Вы действуете в интересах семьи Мирбах, однако же настоятельно прошу лишней раз не устраивать боёв и не нарушать Статут о Секретности, Вы слышали об угрозе применения военной силы от кайнцауберов, если мы не сможем удержать цауберов в узде.

— Мольтке Вам вернуть? — по тону Кристины не было до конца ясно, серьёзна ли она.

— Если Вы сможете нивелировать или избавить его от того магического воздействия, которое, я думаю, до сих пор действует на него, то да.

— Осталось найти специалиста, — поджала губы француженка.

— У Вас был.

— Я его казнила, к сожалению.

— Я бы его воскресила, — ухмыльнулась Августа, — ради высшего блага, естественно.

— Я подумаю над этим, — загадочно улыбнулась Кристина.

— А почему эти русские не присутствуют сегодня здесь? — чуть возмущённо произнесла Бригитта.

— Не захотели, — пожал плечами Шваниц.

— Отличные союзники, — закатила глаза Вальдхаузен, — Им всё равно, а мы ожидаем помощи!

— Ну, они хотя бы молчат... — негромко произнесла Кристина и отвернулась к Августе и Шваницу.

Церинген хрюкнул, Виттельсбах засмеялся, прикрывая рот ладонью.

Бригитта Вальдхаузен покраснела и сжала губы, посмотрев на Канцлера.

Августа фон Вальдбург покачала головой и прикрыла глаза ладонью.

1 — Меннонитство — одно из протестантских течений, называемое по имени основателя, Менно Симонса, проповедовавшее идеи неприменения силы и непротивленчества.

2 — Круциатус — заклинание боли, ужасной, нестерпимой боли.

Глава II. Ночь на горе Броккен

*

(18 августа)

Иван Тимофеевич Лисицын, следователь по особым вопросам ФСБ России в звании капитана, вышел из камина в полутёмную комнату и огляделся. Под ногами зашуршали деревянные половицы, сквозь два больших окна по левую руку светила Луна, делая комнату ещё более зловещей. На стенах висели занавешенные тряпками картины, а метрах в пяти от камина стоял рояль в белом чехле, притягивающий взгляд в полумраке комнаты. Дальше, уже в более плотной темноте, стояли ряды стульев, судя по всему тоже укрытых тканью. И на одном из них, ближайшем к роялю, сидел человек.

Капитан ФСБ сделал шаг вперёд, половицы снова отозвались протяжным стоном. Лисицын поглядел в сторону окна и потёр шею рукой. В чёрном летнем плаще и пиджаке ему было откровенно жарко, но все же в один голос в Москве утверждали, что в Берлине испортилась погода, а он, дурак, поверил! И теперь вот стоял в пыльном, на вид давно покинутом, зале и пытался понять, будут его вот прямо сейчас убивать или всё же хотя бы заговорят для приличия? А ещё ему было жарко, хотелось в душ и поспать, но предстояло сейчас явно не это:

— Всегда любил заброшенные дома, — произнёс с сарказмом он, сделав ещё один шаг вперёд, заставив половицы протяжно зашуршать.

— Оно и видно, — ворчливо отозвался человек, сидящий в тени.

Щёлкнула зажигалка, и пламя осветило лицо Михаила Романова, главу аналитического отдела WarConsulting. Тот сидел на стуле, закинув ногу за ногу, приставив к роялю свою трость, и раскуривал сигарету, даже не смотря на собеседника.

— Михаил Александрович Романов, как я понимаю? — Лисицын сделал ещё один шаг, выйдя из тени на лунный свет. Его лицо в таком освещении приобрело более острые, чем обычно черты, и оттого выглядело, будто перед Михаилом стоит студент, моложе Рихтера.

— Допустим, — пламя погасло, теперь в тени виднелся лишь тлеющий огонёк сигареты, — А к Вам, молодой человек, у меня два вопроса уже имеется.

— На базе сказали, — улыбнулся тот, сделав ещё один шаг вперёд, чтобы зайти в тень, — Я прибыл туда представиться Святу Вениаминовичу, а его на месте не оказалось.

— Вот как? — вполне искренне удивился Романов, — Он не собирался покидать её, Вам, молодой человек, не сказали, куда он направился? Или может, он просто не захотел Вас видеть?

— Это я не стал выяснять, — пожал плечами Лисицын, — Всё-таки надоедать уставшим людям с оружием мне не по-душе.

— Зато эти уставшие люди вполне честно рассказали, где искать меня? — усмехнулся Михаил.

— Надо же хотя бы кому-то из руководства представиться, — улыбнулся его собеседник, — Хотя, безусловно, я бы предпочёл уже сходить в душ и поспать.

— Молодой человек, обманывать старших нехорошо, — в голосе главы аналитиков звучал неприкрытый сарказм, — На базе никто не знает, куда я направился. Точнее, не совсем так, знает собственно Свят Вениаминович. И либо Вы про это место не оттуда узнали, либо соврали, что не встречали Салтыкова.

— Ладно, я верю, что Вы, Михаил, глава аналитиков, — юноша сделал ещё один шаг вперёд, снова войдя в полосу света.

— Так откуда Вы узнали, где меня искать? А по поводу второго вопроса, я догадываюсь, кто Вы, но попросил бы представиться?

— Мне рассказал Ваш наниматель, Виктор Шваниц, — Лисицын чуть смущённо улыбнулся, — Я с утра путешествую от одного высокого берлинского чина до другого, сначала обошёл мирянских, теперь вот магических. Мракоборцы были последней точкой перед посещением базы Вашей ЧВК, — он склонил голову в небольшом поклоне, — Иван Тимофеевич Лисицын, капитан ФСБ, следователь по особым вопросам. Направлен Москвой заниматься делом пропавших детей семейства Мирбах.

— Зачем Москве эти дети? — усмехнулся Михаил.

— Я предпочту не раскрывать детали, в которые меня посвятили. По крайней мере, пока не раскрывать.

— Но здесь же Вы, Иван, не ради меня? Шваниц явно сообщил, что мы идём туда, где сейчас находится Марта Мирбах, — глава аналитиков затянулся сигаретой и задумался, — Вряд ли Вам дадут её там допрашивать.

— Я не собираюсь допрашивать девочку, мне скорее интересна её бабушка.

— Не осуждаю.

Иван хрюкнул:

— Хоть на этом спасибо.

— Вы уверены, Иван, что Свята Вениаминовича и правда не было на базе?

— Либо он внушил это своим людям, а сам пошёл отдыхать, — пожал плечами тот, — Либо и правда уехал. Я успел поспрашивать у пары бойцов. Мне как на духу рассказали, что его нет, и что мы разминулись буквально в час. А что?

— Да в том-то и дело, что непонятно, куда он мог деться, — Михаил встал, взял трость и подошёл к капитану, оставшись на грани светового пятна, — Вы в курсе нынешней обстановки?

— Без подробностей насчёт художеств Куприянова в Саксонии и Ваших в Шаритэ, — Лисицын улыбнулся, — Но диспозиция и противники ясны. Одно радует, WarConsulting пока что на особом положении в Германии.

— Это на каком? — Михаил удивлённо поднял брови.

— Москва очень сильно попросила мирянское руководство Германии не трогать вас и в целом не вмешиваться в те дела, которые вы ведёте. Как ни странно, немцы согласились, только попросили не устраивать открытых уличных боёв в городах. Шумно это, — он повёл плечами.

Михаил посмотрел на часы:

— Ну, нам нужно две колонны провести в Берлин, надеюсь, вести их будут в обход городов.

— У меня есть некоторая оперативная информация о ваших противниках, и я бы её сообщил Салтыкову, если бы встретил его.

— Ну, я его не прячу, — усмехнулся Михаил и неспеша подошёл к роялю, — Но в целом, думаю, если мы с Вами вернёмся на базу, и там его не будет, то придётся рассказывать всё мне, — он провёл пальцами по белому пыльному чехлу.

— Когда вернёмся, — поправил его Иван.

— Надеюсь, что когда, но тут всякое может случиться, — Романов повернулся к

нему, — С нами пойдёт ещё сам Виктор Шваниц, но это я, думаю, он Вам сообщил. А кроме того двое нервных французов, работали с европейскими волшебниками?

— Ага, — мрачно кивнул капитан, — Заработал высылку из Великобритании и статус персоны нон-грата.

— На шпили смотрели что ли? — саркастично спросил его собеседник.

— Почти, — усмехнулся юноша, — Просто англичане посчитали, что применение Круциатуса и Авады[1] к военным преступникам, скрывающимся на их территории, это нарушение международного законодательства.

— О, слышал эту историю, даже читал речь ныне покойной Министра Магии.

— Про прихвостней тёмного лорда с востока-то? Я тоже оценил.

— Ну, эти французы, как мне говорил Виктор, вроде бы ребята попроще. Девушка так вообще сама Круциатус применяла на территории Германии.

— Наслышан об этой девушке, — усмехнулся Лисицын.

— Ну, она красивая, — ехидно улыбнулся ему в ответ Романов.

Капитан ФСБ хотел было что-то ответить, но в камине вспыхнул летучий порох, и в комнату ступили поочерёдно трое: Виктор Шваниц в летнем плаще, Кристина Фавр де Поль в своём дорожном костюме и Энцо Ламбер в кожаной куртке, таких же штанах и шляпе.

— Доброго вечера, господа, — обратился к русским Шваниц, — Кристина, Энцо, с Михаилом Романовым вы уже должны были пересекаться в Шаритё, это глава аналитического отдела WarConsulting, — он показал на того.

Романов чуть склонил голову.

— А это Иван Лисицын, представитель спецслужб России, — немец показал на того рукой, — Прибыл содействовать в поисках детей Мирбахов, числится военным преступником на территории Магической Британии.

Лисицын ухмыльнулся и приветственно кивнул. Фавр де Поль удивлённо подняла бровь и поправила перевязь, на которой по-прежнему покоилась её левая рука. Ламбер перевёл взгляд с русского на француженку и обратно.

— А это, — Шваниц показал на французов, — Кристина Фавр де Поль, глава Французской Директории, и Энцо Ламбер, глава Департамента Регулирования Магических Популяций Франции и Контроля за Ними.

— Интересная у нас компания, — улыбнулся Иван, глядя на крайне удивлённых французов, — Мадмуазель Кристина, надеюсь, в курсе того, кто я? Насколько мне известно, Вы главный мракоборец своей страны?

— В курсе, — француженка медленно кивнула и глубоко вздохнула. Она сейчас стояла и смотрела на приветливо улыбающегося ей волшебника, который несколько лет назад запытал и убил в Хогсмиде[2] преподавателя Хогвартса и ещё одного волшебника. При попытке задержания тяжело ранил троих мракоборцев. Его так и не смогли схватить, но с помощью дипломатических игр на самом верху, разрешили выехать, чем он и воспользовался.

— Если Вы думаете, что я здесь, чтобы найти детей, увезти в холодную Москву, а там убить и съесть, то всё так, — он снова улыбнулся, глядя в глаза француженке, — Ведь все русские так всегда делают.

— Понимаете, Кристина, в нашей стране Круциатус и Авада Кедавра не являются чем-то запретным, — саркастически заметил Михаил, — Всё зависит от их применения. Сделал больно простому человеку? Тебя осудят по закону. Круциатил преступника и заговорщика?

Сложная и уважаемая у тебя работа, друг! Насколько я понимаю, Вы тоже чем-то подобным занимались в Берлине некоторое время назад?

Кристина прожгла взглядом русского и вскинула голову. Одна прядь непослушно упала на лоб, так что пришлось её оттуда сдвигать.

— Мадмуазель, Вы можете высказать претензию нашему общему знакомому, — Лисицын кивнул на Шваница, — Но на горе Броккен, у Михаил до сих пор находится коллега, которого оттуда надо забрать, а мне хотелось бы поговорить с самой Брунгильдой.

— Виктор, я... — Фавр де Поль не нашлась что ответить, настолько её переполняли эмоции, что она просто закрыла рот и махнула рукой.

— Так, на этом, как я понимаю, ритуальные танцы закончены? — Виктор насмешливо окинул взглядом собравшихся, — Пойдёмте.

Пятеро волшебников неспеша вышли из заброшенного деревянного дома на улицу, в ночной летний лес.

**

(18 августа)

— А зачем они это сделали? — Рудольф внимательно смотрел на Брунгильду, которая сидела напротив него и неспешно пила чай.

За окном тихо шелестела дальними деревьями ночь. На кухне было очень светло, хоть и неясно было, откуда доносится этот свет. Под потолком по-прежнему висели пучки с травами.

— Власть и деньги, — Брунгильда пожала плечами, — Всё в этом мире делается из-за них, был только один Тёмный Лорд, который делал всё из страха смерти, но мне его до сих пор жалко.

— Почему? — юноша перевёл взгляд на Марту, сидевшую рядом со своей бабушкой и внимательно слушающую разговор.

— Когда ты всю жизнь живёшь под страхом, то тот волей-неволей берёт вверх над тобой. И ты начинаешь делать всё, что он тебе говорит. Нет несчастнее того, кто утратил свою волю, — она с шумом отхлебнула чай и внимательно посмотрела на Рудольфа, — Волнуешься за своих?

— Да, — коротко кивнул тот.

— Ну, я ж говорю, придёт твой Михаил, всё расскажет, заберёт с собой.

— А за кого ты больше волнуешься? — хитро глядя на юношу, произнесла Марта.

— А можно я не буду отвечать на этот вопрос? — он фыркнул, откинулся на стуле и скрестил руки на груди, — Особенно маленькой девочке.

— Ну, ответь тогда старой бабушке, — Брунгильда также, как Марта, хитро прищурилась, — О чём ты больше всего волнуешься?

— Что сию тут, как в сказке, а там какие-то турки взрывают мою работу! — всплеснул руками Рудольф.

— Ну, просто так я тебя не могла отпустить, ты уже заработал сотрясение от гиппогрифа, — на эту фразу женщины захихикала девочка, — Но тут всё же лучше, чем в Берлине, там много чего плохого произошло за последние два дня.

— Мне достаточно того, что наш офис взорвали, а что если Ганс пострадал? И вот я тут сию на стуле, а он лежит на больничной койке, и мы не можем увидеться? — в голосе юноши звучали неприкрытое волнение и обида, — А может и не только Ганс пострадал, — пробормотал он и встал из-за стола.

Книззл у противоположной стены поднял на него голову.

— Сегодня тут будет много гостей, — добро улыбнувшись, сказала Брунгильда, — Михаил твой заберёт тебя и всё расскажет.

— Бабушка, — произнесла Марта, глядя, как юноша подходит к широкому окну и упирается лбом в стекло, — А фройляйн Фавр де Поль тоже же придёт?

— Так сказал мне Виктор, — кивнула её бабушка, — Вроде бы она хочет тебя к дяде Валерию забрать.

— Ты думаешь, ей можно верить?

— Ну, ты раньше верила ей, — улыбнулась Брунгильда и чмокнула в макушку внучку, — Но сейчас она придёт и посмотрим.

Девочка кивнула и повернулась к Рудольфу, который отошёл от окна и вернулся к столу.

— Возьми свой чай и иди на улицу, — добродушно произнесла женщина, — Я же вижу, что ты маешься. Первым встретишь гостей.

— Да нет, просто может и правда тут лучше для меня, — он взял в руки кружку с травяным чаем и сделал глоток.

— А почему ты не волнуешься о своём молодом человеке? — произнесла с любопытством Брунгильда.

— Его не было в офисе, чего волноваться? — Рудольф пожал плечами.

— Расскажешь ему, что здесь видел и слышал?

Юноша отрицательно покачал головой:

— А зачем? Ему и не интересно будет. Ладно, пойду на улицу, — он улыбнулся и направился по коридору к выходу из дома.

— Бабушка, а всё точно будет хорошо? — внезапно произнесла, задумавшись Марта.

Брунгильда не успела ответить, как из прихожей донёлся вопль боли и ужаса.

***

(18 августа)

Пятеро волшебников шли по узкой лесной тропе, которая спускалась вниз по склону. Лунный свет заливал дорогу, так что никто даже не подумал достать фонари, видно было всё почти, как днём.

Виктор Шваниц шёл уверенно и достаточно бодро, видимо, он неоднократно уже пользовался этой дорогой. За ним шли Кристина и Энцо, успевая лишь озираться по сторонам, на темнеющий у тропы лес и на небольшой городок, раскинувшийся внизу под горой.

Позади, чуть отстав, шли русские: Михаил и Иван. Они не сильно смотрели по сторонам, погружённые в свои мысли, видимо поэтому они и шли медленней остальных.

— Виктор, а делегат от Берлина, она, получается, тоже была мракоборцем? — в один из моментов спросил Ламбер Шваница, тот притормозил и обернулся на высокого француза.

— Нет, — он покачал головой, смотря снизу вверх на собеседника.

— Просто Вы говорили про то, что она погибла на задании... — Энцо отвёл взгляд.

— Нет, она когда-то служила в Штази, и это задание было исполнено, скажем так, по старой дружбе, — Виктор развернулся и снова зашагал, но на этот раз медленней, — Тем более, что эту миссию никто другой не смог бы исполнить, — бросил он через плечо.

— У неё были какие-то выдающиеся способности? — спросила Кристина, идя позади Энцо.

— У неё было влияние на главу турок, — мрачно произнёс Шваниц.

Тропа ушла пошла правее, впереди показались ели.

— Старая любовная история? — спросил Лисицын, Кристина обернулась на него и удостоила презрительным взглядом.

— Люблю проницательных людей, — проворчал мракоборец, — Да, Иван Тимофеевич, когда этот турок по имени Хаким только приехал в Германию, а Эмма не была делегатом в Бундестаге от Берлина, у них был короткий, но бурный роман. Не могу их осуждать за это.

— Потому Вы, Виктор, и решили, что она лучшая кандидатура?

— Иван Тимофеевич, Вы же понимаете, что не стоит продолжать этот разговор? — Виктор не поворачивался, но в его голосе звучала неприкрытая угроза.

— Виктор, Вы же понимаете, что продолжение этого разговора ни к чему серьёзному привести не может? — простодушно ответил капитан ФСБ.

Они подошли к разлапистым ёлкам, на дороге под которыми уже было ощутимо темнее. Шваниц притормозил, обернулся на шедших за ним волшебников и задумчиво обвёл их взглядом:

— Я бы напомнил вам всем о нормах поведения на горе Броккен, но не буду, все же взрослые люди, — он ехидно улыбнулся, остановив взгляд на Иване.

— А случится международный скандал, если кто-то не вернётся отсюда? — совершенно спокойно спросил Ламбер.

— Нет, — усмехнулся Виктор, — Мне кажется, про некоторых мне даже спасибо скажут.

— Вам просто не нравятся русские, — картинно фыркнул Лисицын.

— А за что вас любить? — проворчала Кристина, не оборачиваясь к нему.

— Ну, сударыня, если бы не мы, Вы бы так и не стали главой Франции, например, — Иван не улыбался, но его насмешливый тон спровоцировал Кристину. Француженка сделала шаг в сторону русского и наотмашь ударила того тыльной стороной ладони по лицу.

— Ай! — тот отшатнулся и прикрыл рукой разбитую губу, — Ну, что так серьёзно-то?

— В следующий раз это будет палочка, — Фавр де Поль угрожающе смотрела на него.

— Мне кажется, что товарища Лисицына из Британии выслали за плохие шутки, а не вот за то, про что там писали в прессе, — саркастично произнёс Романов.

— Миша, я бы его с радостью прикопал бы где-то в ближайшем ельнике, да не могу, статус не позволяет, — Шваниц смотрел на всё происходящее, скрестив руки на груди.

— Нормальные шутки, что, плакать что ли? — капитан перевёл взгляд с Михаила на Виктора, потом взглянул на Кристину, которая всё также стояла и насупившись смотрела на него, — Сударыня, я не хотел задеть Ваших чувств, но всё же чудесное совпадение нельзя не отметить.

— А этот шут гороховый нам точно нужен? — выпалила она, вытаскивая палочку.

— К сожалению, нужен, — устало произнёс Романов, оперевшись на свою трость.

— Кристина, прошу всё же положить палочку, — также устало сказал мракоборец, — Этот, как ты выразилась, шут гороховый, слишком статусная персона, чтобы просто вот так убивать его посреди леса.

— Спасибо за милосердие, — снова картинно обиделся Лисицын, — Мы пойдём?

— Про великодушие забыл сказать, — проворчал немец и повёл волшебников дальше по тропинке.

Было темно, луна только изредка светила в прорехи между деревьями, но по совету провожатого фонари не зажигали. Здесь, на этой горе, у магов в целом не было принято

ходить по ночам со светом, в том числе из-за слухов о страшном монстре, который бродит в этих лесах именно что с фонарём. Никто его не встречал уже давно, но слухам это не мешало, как и сложившейся традиции — света не зажигали.

— Мне интересно, — ухмыльнулся Михаил, поравнявшись с Иваном, — Ты специально решил достать французов? Тебе же с ними ещё работать.

— Мне скучно, бес, — беспечно улыбнулся его собеседник, — А что до них, ничего они мне не сделают. А вот тот, кто идёт от самого домика за нами, может и сделает.

— Тоже учуял, да?

— Причём на грани чувств идёт, скотина, вообще непонятно, кто это, но факт, что не отстаёт.

— Может, паранойя?

— У обоих? — Иван хитро посмотрел на Михаила, — Заразная, значит, штука.

Романов кивнул и пошёл на шаг позади фсбшника.

Дорога вывернула вправо и примерно в полусотне шагов показались большие деревянные ворота. Виктор зашагал бодрее, за ним ускорили шаг и остальные. В паре шагов от цели слева от ворот на краю леса рос раскидистый куст, Иван с возгласом “О, облепиха!” шагнул к этому кусту и стал собирать ягоды:

— Не думал, что в августе уже созреет!

— Это магия, товарищ капитан, — усмехнулся Романов и догнал остальных, которые стояли у самых ворот и с удивлением наблюдали, как Лисицын всё глубже забирался в заросли в поисках ягод.

— Мы будем ждать этого придурка? — с презрением выпалила Кристина, наблюдая, как русский волшебник совсем скрылся из вида в облепихе.

— А он без нас не зайдёт? — простодушно спросил Михаил.

— Вряд ли, но в целом его проблемы, — ответил Шваниц, — Тоже мне, специалист по вопросам сбора урожая.

Мракоборец развернулся, шагнул к воротам и постучал железной колотушкой, которая там же и висела.

Забор был высотой метра в два с половиной и состоял из широких деревянных досок, ворота — четыре метра высотой, и потому понять, что происходит за ними, было совершенно невозможно, также невозможно было понять, услышали их или нет.

Шваниц постучал повторно.

— А нас точно ждут? — спросила Кристина.

— Да, я предупреждал, — кивнул Виктор и задумчиво посмотрел на колотушку в форме вороньей головы.

— А просто пройти внутрь нельзя? — спросил Энцо.

— Всё можно, — мракоборец отошёл на несколько шагов от ворот и внимательно посмотрел на них, — Только что-то только один раз, — он повернулся к Романову, — Миша, а ты не можешь, случайно, пересечь охраняемую границу?

— В одну сторону запросто, — усмехнулся тот.

— Ну, может, просто не слышат? — француженка подошла к колотушке и забарабанила ею по воротам. Ответа по-прежнему не было, словно никому издаваемый шум не мешал.

В задумчивости они так простояли с минуту, пока наконец с противоположной стороны забора не донеслось мягкое шуршание, затем скрип и вот уже дверца в одной из створок чуть-чуть приоткрылась. Волшебники удивлённо посмотрели на это явление, но дверца

замерла, с другой стороны ворот послышалась возня, однако больше ничего не произошло.

Виктор нахмурился и толкнул дверцу вовнутрь, делая шаг в неё. Затем шагнул Энцо, Кристина и Михаил. Волшебники заметили пушистую рыжую лису, которая внимательно наблюдала за ними из тени у одного из столбов забора. Когда все вошли, зверёк посмотрел на открытую дверцу, потом развернулся к дому и неспеша направился туда.

— Это что, ручной зверёк Брунгильды? — неуверенно произнесла Кристина, провожая взглядом лису.

— Не похоже, — помотал головой Шваниц и задумчиво посмотрел на дом.

Большой двухэтажный дом был тёмным, света не было нигде, над крыльцом висел фонарь, который однако давал достаточно света. Француженка огляделась и вытащила палочку, Ламбер посмотрел на неё и медленно кивнул, перехватил свою трость за середину и направился к крыльцу, до которого уже почти дошла лиса.

— Я догоню, — Михаил махнул рукой и вставил свою трость в петлю, которая висела у него на ремне.

Фавр де Поль пожала плечами и направилась за Энцо, Шваниц только взглянул на русского, но ничего не сказал.

Трое волшебников медленно шли к крыльцу. Вокруг стрекотали кузнечики и пели цикады, ночь давно уже накрыла склоны горы Броккен, но что-то было не так во всей в этой тишине.

Перед крыльцом лежало растерзанное тело, возле которого остановилась лиса, потягивая носом воздух. Потом с любопытством повернула голову к дому и прыгнула в сторону крыльца.

— Это домовик... — по голосу француженки непонятно было, спрашивает она или утверждает.

Виктор безмолвно достал палочку, на рукояти которой пламенело алое знамя, и хмуро посмотрел сначала на тело домового эльфа, а потом на лису и дом:

— Силы Броккенской Ведьмы питает сама германская земля, — он обернулся назад, но возле ворот никого уже не было, — Идёмте в дом, случилось что-то очень плохое.

Он обошёл тело домовика, которое лежало на спине, изрезанное и покрытое страшными ранами, трава под ним стала тёмной от крови — видно было, что он принял последний бой в попытке сдержать незваных гостей, вторгшихся в дом, но не справился.

Доски крыльца закрипели под шагами волшебников, взошедших на него. Ламбер тростью аккуратно отворил незапертую входную дверь и посмотрел в тёмную прихожую. От неё уходил коридор дальше в дом, и видно было, что в его конце горит яркий свет.

Энцо аккуратно прошёл в коридор, Кристина последовала за ним, а Виктор остановился на крыльце, обернувшись на двор. Во дворе было тихо, и не было совершенно никого, волшебники остались втроём. Мракоборец поджал губы и направился в дом вслед за французами.

В прихожей были следы даже не драки, просто какой-то кавардак, словно кто-то пытался спастись, потому свалил всё, что там стояло, на пол: цветочные горшки, одежду, обувь, занавески. А ещё в доме странно пахло — к травяному пряному аромату добавлялся ещё какой-то ещё запах, не резкий и вонючий, но его здесь быть не должно было.

Волшебники втроём прошли до конца коридора и вошли в большую комнату. Здесь уже запах был более ощутимым, сладковатый и более резкий, он перебивал аромат трав, которыми обычно пахло в этом месте, Шваниц это отчётливо понимал.

И вот они увидели в комнате, посередине которой располагался камин, что напротив того стоит стол, накрытый белой скатертью. На столе лежит перевернутая кружка, из которой, видимо, чай растёкся по скатерти и пропитал её. На одном из стульев сидит пожилая женщина, сидела положив руки на стол и уткнув в них свою голову.

Виктор выругался и подскочил к ней. Поднял голову, ощупал шею, послушал:

— Она спит, они смогли её усыпить...

— Думаю, эта вонь и была причиной, — поморщился Ламбер.

— Кто мог усыпить Броккенскую Ведьму? — удивлённо пробормотала Кристина.

— Тот, кто прошёл сквозь её забор, — Энцо внимательно изучал комнату. Ощущение опасности не покидало француза, он крепко сжимал свою трость за середину, готовясь ринуться в бой тут же, как появится что-то, что представляет угрозу.

Виктор всё пытался разбудить Брунгильду, но без результата — та продолжала спать. Ламбер прошёл за его спину, к большому котлу, что стоял в дальнем конце комнаты. Половицы отзывались скрипом на каждый шаг волшебника.

— Надо искать Марту, — произнесла Кристина и развернулась, чтобы уходить с комнаты, как буквально из ниоткуда у потолка соткались человеческие силуэты. Соткались и прыгнули: один — на Шваница, второй — на неё. Тот, что прыгнул на Виктора, в полёте успел ударить его кривым широким мечом, что мракоборец только и смог заслониться рукой — он закричал, кровь брызнула из глубокой раны на предплечье. И его противник тут же перехватил клинок для следующего удара.

Кристину же нападавший просто сшиб с ног, опрокинув навзничь, и встав над ней, занеся свой меч. Палочка французенки выскочила из ладони и откатилась куда-то под стол. Над ней стоял мужчина, с головы до ног закутанный в какие-то чёрные ткани.

Энцо мигом развернулся, переломил свою трость — в его могучих руках оказалось две волшебные палочки, и он встал в стойку. Стоявший над Шваницем человек успел рубануть наотмашь мечом, попав по лицу и шее мракоборца. Раздался крик боли, брызнула кровь. Француз сплёл длинное движение и атаковал нападавшего:

— Риктусемпра! — заряд молнии полетел от его палочек и вошёл в тело человека в чёрных одеждах. Тот и Шваниц выгнулись от разряда, пальцы мужчины прикипели к рукоять меча, и вот уже нападавший бессильно осел там же, где стоял.

— Авада Кедавра! — Фавр де Поль услышала голос Лисицына, полыхнула зеленая вспышка, и тот, кто уже было занёс над ней меч, повалился набок, разжав руки. Клинок со звоном упал на доски рядом с бездыханным телом.

Иван подал руку Кристине, та ошарашенно вложила свою ладонь в его и поднялась.

— Здесь турки, — произнёс русский совершенно серьёзно, от его былой дурашливости не осталось и следа, — Энцо, вытащите Виктора, мы найдём девочку, Ацио[3]! — палочка Кристины, что лежала под столом, влетела в руку Ивана, и он подал её рукоятью вперёд французенке.

Та по-прежнему смотрела на него крайне удивлённо и в целом плохо понимала происходящее. А он вытащил вторую волшебную палочку и стремительно вышел в коридор. Фавр де Поль кивнула Ламберу и последовала за ним.

Они поднялись на второй этаж и очень быстро отыскали комнату, где явно недавно жила маленькая девочка, но её самой там уже не было.

— Уходим, — произнёс Иван и направился вниз.

— Стойте, — схватила его за рукав Кристина, тот удивлённо посмотрел ей в глаза,

оказавшись лицом вровень с ней, француженка смутилась и разжала руку, — Простите, я не хотела.

— Турки прошли сюда, обойдя защиту, они не сломали её, а обошли, — начал пояснять русский, — У меня есть вариант, как они это сделали, надеюсь, мы с этим вариантом не встретимся, так что надо уходить, как можно быстрее.

— Но Марта... — попыталась возразить француженка,

— Её забрали, — совершенно по-деловому произнёс собеседник Кристины, та кивнула.

Они вместе спустились вниз, где их уже ждали Ламбер и Шваниц. Энцо сумел стабилизировать мракоборца, но тому в любом случае срочно требовалась врачебная помощь.

— А эту ведьму мы бросим здесь? — француз кивнул в сторону кухни.

— Она в лучшем состоянии, чем Виктор, — капитан ФСБ направился по коридору на улицу, французы, таща немца за собой, последовали за ним.

Выйдя на крыльцо они увидели у тела мёртвого домовика огромную, но вполне человеческих пропорций фигуру. У неё была пятнистая шерсть, полтора человеческих роста, длинные руки, пальцы на которых заканчивались серповидными когтями. Монстр улыбался во все свои заострённые зубы, улыбался радостно, словно завидел ужин.

— Через камин! — скомандовал Иван и встал в боевую стойку с двумя палочками.

Фигура вдохнула воздух и изготовилась к прыжку, но тотчас закрутилась и начала кричать — у неё на загривке повисла огромная пятнистая кошка. Зверь впился клыками и когтями в добычу и не думал её выпускать. Та же вертелась, пытаясь лапами достать противника и сбросить с себя, но всё никак не могла дотянуться. Французы ошарашенно взирали на всё это, не двигаясь с места, русский также не начинал сплетать заклинания.

Наконец мускулистая лапа дотянулась до кошки, та разжала хватку и отлетела с противника, кубарем покотившись по мокрой от росы траве.

— Торменцио[4]! — Иван Лисицын сплёл заклинание с помощью двух волшебных палочек, его ужасный противник дёрнулся и упал на колени, неистово вопя и хватаясь за живот. Отвратительный запах разложения донёсся до волшебников.

— В камин, тащите Шваница через камин, — русский рывкнул на французов так сильно, что те не стали спорить и быстро направились обратно по коридору в комнату, где был камин.

Сам же он замер на крыльце, наблюдая, как пушистый снежный барс поднимается с земли, отряхивается, недовольно фыркает и взбирается на крыльцо.

— А у вас тут весело. Я даже не ожидал, — саркастически сказал Лисицын барсу, тот возмущённо фыркнул и направился в дом. Фсбшник же оглядел опустевший двор, сплюнул и последовал следом.

****

(18 августа)

Брунгильда сидела за столом в комнате, где совсем недавно ужинала с Мартой и Рудольфом. Скатерть за столом была уже не белой — на ней темнело огромное пятно. Пол был забрызган кровью, а окна раскрыты настежь, наполняя комнату тёплым ночным воздухом.

За столом, напротив Брунгильды сидела Кристина Фавр де Поль и внимательно смотрела на неё. Лицо Броккенской Ведьмы было бледным, она постоянно перебирала пальцами, то и дело смотря то на Кристину, то на Энцо Ламбера, который стоял,

прислонившись спиной к камину и, скрестив руки на груди, мрачно смотрел куда-то в пол.

— Они обошли мою защиту, — произнесла Брунгильда, — Я слишком долго надеялась на неё. Думала, что Марта здесь в безопасности.

— Они прошли через Мир Духов, их провели, — произнёс Иван Лисицын, который сидел позади ведьмы на подоконнике.

— Я даже не думала, что такое возможно, — та покачала головой, — Никто так раньше не делал.

— Брунгильда, как именно всё произошло? — Кристина, стараясь скрыть собственное волнение в голосе, положила руку на ладонь женщины.

— Я не слышала их, совершенно не поняла, когда они пришли, — сокрушённо покачала головой та и взглянула в глаза француженки, — С крыльца закричал Рудольф, потом я почувствовала запах, этот запах теперь ни с чем не спутаю, это похоже было на какие-то благовония.

— Мы слышали его, когда пришли, — Энцо поднял тяжёлый взгляд на Брунгильду.

— А я сначала не поняла, но как учуяла, сразу темнеть стало всё перед глазами. Моё тело перестало меня слушаться, как когда очень сильно устанешь и в сон буквально проваливаешься, — ведьма посмотрела на француза, — Я попыталась встать, но ничего не вышло. Веки буквально слипались, я перестала что-то понимать.

— Вы что-то успели увидеть до того, как провалились в сон? — спросил Лисицын.

— Я не знаю, что они сделали с Рудольфом, — она покачала головой, — Я не видела, но последнее, что помню, это был белый человек. Высокий, тощий, в белых одеждах и с длинной белой бородой. Он шёл по коридору.

— А изо рта и ноздрей у него исходил огонь? — спросил русский.

— Вроде того, — Брунгильда кивнула, — Но потом я совсем ничего не помню.

— Иван, Вы говорили, что предполагаете, как турки обошли защиту? — Кристина посмотрела на сидящего на окне волшебника, — И сказали, что не хотите встречаться с этим.

— Судя по описанию это был марид, — тот посмотрел на тёмную улицу, потом повернулся к Кристине, — Эти существа коварны и безжалостны, а ещё способны творить могущественное волшебство. Я предполагаю, что у турок такой дух находится в услужении. Ими чаще всего управляют при помощи какого-либо предмета. Вот я и думаю, что именно марид протащил их всех через Мир Духов, чтобы обойти защиту Брунгильды. Ну, а после своими чарами усыпил уже её саму.

— Зачем им вообще Марта? — Фавр де Поль устало потёрла глаза, — И я отчего-то думала, что Виктор договорился с этим Хакимом.

— Насколько я знаю, послание Хакиму содержало просьбу ничего не предпринимать в отместку за то, что натворили нацисты, — произнёс задумчиво Лисицын, — Кто ж знал, что у турок были планы на Марту?

— Я должна была догадаться, — сокрушённо покачала головой Брунгильда, — Когда Виктор сообщил, что мальчиков забрало Аненербе, над было осознавать, что за Мартой тоже придут.

— Но за ней пришли не нацисты, — возразил Ламбер.

— А им не нужна она, — русский устало потёр глаза, — А вот турки решили, что раз до мальчиков не добраться, то сгодится и девочка.

— Почему она? — воскликнула Кристина.

— В ней течёт кровь древнего рода, — сухо произнесла ведьма, — Турки хотят получить власть над немецкой землёй, а подобная кровь может им в этом помочь.

— А ещё она очень удобной мишенью была, — Иван посмотрел на Кристину, лицо которой после его слов потемнело, — Всё-таки остальных детей столь древних родов охраняют куда тщательней. Хотя, возможно, здесь и правда она просто подвернулась под руку.

Кристина фыркнула, скрестила руки на груди и откинулась на стуле.

— Но думаю, они готовили всё это нападение заранее, — Лисицын внимательно наблюдал за Фавр де Поль, пытаясь всё же подбирать слова, — Кроме того, они знали, что мы придём, и ждали нас. Те двое, что прятались в этой комнате, их специально оставили в засаде.

— Они могли, усыпив Брунгильду, покопаться в её сознании, — фыркнула Кристина.

— От домика, в котором мы собрались, за нами шёл кто-то, я предполагаю, что это была та тварь, которая растеклась гниющей кучей у крыльца. Даже если бы они покопались в голове Брунгильды и нашли там знание о нас, они бы не успели так всё организовать.

— Если бы кто-то шёл за нами, они бы не смогли пройти внутрь двора, защита стоит до сих пор, — француженка прожгла взглядом русского.

— Давайте вспомним, что вы не закрыли за собой дверь, — тот покачал головой.

Девушка глубоко вздохнула и прикрыла глаза:

— Допустим.

— А вы сами-то как прошли внутрь? — Брунгильда повернулась на стуле к русскому.

— Как я понимаю, если открыть дверь изнутри, заходить можно безопасно? — тот улыбнулся.

— А кто вам открыл дверь? — ведьма удивлённо подняла бровь.

— Не только мариды могут пройти через Мир Духов, — загадочно улыбнулся Иван.

— Так, хватит! — француженка резко поднялась, — Мне уже надоело слушать это надменное отношение, приехал герой-спаситель с Авадой в руках! Ты убийца!

Русский не изменился в лице, всё также продолжая улыбаться.

— Кристина, он тебе жизнь спас, — заметил Ламбер, озадаченно глядя на главу Директории.

— Он убийца и тёмный маг, — девушка резко обернулась к французу, — Он явно приехал забрать и Марту, и Гельмута и Матиаса к себе, как они забрали Натали де Алонсо!

— Ну, забрали и забрали, — пожал плечами Энцо, — Мне кажется, сейчас не время нам ссориться, у нас вообще-то турки похитили девочку, — он посмотрел на Ивана, — И как я понимаю, собираются её использовать в каком-то ритуале?

— Не знаю, — тот отвёл глаза и отрицательно покачал головой, — Это моё предположение. Они могли её и для Аненербе выкрасть, — он спрыгнул с окна и неспеша прошёл к столу, — Брунгильда, я думаю, моё пребывание здесь больше не имеет смысла, но я думаю, Вас надо держать в курсе о моих поисках Ваших внуков?

— Это будет хорошо, — та кивнула, — Но я бы всё-таки попросила Вас оказать содействие фройляйн Фавр де Поль, она действует в интересах семьи Мирбахов.

Иван перевёл взгляд с Брунгильды на Кристину, у той от ярости дрожал подбородок.

— Предлагаю об этом поговорить с утра, — он устало потёр глаза, потом снова посмотрел на ведьму, — А Вы же можете понять, где находится Марта? У Вас же и её личные вещи остались, и родная кровь должна сыграть свою роль.

— Я пришлю Вам утром сову, — та, чуть подумав, кивнула.

— А есть вообще что-то, чего ты не знаешь? — презрительно бросила Кристина Ивану.

— Почему Вы не поблагодарили меня за спасение, — ехидно улыбнулся тот.

— Ты ещё издеваться будешь? — женский голос перешёл в шипение, она выхватила волшебную палочку.

— Кристина, успокойся, — Ламбер поднял руку и шагнул между ними, — Давай мы тоже отправимся домой и отдохнём.

Девушка прожгла взглядом, полным гнева, своего провожатого, пальцы, сжимающие её палочку, побелели.

— Брунгильда, жду сову, — Лисицын поклонился ведьме, сделал плавный шаг в сторону и, словно размазавшись в пространстве, пропал.

Кристина закричала и влепила пощёчину Ламберу.

1 — Авада Кедавра — убивающее заклятие. После применения живое существо мгновенно, без мучений умирает.

2 — Хогсмид — маленькая деревушка, расположенная недалеко от Хогвартса, единственный населённый пункт в Великобритании, где совершенно нет маглов.

3 — Ацио — чара, заставляющая предмет подлететь к волшебнику

4 — Торменцио — заклинание, заставляющее объект буквально гнить заживо.

Глава III. Караван

*

(18 августа)

Чёрный наглухо тонированный “Рендж Ровер” на шести колёсах стоял на обочине просёлочной дороги. Внутри него никого не было, все вооружённые люди в камуфляже без опознавательных знаков расположились снаружи. Двое в десятке метров позади машины в тени кустарника, двое — на противоположной стороне, а ещё трое рядом с машиной чуть выше по пригорку. Из них двое с приборами ночного видения следили за лесом, а третий уткнулся в экран планшета.

— Видно чего? — произнёс один из автоматчиков.

— Да ни хрена, — отозвался боец с планшетом, — Кабаны только какие-то да дятлы.

— Дятлы, это мы, — сплюнул второй автоматчик, — Торчим здесь, как расстреле.

— Тише ты, — шикнул на него первый, — Спокойно же доехали сюда.

— Салтыков обещал встречу, — солдат хмуро смотрел в планшет, на котором отображался тёмный лес через тепловизор квадрокоптера, — Если спокойно проехали, значит дискотека будет на обратном пути. Первый раз что ли? — он усмехнулся и посмотрел в сторону, где взлетела с дерева какая-то птица.

— Нет там никого, — первый автоматчик повернул туда же голову и пригляделся.

Зашипела рация на груди у бойца с планшетом:

— Доктор Хеопсу, Доктор Хеопсу, как слышно?

— Доктор на связи, — отозвался тот.

— Нашёл чего?

— Стадо кабанов и ещё парочку животных, а так чисто всё.

— Это ты так про своих ласково?

— Надеюсь, Салтыков ошибся.

— Вернёмся, сам ему расскажешь, конец связи.

Рация отключилась, оставив бойцов в тишине спящего августовского леса.

Доктор покачал головой, приблизил изображение на планшете и повернул коптер в обратный путь. Потом, не отрываясь от планшета, аккуратно вышел на дорогу, автоматчики остались у кустов следить за лесом.

Через несколько минут боец поймал снижающийся квадракоптер и включил рацию:

— Саймон Доктору, — он услышал шипение и отголосок своего голоса из леса с противоположной стороны дороги, но ответа не было, — Саймон Доктору.

Боец нахмурился, переложил коптер в левую руку и снова нажал на рацию:

— Акелла Доктору.

— Акелла здесь, — раздался голос в рации.

— Поднимай жопу с Хунтой и дуйте на позицию Саймона. Посмотрите, что там.

— Принял.

— Конец связи.

Доктор снял с плеча автомат, взял его в руку и прошёлся до “Рендж Ровера”. Мимо тихо проследовали Акелла и Хунта и очень быстро скрылись в тени леса. Боец ВС же открыл багажник, сложил туда квадракоптер и закрыл его:

— Мэт, Крот, сюда двигайте, — до автоматчиков, с которыми они недавно стояли в

лесу, он решил дозваться голосом.

Из кустов раздалось шуршание, и на дорогу вышли автоматчики, сдвинув на лоб приборы ночного видения.

— Может, у Саймона рация накрылась? — предположил первый автоматчик. На это Доктор только отрицательно покачал головой.

— Доктор Акелле! — заговорила рация на его груди.

— Доктор на связи, — отозвался боец.

— Тут два двухсотых, — голос в рации был немного взволнован.

— Твою мать, — сплюнул Доктор, — Что с ними?

— Глотки порезаны.

— Уходите оттуда.

— Понял, конец связи.

Доктор кивнул сам себе, поглядел в сторону леса и снова нажал на рацию:

— Хеопс Доктору, Хеопс Доктору, как слышно?

— Хеопс на связи, — отозвалась рация.

— У меня двое двухсотых, Саймон и Тигр.

— Как так?

— Акелла говорит, что порезали, кто не знает, отходит сейчас с позиции.

Тем временем озираясь и поводя стволами автоматов, из леса вышли бойцы, обнаружившие убитых, и скорым шагом направились к машине.

— Ваша точка? — в рации раздался голос командира

— Так точно.

— Залягте у позиции Саймона, чую, гости оттуда пойдут.

— Принял.

— Конец связи.

Доктор отпустил рацию и огляделся:

— Так, Мэт, в тачку, — он кивнул на “Рэндж Ровер” автоматчику, — Остальные за мной, Акелла показывай.

— Следов нет, — Акелла опустил своё оружие, подойдя к остальным, — Там всё лопухами заросло, хрен чего отыщешь.

— Колонна выходит, а к нам упыри пожаловали, — Доктор перехватил автомат поудобнее и кивнул в сторону леса, — Ждём гостей оттуда.

— Так точно! — ответили бойцы и двинулись вслед за командиром в сторону леса.

Мэт сел на водительское сиденье внедорожника и запер замок, остальные крадучись перешли дорогу и зашли под полог леса.

— Трава примята, они здесь были, — произнёс Хунта, когда они подошли к позиции, где обнаружили Саймона и Тигра.

— А потом что, воскресли? — невесело пошутил Крот.

— Может, унесли их? — предположил Акелла и активировал рацию, — Саймон Акелле, Саймон Акелле! Как слышишь меня, приём?

Из кустов на небольшом пригорке шагах в пятнадцати раздалось шипение и его голос. Потом кусты расступились и показалась тёмная фигура. Наёмники почти мгновенно присели на колени и взяли на мушку фигуру. Та переминалась с ноги на ногу, после пошатнулась и шагнула в сторону.

— Похож на Саймона, — произнёс Крот, смотря через прибор ночного видения.

— Если это зомби, то, наверное, надо стрелять в голову, — несколько задумчиво произнёс Доктор, — Но только если подойдёт.

Тем временем фигура, всё так же шатаясь, сделала пару шагов в сторону дороги. А откуда она только что вышел на пригорок, показалась вторая фигура.

— А этот на Тигра, — произнёс Хунта, — Док, мы в Зомбилэнде тут что ли?

— Ага, — невесело произнёс тот, — Рассредоточится, следить за периметром. Подойдут ближе пяти шагов, стреляем.

— Принято, — раздалось со всех сторон, и бойцы начали аккуратно расходиться и залегать у деревьев.

Первая фигура, которая была похожа на Саймона, тем временем неуверенно продолжила идти к дороге. Вторая же замерла на пригорке, словно бы приглядывалась к позиции, где расположились наёмники.

Так продолжалось с минуту, в лесу были слышны лишь птицы, шелест шагов одной фигуры и редкое дыхание людей, вглядывающихся в темноту.

— Доктор Хеопсу, — ожила рация на груди у бойца, — Доктор Хеопсу.

— Доктор на связи, — ответил тот, продолжая смотреть за фигурой на пригорке, которая дёрнулась, словно на звук, и сделала шаг к ним.

— Колонна выходит, как у вас?

— Визуальный контакт двух фигур в десяти метрах от позиции Саймона.

— Принято, мы проедем, двигайте за нами.

— Принято, конец связи.

Фигура сделала ещё пару шагов к ним, точно также пошатываясь, как и первая. Тот же, кого опознали, как похожего на Саймона, резко развернулся в сторону бойцов.

— Крот, ещё два шага и стреляй, — тихим голосом скомандовал Доктор.

— Принято, — отозвался тот, бросив взгляд в сторону, но там никаких движений не было. Фигура снова сделала шаг и замерла, как и первая. Они то ли приглядывались, то ли прислушивались, но не двигались, и это здорово нервировало русских.

Потянулась долгая минута, в которую, казалось, замерло всё вокруг, даже птицы, щебетавшие до этого. Тягучая тишина накрыла лес, а затем обе фигуры рухнули на землю, словно кули с тряпьём.

**

(18 августа)

Первым в колонне шёл БТР. Шёл резво, но боец с позывным Салют понимал, что если будет держать сильно большую скорость, то автомашины на марше рискуют растянуться, а те, чьё появление обещал Свят Вениаминович, только этого и ждут.

Следом шёл “Рейндж Ровер”, в котором сидел глава бойцов Куприянова Хеопс. Внедорожник шёл на достаточном расстоянии, чтобы при экстренном торможении не влететь в зад бронемшины. За ним выстроились в ряд три КАМАЗа, после — ещё один “Рейндж Ровер” и замыкающий БТР, в котором сидел Кубань, взводный, командовавший отрядом в теплицах.

Фары были включены только в головной машине, остальные пользовались габаритными огнями. Как бы не хотели Хеопс и Кубань полностью проскочить опасный лесной участок до основной трассы, всё же идти ночью вовсе без зажжённых огней — это было ещё более опасно, особенно в условиях возможной засады.

Вот в свете фар головного БТРа мелькнул на обочине “Рендж Ровер” группы Доктора —

этих уже оповестили о подходе, они догонят после прохождения колонны. Салют нажал на газ, машина чуть прибавила ходу, внедорожник коллег остался за спиной, как слева мигнула вспышка.

Салют вильнул бронемашинной, справа уже позади БТРа где-то на обочине грохнул взрыв. В голове водителя мелькнуло две мысли: “Главное успеть!” и “Лишь бы задних не зацепило”. Слева позади дважды полыхнуло, в заднее колесо влетела граната, грохнул взрыв, бронемашину дёрнуло и наклонило. Второй взрыв раздался справа, но, к счастью, в лесу. БТР замедлил ход, и в него влетела ещё одна граната — точно в левый бок рядом с уцелевшими колёсами.

“Контакт!” — зашумела рация, — “Атака на десять часов!” — голос Хеопса прорывался сквозь помехи и звон в ушах.

Бронетранспортёр развернуло передом к лесу, покрышки запылали, сделав машину ещё лучшей мишенью, но в это время заговорили его пулемёты.

Хеопс, командир группы Куприянова, изначально считал, что идея вылезать с их основной базы — плохая. Если вернуть туркам их теплицы и спокойно уехать, то никаких проблем это не должно вызвать, но руководству, конечно же, было виднее. В первую очередь, конечно, виднее было, что именно хранилось на этих базах, что необходимо непременно доставить в расположение WarConsulting в целости. Потому прибыв на место, и ради приличия померившись длиной своего авторитета с командиром местной группы, он с этим самым командиром начал думать над задачей. Выходило всё не очень радостно. Хотя число наёмников и увеличилось с сорока до шестидесяти, и но всё же все понимали, много приданное усиление не навоюет — “Рейндж Роверы” на шести колёсах, хоть и внушали трепет в сердца иных автовладельцев и держали автоматную пулю, но если колонну решать взрывать, а её непременно решат взорвать...

Колонна на марше — лёгкая добыча, при должном навыке ей серьёзные потери нанести сможет и совсем небольшой отряд. А Салтыков предупреждал мало того, что о возможности крупного отряда у противника противника, так и о наличии у того технологий и навыков, которые он сам охарактеризовал, как противоестественное говно. И видя его выражение лица на этой фразе, Хеопс поверил в это безоговорочно. И когда Доктор, посланный со своими вперёд на разведку, сообщил о гибели двоих, у главы куприяновских бойцов не осталось сомнений, что скоро случится то самое противоестественное говно, о котором предупреждал Свят Вениаминович.

Кубань тоже был не в восторге от передвижения ночью, но при выборе: оборонять базу от возможного нападения или попасть в засаду на марше, посчитал, что шансов у них больше всё же в дороге — теплицы строились хоть и с расчётом на то, чтобы забором отвадить непрошенных гостей, но их проект не включал в себя подготовку к обороне от неизвестных сил противника. Так что единственным выходом было — выступать в путь. Если в теплицах остаться ждать рассвета, то намного раньше рассвета за наёмниками пришли бы. А там уже непонятно было бы, чья возьмёт.

Потому когда машины уже стояли у ворот Кубань с Хеопсом решили попытаться минимизировать проблемы — нападение неминуемо, так что спасибо, хотя бы знаем, где оно будет с большой долей вероятности. Доктору отправили сообщение, что колонна выходит, а сами начали пересаживать бойцов. В итоге в головном БТРе оставили только троих — водителя, стрелка и ещё одного бойца в кабине.

Из первого “Рендж Ровера” высадили всех, кроме самого Хеопса, водителя и

пулемётчика с позывным Гидеон, расположившегося в багажнике, который успел к тому моменту хмуро пошутить, что они будут играть в бронетранспортёр, только маленький.

В первом КАМАЗе также оставили только двоих в кабине, кузов оставили полностью пустым. Расчёт был на то, что стрелять будут в первую очередь по головным автомобилям. Когда придёт очередь остальных, из них уже успеют выгрузиться бойцы. Если успеют.

Про груз, который был набит в КАМАЗы, Хеопс предпочел не спрашивать, хотя у него было стойкое ощущение, что и сам Кубань не знает, что в его ящиках. Не знает и предпочитает не задавать вопросы. Лишь бы не что-то взрывоопасное.

— Лишь бы не древний вампир! — нервно пошутил Хеопс.

— Если там вампир, и он проснётся, то это уже будет не нашей проблемой, — устало усмехнулся Кубань.

Первые три автомобиля шли резво со включёнными габаритами, а бронетранспортёр ещё и с зажжёнными фарами, как бы приглашая пострелять засевших в засаде гадов. Остальные же четверо полностью погасили свои огни и двигались на почтительном расстоянии — даром, что голова колонны здорово освещала путь и была прекрасно видна.

Когда фары вырвали из темноты запаркованный на обочине “Рейндж Ровер”, Салют нажал на газ, ускоряя свою бронемашину. И здесь было главное, чтобы если начнут стрелять, он не проскочил мимо засады. И он не проскочил.

Первый выстрел прошёл мимо, влетев в какое-то дерево на обочине, а вот второй гранатомётчик попал в заднее колесо, начисто оторвав его. БТР дёрнулся, накренился, Салют же одновременно с этим нажал на тормоз, выкручивая руль. Тяжёлую машину по инерции начало разворачивать, как в средние колёса прилетела ещё одна граната — они отправились вслед за задним колесом, благо бронетранспортёр уже успел достаточно развернуться на дороге, чтобы Пионеру на пулемётах было удобнее стрелять.

Пока противник превращал головную машину в подобие таракана без лапок, водитель внедорожника, следовавшего за ним, нагло пользовался бедственным положением товарищей. Он успел резко затормозить и развернуть автомобиль поперёк дороги, открывая дверь багажника, так, чтобы Гидеону сподручнее было стрелять. Дальше уже заговорили пулемёты Пионера, стреляя примерно в сторону нападавших.

Ещё одна вспышка сверкнула на обочине и тент на кузове КАМАЗа взорвался. Из кабины выкатились бойцы только-только успевшие остановить свой грузовик. А пулемёт Гидеона присоединился к разговору, примерно в том же направлении, где располагались вражеские позиции.

— Доктор Хеопсу! Доктор Хеопсу! — Хеопс выкатился из машины и завопил в рацию ложась на землю и целясь в темноту. С другой стороны от “Рендж Ровера” водитель с позывным Боксёр последовал его примеру, — Доктор Хеопсу, как слышно?

Полыхнула снова вспышка и граната вошла чётко в кабину КАМАЗа, добив его — поле боя ярко осветило огненным заревом. Пулемёты бронетранспортёра дали очередь по месту, откуда стреляли, но было по-прежнему непонятно, есть ли вообще толк от этого.

— Доктор Хеопсу! — глава куприяновских бойцов материл по чём свет своих разведчиков, но продолжал вызывать по рации.

— Доктор на связи, — прошипела рация.

— Твою мать, где вы?

— Наблюдаем ваш бой, подойти не можем, стрелять перестаньте.

— Вам видно что-то в лесу?

— Да нихрена.

— Принято, конец связи.

Пулемёт Пионера замолчал, остывая. Гидеон тоже перестал стрелять, стараясь понять, а попал ли он вообще в кого-то.

А лес на той стороне тем временем безмолвно взирал на догорающий грузовик и коптящий бронетранспортёр без трёх колёс.

— Хеопс Кубани, Хеопс Кубани, приём! — раздался голос взводного в рации.

— Хеопс на связи.

— Как у вас обстановка?

— Наделали работы для дорожных служб, — мрачно усмехнулся Хеопс, — Но эти замолчали. У вас там что?

— Квадракоптер вообще ничего живого не видит на тепловизоре, только вас таких горячих.

— Доктор со своими проверять пошёл.

— Принял, готовимся после него к вам.

— Конец связи.

У БТРа в кабине открылась пассажирская дверь, оттуда выбрался боец с позывным Ленин с огнетушителем. Быстро пробежал вдоль борта, обошёл машину сзади и стал заливать порошком горящее колесо. Лес, откуда только что по колонне стреляли, оставался безмолвным, наёмники нервно сжимали оружие и вглядывались в темноту.

От КАМАЗа подбежало к внедорожнику двое — как раз те, кто был в кабине. Немного ободренные и закопчённые, но живые. Хеопс кивнул им залечь рядом с машиной на дороге.

А группа Доктора тем временем цепью пошла через тёмный лес. Они довольно быстро дошли до тел, которые и впрямь оказались Саймоном и Тигром. Грязно, но тихо выругались и двинулись дальше, но тут из кустов на пригорке прямо на них вышли... В общем даже штатному психологу WarConsulting, который занимался потом эти вопросом, сложно было разобраться в том, что же там увидели наёмники. По описанию выживших, если их все сопоставить, то выходило, что на них из кустов вышла ни много ни мало — армия демонов. В одном все описания были схожи — это было самое страшное, что доводилось видеть в жизни, и быть может, ничего страшнее с этими людьми и не случится никогда.

И потому в тот момент, когда это нечто вышло на них из леса, сначала бойцы завопили от ужаса. А потом они просто ударили из всех стволов по тому, что видели, от страха. Лес огласился грохотом и вспышками выстрелов. Рожки автоматов кончились буквально за несколько секунд, и их противники, по прежнему ужасные и отвратительные, словно чудовища из Преисподней, отшатнулись. А потом случилось самое логичное, что могли сделать люди, полные ужаса, у которых кончились патроны. Они ударили в противников из подствольных гранатомётов. Примерно шагов с пяти.

В это же время в кабину БТРа Салюта прилетел снаряд из гранатомета. Стёкла лопнули, бойца залил огонь. А в сторону чёрного “Рендж Ровера” протянулось два огненных рукава. Противник умудрился скрытно подобраться близко к расстрелянной колонне и сейчас бил с противоположной обочины. А после ударил из автоматов с прежней позиции.

— Контакт! — закричал Хеопс в рацию, — Кубань Хеопсу! Кубань Хеопсу!

— На связи, выдвигаемся! — сквозь шум боя прошипела рация.

Ещё один выстрел из огнемёта ожёг Гидеона, по-прежнему стрелявшего из кузова внедорожника. Боец зажмурился, громко выругался, перестал стрелять и отшатнулся вглубь

автомобиля. Пули рикошетили от брони автомобиля, но вот уже одного из наёмников зацепило и он распластался на дороге.

— Отходим! — прокричал Хеопс и перебежал за “Рендж Ровер”.

Тот, кто только что заливал из огнетушителя колёса бронетранспортёра, захрипел и сполз вниз. Пионер шевельнул пулемётами и начал стрелять по врагам, которые продолжали поливать автоматными очередями чёрный внедорожник.

Хеопс встал на колени, выставив ствол автомата перед собой, укрывшись за машиной, как башню БТРа снёс ещё один взрыв. Водитель “Рендж Ровера” привстал, желая отойти назад, но вражеская очередь срезала его, и он дёрнувшись завалился набок.

Забил крупнокалиберный пулемёт БТРа Кубани, медленно двигавшегося вдоль дороги. Под прикрытием брони бежало с десять бойцов ВС. Противник увидел новую цель и переключился на неё, дав возможность Гидеону выбраться из внедорожника. Пулемётчик установил своё оружие рядом с тремя подстреленными сослуживцами и снова открыл огонь по противнику.

Пули стучали по броне, словно град по черепице, но бронетранспортёр упорно полз вперёд, стремясь прикрыть свои бортом простреливаемую позицию Хеопса и Гидеона.

Ещё один выстрел из огнемёта залил БТР, заставив на мгновение замолчать его пулемёты.

— Подствольниками! — зычно скомандовал Кубань. Несколько бойцов вынырнуло из-за брони и выстрелило. Позиция противника озарилась вспышками, несколько автоматов замолчало. Снова заговорила пулемётная спарка на башне бронемашины. На противоположной стороне стало заметно, что автоматчики меняют позиции.

Хеопс увидел, как у раскуроченного бронетранспортёра появилась пара вражеских бойцов и выстрелил из подствольного гранатомёта. Те успели крикнуть что-то по-немецки, как их раскидало взрывом.

Из-за догорающего КАМАЗа, зайдя во фланг позиции нападавших, начала стрелять ещё одна группа. В их сторону полыхнул огнемёт, но огнемётчика тут же срезал выстрел БТРа.

Стало заметно, что противник начал отходить, и ему вдогонку полетели гранаты из подствольников. До слуха русских донеслись крики и команды на немецком.

— Колос Кубани, Колос Кубани, — раздался голос взводного в радиии на общем канале.

— Колос на связи.

— Противника не преследовать, дать отойти.

— Так точно, конец связи!

Противник уходил, оставляя тела своих убитых, позицию занимали русские наёмники.

— Хеопс Доктору, Хеопс Доктору! — раздался дрожащий от возбуждения голос с радиии.

— Хеопс на связи.

— У меня один двухсотый и трое трёхсотых, противник ликвидирован. Как понял меня?

— Понял тебя, возвращайся к грузовикам, — Хеопс устало привалился к борту “Рендж Ровера”.

— Принял, конец связи.

Из-за внедорожника вышел чуть пошатываясь Гидеон с пулемётом на плече и посмотрел на своего командира:

— Три двухсотых.

— Говно, — сплюнул тот на дорогу.

— Вроде отбоярились, — наёмник опустил своё оружие с плеча, уткнув приклад в землю.

— Всегда хотел спросить, почему Гидеон?

— Жюля Верна в детстве очень любил, — нервно засмеялся тот и обернулся к Кубани, который подошёл к ним, — Что, прошли, товарищ командир?

— Надеюсь, — устало потёр глаза тот, — Лишь бы по второму кругу не начали.

— Не должны, их мы тоже потрепали, — ответил Хеопс и поднялся на ноги, — Идём, посмотрим, что там с нашими.

И он направился к БТРу Салюта.

***

(19 августа)

Над Тюрингией раскинулась ясная звёздная ночь.

Турецкое тепличное хозяйство находилось на довольно обширной территории посреди полей и перелесков. Дорога от ворот буквально через несколько сот метров, вливалась в трассу между двумя городами, что порождало надежду, что если кто и захочет напасть на колонну русских, то не будет это делать посреди людной автомагистрали.

У ворот стоял Свят Вениаминович в тёмной рубаше навыпуск и таких же тёмных штанах. Стоял и неторопливо курил трубку. На его могучей груди красовалась подвеска из длинных медвежьих когтей, а на ногах на красных сапогах поблёскивали в отсветах прожекторов красные камни.

Рядом с ним стоял худощавый и высокий, выше него самого, человек в коричневом костюме-тройке. Стоял и также спокойно курил сигару, флегматично стряхивая пепел на бетонные плиты дороги. Его жёлтые туфли в свете прожекторов казалось были сделаны из латуни.

— Ещё раз, сколько времени на дорогу у нас? — Салтыков даже не поворачивался к своему собеседнику, глядя за ворота, где вдаль на автостраде изредка мелькали автомобильные огни.

— Четыре часа примерно, — его собеседник затянулся сигарой и выпустил облачко дыма, — Если будем идти без остановок, к утру будем в Берлине.

— Ну, этого же не случится, — усмехнулся русский и затянулся трубкой.

— Жаль, не смог ничем помочь Вашим бойцам в Саксонии, — мужчина посмотрел на него.

— К счастью, они справились сами, — ответил тот, — Надеюсь, теперь доберутся без приключений, и так много потерь.

— Думаю, они будут на базе раньше нас, — немец затянулся сигарой и лукаво улыбнулся, — Скажите, Свят Вениаминович, Вы же не по доброте душевной приняли нашу помощь?

— На моей должности порой уже никто не верит в то, что моё собственное мнение совпадает с мнением начальства, — усмехнулся русский в ответ.

— Да нет, в этом вопросе охотно поверю, чего уж, — пожал плечами его собеседник, — Когда речь заходит об угрозе нацизма, все становятся единомышленными.

— Вы сами её проморгали, — произнёс Салтыков, пыхтя трубкой, — Они точно такие же немцы, как Вы, Вильгельм. Просто они не видят иного выхода из сложившейся ситуации.

— Силовое решение проблемы подчас неизбежно, — отозвался тот.

— Когда-то социалисты выступали за всеобщее равенство и благоденствие для

работающих и угнетённых. А сейчас вы не можете объяснить туркам и немцам, что жить нужно по-человечески и в мире.

— Это мы виноваты в том, что творится сейчас в Берлине?

— Я, пожалуй, позвоню в Москву и спрошу, нет ли там в Мавзолее никаких движений?

— Предполагаете, Свят Вениаминович, что ваш советский Король под Горой скоро восстанет?

— Предполагаю, что он уже начал возвращаться от таких социалистов, — русский выпустил в воздух большое облако дыма.

— Но Вы же не отказываетесь от своего решения?

— Я здесь в качестве гарантии этого решения, — он пыхнул трубкой и насмешливо посмотрел на Вильгельма, — Или ещё бумагу с печатью из Кремля приложить?

Немец фыркнул и покачал головой, а после затянулся сигарой.

— А ведь у меня она есть, — насмешливо произнёс русский.

К мужчинам неторопливо подошёл взводный с позывным Раввин:

— Свят Вениаминович, мы готовы к отправке.

— Ну, ежели так, — усмехнулся Салтыков, пуская облачко дыма из трубки, — Тогда выходим, — он затянулся и задумчиво посмотрел на ворота, — Пойдём туда, где нас точно ждут неприятности.

— Никогда не понимал русских, — снова покачал головой немец, — Зачем идти куда-то, если точно знаешь, что там неприятности?

— Ну, — глава WarConsulting вытряхнул трубку об свой сапог, — Они же ждут.

Немец усмехнулся, затушил сигару о столб ворот и зашвырнул куда-то за периметр. Салтыков кивнул взводному и начал открывать ворота, а к ним уже из глубины территории подъезжали автомашины.

Первым шёл бронетранспортёр, за ним — два жёлтых пикапа “Мерседес”. Первый притормозил у открытых ворот, водитель дождался, как на пассажирское сиденье сядет Вильгельм, и медленно проследовал за БТРом.

Во второй “Мерседес” сел уже Свят Вениаминович, притом с такой грацией, что глава Тюрингии, что разговаривал с ним, увидев это в зеркало заднего вида, проворчал что-то про русского позера.

Затем через ворота пошли КАМАЗы, ровно три. Точно такие же, как и в Саксонии, шли они уверенно, стараясь не отставать от внедорожника впереди. После них территорию покинул микроавтобус “Фольксваген” и второй БТР русских. В течение нескольких минут колонна выползала на основную дорогу, где выстраивалась на обочине. После этого жёлтые пикапы вырулили на дорогу и помчались вперёд, а остальные машины поехали никуда не спеша и сохраняя выровненный строй.

Внедорожники, резво шедшие впереди, должны были пытаться вычислить места, где может ждать засада, но им не то, чтобы найти такое место было сложно — в целом в темноте каждый недостриженный куст на обочине можно было при желании принять за автоматчика. Волшебники решили положиться на природное чутьё, интуицию и пару соколов в небе, которых выпустили из пикапов, оторвавшись примерно на километр от колонны.

Но до крупной развязки на юге от Эрфурта ничего похожего на коварного противника на обочине замечено не было. Перед ней “Мерседесы” остановились подождать основную группу — отсюда поехать можно было двумя маршрутами: обходя Эрфурт с юга и уходя

через Саксонию в Бранденбург с юга, либо обходя Эрфурт с запада и уходя через Саксонию-Анхальт до Бранденбурга с запада. Теоретически это было последнее место, где можно было поймать колонну русских со стопроцентной вероятностью, однако же по-прежнему никаких движений по обочинам заметно не было — благо дорога шла в полях. Светила яркая Луна и пространство просматривалось достаточно далеко.

Салтыков выбрался из автомобиля, как и несколько других мужчин, и удалился вниз в поле по нужде, оставив свою рацию на сиденье автомобиля. Вильгельм подошёл к его пикапу, посмотрел на оставленное и покачал головой — он никак не мог понять, чего добивается этот огромный русский, внешне похожий то ли на боярина, как того рисуют на иллюстрациях к сказкам, то ли сразу на медведя?

Сам Вильгельм Эрнст, делегат Бундестага от Тюрингии, ощущал смутное беспокойство. И дело было даже не в самоубийственной идеи, в которую он вписался. И даже не в планировании на грани разудалой идиотии. Что-то неправильное было в том, что он сейчас стоял на обочине дороги на южном объезде Эрфурта и ждал подхода сильно отставшей колонны русских. Но он всё никак не мог осознать, что именно. Сокольников из его милиции всем своим видом показывал, что птица ничего подозрительного не видит, но он хорошо помнил слова Салтыкова, что его бойцы тоже ничего на телевизор не увидели в Саксонии — видимо нацисты умеют хорошо скрываться от слежки. А может быть, их просто нет в этих залитых лунным светом полях?

— Подходят, примерно с километр до нас, — отозвался сокольников из автомобиля.

— Хорошо, — Вильгельм напрягся и вытащил волшебную палочку, так было ему спокойнее. А его взгляд впился в темнеющую трассу, по которой двигались огни автомобилей.

Колонна шла достаточно медленно, так что особенно торопливые водители подчас обгоняли её. Вклиниться между автомобилями было невозможно, так что они обычно пролетали по встречной от одного БТРа до другого, молясь, что никого на их пути не окажется.

А вот тут на обгон пошёл ни много ни мало — бензовоз.

Вильгельм прищурился, сумев с такого расстояния разглядеть этот сложный и опасный манёвр.

Но аварии на встречной полосе не произошло, бензовоз разошёлся с легковушкой и спокойно пристроился перед БТРом. А потом взорвался, озарив ночь яркой вспышкой.

Бронетранспортёр резко нажал на тормоз и влетел в полыхающий остов грузовика. Автомобили сзади резко затормозили, но всё же смогли уклониться от аварии. А в замыкающий БТР влетела легковая “Тойота” и взорвалась. Взрыв был такой силы, что зад бронетранспортёра подняло в воздух, пару колёс оторвало, а саму машину приземлило на бок, зажав “Фольксваген” между ним и остановившемся впереди КАМАЗом.

Откуда-то с обочины полыхнуло два столба пламени — снова работали неизвестные огнемётчики. Они влетели в первые два грузовика, откуда на дорогу, разрезав тенты на противоположной стороне, начали прыгать бойцы WarConsulting. Вильгельм со своими бойцами помчался к месту нападения. А там с обочины уже били из пулемётов по остановившимся машинам. Пули стучали по броне БТРов, пробивали борта грузовиков и разбивали стёкла в кабинах. Бойцы залегли под или между машинами и открыли ответный огонь, но он был намного слабее, чем тот свинцовый ливень, что обрушился на них.

Огнемёт ещё раз ударил в спину лежащего на боку БТРа, от горящих колёс которого шёл

густой дым. Первый бронетранспортёр попытался повернуть башню, но её заклинило. Между грузовиком и бронемашинной выскочил русский и выстрелил из подствольного гранатомёта в сторону врагов. На позиции нападающих раздался взрыв, а стрелка сразило пулей, попавшей в лицо, тот дёрнулся и упал навзничь.

Вильгельм со своими милиционерами бежал по траве, пытаясь срезать путь до противника, и на расстоянии метров с тридцати со своими бойцами увидел, как на краю цепи стреляющих автоматчиков в темноте встаёт белый медведь. Встаёт на двух ногах в полный рост, и его огромная туша животного возвышается над присевшем на колени стрелком. А потом резким движением зверь опускается на четыре лапы, сомкнув челюсти на голове противника, отшвыривает в сторону трепыхающееся тело и бросается в центр позиции.

До слуха тюрингийцев донеслись истошные крики, на пару мгновений стихли выстрелы, в отсветах горящих автомобилей стало видно, как стали подниматься на ноги и разбегаться от огромного медведя люди. Кто-то пытался стрелять в него, но таких людей зверюга быстро подминала под себя и проламывала голову.

Часть нападавших начала отходить к дороге, где они быстро попали под огонь русских, сумевших перегруппироваться, когда по ним прекратилась стрельба.

Часть нападавших побежала в сторону милиционеров Вильгельма, где те быстро их спеленали чарами и положили лицом в траву.

А часть просто разбежалась по тёмному полю от белого медведя с окровавленной мордой, пока тот, наступив лапой на грудь, отделял голову очередного незадачливого немца от туловища.

Позиция напавших на колонну, когда до неё дошёл Вильгельм, представляла из себя жуткую бойню, где между разорванными и обезглавленными телами, хлюпая по лужам своими красными сапогами задумчиво ходил Свят Вениаминович и разглядывал мертвецов.

Выжившие наёмники тушили догорающую технику. На трассе скопилась вереница автомашин из тех, кто не решились объехать колонну, а зеваки уже высыпали на обочину. А из Эрфурта уже мчались полицейские и скорая помощь.

— Мне кажется, незаметно проскочить не удалось? — хмуро произнёс немец, вляпавшись в кровь.

— Знаешь, Вильгельм, — Салтыков продолжил бродить между трупами, словно совсем не замечая скопившихся зевак, которые, однако, опасались подходить, — Говорят, что медведей всегда трое.

— Сегодня был один, — усмехнулся тот.

— Первый медведь есть воплощение сказочной доброты и мудрости зверя. Он одинок, но не зол, он воплощение того самого медведя из сказки, который оставил у себя девочку лишь затем, чтобы не жить в лесу одному, — русский поднял задумчивый взгляд на немца, — Второй уже хуже, он уже зверь, обычный с виду, просто очень умный и всё понимает. И как с обычным зверем, он будет действовать точно также. Если ты его кормишь, он будет к тебе ласков, а если нет, то не жди ничего хорошего.

— К чему ты ведёшь, Свят Вениаминович? — пристально посмотрел на него Вильгельм.

— Ни к чему, — усмехнулся Салтыков, — Я просто болтаю и жду тех, кто нас сопровождает до Берлина. Всё, наездились самостоятельно, хватит, — он поймал недоумённый взгляд собеседника, а потом обернулся на рокот в небе, доносившийся со стороны транспортной развязки.

Вертолёт медицинской службы заложил вираж и начал облетать поле, выбирая лучшее

место для посадки.

— А третий медведь? — Вильгельм обернулся на русского.

— А его боятся первые два, — хмуро пробасил тот, — И он совсем не зверь.

Глава IV. Свидание в Трептов-парке

*

(19 августа)

Крестину разбудил скрежет. Она обернулась на звук и увидела сову, которая скребла когтями по оконному стеклу. Девушка тряхнула головой, резко вскочила с кровати и подошла к окну. Из-за стекла на неё недовольно глядела птица, которая в одной лапе сжимала свиток, а другой стучалась в окно. Француженка открыла ей, но сова на неё лишь покосилась, разжав лапу и положив свиток на подоконник, а после взмахнула крыльями и улетела, оставив Крестину одну.

Тёплый утренний ветер трепал её волосы, с улицы доносился шум проснувшегося города. Сон был коротким и тревожным, потому Крестина некоторое время просто смотрела на пергамент, пытаясь окончательно проснуться. Наконец подошла к кровати, вынула волшебную палочку из под подушки и проверила письмо на охраняющие заклятия, чтобы затем раскрыть его:

“Крестина Валери Фавр де Поль,

Вам дорога жить Марты фон Мирбах, и мне приятно видеть подобную привязанность, которая выражается в самоотверженном желании помочь бедной девочке от совершенно чужого ей человека. В наше время подобное не часто встретишь, и это говорит о Вас, как о выдающемся представителе волшебного сообщества. Однако же я помню, как Вы обошлись с Сибель Арслан, и это уже не делает Вам чести.

Но несмотря на это я хочу встретиться с Вами сегодня в полдень в Трептов-парке, буду ждать у Карпового пруда, там, я думаю, мы сможем решить наши разногласия по поводу судьбы Марты фон Мирбах.

Приходите одна”.

Резкий стук в дверь отвлек Крестину от письма:

— Мадемуазель, — голос Энцо был немного взволнован, — Мадемуазель, просыпайтесь, у нас гости.

— Энцо, открыто! — бросила в ответ француженка, успев подумать, что ещё же за гости у них могут быть?

Повернулась ручка, раскрылась дверь, и в комнату вошёл могучий Энцо Ламбер в пижамных штанах и рубашке в золотую лилию на голубом фоне.

— О! — от увиденного Фавр де Поль даже замерла с пергаментом в руке у раскрытого окна, — Милая пижама.

— Милые кружева, — вежливо улыбнулся мужчина.

Крестина опустила взгляд на своё декольте и утвердительно покачала головой:

— Кто там пришёл?

— Месье Готье вместе с месье фон Мольтке.

Француженка удивлённо подняла бровь сделала шаг от окна и бросила на кровать пергамент:

— Неожиданно, но вижу, тебя тоже с постели подняли?

— Так и есть, — кивнул Ламбер и отступил за порог, — Собирайтесь, я буду ждать в своём номере.

Он закрыл за собой дверь, оставив девушку в раздумьях.

Остановились они в гостинице для цауберов, прибывающих в Берлин по рабочим вопросам — здание стояло в одном квартале от зала заседаний Бундестага и представляло из себя вполне себе обычный дом и в целом обычный отель, в который просто никак нельзя было заселиться, если ты не волшебник — для обычных людей всё всегда было занято. Их номера с Энцо располагались через стенку, и Кристина даже удивилась, насколько тихо к тому пришли гости из Франции, раз ничего не услышала. Хотя, может быть, на самом деле, она просто очень крепко спала, не смотря на всё то, что ей снилось.

Француженка быстро оделась, взяла письмо, сунула её в карман и вышла из своего номера. У Энцо в кресле напротив кровати сидел он сам, уже тоже успевший переодеться. А вот на кровати были Поль Готье в алой мантии мракоборца и в точно такой же мантии Рихард фон Мольтке. Француз поднялся и радостно кивнул Кристине, а вот немец только поднял взгляд и лишь скрестил руки на груди.

— Привет, Поль, — приветливо улыбнулась Фавр де Поль, потом взглянула на Мольтке и усмехнулась, — Я смотрю, не все рады меня видеть.

— Я смотрю, я в плену? — тот смотрел исподлобья на девушку, потом перевёл взгляд на Ламбера, который как бы невзначай вертел свою трость в руках.

— Конечно, мы же тут тёмные волшебники, — фыркнула Кристина, подошла к Полю и отдала тому письмо, — Меня зовут пообщаться сегодня в полдень с очень прозрачными целями.

— Свидание? — Энцо удивлённо посмотрел на девушку.

— Угу, — кивнул Поль, быстро дочитав письмо, и поднял взгляд на Кристину — А что, Марту украли? Как я понимаю, турки?

— Сегодня ночью, успели на гору Броккен раньше нас, — утвердительно кивнула она и посмотрела на Ламбера, — Энцо, я собираюсь идти на это свидание и задавать вопросы тому, кого встречу.

— Очень обдуманый план, — тот скептически поднял на неё глаза, — Может, всё-таки, не в одиночку?

— Месье Ламбер, а Вас никто не освобождал от Вашей миссии, — весело произнесла Кристина и взглянула на Готье, — Ты пойдёшь со мной сам, или тебе приказ нужен?

— У меня приказ от месье де Ноаяя, доставить Рихарда Мольтке вам двоим и возвращаться в Париж, — улыбнулся тот, — Так что нарушать я буду именно его.

— А меня вы, видимо, снова свяжете и запрёте в подвале? — обиженно произнёс немецкий мракоборец.

— Нет, ты тоже с нами пойдёшь, — покачала головой Кристина, — Энцо, спустись, пожалуйста, вниз, попроси доступ к алхимическую лабораторию, я знаю, что она имеется при отеле. Никаких запрещённых зелий готовить не будем, у них ингредиенты должны быть под наши нужды.

— Пожалуй, ещё попрошу подать туда завтрак, — усмехнулся Ламбер, поднимаясь с кресла.

— Да, это было бы чудесно, — кивнула Фавр де Поль, — Поль, мне от тебя нужно будет, чтобы ты сходил в магазин.

— Только скажи, что именно нужно будет купить? — отозвался тот.

— Что-то очень удобное, — обворожительно улыбнулась девушка, — Рихард, а ты останешься со мной и будешь меня охранять, как мракоборец, а то времена нынче беспокойные.

— Меня ждут в Бундестаге, — сухо ответил немец.

— Исходя из всего того, что ты пропустил, лучше тебе оставаться тут.

— Что же на это ответит Виктор Шваниц? — с вызовом посмотрел он на Кристину.

— Ничего он не ответит, — покачала та головой, — Хотя, надеюсь, он уже пришёл в себя, и его выпустили из клиники.

Мольтке посерел:

— Как я понимаю, после моего похищения в стране всё стало только хуже?

— Как всегда, — пожала плечами Фавр де Поль, — Но, к сожалению, отпустить тебя мы не можем, иначе велик шанс, что о нашем плане станет известно. Так что ты же хотел остаться наедине со мной, это твой шанс, — с издёвкой произнесла она.

На скулах Рихарда заиграли желваки, он потёр шрам у себя на лбу, который начал неимоверно зудеть. Энцо посмотрел на него и снисходительно улыбнулся.

**

(19 августа)

В Берлине стояло жаркое летнее утро.

После ночного дождя воздух был чертовски влажным, так что утреннее солнце к десяти часам уже успело превратить столицу Германии в одну большую турецкую баню.

Хаким сидел на летней веранде турецкой кофейни за резным массивным столиком и аккуратно пил кофе. Как бы он не хотел быть одетым по погоде, но сейчас на нём были чёрные брюки, жилетка и белая рубашка — какие-никакие, а приличия требовали от него одеться во что-то, соответствующее деловой встрече. Хотя ворот был расстёгнут, что давало турку хотя бы чуть больше прохлады.

Напротив него сидел Иван Лисицын и крайне мрачно пил кофе. У его белой рубашки воротник точно также был расстёгнут, но пиджак и брюки вообще ничего не делали для комфорта и прохлады. Все в один голос утверждали, что в убежище Хакима всегда прохладно и полумрак, кто ж знал, что глава Глубинного Государства захочет позавтракать на улице? Обычно он так никогда не делал, видимо, большая честь.

— Как спалось, Иван Тимофеевич? — Хаким улыбнулся, наблюдая, насколько некомфортно в этой обстановке его визави.

— Стараниями Ваших людей поздно лёг, — тот мрачно взглянул на турка, — Стараниями муэдзина в соседней мечети, рано проснулся.

— Говорят, когда император Фридрих вошёл в Иерусалим, — его собеседник говорил размеренно, взглядом изучая Лисицына, — Первым делом он спросил у пришедших к нему шейхов и эмиров, а почему не слышатся голоса муэдзинов, которые ему были так под душе? — он отпил кофе, глядя, как русский вздохнул, — Шейхи и эмиры удивились словам императора, но исполнили его волю, азан снова зазвучал с минаретов.

— К сожалению, этот город не похож на Иерусалим, а я на императора Священной Римской Империи, — скривился Лисицын.

— По погоде сегодня похож, — улыбнулся турок, — Хотя да, Иван Тимофеевич, Вы на императора не похожи, увы.

— Так сложились обстоятельства, Вы же в курсе о ночном происшествии на горе Броккен?

— Вы действительно считаете, что я буду вести беседу на эту тему? — Хаким удивлённо посмотрел на русского и откинулся на спинку своего плетёного кресла.

— Сдаётся мне, вчера вечером Эмма Вайцеккер предложила Вам ничего не

предпринимать в сложившихся обстоятельствах, а потом скоропостижно скончалась, а Вы посчитали себя свободным от обещаний?

— Что-то последнее время я словно на базаре, — ухмыльнулся турок, — Чувствую себя, как Мустафа-бей.

— Вы умираете? — наигранно удивился Лисицын. Желваки на скулах его собеседника мгновенно заиграли.

— Вам никогда не предлагали отрезать язык, Иван Тимофеевич? — Хаким прищурился.

— Предлагали, но я каждый раз отказываюсь, — теперь русский уже откинулся на спинку кресла, — Да и сейчас вряд ли Вы всерьёз мне подобное предложите.

— Мне даже стало интересно послушать, почему?

— Убивать должностное лицо при исполнении, когда его страна остаётся всё ещё в стороне от драки за германскую землю? Мне кажется, или это не очень умный ход?

— Во-первых, уже не в стороне, — улыбнулся Хаким, — Во-вторых, что нам сделает Россия, выскажет озабоченность? Ну, и в третьих, Вас это всё равно не спасёт.

— Хаким, пока Ваши люди не натворили никаких дел, за которые в приличном обществе порицают, верните Марту Мирбах, — Иван внимательно смотрел на собеседника.

— Кому, Вам? — тот огладил бороду.

— Её семье, я здесь совсем не по её душу приехал. И в мои планы не входило разбираться с ракшасом и какими-то турецкими ассасинами.

— Я предлагаю Вам, Иван Тимофеевич, и дальше не заниматься этим делом. Я понимаю, что Вы здесь ради Аненербе и их оккультных тайн, — в голосе турка прозвучала угроза, — Вот и занимайтесь ими.

— Как сотрудник своего ведомства, я в целом не против кровавых ритуалов с использованием детей, в особых условиях, — русский отпил кофе, — Но, во-первых, эти условия ещё не наступили. А во-вторых, я, как человек, не разделяю Вашу страсть к кровавым ритуалам с использованием немецких девочек.

— Иван Тимофеевич, нельзя быть настолько самоуверенным, чтобы прийти ко мне и угрожать, — голос Хаким стал чуть ниже.

— Это предложение, — покачал головой Лисицын, — Это предложение сфокусироваться на Аненербе, которое в эту минуту рвётся к власти на заседании Бундестага. А девочку Марту передать родственникам.

— И что же мы за это получим? — улыбнулся турок.

— Поддержка ваших притязаний на германскую землю, — русский допил кофе.

— Наши притязания мы можем обеспечить сами, — усмехнулся его собеседник.

— Тогда это был хороший кофе, — Иван поставил свою чашку на блюдце, — Думаю, это можно считать официальным отказом.

— Вы ещё ничего не предложили, а уже увидели отказ, так дела не делаются.

— Три условия, всего три, — русский стал загибать пальцы, — Возврат Марты Мирбах её семье, месть Аненербе за Эмму Вайцеккер, а ещё клятва в верности германской земле.

Хаким посмотрел на него, как на умалишённого:

— По Вашим же словам, Иван Тимофеевич, сейчас на заседании в Бундестаге Аненербе захватывает власть в Германии, а мы должны приносить этой земле клятву?

— Клятва является альтернативой тому ритуалу, который вы хотите провести.

— А с чего Вы вообще взяли, что мы хотим его проводить? — хитро прищурился Хаким.

— Я просто предположил, — пожал плечами Лисицын.

— За последнее время Вы не первый, кто приходит ко мне с предложением, — задумчиво произнёс его собеседник, — И Ваша цена меньше прочих, признаться, я даже огорчён, — он поднял взгляд на Ивана, — Приходите сегодня в полдень в Трептов-парк.

— К монументу советским-солдатам что ли? — усмехнулся Лисицын.

— На берег Карпового Пруда, — Хаким изучал взглядом собеседника.

— И что же там будет?

— Увидите, Иван Тимофеевич.

— Это нисколько не подозрительное приглашение, — улыбнулся Иван и встал со своего стула.

— Я честен перед Вами, чего нельзя сказать о Вас, — покачал головой турок.

— Молчание всегда хороший способ оставаться честным, — усмехнулся русский и вышел с веранды.

***

(19 августа)

Поговаривают, что в Трептов-парке последний раз видели лис где-то во времена, когда русская армия взяла Берлин. Русская армия под началом Петра Витгенштейна[1]. Это, конечно же, не совсем соответствовало действительности, но, справедливости ради, если бы кто увидел в этот день лису, крадущуюся меж парковых деревьев, то это могло бы стать новостью городского масштаба.

Могло бы, если бы не позавчерашние взрывы, вчерашняя бойня в мечети, а ещё слухи о каких-то боестолкновениях в Саксонии и Тюрингии. Ничего конкретного эти слухи за собой не несли, спецслужбы крепко держали СМИ в узде, но конспирологи в Интернете начали сопоставлять доступные им факты и приходили к совершенно удивительным выводам, на фоне которых какая-то лиса в парке выглядела незначительным казусом, недостойным внимания прогрессивной думающей общественности.

Иван Лисицын понимал, что лиса в парке — этот факт достаточно легко может привлечь внимание служб, ответственных за противодействие опасным инфекционным заболеваниям, но иных вариантов прийти на встречу с турками не видел. Тем более, что утром всё же прилетела сова от Брунгильды с вестью о том, что Марта Мирбах находится в Берлине. Точнее определить местоположение девочки даже Броккенская Ведьма не могла, оттого сейчас был шанс, что турки впрямь приведут её в парк.

Лис бежал между деревьями, то и дело принохиваясь и оглядываясь — благо по какому-то стечению обстоятельств сегодня было немногочленно, за первые пять минут своего пути ему встретился только один человек, да и тот уверенно направлялся куда-то по своим делам и не замечал, казалось бы, ничего вокруг.

Первая крупная европейская командировка после двухгодичного перерыва, и вот такой риск. Нет, если его раскроют, можно смело подавать рапорт об увольнении и идти преподавать. История европейского оккультизма на стыке с ориентализмом — это достаточно интересное направление, чтобы его захотел взять на работу какой-нибудь университет. Опять же молодые студентки, которые каждый год новые, что только добавляет им шарму.

Лис пробирался по парку буквально от дерева к дереву, но никаких турок не наблюдал. И это его нервировало настолько, что один раз он даже нырнул в Мир Духов, чтобы посмотреть оттуда — фсбшник опасался присутствия марида, которого могли привести сюда. Того, к счастью, пока видно не было. Вот с кем встречаться Иван не хотел, так с этим

духом, о котором только читал да слышал различные истории во время своей работы в Средней Азии. И знания этих историй не придавали русскому уверенности, скорее наоборот. В целом самой верной тактикой при встрече с таким существом, он считал бегство, одна беда — бежать ему сегодня было нельзя.

Нет, ну, можно было бы, конечно, но тогда явно случится вторая подряд проваленная миссия, а вслед за этим рапорт и увольнение... Может, уже стоит подумать насчёт образовательной программы? Хотя, над этим думать надо, когда выживешь. В Британии было явно полегче, всё-таки английские волшебники более понятные в своих способностях, и с ними хотя бы можно договориться. А ты попробуй с джинном договорись! И то с британцами вышел провал миссии и двухлетняя конторская служба. А здесь могут и голову оторвать.

Он осторожно вышел из кустов к Карповому Пруду. На противоположном берегу сидел одинокий рыбак. Лис потянул воздух, учуяв сразу всё: и выхлопы от автомобилей, и городской смог, и затхлый водный запах. Тут всплеск слева привлёк его внимание — шагах в пятидесяти женщина показывала девочке, как пускать блинчики по воде. Ничего необычного, это было даже мило, однако Иван уже давно про себя решил, что совпадений не бывает, потому аккуратно и неспеша двинулся к этой парочке.

Справа плескалась вода, отдавая неприятным запахом тины. Сверху нещадно палило летнее августовское солнце так, что лису очень быстро стало жарко в своей шубе. Хорошо, что слева росли кусты, в которые, если что, можно было бы спрятаться.

В десяти шагах от парочки, которая уже успела повернуться спиной к пруду и, взявшись за руки, пойти от него по мощёной дорожке, Лисицын остановился, перед ним оставалось лишь открытое пространство. Он снова нырнул в Мир Духов — нет, марида там не было, зато пятерых человек, притаившихся там, он увидел. Двое расположилось с этой стороны дорожки, трое — с противоположной. Лисицын отметил про себя, что всегда был за симметрию, и уже собирался выходить обратно в мир, как увидел, что девочка, которую женщина вела за руку, вовсе не была девочкой. В Мире Духов было видно, что это мальчик. Ну, как мальчик — здоровый лоб примерно студенческого возраста. “Как я обожаю маскарад!” — произнёс про себя русский и вернулся в обычный мир.

Где-то в конце дорожки, по которой шли женщина с девочкой, показалась фигура. Лис же осторожно сошёл на дорожные плиты и аккуратно подбежал к парочке. Девочка заметила его первой и отшатнулась, правда не произнесла ни слова. И взгляд её был испуганным — конечно, когда ты мальчик, а тебя превратили в девочку, да ещё вокруг явно убийцы-ассасины прячутся, хорошего мало, настроение ни к чёрту, но молчишь-то ты отчего? Иван заинтересованно потянул носом воздух — да, запах был отчётливо мужской, молодой. Хорошо хоть женщина была женщиной — там с запахом было всё нормально.

И вот эта женщина увидела подбежавшую к ним лису, широко улыбнулась и что-то произнесла по-турецки с такой интонацией, что одновременно это могло значить и “Ой, какая милая пушистая лисонька!”, так и “Режьте неверных, мои янычары!”

Турчанка наклонилась, протянула руку, чтобы коснуться головы лисы, но та отпрянула, продолжая при этом всем своим видом показывать, что угрозы не представляет. И надеясь про себя, что турки не подумают в каждом внезапном звере видеть русского оборотня. Хотя, после того, что Михаил Романов устроил в Шаритэ, надежды на это оставалось крайне мало.

Турчанка ещё что-то произнесла на своём языке, лис на всякий случай отошёл на пару шагов назад. “Говорила мама: учи английский! Я вот выучил, а нужен оказался турецкий...”

— проворчал про себя Лисицын и что-то твякнул, пусть женщина тоже не понимает его, не одному ему мучаться.

— Ступефай! — раздался женский голос за спиной турчанки. Лисицын увидел Фавр де Поль в лёгком сарафане в голубой василёк и кедах, которая вставала обратно в боевую стойку. Её левая рука по-прежнему висела на перевязи, но было заметно, что девушка в совершенстве владеет классическим боевом стилем с использованием только одной волшебной палочки.

Турчанка дёрнулась и, коротко выдохнув, начала заваливаться вбок. Девочка выпустила её руку и побежала к пруду, а лис нырнул в Мир Духов. Нырнул и замер от удивления. Мимо него и тела турчанки вслед за девочкой, которая мальчик, неслась Фавр де Поль, которая не Фавр де Поль, а какой-то юноша, на вид чуть старше того, что превратили в девочку. “А тут, видимо, бал-маскарад...”, - пронеслось у русского в голове, когда он проводил взглядом бегущих к пруду двоих, а потом обернулся на затаившихся в Мире Духов мужчин. Те по-прежнему стояли вдоль дорожки, сжимая в руках ятаганы. Первой мыслью, насчёт них, стала у Лисицына: “А эти тут для интерьера поставлены, да?” Второй же: “Я надеюсь, огнестрел в Мир Духов они пронести не могут...”

В любом случае те стояли истуканами, женщина лежала посреди дорожки с переломом черепа, а за юношей в облике маленькой девочки бежал юноша в облике Кристины Фавр де Поль. “Дурдом какой-то...” — подумал Иван и вынырнул у кустов из Мира Духов. В обычном мире француженка почти догнала девочку, но та резко свернула вправо и побежала по топкому берегу, так что её преследовательница подскользнулась и чуть было не свалилась в воду.

А там, где за минуту до этого появилась Фавр де Поль, появилась она же в точно таком же платье и уже успела почти дойти до тела турчанки. Иван не удивился, но снова нырнул в Мир Духов, а там уже успел удивиться. Это снова оказалась не Кристина, это снова оказался молодой человек, лица которого русский не узнал, зато по слову из трёх букв на лбу того чётко понял, что в облике француженке бывший глава мракоборцев Германии. “А этот тут вообще откуда?” — подумал Лисицын и бросил взгляд на мужчин с ятаганами, те не шевелились, словно им было происходящее совершенно не интересно.

А вот зачем Хаким предложил капитану ФСБ встретиться именно в это время именно в этом месте, было совершенно непонятно. Пока что вообще никаких логичных ответов на этот вопрос в голове Лисицына не возникало. Он лишь без особого интереса наблюдал, не покидая Мир Духов, как двое юношей в облике одной и той же вздорной француженки пытаются догнать третьего в облике молодой девочки. Фотографии Марты Мирбах Ивану Лисицыну никто не показывал, но он логически предположил, что текущий паноптикум разразился, как раз из-за неё. А ещё вполне возможно, что этот юноша, которому сменили облик, был тем самым Рудольфом Люфтом, который вместе с девочкой Мартой оказался на горе Броккен. Если всё это так, то понятно, почему девочка убегает от француженки. Ну, то есть один юноша от двух других.

Тем временем бегущий начал закладывать круг вправо, проломился через кусты и выскочил на дорожку, с которой изначально появились его преследователи. Выскочил и угодил точно в руки появившемуся там же Энцо Ламберу. Лисицын любопытства ради вернулся в обычный мир и вышел из-за кустов получше рассмотреть происходящее — так и есть, девочка трепыхалась в руках Кристины Фавр де Поль. Ещё две запыхавшиеся Кристины успели прорваться сквозь кусты и встали рядом. Лис ушёл обратно в Мир Духов — так и

есть, турки с ятаганами вообще никак не отреагировали на Ламбера в облике Фавр де Поль. “Шалость удалась, мать вашу”, - мрачно подумал русский, вернулся в обычный мир и, скрываясь за кустами, потрусил вдоль дорожки.

“Интересно, настоящая Кристина появится хоть?” — подумал он, проходя мимо лже-Кристин, которые подняли на руку девочку и потащили. Что странно, та не издавала при этом ни звука, видимо, рот у неё был магически заклеен. В какой-то момент Иван решил нырнуть обратно в Мир Духов и обнаружил, что все пятеро мужчин неспеша идут за ним. “О, всё-таки не садовые статуи!” — пошутил у себя в голове он и метнулся вперёд на середину парковой дорожки, не выходя в обычный мир. Его преследователи чуть ускорились, и на середине дорожки оказалось, что волшебник взят почти в кольцо: по его следам идут двое турок, а дорогу впереди преградило трое. Даже не будь он лисой, расклад сражения всё равно не сулил ему ничего особенно хорошего — меч всегда быстрее палочки.

И тут впереди показалась Кристина Фавр де Поль. Турки замерли, начав неспеша разворачиваться к ней. Лисицын глянул назад — трое лже-Кристин были далековато, тем более, что им приходилось тащить брыкающуюся лже-девочку. А вот эта, настоящая француженка сейчас поравняется с тремя турками, которые уже начали заносить ятаганы. “Понятно, почему хлопцы не реагировали раньше”, - решил в своей голове Иван и вышел в обычный мир.

Появившаяся посреди парковой дорожки из неоткуда рыжая меховая лиса заставила Кристину остановиться и умилиться. Тёплый августовский ветер трепал подол сарафана, а впереди парни уже успели у турок отобрать Марту, дерзкая операция близилась к завершению, но тут внезапно лиса выгнулась издала странный мерзкий звук и вот уже перед ней распрямился Иван Лисицын в брюках, рубашке и пиджаке. Выражение лица у него было крайне напряжённым и недовольным. Кристина удивлённо подняла бровь и медленно вытащила свою палочку, готовясь к недоброму. В руках у русского мигом появились две волшебные палочки, словно бы он достал их из воздуха. В голове у француженки уже успела пронестись мысль о том, что эта тварь и убийца решил прервать и её жизнь точно также, как он убил тех двоих преподавателей в Хогсмите, но тут она боковым зрением увидела движение.

— Авада Кедавра, — Лисицын взмахнул одной рукой, полыхнула зелёная вспышка, и слева от Кристины на дорожку свалилось тело в чёрных тряпках с кривым мечом в руке. Русский же мигом начал раскручивать длинной движение, приближаясь к девушке и вставая справа от неё, — Протего[2]!

Справа от Кристины из ниоткуда появился такой же мужчина в чёрных тряпках и ударил кривым мечом, но клинок встретился о невидимую преграду, выставленную русским.

Кристина развернулась вправо и оказалось, что стоит вплотную к спине русского, и что творить заклинания из этой позы крайне неудобно. Зато удобно прикрываться от атак. А ещё что у капитана ФСБ хороший парфюм, жаль жара на улице стоит.

Справа появился ещё один мужчина в чёрном с таким же мечом.

— Цедеро Локус! — Лисицын вскинул палочку перед собой, и сильным порывом ветра мужчин отбросило, один даже выронил свой клинок.

Кристина обернулась и увидела, что одна из её копий осталась держать, всё ещё отчего-то сопротивляющуюся Марту, а две других, выхватив палочки, рванули к ним. До Кристин оставалось шагов десять, как между ними и настоящей Фавр де Поль возникло из воздуха ещё двое мужчин в чёрных одеждах, в чалмах с замотанными лицами. У каждого из них в

руках было по ятагану. Француженка сделала к ним шаг, вставая в стойку.

Лисицын успел отметить про себя, что духи у главы французских мракоборцев несказанно приятные, и тоже встал в стойку, готовясь атаковать начавших подниматься на ноги противников, как вдруг уловил движение сбоку и машинально повернул туда голову. По боковой дорожке, заложив руки за спину, неспеша шёл Хаким, в точно в таком же костюме, в котором разговаривал тремя часами ранее с русским агентом. Рядом с ним также неспеша шла женщина в хиджабе, её руки были сложены в замок спереди. А третьим в их компании шёл высокий человек в белых одеждах с длинной белоснежной бородой и кожей цвета слоновой кости.

— Инсендио! — раздался сзади голос Кристины, Иван ощутил спиной жар пламени, не успев увидеть улыбку на губах Хакима.

— Делювиум! — русский сплёл заклинание, и поток воды смыл двух его противников, заставив снова распластаться на земле. Затем он отступил на шаг назад, резко развернулся, сделал ещё шаг к Кристине, уже вставшей снова в боевую стойку, схватил её рукой за талию, а затем шагнул в сторону, размазываясь в пространстве.

Выкрики боевых чар двух лже-Кристин они не успели дослушать, аппарировав из Трептов-парка.

1 — Пётр Христианович Витгенштейн — русский военачальник немецкого происхождения, генерал-фельдмаршал. В Отечественную войну 1812 года — командир отдельного корпуса на петербургском направлении. Действуя в отрыве от основной русской армии, сумел одержать ряд побед над наполеоновскими маршалами. В апреле-мае 1813 года — главнокомандующий русско-прусской армией в Германии.

2 — Протега — защитное заклинание, спасающее от физического урона.

Глава V. Бундестаг

(19 августа)

Виктора Шваница всегда поражал зал заседаний Бундестага своим размахом и то, с каким изяществом он был выполнен. Это не шло, конечно, в сравнение с размером зала, что использовался кайнцауберами наверху, в наземных этажах Рейхстага. Однако полностью сочетало в себе понятия строгость и изящество.

Кресла на добрую сотню делегатов из красного дерева с чёрной бархатной обивкой, гобелены с королями-магами Германии, полотна с прусскими курфюрстами и портреты канцлеров уже объединённых земель по эту сторону Рейна, а также всегда блестящая паркетная доска — всё это порождало в голове Виктора мысли о мощи и незыблемости германской государственности, о величии её народа. А ещё о той благодарности, которую Шваниц всегда ощущал здесь, благодарности Германии за то, что позволила ему служить ей верой и правдой.

Мракоборец стоял у массивной трибуны из полированного дерева, опираясь на неё рукой. Последний раз он был здесь в 91 году как наблюдатель от Штази на заседании магического сообщества. Тогда, во времена последних дней ГДР здесь с трибуны неслись лозунги о торжестве свободы. О том, что цауберам не пристало жить под пятой кайнцауберов, а ещё о том, что техномагия — это способ порабощения волшебников простыми людьми. О, как он хотел бы передуть всех этих политиканов, что сеяли раздор не только между цауберами и кайнцауберами, но внутри самого магического сообщества. Волшебство должно оставаться отдельно от простого народа, техномагия — суть ересь, и лишь приближает конец иссякающей из поколения в поколение магии! Нет, эти слова он никогда не мог понять: ни когда в юности только столкнулся с риторикой западных волшебников, ни когда в более зрелом возрасте увидел их победу в родной ГДР, ни сейчас.

Магия угасает — это факт. Но Германия и Восточная Европа, пошедшая по техномагическому пути, пути сближения общества цауберов и кайнцауберов, там этот процесс замедлился, если не остановился. Советские засекреченные институты проводили исследования этого вопроса в течение многих лет, и в восьмидесятые постановили — магическое вырождение прекратилось. Нет, не возникало ситуации, чтобы дети были оказались более одарены волшебством, чем родители, но хотя бы уровень их магического искусства оставался прежним.

А потом случилось три десятка лет тёмных времён...

И вот сейчас, уже постаревший мракоборец снова находится здесь и ждал, что сегодня в этом зале будут звучать совсем иные речи, чем тридцать лет тому назад. У Виктора жутко чесалась шея, на которую была наложена повязка, а голова немного кружилась от бессонной ночи и ранения на горе Броккен, но всё же он был полон ожидания, словно юноша перед свиданием.

— Виктор, примеряешь под себя трибуну? — голос Августы фон Вальдбург звучал насмешливо, но улыбалась эта женщина совсем беззлобно. Она неспеша спускалась по лестнице амфитеатра вниз, к Шваницу, всё также, как и всегда спокойная в своём чёрном брючном костюме.

— Мне она не нужна, я спокойно себя чувствую на своём месте, — улыбнулся в ответ мракоборец.

— Если твой план сыграет, то ты там и останешься, насколько я поняла?

— Если бы это был только мой план, — вздохнул мракоборец, когда Канцлер спустилась к нему.

— Чёртовы восточные техномаги, — расплылась в улыбке Августа, — Даже не думала, что буду надеяться на ваше рвение и преданность.

— В преданности тебе в восточных землях я бы посомневался, — хитро улыбнулся Виктор.

— Ну, в текущих обстоятельствах союзников выбирать не приходится, — она пожала плечами и оглянулась на всё ещё пустующий зал.

— Удержишь Баварию, если мы победим?

— Удержать сейчас не смогу, уж прости, а после вполне, — она вновь повела плечами и посмотрела на Виктора, — Охраны не будет? А если эти любители прусской истории решат взять штурмом наше собрание?

— Русских заметно потрепали, они отказались присылать охрану на само заседание.

— Когда два месяца назад ты уговорил меня пригласить их к нам, то не предупредил, настолько они своенравные, — усмехнулась Августа.

— Считаю это частью плана, — хитро ухмыльнулся Шваниц, — Тем более, чего тебе переживать, ты как фигура не интересуешь наших противников.

— Знаешь, Виктор, это даже немного обидно, — покачала головой женщина, — Но это развязывает руки. Надеюсь, твой новый канцлер не развяжет тут гражданскую войну.

— Мы постараемся этого не допустить, — скромно улыбнулся тот, — Но она ведь уже идёт, уже гибнут люди.

— Некоторых людей ты сам подставляешь под удар, чёртов паук.

— Ты сама попросила сделать Берлин чуть лояльнее.

— Ну, не лишением же голоса на собрании, — Вальдбург скривилась, а потом рассмеялась, — Ладно, меня такой расклад устроил, правда боюсь, что этот твой Хаким пребережёт месть на потом. И не будет у нас здесь схватки турок с нацистами.

— Скорее всего, но ничего не поделаешь, — Виктор поднял взгляд на вершину амфитеатра, где показался мракоборец, кивком поздоровавшись с ним и фрау Канцлером.

— Берлин и Саксония будут отсутствовать, — скривилась Августа, — Так что пусть люди Хайма почувствуют свою силу.

Шваниц согласно кивнул и посмотрел в сторону раскрывшихся дверей зала, куда уже заходили первые делегаты.

— А ты когда мне хотел рассказать, что девочка Мирбах уже у турок? — Августа радушно улыбнулась и кивнула входящим, а после посмотрела на Виктора.

— А я подумал, что тебе уже и не надо, — расплылся в приветственной улыбке тот, не поворачивая голову к Канцлеру.

— Напомни мне, пожалуйста, что будет если я вдруг вашу затею не поддержу?

— Не уверен, что в таком случае ты выйдешь живой из зала заседаний по окончании.

Тем временем делегация земли Шлезвиг-Гольштейн спустилась вниз и расселась по своим местам. Трое магов, две женщины и мужчина, сопровождали Еву Гюнтер, светловолосую дородную женщину в зелёном закрытом платье. Уроженка Любека, она стала делегатом Бундестага только в этом году взамен безвременно ушедшего, а более конкретно говоря, неудачно проведенного эксперимент с драконом Эриха Циммера. Ева ничем не запомнилась в Бундестаге и то ли выжидала большую часть времени, то ли просто занимала

соглашательскую позицию. Хотя ходили слухи, что за скромницей в парламенте скрывается хищник, который за год очень сильно укрепил своё влияние в Южной Дании. Не зря о Еве Гюнтер шептались, что её больше заботят датские дела, чем всегерманские.

— Виктор, что ты говорил про Гебитен? — Августа провожала взглядом, проходящих на своё место уроженцев Шлезвига и Голштинии, — Может всё-таки следовало всех проверить?

— И показать противнику, что мы в курсе его методов? — удивлённо посмотрел на неё Виктор, — Напомни, пожалуйста, за что тебя сделали канцлером?

— За красивые глаза, — саркастически заметила Вальдбург и повернулась на вновь раскрывшиеся двери.

Внутрь зала прошли два волшебника из Саара. Карл Бюркель, мужчина средних лет в чёрной мантии, учтиво, но холодно, поклонился Августе, что-то сказал своему спутнику и они проследовали на своё место. Бюркель занимал в Бундестаге жёсткую оппозицию фон Вальдбург, сам он происходил из семьи западных немцев, которые в первые послевоенные годы вошли в состав Правительства Западных Земель и в целом были одними из проводников политики, которую на востоке называли “дегерманизацией”. Кроме введения в обиход множества англосаксонских терминов в магическое искусство, ими был объявлен полный запрет на использование прусских чар, которые фактически приравнивали к непристительным. Ну, а в прокатившейся по ФРГ в послевоенные годы охоте на ведьм были обвинены техномаги, которые не привыкли соблюдать Статут о Секретности должным образом, потому зачастую раскрывали маглам свою природу, что и вылилось в подобную истерию и погромы домов волшебников. Потому и сейчас Карл Бюркель совершенно не разделял заигрываний Августы с техномагами, считая их в рамках западной традиции вырожденками магического рода, которые одновременно позорят и ставят под угрозу всё магическое сообщество одним своим существованием.

— Вот интересно, всех ли успеют наши любители прусской истории обойти? — задумчиво произнесла Канцлер, повернувшись к мракоборцу.

— Есть шанс, что большинство точно, — тот пожал плечами, а потом саркастически добавил, — Товарища Бюркеля точно. Он не любит таких, как адепты Хайма, так, что кушать не может.

— Очень хочу посмотреть на его лицо, если твой план удастся, — злорадно произнесла Августа.

— Когда, а не если, — усмехнулся Виктор и посмотрел наверх амфитеатра, где через двери проходила новая делегация, уже из земли Саксония-Анхальт: молодой маг лет двадцати от роду, Иоахим Гейне, а также две девушки и два мужчины вместе с ним. Они остановились, приветственно поклонились Канцлеру и главе мракоборцев, а после проследовали на своё место.

Гейне был самым юным делегатом Бундестага, а ещё, как говорили о нём злые языки, самым романтически настроенным. Молодой человек искренне верил одновременно в то, что любые противоречия можно решить мирными средствами, и в коммунистические идеалы с их торжеством социальной справедливости. Его родители, оба служившие в Штази, умудрились воспитать молодого идеалиста, и сейчас искренне удивлялись политическим успехам своего сына, который умудрился объединить вокруг себя такую же восторженную молодёжь, которая хоть и состояла из восточных техномагов, но не приемлила применение силы. Именно поэтому сейчас Саксония-Анхальт была второй из восточных земель, кроме

Саксонии, кто не собрал свою милицию.

Буквально следом в зал заседаний вошла делегация Рейнланд-Пфальца, четверо мужчин во главе с немолодой сухонькой женщиной в строгом платье цвета фуксии. Бригитта Вальдхаузен учтиво улыбнулась фон Вальдбург и кивнула своим спутникам, чтобы они следовали за ней на их места.

Бригитта в своё время входила в состав Правительства Западных Земель, как и родители Карла Бюркеля, однако откровенно презирала не только техномагов и восточных социалистов, но и самого главу делегации Саара, о котором откровенно отзывалась, как о человеке, не способном на что-то самостоятельное, живущим и действующим за счёт всего того, чего добились его родители, уважаемые и значимые люди. Ну, и опять же в отличие от самого Карла, она ставила Магическую Германию выше своих желаний и убеждений, потому когда узнала, что ей придётся сотрудничать с восточногерманскими техномагами, то сообщила, что будет вынуждена зажать нос и отвернуться, но ради Германии она готова пойти на это.

— Интересно, насколько её хватит? — произнёс Шваниц, провожая взглядом делегацию Рейнланд-Пфальца.

— Ты о чём? — фон Вальдбург повернул к нему голову.

— Насколько Бригитте хватит самообладания сегодня, это же вообще чудо, что она до сих пор нас поддерживает.

— Поддерживает она Виттельсбахов, а не меня, и здесь она только ради них.

— Ну, пока что ты их можешь удержать в рядах наших союзников, — усмехнулся мракоборец.

— Ой, не знаю, надолго ли, — мрачно отозвалась Канцлер.

И тут в зал вошла делегация Гессена. Два пожилых немца сопровождали Генриха Гессенского, статного мужчину, словно бы сошедшего с картин прусских генералов конца позапрошлого века — седые пушистые усы, седая борода, пепельные аккуратно зачёсанные набок волосы. Этот волшебник происходил из старой германской аристократии, которая помнила ещё кайзеровские времена, и сам Генрих вполне разделял идеи возрождения германского величия, быть может даже силовыми методами прошедших веков. Однако в своей риторике он открыто не высказывался ни за какой-либо реваншизм, ни против действующей политики Магической Германии, сохраняя осторожную позицию и одновременно с этим увеличивая число сторонников, понимая, что к тёмным лордам и тиранам отношение совсем не такое благосклонное, чем полвека назад, даже в среде чистокровных волшебников. Сейчас же он вступал в зал заседаний в должности исполняющего обязанности Председателя Бундестага, что накладывало на него определённую ответственность и одновременно с тем давало достаточно возможностей.

И этот волшебник вежливо поклонился Августе, а после обернулся к ещё одному спутнику — Отто Агриколе, который даже не посмотрел на стоявших внизу у трибуны волшебников, внимательно изучая зал заседаний.

— Тот случай, когда Авада Кедавра будет отличным началом разговора, — на скулах Шваница заиграли желваки.

— Напомни, пожалуйста, ты точно мракоборец? — Августа прищурилась, изучая взглядом делегацию Гессена, которая уже двинулась к своим местам.

— Точно, откуда ж у меня Авада? — саркастически заметил Виктор.

— Да уж, вряд ли в Штази практиковали Непростительные Заклятья, — усмехнулась

Канцлер.

— Никогда о таком не слышал, — покачал головой мракоборец и хитро ухмыльнулся.

Следом вошла делегация из Гамбурга, трое волшебников и их глава — Филипп Тельман, маглорождённый, который однако же в последние года достаточно серьёзно разбогател из-за своих торговых дел с Францией, Британией, Бенилюксом и, как ни странно, Турцией. И соответственно любая напряжённость между этими странами и Германией ставила под угрозу его прибыль, о чём он не забывал постоянно заявлять.

Совершенно не обратив внимание на Августа и Шваница, делегаты Гамбурга прошли на свои места. А двери вновь открылись, и на пороге появились волшебники из Баден-Вюртенберга во главе с огромным Виктором Церингеном. Одет он был в вычурный цветной камзол, словно из эпохи Аугсбургской Лиги[1], а металлический обруч на голове стягивал густые рыжие волосы. Рядом с ним стояли два молодых человека в строгих современных брючных костюмах, словно те только что вышли с фондовой биржи.

Церинген стремился расширить свои права на использование угодий Шварцвальда[2], а также на расширение автономии Байрсбронна — крупнейшего города цауберов на территории Магической Германии. Фон Вальдбург естественно это всё не нравилось, и она всячески стремилась не дать Шварцвальдскому Медведю выиграть в этом противостоянии. Однако Баден-Вюртенберг всё больше и больше становился самостоятельной землёй в составе Германии, формально не выходя из под её власти. Августа гадала, что же Виттельсбахи пообещали за лояльность Церингенам, и надеялась, что когда её сместят, с этим разгребаться придётся не ей.

Виктор добродушно поклонился и помахал рукой Шваницу и ей и направился со своими провожатыми на место. А вот следом в зал зашла делегация Баварии во главе с Альбрехтом Баварским: трое мужчин в строгих чёрных костюмах и двое женщин в строгих чёрных платьях. Альбрехт окликнул Виктора, тот обернулся, расплылся в улыбке и пожал руку магу.

— Интересно, если бы не случилось всей этой истории, как скоро бы тебя попросили перестать досаждать Шварцвальдскому Медведю? — усмехнулся Шваниц.

Августа зло на него взглянула и процедила:

— Разбираться с этим пришлось бы в том числе тебе, тебя б уж я с должности специально ради этого не стала бы снимать.

— Так вроде ж он не тёмный волшебник, сепаратизм не забота моего департамента, — тот совершенно невинно взглянул на немку.

— Тут если пристально поглядеть на половину зала, легко будет отсыкать тёмного волшебника, — она повернулась на Церингена и Виттельсбаха, которые со своими делегациями уже двинулись к местам, — А если поскрести, так и в каждом отыскать можно.

— Даже во фрау Канцлере? — в голосе Шваница послышалась издёвка.

— Даже в герре мракоборце, — мрачно ответила Августа.

Бавария, откуда сама фон Вальдбург была родом, всегда стояла особняком в немецкой политике, а три десятка лет после объединения, благодаря осторожной политике Виттельсбахов эта земля копила силы и обрастала связями и рычагами давления. Нет, нельзя было сказать, что у них было много союзников в остальной Германии, но в последние года чаще слышались голоса, особенно из других западных земель, что баварцы неуклонно увеличивают своё влияние во всей стране, и что с этим влиянием нужно что-то делать, чтобы это не стало всегерманской проблемой.

Следом в дверях показались волшебники из земли Северный Рейн-Вестфалия, трое

подтянутых мужчин в чёрных мантиях и их предводительница в мантии, отливающей серебром, Анна Эберль — такая же статная, как и её спутники, черноволосая женщина, Служительница Холма Калькризе и Защитница Германского Народа. Она особо не лезла во всегерманскую политику, однако злые языки поговаривали о насаженных на колья телах иноземцев, которые рискнули слишком близко подойти к священным местам, ревностно оберегаемых этой волшебницей. Ещё про неё шептались, что совсем не случайно реестр анимагов в этой земле застыл на отметке в ноль человек, а случаев ликантропии вот уже несколько десятилетий не фиксировалось в Вестфалии.

Женщина сдержанно поклонилась Августе и прошла на своё место в сопровождении спутников. И Шваниц заметил, что один из помощников несёт с собой увесистую холщовую сумку, и что-то подсказывало ему, что лучше даже не думать, что может быть в ней.

— А кого-то и скрести не надо даже, — произнёс Шваниц.

— Если кто-то хочет найти тёмного волшебника в Германии, то все знают, к кому идти, — отозвалась фон Вальдбург.

— Как она вообще уживается рядом с французами-то?

— Они просто не приходят к ней без приглашения.

Следом в зал вошли пятеро женщин в пёстрых платьях — делегация Бранденбурга. Во главе их шла Катарина Шульц, совсем ещё недавняя выпускница Дурмстранга, а сейчас — залог безопасности Берлина и порядка в столичных землях. Дерзкая маглорожденная волшебница за неполные два года нахождения во главе Бранденбурга развила бурную деятельность по сотрудничеству, как с немецкими кайнцауберами, так и с многочисленной мигрантской диаспорой, буквально заражая своими идеями интернационализма, равенства и примата техномагии над увядающим традиционным волшебством. В западных польских воеводствах её отлично знали, как филантропа и носителя прогрессивных идей. А в Варшаве примерно с полгода как стали задумываться о закрытии её въезда в Польшу, так как слишком часто западные шляхтичи слушали именно её советы, а не распоряжения магов с берегов Вислы.

Она улыбнулась Шваницу, вежливо кивнула фон Вальдбург и направилась вместе с сопровождающими к своему месту.

Затем в зал прошла делегация земли Мекленбург-Передняя Померания: молодой Мориц Мекленбургский, который три года, как сменил своего отца Дитриха на этом посту, а вместе с ним пожилая женщина в строгом платье с серебряными пуговицами, пожилой седовласый мужчина и совсем юный волшебник, ровесник самого Морица.

Про наследника Мекленбургского Дома говорили, что на восток он смотрит чаще, чем на свою родную землю, что отчасти и было правдой — Мориц имел множество дел в Поморском воеводстве Польши и Гданьске, но действовал менее публично, чем Катарина из Бранденбурга, сыскав в Варшаве славу “польского друга”, на что в его родной земле посмеивались — этот юноша умел притворяться хорошим и добрым, когда ему было нужно.

Встретившись глазами со Шваницем, он улыбнулся и проследовал во главе своей делегации на место, даже не посмотрев на Августу.

— Скажи честно, Виктор, у вас очередной Натиск на Восток[3] на пятницу запланирован? — та провожала мекленбуржцев взглядом.

— На воскресенье, поляки будут заняты в церквях, — без тени иронии ответил тот.

— Меня предупредите, пожалуйста, заранее, чтобы я уехать успела из страны.

— Да не переживай, всё не так закончится, как в прошлый раз.

— Конечно, русские уже в Берлине, им даже идти до него не надо.

Тем временем в зал вошла делегация Вольного ганзейского города Бремена: две женщины в бело-красных платьях и мужчина в деловом костюме. Мужчиной был Дитрих Бовеншульте — глава делегатов, чрезвычайно богатый маглорождённый торговец, как и свой визави из Гамбурга, торговавший со всеми окрестными странами и землями, но также имевший множество торговых партнёров за океаном в США. Как и Филипп Тельман, он выступал в большей мере за мир, однако всё чаще и чаще стали звучать голоса, что Дитрих становится проводником американской политики в Европе. Сам же волшебник от подобных обвинений отмахивался, говоря, что благодаря его деньгам и связям, это его заокеанские партнёры являются проводниками его политики.

Волшебник не обратил внимание на Августу и Виктора у трибуны, зато проходя к рядам, обернулся на двери в зал, где показалась делегация Нижней Саксонии: три мужчины в красных костюмах во главе с женщиной в строгом бордовом платье — Ингой Веттин. Дитрих расплылся в улыбке и поклонился ей. Та ответила ему такой же улыбкой и поклоном.

— Августа, а ты не интересовалась, когда в наши внутренние дела попробуют влезть американцы? — Шваниц с усмешкой смотрел наверх на две разговорившиеся между собой делегации, — А то пока тишина какая-то.

— Насколько я знаю, они решили не вмешиваться, получив по носу в Лондоне, потому пока не лезут, — та пожала плечами, внимательно наблюдая за делегациями Бремена и Нижней Саксонии, — Но жди со дня на день.

— Интересно, если победит Хайм, как быстро это произойдёт?

— Если победит Хайм, первыми, думаю, впрыгнут русские.

— Если бы я в это верил, я бы не волновался.

Августа усмехнулась, но ничего не ответила, она смотрела, как делегаты проходят на свои места. Нижняя Саксония уже давно не лезла в политику, стараясь сконцентрироваться на внешних связях с Бенилюксом, Францией и Британией, связи с которыми, порой казалось, были прочнее связей с Берлином. Однако фон Вальдбург знала, что её сокурсница с Шармбатона — хитрый и расчётливый политик, который не станет упускать свою выгоду, но лишний раз не станет выступать впереди. Исходя из этого, от неё сейчас было можно ожидать многого.

— Это последние, — Шваниц кивнул на рассаживающихся делегатов и двинулся к лестнице.

— Дождусь секретаря и начнём, — немного взволнованно улыбнулась фон Вальдбург и шагнула к трибуне.

Мракоборец кивнул ей, внимательно оглядел зал заседания и стал подниматься по лестнице наверх. Люди слева и справа переговаривались друг с другом, создавая гул, который заглушал любую членораздельную речь. В этом гуле мужчина и поднимался всё выше и выше, надеясь, что ничего, подобного взрывам в Министерстве позавчера, не он не услышит.

Шаг за шагом Шваниц поднимался вверх и ощущал, как растёт его волнение. Хотя казалось бы, чего волноваться? Если их план сработает, то и волнения ни к чему, всё случится, как должно. А если нет, и Хайм с Агриколой введут в игру какую-то свою карту, о которой не знает Виктор, так и поделом им бездарям, что не подумали. Смерть явится избавлением от идиотизма. Под повязкой продолжала чесаться шея, но он старался не

думать об этом, сосредоточившись на гуле вокруг — вдруг он сможет что-то членораздельное распознать?

Так мракоборец поднялся наверх и остановился около дверей, к нему подошёл совершенно молодой и безусый мракоборец — сразу видно, вчерашний выпускник, прибыл из провинции на подмогу:

— Герр Шваниц, разрешите уточнить?

— Да, Клаус, валяй, — тот кивнул и устало усмехнулся.

— Герр Шваниц, — молодой мракоборец раскраснелся, но всё же поборол своё волнение, — Почему Вы распорядились нарушить Протокол Досмотра?

Виктор немного ошарашено посмотрел на юношу, всем своим видом показывая, чтобы тот продолжал свою мысль.

— По Протоколу мы каждого входящего в зал должны проверить на наличие меток Непростительных Заклинаний, — набрав воздух в грудь, выпалил Клаус.

— Откуда ты? — устало потёр переносицу Шваниц.

— Из Байрсброна.

— Тебя там кто-то ждёт?

— Мама и сестрёнка, — Клаус непонимающе моргал на своего начальника.

— Вот чтобы они тебя завтра дождались, сегодня я и отменил это положение Протокола.

Его собеседник продолжал удивлённо смотреть на него, как к ним подошёл ещё один мракоборец, постарше Клауса, но всё же:

— Герр Шваниц, тёмных волшебников или потусторонних существ при осмотре найдено не было.

Глава мракоборцев ухмыльнулся и вопросительно посмотрел на вестфальцев, его подчинённый смутился, но тут же нашёлся:

— Так делегатов же не проверяли!

— А, точно, я же распорядился, — улыбнулся Виктор и похлопал подчинённого по плечу, — Хорошая работа, Яков.

Тот кивнул:

— Мы можем возвращаться на места?

— Да, — кивнул уже Шваниц, — И запомните, если что-то начнётся из ряда вон, не лезьте на рожон.

— Но мы же давали клятву, — удивился Клаус.

— Что-то не припомню, чтобы в словах клятвы было что-то глупую и бесполезную смерть, — мрачно ответил его начальник, — Пора бы уже понять, что мёртвый мракоборец никого не сможет ни защитить, ни спасти.

Молодые люди переглянулись и пошли на свои места.

В голове Шваница же засела мысль, что быть может, Хайм не захочет играть в политику, а пришлёт сюда пару боевых отрядов? Хотя вряд ли он решится на такое, Гебитен на делегатов с западных земель вряд ли содержит что-то иное, чем помощь в голосовании. А даже самый мощный отряд Анненербе вряд ли сможет что-то противопоставить в прямом бою, например, той же Анне Эберль, или Августе.

Он усмехнулся, глядя вниз на то, как у трибуны негромко переговаривалась Канцлер со своим секретарём, перекладывала какие-то бумаги. Нет, попытка силового захвата власти точно поставит крест на хотя бы какой-то легитимности для Анненербе. Главное, чтобы

Хаким своего террориста не спустил на них, хотя этот тоже вроде бы договороспособен.

К Виктору подошёл его заместитель, молодой мужчина с пышными русыми бакенбардами, Мориц Эберль:

— Я буду снаружи, ты здесь остаёшься? — его голос был немного взволнован.

— Да, — устало кивнул немец.

— Самых зелёных себе забрал? — Эберль кивнул на расставленных по верхнему уровню амфитеатра мракоборцев.

— Если что и полезет к нам, так это снаружи, пусть лучше здесь побудут. Кто на входе дежурит?

— Катерина с Евой, они уже ожидают гостей.

— Главное, чтобы никто неожиданный не пришёл, — Шваниц посмотрел на коллегу, — Придёт, кого не ждём, сразу же вызывай подмогу.

Мориц хрюкнул:

— Летучий отряд для затыкания дыр в обороне?

— Ну, а куда деваться? — улыбнулся Виктор.

Они разошлись, Мориц вышел из зала, затворив за собой дверь, Виктор же остался на верхней площадке амфитеатра, прислонившись спиной к стене под одной из картин. Интересно, если сейчас взрывом вынесет дверь, а в зал вбегут автоматчики в камуфляже, он удивится? Нет уж, вся эта история, которая разворачивается сейчас здесь, она, хочет того или нет, сближает мир магии и мир простых людей. В сущности, Германия и Советский Союз в прошлом веке доказали, что все люди одинаковы. Хотя к чёрту такие способы доказательства, давайте как-нибудь без них!

Августа фон Вальдбург взошла на трибуну, аккуратно разложила перед собой бумажки, зал стал затихать.

— Мои дорогие соотечественники! — Канцлер улыбнулась и обвела взглядом зал, — Сегодня, в эти смутные времена, я искренне рада всех вас видеть здесь, — зал затихал, однако одновременно с этим по нему прошёлся шёпот, — Мы все видим, что некоторые места пусты, трагические события в Саксонии конца прошлого месяца, и вчерашняя трагедия в Берлине, всё это привело к тому, что делегатов из данных земель сегодня нет с нами. Думаю, что ни у кого не возникает сомнений в том, что виновные в этих злодеяниях должны понести справедливое и неотвратимое наказание.

Шваниц посмотрел на делегацию Гессена, среди которых сидел Отто Агрикола, но те никак не отреагировали на слова Канцлера. Августа же продолжала:

— С нами также нет представителей Тюрингии, в столь сложный час эта земля приняла тяжёлое решение о том, что наведение порядка в своём доме важнее, чем общегерманские дела, мы уважаем их за это, тем более, что данный вопрос напрямую связан с теми трагедиями, которые я упомянула ранее. И хоть нам и прискорбно сегодня не наблюдать в этом зале их делегацию, однако же мы получили от них клятвенное заверение в том, что это никоим образом не отразится на их дальнейшем вкладе в решение наших общих вопросов, вопросов, касающихся каждого в Магической Германии.

Августа остановилась, снова обводя зал взглядом. Делегаты затихли, слушая своего Канцлера. Шваниц внимательно следил за гессенцами, те не выказывали никакого беспокойства, словно бы для них всё шло, как всегда.

— Не откладывая дело в долгий ящик, хочу позвать подняться на эту трибуну Генриха Гессенского, исполняющего обязанности Председателя Бундестага, для произнесения речи

открытия нашего заседания, — Августа лучезарно улыбнулась и посмотрела на главу гессенской делегации, приглашая его спуститься, но тот медлил.

Генрих повернул голову к Отто, сказав что-то, потом бросил несколько фраз своим делегатам и осторожно поднялся со своего места. Шваниц успел даже подумать, что у Аненербе и их сторонников был какой-то иной план, чем идти в лоб в парламентскую атаку на Августу — иначе объяснить чем-либо замешательство Генриха Гессенского глава мракоборцев не мог.

Однако тот вышел на лестницу и под сдержанные аплодисменты спустился к трибуне.

— Герр, — кивнула ему Вальдбург, — Рада Вас видеть в добром здравии.

— Фрау, — улыбнулся ей тот и взошёл на трибуну.

Шваниц видел, как Канцлер почти незаметным движением проверила палочку в рукаве своего костюма и прошла на своё место в переднем ряду. В его голове боролись сейчас две мысли: иррациональное желание занять место рядом с ней, чтобы в случае необходимости защитить, ведь от трибуны до первого ряда так недалеко и так удобно нападать; а также рациональное понимание, что Генрих Гессенский не будет раскидываться убивающими заклинаниями при всём Бундестаге, это не в его интересах. Хотя чем чёрт не шутит!

— Приветствую высокое собрание! — произнёс зычным голосом Генрих Гессенский с трибуны, и все взгляды с амфитеатра устремились к нему, — Прежде чем мы начнём наше заседание, я хочу почтить минутой молчания память трагически ушедшего от нас Председателя Бундестага Генриха фон Мирбаха. Прошу всех встать.

Словно в едином порыве собравшиеся поднялись со своих мест. Кто-то склонил голову, кто-то смотрел перед собой, а кто-то по-прежнему глядел на того, кто стоял на трибуне. Виктор же посмотрел на своих мракоборцев — молодые мальчишки, все, как один, сложили руки за спиной и склонили головы. Чувствуют важность момента, но вот если бы кто решил сейчас напасть — эх, это был бы последний миг их жизни. Надо будет им потом объяснить, как именно себя вести в подобных случаях.

Если представится возможность.

— А теперь приступим к нашему заседанию, — произнёс Генрих по истечении минуты, зал наполнился шумом, волшебники присаживались обратно, а глава делегации Гессена продолжил, — Сегодня, в эти по-настоящему тёмные и смутные времена для нашей Родины, я готов говорить не только от лица Бундестага, но и от лица всего волшебного сообщества Германии, — он обвёл взглядом вновь затихший зал и взглянул на Августу, — И посему, пользуясь дарованными мне правами, я выношу на обсуждение собрания вотум недоверия действующему Канцлеру Магических Земель Германии Августе Марии фон Вальдбург, как волшебнице, что своими действиями, а в особенности вопиющим бездействием, поставила под угрозу существование не только нашей страны, но и всего нашего магического сообщества.

Шваниц вздохнул и закатил глаза. На лицах молодых мракоборцев появилось недоумение вперемешку с удивлением. По залу разнеслись перешёптывания, а Альбрехт Баварский опустил ладонь на лицо.

— Если кто-то из достопочтенной публики, собравшейся сегодня в этом зале, считает эти мои обвинения беспочвенными, то вот вам несколько доводов в пользу моего заявления, — Гессенский мельком взглянул на лист, лежавший перед ним, и продолжил, — Первый довод состоит в развале Департамента Магического Правопорядка, а именно в том, что долгое время с попустительства Августы фон Вальдбург данным ведомством управлял

некомпетентный Рихард фон Мольтке, который своими действиями довёл эту структуру до того состояния, что во-первых, в нашем сообществе развернуло щупальца возрождённая оккультная организация Аненербе, которая, среди прочего, полностью повинна в гибели Генриха и Агаты фон Мирбах, а также Юргена Циммерна и Урсулы Клейн, и с этой угрозой Департамент, возглавляемый Рихардом фон Мольтке не делал совершенно ничего. А это, я напомню, угроза безопасности каждого из нас, если они покусились на жизнь таких чистокровных волшебников, как Мирбахи, то никто из нас не может себя ощутить в безопасности. И в этом есть вина Августы фон Вальдбург.

Шваниц посмотрел на Агриколу — лицо того не выражало никаких эмоций, словно бы он вообще не имел отношения к описываемым вещам.

— Во-вторых, — продолжил Генрих, — На лицо совершеннейшее пренебрежение возможной угрозы, исходящей от мигрантов с Ближнего Востока, наводнивших нашу землю. Департамент Магического Правопорядка ничего не сделал дабы предотвратить те трагические события, что стряслись в Берлине 17 августа, когда взрывы потрясли не только Министерство Магии, но и маглов, которые были тесно связаны с Августой фон Вальдбург. К моему величайшему сожалению, мракоборцы тогда пребывали в полнейшей недееспособности и занимались всем, кроме тех вопросов, которые действительно были важны, — он вздохнул, сверился с листом и снова заговорил, — Чем занимался Департамент Магического Правопорядка по указке фрау Канцлера? Они арестовали часть техномагов, среди сообщества которых также находились погибшие 31 июля в поместье Мирбахов волшебники. Также они установили слежку за главой Французской Директории Кристиной Валери Фавр де Поль, а затем вообще взяли её под стражу по надуманному обвинению, что спровоцировало напряжённость между нашими странами, — Генрих переложил листы на трибуне, — И тут я подхожу ко второму доводу, Августа Мария фон Вальдбург своей непродуманной политикой втянула наше государство в конфликт с Францией, и, если смотреть шире, со многими странами Западной Европы. Многие из вас в курсе с приглашении русских наёмников-маглов, которые успели поучаствовать в недавнем кризисе на Британских островах и во Франции к нам. Именно тех наёмников, что участвовали в штурме Министерства Магии Британии во главе с неким новоиспечённым тёмным лордом Эдрианом Смитом. Именно они спровоцировали текущий конфликт с мигрантами с Ближнего Востока, и именно им были переданы некие артефакты, которыми эти мигранты располагали. Переданы были безвозмездно в обход нашего законодательства, что напрямую свидетельствует о сговоре действующего Канцлера с ними. О прямом конфликте между Августой фон Вальдбург и Серафимой Абрабанель вы, почтеннейшая публика, думаю все в курсе, вы всё это читали, — исполняющий обязанности Председателя кивнул своим собственным словам, — Таким образом по совокупности факторов я готов обвинить Августу фон Вальдбург не только во втягивании нас в общеевропейский кризис, но и в прямом предательстве интересов нашей страны.

Шваниц внимательно оглядывал зал. Перешёптывания внутри делегаций его мало интересовали, зато реакция на слова Генриха — это было важно. Однако, никакой реакции, что выходила бы из ряда вон, пока не было.

— Таким образом, — продолжал Генрих Гессенский, — Этими двумя серьёзными доводами я подкрепляю своё заявление, — он посмотрел на Августу, — Августа Мария фон Вальдбург, я выношу на обсуждение Бундестага вотум недоверия Вам, как Канцлеру Магических Земель Германии. Фрау, у Вас есть что ответить на данные обвинения?

— Дорогой Генрих, — усмехнулась Августа, — При всём уважении, я не собираюсь отвечать на Ваши обвинения, потому что это означает опускаться до уровня склочной базарной особы. Если уж Вам так нужно сменить Канцлера, Вы вольны это сделать, — она широко улыбнулась и откинулась в своём кресле и прожгла взглядом Генриха, — Хочется посмотреть, как Вы управитесь на моём посту.

— И так как фрау фон Вальдбург ничего не хочет ответить на эти обвинения, то я готов предоставить слово любому, кому есть что сказать по сути обвинений или же против них, — он словно бы не заметил выпада Канцлера, обводя взглядом зал.

И тут на своём месте поднялась Анна Эберль, глава делегации земли Северный Рейн-Вестфалия:

— Приветствую всех собравшихся, — её ледяной голос огласил зал заседаний, — Обвинение, выдвинутое герром Гессенским очень тяжёлое, ибо оно сводится к одному, предательству. Предательству национальных интересов, и даже шире, интересов всего магического сообщества. В своих доводах достопочтимый герцог отчего-то не касается таких вещей, как многочисленное нарушение Статута о Секретности, которые стали следствием тех действий и бездействий, в которых обвиняется фрау Канцлер, — она говорила без заготовленного текста и переводила свой взгляд с одной делегации на другую, — Однако также не прозвучало и доводов о том, какие же выгоды фрау фон Вальдбург получила с этого предательства. Я понимаю, что скурпулёзного расследования не проводилось, однако не могу не отметить, что реальных доводов в пользу именно предательства нет. Всё сказанное ранее свидетельствует скорее о глупости и некомпетентности, а глупость, как мы все знаем, предательством не является. Я готова отдать свой голос и поддержать сам по себе вотум недоверия, однако же не готова считать Августу Марию фон Вальдбург предателем Германии.

Шваниц удивился и внимательно посмотрел на Генриха Гессенского, тот сохранял самообладание и лицо, однако вот его делегаты стали гневно перешёптываться, а на их лицах отразилось презрение к сказанным словам. Эберль села обратно на своё место, а исполняющий обязанности Председателя снова взял слово:

— У кого-то из собравшихся есть ещё что сказать по поводу моего обвинения?

— У меня есть, — со своего места поднялся Карл Бюркель, оглядел собрание и продолжил, — Я полностью поддерживаю сказанное ранее герром Гессенским, однако хочу от себя добавить также следующее. Августа фон Вальдбург намеренно пошла на сближение с магловским сообществом и намеренно решила оттолкнуть нас от остального волшебного мира, расширив права техномагов. Я напому, что история прошедшего столетия наглядно иллюстрирует то, что делает техномагия с магическим и магловским сообществами, когда добирается до власти. Волшебники и маглы не могут жить рядом и сотрудничать, мы слишком разные, тот искусственный конструкт, коим и является техномагия, наглядно демонстрирует нам невозможность мирного сосуществования двух совершенно разных по своей сути сообществ. И я напому, что текущий кризис также начался с трагедии, связанной с техномагами. Здесь я не могу поддержать фрау Эберль, всё случившееся, все действия действующего Канцлера я могу расценить лишь как предательство наших общих интересов в угоду техномагии. И напому, что она сама является техномагом. Да, не практикующим, но она проходила Ритуал...

— Как и все чистокровные волшебники в этом зале, идиот, — его перебила Бригитта Вальдхаузен, не вставая с места. Бюркель осёкся, лицо его покрылось пятнами, а в зале

раздались сдержанные смешки. Генрих Гессенский же глубоко вздохнул:

— Фрау Вальдхаузен, если Вам есть что сказать, я могу дать Вам слово.

Та посмотрела на него, как на умалишённого, и отрицательно покачала головой.

— Продолжайте, герр Бюркель, — по лицу Генриха было件нятно, что он еле сдержался, чтобы не высказать этой женщине всё, что он о ней думает.

— Я закончил, — поджал губы глава делегации Саара и сел обратно на своё место.

Шваниц улыбался и думал о том, как же все эти люди собрались захватывать власть, если между собой имеют такие противоречия. Августа не подарок, конечно, но вот это же вообще посмешище.

— У кого-то есть ещё что сказать? — голос Гессенского вновь огласил зал заседаний, и со своего места поднялся Мориц Мекленбургский.

— У меня есть кое-что сказать, — юноша скромно улыбнулся и начал свою речь, — Думаю, что никто будет спорить, что мы, как государство, сейчас пребываем в кризисе. Размер его и тяжесть можно будет оценить только по прошествии времени, но одно ясно уже теперь, он наступил. И что же предлагает многоуважаемый Генрих Гессенский? Снять с должности текущего главу государства, а всем остальным передрасться из-за власти. Ведь история нас учит, что именно это единственный способ преодоления кризиса, — Мориц усмехнулся и перевёл взгляд с Гессенского на Бюркеля, — Что до Вас, герр Бюркель, Вы напрасно боитесь техномагии, неумолимая статистика гласит о том, что восточные территории, где техномагов по-прежнему большинство, нарушения Статута имеют намного меньше, чем в западных землях, например, в Вашем же Сааре. При этом та же Померания более безопасна для любого волшебника, чем та же Вестфалия.

Анна Эберль саркастически рассмеялась, Карл Бюркель снова покрылся пятнами, а Виктор Шваниц успел подумать, что в целом Мориц прав, а те два волшебника из Саара в начале этого года просто утонули на Балтике. Лодка, знаете ли, перевернулась.

— Таким образом, я хочу сказать, что, во-первых, не готов поддержать выдвинутый на обсуждение вотум недоверия, — он перевёл взгляд на и.о. Председателя, — А во-вторых, уже Генриха Гессенского хочу спросить, как Вы предлагаете преодолеть текущий кризис, когда снимете Августу фон Вальдбург с должности? Какие дальнейшие шаги по возвращению благополучия в наши земли? Я закончил, — Мориц улыбнулся и сел обратно.

— Герр герцог, похоже, забыл, или в силу своего возраста не знает порядка сменяемости Канцлера, — сверкнул глазами Генрих Гессенский, — Но после отрешения от должности Канцлера Бундестагом тут же, незамедлительно проводятся выборы нового. Выставить свою кандидатуру может любой делегат Бундестага, исключением является лишь должность Заместителя Председателя и самого Председателя, люди, занимающие эти должности, не могут претендовать на то, чтобы стать новым Канцлером.

— Именно поэтому, уважаемый герцог, Вы притащили сюда своего кандидата? — Анна Эберль выкрикнула с места, она сидела откинувшись на спинку кресла, скрестив руки на груди и буравила взглядом Генриха Гессенского.

— Да, так и есть, — у того заиграли желваки, и в гневе он поджал губы, — Герр Агрикола известный врач, содержащий лечебницу в Берлине, филантроп и меценат.

— А ещё любитель прусской истории и оккультных тайн Третьего Рейха, — голос Анны звучал с презрением, — Может, мы сразу Одал начертим на полу у трибуны? И да, Карл, — она повернулась к Бюркелю, — Он тоже техномаг, так, вдруг, если ты не знал.

— Фрау Эберль, прошу сохранять спокойствие и придерживаться регламента, —

ледяным тоном процедил Генрих, — Да, я подготовился к вопросу голосования, и у меня есть свой кандидат, но это дело обсуждения второго вопроса. Первый вопрос, по которому требуется высказываться, это вотум недоверия Августе фон Вальдбург.

— Как пожелаете, — улыбка Анны превратилась в хищный оскал.

— Если больше ни у кого нет, что сказать... — исполняющий обязанности Председателя обвёл взглядом амфитеатр и увидел, как со своего места поднимается Дитрих Бовеншulte:

— Я имею несколько слов сказать по обсуждаемому вопросу, — он расправил плечи и улыбнулся, — Все понимают, что война это всегда плохо, в любом случае. Она нарушает привычный уклад, она приводит к гибели наших друзей и родных, она мешает торговым и научным связям, — волшебник посмотрел в сторону, где сидела Августа, по-прежнему не меняя своей позы, — Нас сейчас толкают к прямой войне, к войне с турками, к войне с французами, я считаю, что в этом повинна именно Августа фон Вальдбург, повинна своей недалёковидной политикой. И единственный способ остановить войну, это убрать с должности Августу. У меня всё.

Он сел обратно на своё место и глубоко вздохнул. Генрих Гессенский оглядел зал, в котором перешёптывались делегаты, ожидая, что кто-то ещё захочет высказаться, однако больше никто больше никто не поднялся и не заявил о своём желании говорить,

— Что ж, как я понимаю, все, кто имел что сказать, сказали это, — он ещё раз оглядел ряды с делегатами, — Тогда приступим к голосованию по данному вопросу, если нет иных возражений. Исключая Берлин, Саксонию и Тюрингию, сейчас у нас в зале находятся делегации тринадцати земель Магической Германии. И чтобы избежать кривотолков и обвинений меня в какой-то хитрой игре, я отдаю голос земли Гессен за вотум недоверия Августе Марии фон Вальдбург на посту Канцлера Магических Земель Германии.

Августа глубоко вздохнула, Шваниц посмотрел на своих мракоборцев — сейчас те отрешённо взирали на происходящее, всё-таки они справились с торжественностью момента, и начали выполнять свои прямые обязанности.

— Земля Баден-Вюртемберг?

— Я голосую против вотума недоверия, — Виктор Церинген посмотрел на Гессенского, как на ничтожество.

— Ваш голос принят, — тот посмотрел на секретаря, сидевшую в первом ряду от трибуны и протоколировавшую заседание, — Свободное государство Бавария?

— Против, — голос Альбрехта Баварского не выражал никаких эмоций.

— Ваш голос принят, земля Бранденбург?

— Я голосую за! — голос Катарины Шульц был высок и словно бы разрезал шум из перешёптываний делегатов, висевший в зале.

— Ваш голос принят, — Генрих Гессенский удивлённо посмотрел на главу делегации Бранденбурга, а после на секретаря, — Свободный ганзейский город Бремен?

— Мой голос за, — взволнованно произнёс Дитрих Бовеншulte.

— Ваш голос принят, Свободный и ганзейский город Гамбург?

— Я голосую за, — спокойно ответил Филипп Тельман.

— Ваш голос принят, земля Мекленбург-Передняя Померания?

— Я голосую против вотума недоверия, — покачал головой Мориц Мекленбургский.

— Ваш голос принят, земля Нижняя Саксония?

— Я голосую за, — голос Инги Веттин был спокоен и отстранён.

— Ваш голос принят, земля Северный Рейн-Вестфалия?

— Я голосую за, — с презрением бросила Анна Эберль и прожгла взглядом исполняющего обязанности Председателя.

— Ваш голос принят, — тот ответил злобным взглядом, но никак больше не ответил, — Земля Рейнланд-Пфальц?

— Я голосую против, — надменно произнесла Бригитта Вальдхаузен.

— Ваш голос принят, земля Саар?

— Я голосую за, — уже почти справившийся с волнением сказал Карл Бюркель.

— Ваш голос принят, земля Саксония-Анхальт?

— Я голосую за, — произнёс совсем юным голосом Иоахим Гейне.

— Ваш голос принят, и земля Шлезвиг-Гольштейн?

— Я голосую за, — совершенно отрешённым голосом сказала Ева Гюнтер.

— Ваш голос принят, — Генрих Гессенский развернулся к секретарю, та негромко продиктовала ему результаты, и вот он уже развернулся к делегатам, — Итого девять голосов за вынесение вотума недоверия Августе Марии фон Вальдбург и четыре голоса против. Таким образом решением Бундестага Магических Земель Германии, Августа фон Вальдбург освобождается от должности Канцлера, — он посмотрел на Августу, — Фрау, Вам есть что сказать?

Та посмотрела на него, как на идиота, и отрицательно покачала головой.

— Что ж, тогда приступим ко второму вопросу повестки, выборам нового Канцлера, — Генрих оглядел собравшихся, — И да, у меня есть кандидат на эту должность, Отто Агрикола, глава Берлинской лечебницы ментальных расстройств, известный меценат и филантроп. Именно такого кандидата требует наша страна, оказавшаяся на пороге войны, страна, которую предыдущий Канцлер намеренно поссорила с ближайшим соседом, и которая оказалась на пороге войны со всей магической Европой, — пока он это говорил, Анна Эберль неспеша поднялась, взяла холщовую сумку у одного из своих помощников и всё также никуда не торопясь начала спускаться по лестнице вниз к трибуне, — Фрау Эберль, Вам есть, что сказать?

— Есть, Генрих, есть, — голос женщины был наполнен презрением, — Я верно понимаю, что каждый из присутствующих может выставить кандидатом любого? — она стояла внизу перед трибуной спиной к лестнице и пристально смотрела на волшебника на этой самой трибуне.

— Всё так, фрау, — тот всё также сохранял самообладание, но с каждой секундой делать ему это становилось всё сложнее.

Шваниц отошёл от стены, на которую опирался, и проверил палочку. Он видел, что также палочку проверила и Августа, внимательно переводя взгляд с Генриха на Анну и обратно.

— Тогда я выдвигаю кандидатуру Иоахима Гейне, — волшебница развернулась, указав на главу Саксонии-Анхальт, — Я искренне считаю, что кто угодно будет лучше Отто Агриколы на посту Канцлера, и вот этим кем-то пусть будет герр Гейне, — она зловеще ухмыльнулась, — Он хотя бы реально пацифист, в отличие от этого Отто. Уважаемые делегаты, если вы действительно верите словам Генриха Гессенского о том, что нашей стране нужен тот, кто остановит войну, то пусть это будет дивный романтик из Саксонии, чем тот, от кого за версту веет Аненербе.

— Фрау, я попрошу Вас вернуться на место, — процедил сквозь зубы Генрих, — Ваш

кандидат будет учтён, если не заявит самоотвод, — он посмотрел на делегацию Саксонии-Анхальт, те пребывали в смятении, однако ничем не выражали несогласие со словами Анны Эберль.

— Да, конечно, только подарочек Вашему кандидату попрошу передать, — она захлопала глазами и швырнула на ступени трибуны сумку со своего плеча, та раскрылась, и из неё выкатилась сушёная человеческая голова, зал ахнул, волшебник на трибуне побагровел, а Анна хищно улыбаясь продолжила, — За последний месяц в моих лесах было поймано три лазутчика, все трое относились к Аненербе, и все трое назвали имя Отто Агриколы, как того, кто послал их шпионить за мной, — она изящно развернулась и сделала шаг к лестнице наверх, но тут у Генриха закончилось самообладание.

— Что это за цирк, Анна! — закричал он, его лицо от гнева всё сильнее наливалось кровью, — Объяснись, что это!

— А? — словно ни в чём не бывало волшебница развернулась и удивлённо захлопала ресницами, — Это? Это голова, там ещё две в сумке. Я решила, что Вашему кандидату в Канцлеры они нужны.

— Что ты себе позволяешь?! — голос волшебника был громоподобен, и он ударил кулаком по трибуне.

— Голосую против твоего кандидата, Генрих, — женщина чуть наклонила голову и хищно улыбнулась. Рука главы Гессена непроизвольно потянулась за волшебной палочкой, на что Анна легонько покачала головой, — Не пытайся, если не хочешь проверять, как долго ты проживёшь без головы.

Ногти на её руках стали медленно удлиняться и заостряться. Также заостряться стали скулы на её лице, а улыбка всё больше походила на оскал. Шваниц наблюдал, как медленно и напряженно поднималась на ноги делегация Вестфалии. Гессен сидел от них через проход и ещё несколько кресел, в целом это даже для палочки боевое расстояние, но эти собирались пускать в ход отнюдь не волшебные палочки. Зачем тебе палочка, если ты можешь оторвать противнику голову своими лапами?

Виктор выхватил палочку, взмахнул ей, и с её кончика вылетел сноп искр, яркая горящая звезда взмыла под потолок и с грохотом рассыпалась на множество искр под куполом зала.

— Требую прекратить! — голос Шваница зазвучал под куполом, а рана под повязкой зачесалась ещё нестерпимей, — Требую от вас всех соблюдать спокойствие и порядок в зале! Иначе мы вынуждены будем применить силу.

— Да, прошу прощения, — лицо Анны стало прежним, она кивнула Шваницу и спешно поднялась к своим делегатам, которые уже успели усесться обратно.

— Да, хорошо, — процедил Генрих и глубоко вздохнул, — Прошу прощения, — он поглядел на сумку под трибуной, возле которой по прежнему лежала засушенная голова, после пожал плечами и обернулся к амфитеатру, — Как я понимаю, Иоахим Гейне не против выдвижения собственной кандидатуры, но возможно есть ещё кандидатуры, которых готовы выдвинуть для участия.

На со своего места поднялась Бригитта Вальдхаузен:

— Уважаемое собрание, в законе нет прямого запрета на то, чтобы человек, снятый с должности Канцлера вотумом недоверия, не мог участвовать в новом голосовании, — по залу разнёсся шёпот удивления, раздались смешки, — Потому я выставляю кандидатуру Августы фон Вальдбург.

На лице Августа было написано “А может не надо?”. Виктор Церинген расхохотался. Шваниц зажмурил глаза, надеясь, когда он их откроет, это всё осталось лишь сном, но нет, так не случилось.

— Генрих, Вы уже превратили заседание Бундестага в цирк с дикими животными, — Бригитта посмотрела на вестфальцев, там Анна непонимающе хлопала ресницами и удивлённо пожимала плечами, — Не вижу проблем продолжить, или у Вас имеются возражения?

— Генрих, если у Вас есть возражения против этой клоунады, то я её, пожалуй, поддержу, — усмехнулся Альбрехт Баварский, — Закон, действительно, не запрещает делать таким образом, Вам ли не знать об этом?

— Если Августа фон Вальдбург не заявит самоотвод, она может участвовать в качестве кандидата, — процедил сквозь зубы герцог Гессенский.

— Не заявлю, давайте уж поучаствую, — произнесла фон Вальдбург.

— Хорошо, у кого-то ещё есть кандидатура, которую он хочет выдвинуть? Если нет, то тогда мы приступим к голосованию.

— Генрих, — снова поднялась со своего места Бригитта Вальдхаузен, — Отчего-то Вы, герр, несказанно торопитесь. А как же речи кандидатов? И ладно, что Августа и Иоахим только сейчас узнали, что они стали кандидатами, но Ваш достопочтенный Отто Агрикола, он же явно готовился. Тем более, что он так и не ответил об обвинении в слежке и причастности к Аненербе, вон, голова у трибуны так и лежит.

Отто поёжился, Шваниц видел, как этот аненербист напрягся всем телом, ему явно не нравилось происходящее. Генрих же снова начал багроветь, но совладал с собой и посмотрел на главу Мракоборцев:

— Виктор Шваниц, прошу удалить из зала заседаний Бригитту Вальдхаузен и всю делегацию земли Рейнланд-Пфальц.

— Простите великодушно, а на каком основании? — тот улыбнулся уголками губ, — Она не нарушает закон, моё личное отношение к данной фрау далеко от идеала, но тёмным магом назвать её у меня язык не повернётся.

— Если Вы удаляете тёмных магов из зала заседаний, прошу вывести отсюда всю делегацию Северного Рейна-Вестфалии! — в голосе герцога Гессенского появились истеричные нотки.

— Герр исполняющий обязанности Председателя Бундестага, — Виктор заложил руки за спину и стал менторским тоном говорить, — Я напомню Вам, что я и мой департамент напрямую подчиняемся Канцлеру Магических Земель Германии. До момента назначения нового Канцлера эти обязанности исполняет Августа фон Вальдбург. В случае её гибели, я буду исполнять приказы её личного секретаря, которая сейчас отсутствует в зале заседаний. Если и она покинет этот мир, то я в качестве главы своего департамента войду в совет, который примет на себя управление Магическими Землями Германии, и коллегиальным решениям которого я буду подчиняться. Простите великодушно, герр исполняющий обязанности Председателя Бундестага, но на данный момент не существует законных оснований для того, чтобы Вы отдавали мне приказы.

— Простите, что я вклиниваюсь в вашу умопомрачительную беседу, — высокий голос Катарины Шульц заставил всех обратить на девушку внимание, — Но я хотела бы поддержать фрау Вальдхаузен, пусть Отто Агрикола выскажется, а заодно и расскажет нам о содержимом вот той самой сумки, — она весело рассмеялась и указала на трибуну.

— По закону, — голос Отто был сух и осёкся, по всему было видно, что этот немец сильно волнуется, — По закону я имею права не высказываться, если не считаю нужным. И у глубокоуважаемого Бундестага нет юридических оснований заставить меня говорить.

— Да, всё именно так, — Генрих кивнул и злобно посмотрел на место делегации Бранденбурга, где Катарина уже скрестила руки на груди и обиженно надула губы, — А оттого мы можем перейти к голосованию. И я отдаю голос земли Гессен за Отто Агриколу. Прошу секретаря зафиксировать это, и теперь я готов выслушать, за кого отдаст свой голос земля Баден-Вюртемберг?

— За Августу фон Вальдбург, — голос Шварцвальдского Медведя был раздражён, он буквально буравил взглядом Генриха.

— Ваш голос принят, — сухо ответил тот, — Свободное государство Бавария?

— Августа фон Вальдбург, — Альбрехт Баварский посмотрел на Церингена.

Виктор Шваниц услышал голоса за дверью, подошёл к ней и прислушался.

— Ваш голос принят, — Генрих Гессенский говорил всё также сухо, — Земля Бранденбург?

— Я голосую за Иоахима Гейне, — весело ответила Катарина Шульц.

— Ваш голос принят, Свободный ганзейский город Бремен?

— Отто Агрикола, — голос Дитриха Бовеншulte был отрешённым.

Виктор Шваниц усмехнулся, что-то расслышав за дверью, развернулся к ней спиной и отошёл на пару шагов в сторону.

— Ваш голос принят, — в словах Генриха Гессенского начали появляться торжествующие ноты, — Свободный и ганзейский город Гамбург?

— Отто Агрикола, — своей интонацией Филипп Тельман вторил коллеге из Бремена.

— Ваш голос принят, земля Мекленбург-Передняя Померания?

— Иоахим Гейне, — Мориц Мекленбургский был совершенно спокоен.

— Ваш голос принят, земля Нижняя Саксония?

— Я отдаю свой голос за Отто Агриколу, — голос Инги Веттин был начисто лишён эмоций.

— Ваш голос принят, земля Северный Рейн-Вестфалия?

— Я голосую за Иоахима Гейне, — зловеще улыбнулась Анна Эберль.

— Ваш голос принят, земля Рейнланд-Пфальц? — исполняющий обязанности Председателя совершенно не обратил внимание на интонации главы Вестфалии.

— Я голосую за Августу фон Вальдбург, — презрительно бросила Бригитта Вальдхаузен.

— Ваш голос принят, — широко улыбнулся Генрих, — Земля Саар?

— Я воздержусь, — отрицательно покачал головой Карл Бюркель.

— Ваш голос принят, — немного удивлённо произнёс глава Гессена, — Земля Саксония-Анхальт?

— Я не хочу отдавать голос за себя, это неправильно — покачал головой Иоахим Гейне, — Потому что голосую за Августу фон Вальдбург.

— Ваш голос принят, земля Шлезвиг-Гольштейн?

— Я отдаю свой голос за Отто Агриколу, — совершенно без каких-либо эмоций произнесла Ева Гюнтер.

— Ваш голос принят, — Генрих Гессенский повернулся к секретарю, та быстро сообщила ему результаты, и он снова обернулся к амфитеатру, — Таким образом результаты

голосования следующие. Пять земель отдали свои голоса за Отто Агриколу, четыре земли отдали свои голоса за Августу фон Вальдбург, три земли отдали свои голоса за Иоахима Гейне и одна земля воздержалась...

Резко распахнулись двери зала заседаний.

— Многоуважаемое собрание, прошу минуточку внимания! — глава Тюрингии Вильгельм Эрнст, худощавый и высокий мужчина в коричневом костюме-тройке, буквально влетел в зал заседаний и замер наверху лестницы, оглядывая собравшихся, а затем стал спускаться, — Я надеюсь, не опоздал и ещё могу принять участие в голосовании?

Следом за главой Тюрингии в зал зашло два десятка волшебников, державших в руках волшебные палочки, пятеро из них начало спускаться вслед за Вильгельмом, а остальные рассредоточились по верхней площадке амфитеатра.

Виктор Шваниц махнул мракоборцам, чтобы ничего не предпринимали — те недоумённо на него посмотрели, но подчинились. Через двери бодрым шагом прошло ещё с десяток людей в камуфляже без опознавательных знаков, зато с автоматами, и они также распределились по верху амфитеатра. А вслед за ними в дверях встал его помощник Мориц Эберль и торжественно посмотрел на начальника. Виктор же стал спускаться вслед за тюрингйцами вниз по лестнице.

— Что это всё значит, герр Эрнст?! — закричал Генрих Гессенский с трибуны.

— Это значит, что в законодательстве, регулирующем допуск делегатов до участия в заседании очень чётко указано, что каждый волшебник, имеющий право голоса, до начала заседания должен быть проверен на наличие меток, указывающих на возможное ментальное или иное воздействие, оказанное на него, — Вильгельм широко улыбнулся и продолжил спускаться, когда он оказался внизу, то обернулся к Шваницу, — Виктор, а была ли проведена данная процедура?

— Нет, герр Эрнст, — тот отрицательно покачал головой.

— Вопиющее нарушение! — воскликнул глава Тюрингии и повернулся к Августе, — Фрау фон Вальдбург, мы же можем проверить делегатов на наличие этих меток прямо сейчас?

По залу прошёлся ропот, кто-то из волшебников вскочил со своего места.

— Герр Шваниц, прошу проверить на наличие меток Непростительных Заклятий каждого из глав делегаций, — Августа неспеша поднялась со своего места и вышла к трибуне, — Начать попрошу с главы Тюрингии.

— Что Вы себе позволяете, — прошипел глава Гессена с трибуны?

— Позволяем себе следовать закону, — ледяным тоном ответила ему Вальдбург.

Шваниц зажёл фиолетовый огонёк на кончике своей волшебной палочки и подошёл к Эрнсту, обследовал его, после покачал головой:

— Чисто, меток нет, — затем шагнул к трибуне, — Герр Гессенский?

— Это... — тот справился с нахлынувшими эмоциями и кивнул, — Да-да, конечно.

Виктор обследовал его, цокнул языком и произнёс, повернувшись к Августе:

— Метка Гебитен, формально это не является Непростительным Заклинанием, однако эта чара действует по аналогии с Империио.

Генрих побледнел, его подбородок задёргался. Он взглянул в сторону Агриколы, тот, поймав его взгляд, сглотнул.

— Господа главы делегаций, прошу по-очереди спуститься к нам для проверки, — Вильгельм обернулся к амфитеатру, — Также прошу всех остальных оставаться на своих

местах и не пытаться покинуть зал. В противном случае наши друзья будут вынуждены применить к вам силу.

Бойцы наверху амфитеатра, кто с волшебными палочками, кто с автоматами, явно не шутили, потому волшебники довольно быстро подчинились просьбе. Генрих Гессенский же ощутил, как от волнения и ярости дрожат его колени. На ватных ногах он спустился с трибуны, аккуратно обойдя сумку с головами. На трибуну взойшла Августа фон Вальдбург.

Примерно четверть часа потребовалось Шваницу, чтобы проверить наличие меток на оставшихся главах делегаций. Все совершенно спокойно выходили к нему, и все, у кого была обнаружена метка, точно также, как герцог Гессенский, бледнели и возвращались назад на негнущихся ногах. Сам исполняющий обязанности Председателя оставался стоять внизу рядом с пятью волшебниками из Тюрингии и Вильгельмом Эрнстом.

— Итого, метки прусской чары Гебитен были обнаружены на телах глав делегаций Бремена, Гамбурга, Гессена, Нижней Саксонии и земли Шлезвиг-Гольштейн, — Августа говорила по-деловому, не давая волю эмоциям, — Исходя из этого голосование по первому вопросу сегодняшнего заседания необходимо скорректировать. И так как исполняющий обязанности Председателя Бундестага именно по этой причине не имеет права участвовать в заседании, то я возьму на себя право вести дальнейшее заседание, — она обернулась к секретарю, — Прошу, скорректируйте итоги голосования по первому вопросу.

Секретарь Бундестага кивнула и сообщила Вальдбург новые результаты.

— Четыре голоса в поддержку вотума недоверия мне на посту Канцлера Магических Земель Германии и четыре голоса против, однако у нас теперь присутствует делегация Тюрингии, ранее не принимавшая участие в голосовании, — Августа повернулась к Вильгельму, — Прошу отдать свой голос за или же против вотума недоверия, герр Эрнст.

— Я отдаю свой голос за вотум недоверия Вам, фрау фон Вальдбург, — тот улыбнулся и чуть склонил свою голову.

— Благодарю, — расплылась в улыбке волшебница, — Таким образом, решением Бундестага Магических Земель Германии я освобождаюсь от должности Канцлера.

В зале послышались негромкие аплодисменты.

— Далее прошу приступить к новому голосованию по выбору нового Канцлера, — голос Августы был торжествующим, — И здесь я сразу же беру самоотвод, я не буду участвовать в выборах в качестве кандидата. Герр Гейне, обращаюсь к Вам, Вы будете участвовать в повторных выборах?

— Нет, — отрицательно покачал головой молодой волшебник, — Но я готов выставить кандидатурой Вильгельма Эрнста, главу делегации Тюрингии.

Ропот прокатился по залу, но быстро стих. Сам же Вильгельм поклонился залу:

— Если меня выберут Канцлером Магических Земель Германии, я сделаю всё, чтобы в кратчайшие сроки разрешить этот кризис, в который оказалась втянута наша земля. Вы все прекрасно знаете меня, и знаете, чего от меня ожидать, и как бы это кому не было противно, но я считаю, что только путь техномагии сможет закончить те тёмные времена, что опустились на нашу страну!

Аплодисменты со стороны делегаций восточных земель были ему ответом.

— Фрау фон Вальдбург, позвольте мне высказаться, — со своего места поднялся Альбрехт Баварский, — Правом, дарованным мне, я выдвигаю на должность Канцлера Бригитту Вальдхаузен, при всём уважении к герру Эрнсту, её я считаю более удачной кандидатурой на этот пост.

Бригитта расплылась в довольной ухмылке. Августа пожала плечами:

— Это Ваше право, Альбрехт, однако, формально, у нас есть ещё один кандидат, оставшийся с предыдущего голосования, — она усмехнулась и внимательно посмотрела на Отто, который торопливо поднялся и стал пробираться к лестнице, — Волей исполняющего обязанности Канцлера Магических Земель Германии я приказываю Виктору Шваницу арестовать Отто Агриколу, как участника Аненербе и организатора убийства Генриха и Агаты фон Мирбах, а также Юргена Циммерна и Урсулу Клейн.

Отто уже был на лестнице, когда прозвучали эти слова. Перед ним наверху возник Мориц Эберль с волшебной палочкой, а снизу стал подниматься Виктор Шваниц. Отто знал, что аппаратура из зала Бундестага не работает, как и в сам зал, защищённый мощным артефактом, потому выдохнул, развернулся и вскинул палочку в сторону трибуны.

— Тотеметайнем Ворт! — вслед за голосом Шваница полыхнула зелёная вспышка, и бездыханный Агрикола рухнул на ступени.

В зале все замерли.

— А теперь мы можем приступить к голосованию, — сухо произнесла Августа фон Вальдбург через несколько минут тишины.

1 — Аугсбургская лига — союз, заключённый 9 июля 1686 года императором Священной Римской империи Леопольдом I, королём Испании Карлом II, королём Швеции Карлом XI, курфюрстом Баварии Максимилианом II Эмануэлем и некоторыми другими монархами. Союз изначально ставил перед собой цель создание мощного союзного войска для отражения территориальных притязаний французского короля, потом был обращён против протестантов Священной Римской Империи.

2 — Шварцвальд — лесистая область на юго-западе Германии, в земле Баден-Вюртемберг. На этой территории обитали множество волшебных существ и оттого там существовали обширные заповедные магические земли.

3 — Натиск на Восток — выражение, появившееся в середине XIX века и использовавшееся в националистических дискуссиях во второй его половине. Термин употреблялся в кайзеровской Германии в XIX веке и позже в нацистской пропаганде для обозначения немецкой экспансии на восток, подчеркивая стратегическую важность германской колонизации востока для расширения немецкого «жизненного пространства» в конкурентной борьбе с другими народами

Глава VI. Французский миттельшпиль

*

(19 августа)

Иван с Кристиной появились из воздуха посреди небольшой комнаты ровно между рабочим столом и узкой кроватью. Шторы на окне были плотно задернуты, но всё же сквозь них пробивалось яркое солнце. На кресле рядом со входной дверью и кроватью лежала раскрытая сумка, из которой выглядывали бутылки и большой кожаный блокнот.

Русский одним движением, не отпуская талию Кристины, несильно стукнул по керосиновой лампе, которая стояла на столе и еле-еле светилась. От прикосновения огонь внутри неё резко вспыхнул, добавив света в пыльный сумрак комнаты.

Вторым движением он развернул к себе француженку, та от неожиданности не успела воспротивиться, как уже смотрела прямо в лицо Ивана. А он резко выбил палочку из её руки, и оттолкнул от себя так, что девушка упала навзничь на кровать.

В голове Кристины успели пронестись самые чёрные мысли по поводу своей судьбы, пока она, лёжа в неудобной позе, приподнималась и вынимала вторую палочку. Иван же в два шага дошёл до входной двери, коснулся той своей волшебной палочкой, а после развернулся к девушке:

— Кристина, давайте мы пропустим тот момент, где Вы пытаетесь на меня напасть, лёжа на моей же кровати, — он внимательно смотрел на палочку, которую держала в руках француженка, — И просто проясним некоторые моменты.

Фавр де Поль медленно поднялась, держа своё оружие перед собой, и отшагнула в сторону окна. Русский же лишь покачал головой и спрятал одну свою волшебную палочку:

— У меня нет ни малейшего основания доверять Вам, сотрудникам Вашего департамента или аналогичным волшебникам из Британии. Но так уж вышло, что нас явно хотят убить одни и те же люди.

— Вы про что? — немного нервно улыбнулась Кристина, осматривая комнату.

— Я про ваш спектакль с обороткой, — скривился Иван, — Вас ждали турки, ждали именно Вас, потому что на остальных даже не дёрнулись, когда те изображали миловидную француженку в летнем сарафане. Из этого я и делаю свой вывод, ждали они именно Вас.

— А Вы тут причём?

— А в мою сторону они также дёрнулись. И если Вы не заметили, я уже дважды спас Вам, если не жизнь, то здоровье уж точно.

— Благодарность выпрашиваете?

— Конечно, мы русские же жить не можем без благодарности от ханжей и лицемеров, — осклабился Лисицын.

— Это мне сейчас убийца и тёмный маг заявляет? — рассмеялась в ответ француженка.

— Ну, раз я тёмный маг, — пожал плечами русский и сделал шаг вперёд, — Тогда вперёд, покажите, сударыня, чему Вас учили светлые маги благословенного запада, — он сделал ещё один шаг вперёд.

— Не подходи... — прошипела девушка, откинув очередную прядь волос, упавшую на глаза. Иван подошёл ещё на шаг ближе.

Кристина выкинула вперёд руку с палочкой, стремясь достать до лба противника, но тот правой рукой отвёл её удар, а левую с размаха опустил на макушку Фавр де Поль. Прозвучала

фраза на непонятном языке, её француженка разобрать не успела, потому что сразу же могильный холод пронзил всё её тело. Сердце сжалось тисками ужаса, рука повисла плетью, выронив волшебную палочку. Ноги подкосились, и Кристина упала на колени. Сознание не покидало её, но воли к сопротивлению не осталось, лишь осознание неизбежности и неотвратимости наказания, а ещё безнадёжности любого сопротивления.

Лисицын, держа француженку за голову, закатил глаза и резким движением поднял её на ноги. Та покорно поднялась. Он отвёл её к креслу и чертыхаясь одной рукой убрал оттуда сумку на кровать. После усадил Кристину в кресло, заглянул ей в глаза и отправил в здоровый крепкий сон.

Потом подобрал обе палочки француженки, скинул их в сумку. Затем вытащил оттуда блокнот в кожаном переплёте, пролистал его, отложил на стол возле ярко горящей лампы. И, закрыв сумку, убрал её под кровать.

**

(19 августа)

Вокруг была лишь темнота.

Темнота была сырой и затхлой, снизу ощущался холодный каменный пол, по бокам — шершавые каменные стены, точно такие же холодные.

Рихард пошевелился и попытался подняться — голова раскалывалась, в висках пульсировала кровь, каждое движение отзывалось болью в теле. Щиколоткой он ощутил прикосновение металла и тяжесть на ноге, звякнул металл о камень. Мракоборец, держась о стену, согнулся и нащупал на ноге металлическое кольцо и цепь. Двинул ногой — цепь тут же натянулась. Мольтке аккуратно вдоль стены сел обратно на пол, и осознал, что на нём по-прежнему женский сарафан. “Хоть ноги разуты, а то кеды бы стали колодками”, — пронеслось в голове, когда он вспомнил, что с ним и его невольными товарищами случилось последнее.

Он увидел, как исчезла Кристина, когда на неё навалилось несколько турок, какой-то человек её обнял и аппарировал вместе с ней. А после сам мир стал резко светлеть, пока не стал совершенно белым — ничего нельзя было разобрать, кроме белого цвета. И вместе с этим пришла боль.

Рихард коснулся затылком холодного камня, и боль сразу начала отступать, но тут же он ощутил, как из его носа побежала кровь.

— Чёрт, — выдохнул он, вытирая кровь рукой.

— Что, ты тоже где-то тут жив? — голос Энцо Ламбера, этого огромного француза сопровождался звоном металла о камень.

— Да, вроде бы жив... — вздохнул мракоборец, — Голова только раскалывается.

— Не только у тебя, — отозвался Энцо вместе с лязгом цепи, — Тебя ж тоже приковали?

— Да, вот ногу, — Мольтке дёрнул ногой, словно показывая её, но в темноте всё равно было не разобрать ничего, зато о пол застучала цепь.

— Везёт, на меня ошейник, похоже, надели, и на руки с ногами.

— Меня тоже только за ногу, — откуда-то из темноты донёсся голос Поля Готье, — Энцо, а ты им, видно понравился, — он попробовал сказать это весело, но голос был слаб и тих.

— Я просто был самой красивой Кристиной, да, — шмыгнув носом Ламбер.

— А кто её забрал-то с собой? — подал голос Мольтке.

— По-моему, это был этот мерзкий русский, с которым мы на Броккене были, — снова раздался металлический лязг, — Она с ним ещё поцапалась после, там же. Иван Лисицын.

— Думаешь, она в опасности? — взволнованно, но также тихо, произнёс Готье.

— Думаю, что нам бы о себе подумать надо, — ворчливо отозвался Энцо.

— А что тут думать? — отозвался немец, — Здесь мы можем только ждать, пока к нам придут.

— А это не тот русский, который пару лет назад из Британии бежал? — спросил Поль.

— Тот, — голос Ламбера был отстранён, — Кристина сказала, что этого Лисицына обвинили в хладнокровном убийстве двоих преподавателей Хогвартса.

— Я слышал эту историю, даже говорил с очевидцами, — боль начала отпускать голову Мольтке, он смог начать нормально говорить, — Этот Лисицын действовал в паре с англичанкой, её удалось обезвредить во время задержания. А потом оказалось, что вся её семья составляет ячейку на службе тёмного лорда, как раз из России. Было достаточно громкое дело.

— Я видел зелёную вспышку возле Кристины... — голос Поля в этот раз сопровождался железным лязгом, видимо, француз менял положение своего тела.

— Этот русский владеет Авадой, — всё также отстранённо говорил Энцо, — И пользуется ей.

— Зачем ему Кристина-то? — Готье попытался повысить голос, но боль пронзила виски.

— Мы пока этого не знаем. Хотя, может, мы у русских в подвале?

Сверху со скрежетом отодвинулся люк, через решётку полился свет. Узники мгновенно зажмурили глаза, потом проморгавшись увидели, что находятся в небольшом, буквально три на три метра, каменном колодце. Высота у него была не меньше пары этажей. Энцо Ламбер был прикован к стене ошейником за шею, а также за руки и ноги, так что особо не мог пошевелиться. Лёгкий сарафан в голубой василёк стал грязным и порвался в некоторых местах, обнажив крупную мускулатуру француза. Поль Готье и Рихард фон Мольтке были прикованы в противоположных углах от Ламбера, каждый за ногу к цепи.

Сверху поднялась решётка, после оттуда полетел вниз и разбился о каменный пол большой красный арбуз. Ошмётки долетели до узников. Решётка с грохотом опустилась обратно.

— Что для вас свобода, господа? — обволакивающий мужской бархатный голос появился сразу отовсюду, — На что вы готовы пойти ради неё?

— Кто ты? — Мольтке поднял голову вверх, пытаясь разглядеть что-то за решёткой.

— Сейчас я тот, у кого можно купить свою свободу, — голос стал насмешливее, — А можно остаться здесь, если мы не сойдёмся в цене.

— Чего ты хочешь? — спросил немец поднявшись на ноги.

— От вас я особо ничего не хочу, — насмешка в голосе стала явной, — Но меня попросили передать вам предложение.

— Озвучь его уже, кем бы ты ни был, — раздражённо бросил Ламбер.

— Вы готовы купить свою свободу? Прямо здесь и сейчас, без раздумий?

— Готовы! — Рихард повысил голос, — Назови уже свою цену!

— Слишком поспешно, подумай ещё.

На скулах Мольтке заиграли желваки, он сжал кулаки.

— Кто ты, и где мы? — устало спросил Поль, попробовал поднять голову кверху, но

боль не отпускала.

— Я торговец, — голос рассмеялся, — Что, вы так и не поняли? Ко мне пришли особые люди и попросили продать вам вашу свободу в обмен на кое-что. Например, на верность.

— На верность кому? — прокричал Ламбер, в висках крик отдался болью.

— На верность данному обету, данному слову.

— Какой обет от нас кому нужен? — спросил Мольтке, подняв бровь.

— А это не так важно, главное, согласие, — голос стал походить на заговорщицкий шёпот, — Но Рихард, раскрою карты, лично твоя верность этим людям не нужна, ты свою свободу сможешь купить за что-то другое, я подумаю, за что. Или предложу кому-нибудь ещё тебя выкупить.

Ламбер попробовал дёрнуть руками, но лишь натянул цепи:

— Я не буду давать обет неизвестно кому неизвестно за что!

— Тогда ты умрёшь, — голос стал расстроенным, — Это будет моя упущенная прибыль. Жаль. Так что предлагаю подумать, господа-французы. А к тебе, Рихард фон Мольтке, я вернусь позже.

После этих слов со скрежетом люк задвинулся обратно, погрузив узников в непроницаемую темноту.

— И кому вы понадобились? — произнёс Мольтке в наступившей тьме.

— Да чёрт его знает, — отозвался Ламбер.

— Французам каким-то, — голос Готье звучал слабо, — Может, сообщникам Абрабанелей?

— Кому-то из трёх четвертей чистокровных родов? — скептически заметил Энцо, — Круг сузился.

— Много же у вас противников, — заметил Рихард.

— А ты был готов продать свободу? — спросил его слабым голосом Польш.

— Я был готов выбраться отсюда, — немец опустился на четвереньки пополз к арбузу, — А пока я готов поесть, неизвестно, сколько ещё тут сидеть.

— Ну, тогда приятного аппетита, — саркастично заметил Ламбер.

***

(19 августа)

— Шармбатон дважды за лето потерял своего ректора, Великие Рода что-то будут с этим делать? — пожилая женщина с ярко-рыжей шевелюрой, завязанной в шишку на затылке, с вызовом посмотрела на молодого человека в белом костюме, сидевшего в кресле напротив неё.

Небольшой кабинет замка Шармбатон заливал яркий полуденный свет, окна были распахнуты, через них внутрь дул приятный тёплый ветер. Но на лицах собравшихся мужчин и женщин виднелось беспокойство и смятение. Кроме деканов факультетов здесь же присутствовал Али Демир в своей неизменной белой дишдаше, а ещё молодой человек в безупречно белом брючном костюме и таких же туфлях. Именно к нему сейчас обращалась мадам Лучиано, сверля его взглядом.

— Нам всем не по-душе то, что произошло в Париже вчера утром, — мягко и тихо ответил тот, доброжелательно улыбнувшись, — И благодаря месье де Камбэраку мы знаем о случившемся в деталях. И мы планируем что-то с этим делать, мадам Лучиано.

— Просветите, пожалуйста!

— Подобные вещи не говорятся вслух прилюдно, — юноша усмехнулся, — Если я об

этом рассказу, то пути назад уже не будет.

— То есть вы намерены отступить? — улыбка рыжеволосой женщины стала угрожающей.

— Месье Колиньи хочет сказать, Доротея, что даже у стен есть уши, — пожилой мужчина с короткими зачёсанными набок волосами посмотрел на говоривших, — Мы находимся в осаждённой крепости, самое страшное, что может быть, это предатель.

— Винсент, ты обвиняешь меня в предательстве? — голос рыжеволосой женщины зазвенел под потолком, а потом она расхохоталась, — Ты правда считаешь, что я могу поддерживать эту суку? Её? Ту, что просто так хватает людей и кидает в застенки?

— Я обвиняю тебя в несдержанности, — тот устало потёр глаза, — Нам всем есть за что не любить Кристину, но нужно же соблюдать предосторожности.

— Ты о чём? — искренне удивилась Доротея, — Что-то я пока не вижу вокруг тех, кто хочет, чтобы сюда ворвались мракоборцы.

— Винсент, Доротея права, — покачал головой молодой загорелый юноша с кудрявыми волосами, — Мы все хотим только одного, чтобы наконец всё стало, как раньше. И закончился этот кошмар с арестами и Замком Иф.

— К сожалению, я не могу гарантировать, что это закончится скоро, — покачал головой Колиньи, — Более того, я прибыл сюда, в том числе, чтобы предостеречь от скорых выборов нового Ректора.

— Мы и не собирались, никто с Серафимы не слагал полномочия, — подала голос молодая черноволосая девушка в пепельном платье.

— Всё так, — кивнул юноша в белом костюме, — Но кроме того, есть и хорошие новости. Мы собираем силы. И у нас уже есть союзники по ту сторону Проливов. Сегодня в свою должность вступил Министр Магии Британии. Он уже ранее высказывал нам свою поддержку в борьбе против диктатуры Фавр де Поль, но буквально со дня на день у меня состоится с ним встреча, где, я надеюсь, будут достигнуты договорённости о помощи.

— Чем нам сможет помочь Британия? — спросил Винсент, — Они пострадали от русских также, как мы от де Тулона.

— У них есть силы, способные повлиять на весь ход борьбы, но ещё, месье Демир, расскажите, что сегодня случилось в Берлине.

— О, просветите нас, пожалуйста, — расплылась в улыбке Лучиано.

— Энцо Ламбер и Поль Готье были задержаны моими товарищами, — турок сверкнул глазами, — Как я понимаю, это ближайшие приспешники этой Фавр де Поль?

— Ламбер-то нет, — протянула девушка в пепельном платье, — А вот Готье, да. А что случилось? Как так вышло?

— Эта француженка, о которой вы все тут говорите, попыталась провести операцию, которая оказалась нашей ловушкой, — тон Демира был торжествующим, — Мишель Колиньи попросил нас об услуге, вот, мы её оказали.

— Как я понимаю, к сожалению, самой Кристине удалось уйти? — спросил Винсент.

— Она сбежала вместе с одним из русских, бросив своих на произвол судьбы.

— Сбежала она с русским, который считается персоной нон-грата в Магической Британии, — улыбнулся Мишель, — Он обвиняется в двойном убийстве преподавателей Хогвартса, и вот теперь наша глава Директории сотрудничает с ним.

— Как интересно! — воскликнула Доротея, — А британцы в курсе?

— Мы поставим их в известность на будущей встрече, — Колиньи расплылся в

торжествующей улыбке, — Как я сказал, мы собираемся с силами пока что, но это лишь вопрос времени. Осталось подождать несколько дней, и мы начнём действовать. А пока, надеюсь, наши турецкие союзники нам помогут в задержании Фавр де Поль?

Али Демир кивнул и оглядел собравшихся:

— Никто же не расстроится, если Кристина не выживет в результате этого?

— Как по мне, она должна предстать перед справедливым судом! — воскликнула девушка в пепельном платье.

— Селена, это небольшая потеря, если она не доживёт до него, — сказал молодой загорелый юноша, — Главное дело будет сделано!

— Хосе, ты забываешь про де Ноайя, который до сих пор жив, и до сих пор в Париже, — ответила та, покачав головой.

— А почему бы нашим турецким друзьям, не организовать в Париже такое же происшествие, что они сделали в Берлине? — Лучиано пристально посмотрела на турка, — Габриэль де Ноай не пользуется охраной, давайте его уберём!

— Как только мы исполним ещё одно дело в Германии, — тот посмотрел на Мишеля, — И если нас об этом попросят Великие Рода.

— Когда вы отбываете в Германию? — спросил Колиньи.

— Сегодня вечером, — улыбнулся Али Демир.

— Вы что, покинете нас в столь сложный час? — всплеснула руками Доротея, — А кто нас защитит, если сюда придут мракоборцы?

— Думаю, пока Поль Готье в наших руках, не придут, — рассмеялся тот, — Шармбатону нет нужды опасаться.

— Согласен, — кивнул Мишель, — Давайте подождём несколько дней, чтобы закончить приготовления.

— А что у вас за дело в Германии? — спросила Селена.

— Нас преследуют техномаги, они объявили всех нас вне закона, как вы все уже знаете, нужно доказать, что с нами тоже следует считаться.

— Ну, тогда предлагаю выпить за успех! — Доротея хлопнула в ладоши, появился домовый эльф с подносом с бокалами, в которых было налито игристое вино. Он быстро раздал их всем, кроме турка, и также исчез.

— За успех нашего дела, — поднял бокал Колиньи, — И удачи Вам, месье Демир!

— Благодарю, — учтиво поклонился турок.

****

(19 августа)

— Напомни, пожалуйста, почему мы просто не можем взять и убить де Камбэрака? — Тома де Талейран-Перигор хитро прищурившись посмотрел поверх своего бокала на де Ноайя, — Только давай ты сразу пропустишь ту часть, в которой рассуждаешь про честь, доблесть и прочую абстракцию.

Габриэль де Ноай закатил глаза, вздохнул и отпил вино из бокала.

Они сидели на террасе перед парковым прудом по которому неспеша плыли утки по своим утиным делам. Светило солнце, позади них через окно летней кухни доносился звон посуды и окрики домового эльфа, который то и дело распекал кого-то за плохую работу.

— Потому что в этом нет смысла, — глава Департамента Магических Происшествий и Катастроф посмотрел на уток, — Ну, убьём его, они нового выдвинут из своих рядов. Тома, там толпа чистокровных волшебников, которым техномагия, как кость в горле, а

грязнокровку Фавр де Поль они с радостью увидели бы в гробу да ещё и открыли бы бутылочку Бордо на похоронах.

— Надеюсь, они про нас такого же мнения, — Талейран пригубил вино.

— Не думаю, — покачал головой его собеседник, — Они прекрасно понимают, что если убрать главных лиц нашего проекта, всё рассыпется. Потому Мирбаха пришлось публично казнить.

— Мне кажется, про Валерия это уже секрет Полишинеля.

— Отнюдь, — покачал головой де Ноай, — Многие просто не задумываются, что такое возможно.

— А когда задумаются, ой-ёй, сдаётся мне, нашего мертвеца нам недолго осталось скрывать, — Тома покачал головой, — Слышал, в Британии новый Министр Магии?

— Что, этот белобрысый ростбиф добрался до власти?

— Ага, — глава Департамента Тайн и Загадок кивнул, — Это он же стоял за всей этой историей со Смитом?

— По слухам, да, — Габриэль отпил вино, — Но кто ж теперь разберёт? Если стал Министром Магии, значит уважаемый член общества.

Поверхность пруда покрылась рябью от лёгкого ветерка, утки встревоженно закричали, но быстро успокоились.

— Не хочешь, кстати, сам стать Министром Магии? — Талейран посмотрел на собеседника.

— Давай подумаем, сколько я проживу дней на этом посту? — тот весело посмотрел в ответ, — У наших врагов вон в союзниках террористы ходят. Так что будет, как в Берлине.

— Главное, чтобы не как в Лондоне.

— Ты про русских-то? С этими лучше не связываться, никогда не знаешь, что они затеяли.

— Думаешь, у них своя игра? — Тома снова отпил вино.

— Они работают напрямую на Кремль, — пожал плечами Габриэль, — Я очень удивлюсь, если окажется, что их работа на Смита не была согласована с руководством России.

— А зачем им это? Ведь непонятно же тогда было, чем закончит Смит.

— Могу только гадать, — пригубил вино де Ноай, — А зачем англичанам нужно было организовывать показательный процесс над семьёй русского агента пару лет назад? Устрашение. Показать, что вот, мы и так можем, знайте.

— Ты про какой процесс? — Тома заинтересованно посмотрел на собеседника.

— В девяностые в России действовала одна секта на Кавказе, я не вдавался в подробности, — де Ноай долил вино в бокалы, — Среди прочего они были тесно связаны с бандитами и исламскими фундаменталистами, что там прочно окопались. Тёмные ритуалы, жертвы в виде магловских детей, как я понимаю, там было всё настолько страшно, что британские Пожиратели Смерти на их фоне можно считать детским утренником.

— Издалека начал, — улыбнулся Тома.

— Так вот, в двухтысячные когда Россия стала наводить у себя порядок, до этой секты тоже добрались, но их глава и ещё один волшебник из высших иерархов сумели сбежать. Притом, когда они обнаружили себя в Британии, то официально попросили убежища и объявили себя беглецами от репрессий тёмных волшебников из России.

— Их даже не стали проверять? — удивился его собеседник.

— А как ты их проверишь? — усмехнулся де Ноай, — Думаю, они себе и воспоминания подтёрли так, что даже первоклассный легилимент[1] ничего не обнаружил бы. И вот эти двое стали работать преподавателями ни где-нибудь, а в Хогвартсе.

— А, я слышал эту историю! — воскликнул Талейран, — Убийство преподавателей по Защите от Тёмных Искусств и Зельеварению?

— Да, именно этим они там и занимались, всё честно, не прикопаешься. Но русские не забыли про них. За ними была установлена слежка, девушка-агент работала в баре в Хогсмите. Вот в один из дней, когда эти двое зашли после занятий в бар, туда же прибыл ещё один русский. Там этих беглецов и ликвидировали, да вот незадача, туда же прибыли мракоборцы. Девушка-бармен была убита, второму русскому удалось скрыться. Британцы его потом выпустили из страны, — Габриэль снова посмотрел на уток, — Зато после арестовали всю семью девушки, которые, как я понял, вообще не знали про её двойную жизнь. Под видом ячейки тёмных волшебников мать с отцом были казнены, а сестра погибшей отправилась в Азкабан.

— Откуда ты всё это знаешь? — Тома хитро прищурился.

— Давай я не буду раскрывать своих информаторов? — также хитро посмотрел на него Габриэль.

— Думаешь, русские согласились на использование своих наёмников Смитом в отместку за всю эту историю?

— Не исключено, — повёл плечами де Ноай, — Опять же хороший способ ослабить геополитического противника.

— Хорошо, что они так к нам не залезли, — Талейран отпил вино и усмехнулся, — Зато я получил ответ на вопрос, что будет, если волшебнику засунуть его палочку в глаз.

— Не за что, — рассмеялся Габриэль, — Но они теперь наглухо завязли в Германии, а там пока непонятно, как всё повернётся.

— Поль не вернулся?

— Думаю, Кристина взяла его в оборот ради своих целей. Я был готов к этому, благословных мракоборцев он после себя оставил.

— Ты о нём так говоришь, будто он больше не вернётся, — Тома поморщился.

— Я всё больше прихожу к мысли, что нам придётся жертвовать фигурами ради победы, — с горечью произнёс его собеседник.

— Хочешь сдать Кристину этим чистокровным?

— Боюсь, это неизбежно, и если от этого будет зависеть наша победа, то придётся.

— Интересные рассуждения от благородного Габриэля де Ноая, — усмехнулся Талейран, — Ты учти, что пожертвовав Кристиной, ты получишь оппозицию уже среди мракоборцев, её там любят.

— Я думал про это, ты сам не забывай, что у нас на кону не личная власть кого-то из нас, а сохранение волшебников во Франции? Магия истончается, — устало произнёс тот.

— Магия истончается, — проговорил в ответ его собеседник, — Мой отец готов нам помочь, согласен даже не выходить из Замка Иф ради такого, — Талейран хитро прищурился, — Только Серафима тоже не глава чистокровных, так что толку от этого дела, сам же сказал?

— Сейчас она невинно арестованная по надуманному поводу, — серьёзно проговорил де Ноай, — Но если мы докажем, что она не случайно оказалась единственной выжившей в той бойне, что де Тулон устроил в Шармбатоне, то это уже будет другой разговор.

— Главное, чтобы ваши с Кристиной подозрения оказались правдой, — Тома посмотрел на уток, которые клином плыли в их сторону.

— Твой отец согласен завтра провести ритуал?

Тома кивнул и допил своё вино. Габриэль посмотрел на его опустевший бокал и долил туда вина.

— А если техномагия не выход? — Талейран внимательно посмотрел на собеседника, — Если она не поможет сохранить волшебство?

— Пока мы считаем её выходом, есть надежда, — устало улыбнулся тот, — Хотя опять же, если смотреть на русских, то кроме неё есть все основания так считать.

Тома де Талейран-Перигор улыбнулся, поднялся со своего кресла, взял со стола половину сдобной булочки и пошёл кормить уток, которые как раз подплыли к ним и начали призывно крякать.

1 — Легилименция — способность мага проникать в сознание другого человека, изменяя воспоминания и мысли.

Глава VII. В поисках союзников

*

(19 августа)

Кристина шла по мокрому песку, держа дедушку за руку.

Совсем рядом на пологий, уходящий в море пляж, шумя и пенясь, накатывали стальные валы. Ветер был крепким, кудри одиннадцатилетней девочки постоянно лохматились и сбивались, падая на глаза. Лёгкий сарафан продувало, но холодно не было, напротив, она чувствовала, что этот ветер и море были отличным завершением жаркого летнего дня.

На горизонте, где море сходилось со стальными облаками, такими же кудрявыми, как и девочка, то и дело появлялся горящий золотом просвет, в который показывалось заходящее солнце.

— Что-то сегодня не лучшая погода для прогулки, — смущённо улыбнулся дедушка, взглянув на внучку. Его полотняную рубашку и летние брюки также трепал ветер, а соломенную шляпу приходилось то и дело придерживать рукой.

— Деда, а вот прямо здесь высаживались англичане? — Кристина, не обращая внимания на ветер, указала пальцем на полоску пляжа.

— Да, примерно тут, — кивнул тот, — Весь пляж был в плотях, с которых сходили солдаты. А отсюда, — он повернулся, указав на холмы, — А отсюда по ним стреляли немцы.

— Те же, что и в тебя стреляли? — девочка была серьёзная, и хоть ей и мешались кудри, старалась внимательно смотреть на дедушку.

— Не знаю, вряд ли — дедушка улыбнулся, — Я ж не участвовал в высадке, нас через два месяца после этого отправили на континент. Помнишь, я рассказывал историю про канадского майора и нашего капрала?

Кристина остановилась, задумалась и кивнула.

— Вот это как раз происходило неподалёку отсюда, на побережье, — мужчина хитро ухмыльнулся, — Не замёрзла ещё?

Девочка снова отрицательно помотала головой, но спросила:

— А если бы тогда англичан немцы победили? Ну, здесь, — она обвела рукой пляж, — Что было бы?

— Не знаю, — пожал плечами её дедушка и улыбнулся, — Наверное, тогда бы Бельгию освободили русские.

Кристина повернула голову в сторону моря, где снова между туч выглянуло солнце, полоснув своими лучами по берегу. Девочка залюбовалась им, но заметила, что мир вокруг начал темнеть. А взамен рокоту волн стали звучать голоса, всё отчётливее и отчётливее.

— Кстати, слышал историю, что после войны по Германии прокатилась волна охоты на ведьм? — голос взрослого мужчины ей показался знакомым, но она, вроде бы, никогда раньше не слышала его.

— Нет, это после Первой Мировой что ли? — более молодой мужской голос она узнала, это был тот мерзкий русский!

— Нет, после Второй, — мужской голос спокойно отвечал ему, — И всё происходило в союзной зоне оккупации.

— Интересно, никогда не слышал, — голос Лисицына звучал всё отчётливее, а Кристина понимала, что её прогулка с дедушкой была лишь сном, и сейчас она просыпалась

в плену у русских.

— Вот, представь, под носом у американских властей творится форменное мракобесие, а им не то, чтобы было особенное дело до этого, — Кристина узнала мужской голос, это был глава аналитиков русских наёмников, точно!

— О, я всё жду, когда Америка решит влезть в эту заварушку.

— Ну, мне что-то подсказывает, что вне зависимости от того, чем там в Бундестаге дело кончится, завтра надо ждать реакции, а послезавтра гостей.

Кристина открыла глаза.

Она полулежала на кресле, на том же самом, куда её усадил Лисицын, когда подавил её волю. На ней был тот же летний сарафан и кеды — здесь совершенно ничего не поменялось.

Напротив неё на столе сидел сам русский волшебник, сидел по-турецки поедая вилкой что-то из тарелки. Рядом с ним стояла ярко горящая керосиновая лампа и чашка, от которой поднимался пар.

Девушка пошевелилась и повернула голову, оглядываясь.

— С пробуждением, сударыня, — Романов сидел, закинув ногу на ногу, у изголовья кровати сбоку от неё и также что-то ел из тарелки, — Прошу прощения за действия этого пса режима. Он, конечно, утверждает, что действовал из самообороны, но я ему не верю.

Лисицын на эту фразу закатил глаза и отправил вилкой кусок чего-то себе в рот.

Кристина вдохнула, усаживаясь на кресле прямо, и учуяла запах кофе. Повернула голову и увидела на табуретке чашку с чёрным ароматным напитком и тарелку. На тарелке лежал стейк и печёные овощи. Судя по всему, именно это и ели русские волшебники.

— Верните мои палочки, господа, — голос Кристины был недовольным, она одновременно была удивлена, что проснулась несвязанной и вообще вполне целой, но с другой стороны понимала, что попытка силой вырваться отсюда для неё будет чревата.

— Верни палочки, ирод, — произнёс ироничным тоном Михаил и посмотрел на Ивана, который даже перестал жевать.

— Ты сидишь на них, — недовольно произнёс тот и дожевал кусочек. Романов вопросительно поднял бровь, Лисицын кивнул в сторону кровати, — Там сумка под тобой.

— А! — воскликнул глава аналитиков WC, поставил тарелку на кровать, наклонился и вытащил сумку, — А.

— Открой, она не кусается, — произнёс Иван, жуя новый кусок.

Кристина внимательно следила за балаганом, происходящим перед ней, и размышляла, будут ли её преследовать, если она сейчас попробует сбежать? И какие вообще у этих двоих на неё планы — сейчас они вообще не выглядели сколь-нибудь опасными, но она обоих уже видела в бою, а ещё успела послушать разного о них. Кто же эти русские, и чего они хотят?

Михаил тем временем раскрыл сумку, аккуратно вынул оттуда две волшебные палочки и передал их девушке, рукоятью вперёд. Та также аккуратно забрала их и кивнула:

— А теперь я уточню, я пленница этого благородного собрания? — одну палочку Кристина спрятала, а вторую оставила в руке.

— А? Нет, — помотал головой Романов, задвинув сумку обратно, и уселся обратно на кровать, вернувшись к еде.

Француженка перевела вопросительный взгляд на Лисицына.

— Нет, можете идти, — тот помотал головой, потом кивнул на табуретку возле кресла, — Еду сможете потом доесть.

— Нет, спасибо, — она поднялась на ноги и поправила сарафан, — Я, пожалуй, пойду

своей дорогой.

— Ваш номер на этаж ниже, — улыбнулся русский, сидевший на столе, — Нас в одном и том же отеле поселили.

— О, неплохо, — Кристина обворожительно улыбнулась, подошла к двери, открыла её и вышла из номера.

— Ставлю на пятнадцать минут, — произнёс Романов.

— Да не, номер правда на этаж ниже, тут и десяти хватит, — ответил Лисицын.

— Ну, она должна осознать, понять, куда ей обращаться... — Михаил сделал неопределённый жест с рукой, в которой была вилка.

— А вдруг она подумает, что нам нельзя доверять? — Иван доел свою еду и поставил пустую тарелку на стол.

— Доверять можно только себе, и это в целом нормально.

— Вроде бы, пока всё указывает, что наши цели с ней схожи, — фсбшник вытер рот салфеткой и спустился со стола, — Из Бундестага известий никаких?

— Нет, — покачал головой аналитик, доел свою порцию и поставил на стол, — Думаю, мы сами скоро узнаем.

— Когда боевой отряд Анненербе придёт сюда измерять черепа?

— Ну, что ж поделать, если у европейцев периодически такое развлечение случается? Но вообще я считаю, что идеальной стратегией во всей этой истории было бы постоять в стороне, пока турки с фашистами разбираются.

— Только вокруг ещё куча людей, которые хотят во всех этих разборках принять деятельное участие, — Лисицын отпил кофе.

— Ну, нельзя просто так взять и оставить в покое крупное государство в центре Европы, — усмехнулся Романов, — Опять же, что Анненербе, что Глубинное Государство, все они радостно торгуют на рынке союзничества и предоставления разнообразных услуг третьим сторонам.

— Их услуги всё же не отличаются особым разнообразием, — улыбнулся фсбшник.

— Ну, в целом, как и у нас, — пожал плечами Михаил, — Можно сказать, мы даже конкурируем с ними, на каком-то уровне.

— На уровне участия в гражданской войне, — скривился его собеседник.

— Надеюсь, немцы до такого уж совсем не опустятся. Сам-то что думаешь, пёс режима? — аналитик рассмеялся.

— Что даже если они не захотят опускаться, остальные с радостью им помогут в этом, — злобно ответил тот, — Сейчас ещё прогрессивная общественность осознает вашу роль, товарищи-наёмники, в деле низвержения в хаос Британии и Франции, так вообще будет геополитический праздник.

— Францию не мы, Франция сама себя, — помотал головой Михаил, — Но ты даже немного прав, из Лондона нас вытащили именно что при помощи геополитических игр.

— Как и меня, — улыбнулся Иван и задумчиво посмотрел на дверь, — Мне кажется, она не вернётся. А между прочим, детей ей тоже надо искать.

— В её возрасте, проще новых сделать.

— Так это ж не её, тут своими не заменишь.

— На что тебе она? — хитро посмотрел на собеседника Романов, — На Лубянке есть виды на эту особу?

— Ну, одну француженку вы забрали, сейчас мы ещё одну заберём, — пожал плечами

тот.

— Де Алонсо была испанкой, — рассмеялся аналитик.

— В общем нет, мне просто одиноко и грустно, — многозначительно произнёс Лисицын, — Ты же не хочешь меня сопровождать в лечебницу Агриколы.

— Потому что соваться туда без отряда прикрытия, это дурость. Хотя лисе можно.

Иван рассмеялся и раскрыл блокнот, который лежал на столе. И примерно на минуту комната погрузилась в тишину.

— Слушай, а вы не наводили справки об этой возрождённой Аненербе? — спросил Лисицын, листая блокнот.

— Ты про что именно спрашиваешь?

— Про их цели, — он перелистнул ещё одну страницу, — Я просто думал, зачем им два мальчика? И однозначного ответа не нашёл.

— Для богомерзких ритуалов, очевидно же, — поморщился Михаил.

— Они собираются с большой долей вероятности либо призывать кого-то в наш мир, либо, что ещё хуже, возродить кого-то умершего, — Иван обернулся к собеседнику, держа блокнот в руках.

— Гитлера? — улыбнулся тот, — А второй мальчик им для чего, про запас?

— Проще было бы украсть парочку мирянских детей. Никто бы не заметил даже.

— Важны сами дети и их кровь, — пожал плечами Романов.

— Отпрыски чистокровного рода прибалтийских немцев... — задумался Лисицын.

— Я считаю, что их просто было удобнее забрать, — его собеседник допил свой кофе.

— Их забрали сколько, три недели назад? И ничего не сделали с ними.

— Почему ты думаешь, что не сделали?

— Думаю, мы бы заметили, — скривился Иван.

— И ты хочешь пойти в лечебницу Агриколы и спросить, куда они дели двоих мальчиков? — саркастически спросил Романов.

— Второй вариант, это пойти к Хакиму и спросить, ну.

— В Шаритё была девочка-медсестричка, турчанка, — задумчиво произнёс Михаил, — Она пострадала вчера от этих вырожденков, конечно, но сходить спросить про то, как подобраться к Хакиму так, чтобы тебе не сразу отвернули голову, можно.

— Это будет, конечно, ни разу не подозрительно.

Романов не успел ответить, раздался стук в дверь. Затем она распахнулась и в комнату вошла Кристина Фавр де Поль, хмуро глядя на повернувшихся к ней мужчин:

— Месье, у меня есть очень много вопросов о произошедшем, и часть из них, по-видимому, адресована вам.

Иван повернул голову к Михаилу, тот вынул из кармана часы:

— Тринадцать минут.

— Что тринадцать минут? — не поняла француженка, продолжая стоять в дверях.

— Тринадцать минут достаточно, чтобы остыл Ваш кофе, — усмехнулся Лисицын, — Вы проходите, присаживайтесь, к Вам есть деловой разговор.

— Сначала у меня будет к вам обоим много вопросов, — обворожительно улыбнулась та, но всё же шагнула в комнату, затворив за собой дверь.

— Присаживайтесь, — Иван сделал приглашающий жест рукой в сторону кресла. Кристина насмешливо посмотрела на него и скрестила руки на груди.

— Пожалуй, я постою, я уже насиделась, — она впилась взглядом в более молодого

русского, — Я уже поставила в известность домовиков о разгроме в моей комнате и о телах двух мёртвых турок, которых я там обнаружила, и мне кажется вы к этому вдвоём причастны?

— Трёх, — улыбнулся и потупился Романов. Лисицын заулыбался и тоже опустил взгляд.

— Что, простите? — француженка подняла бровь.

— Турок было трое, — пояснил фсбшник, — Ещё одно тело лежит в ванной комнате, — бровь Кристины поднялась ещё выше, — Просто если Вы до сих пор не поняли, эти ребята с Ближнего Востока очень хотят Вашей смерти.

— Ничего нового, — она пожала плечами, — Но откуда Вам это известно-то?

— В Трептов-парке они целенаправленно ждали именно Вашего появления, потому как совсем не отреагировали на тех, кто был под обороткой и появился раньше Вас, — Лисицын внимательно смотрел за реакцией девушки, но та совершенно не меняла выражение лица, сверля его взглядом, — Если Вы думаете, сударыня, что они появились одновременно с Вами в парке, то нет, они всё время там находились, находились неподалёку от турчанки и юноши, который был также под обороткой, но уже девочки. Как я понимаю, в их руках ещё и сотрудник WarConsulting находится, которого они вместе с девочкой Мартой Мирбах выкрали прошлой ночью. Вот именно его в обличье девочки и отправили на встречу с Вами.

— И какие основания мне верить в это?

— Ну, Вы же домовикам ничего на самом деле не сказали, — улыбнулся Михаил, на щеках Кристины появился небольшой румянец, — А значит всё же немного нам доверяете, раз решили сначала задать вопросы.

— Это ни о чём не говорит, — с вызовом произнесла она.

— Где сейчас находятся Энцо Ламбер, Рихард Мольтке и третий Ваш товарищ мне не ведомо, — Лисицын повёл плечами, — Но раз Вы пришли к нам, а не к ним, предположу, что в этой гостинице их тоже нет.

— Ладно, Вы показали силу своего интеллекта, и, как я понимаю, предлагаете поблагодарить за избавление от турок в моём номере?

— Да нет, в целом воля Ваша, — усмехнулся Романов, — Но вот этот юноша хочет пойти к любителям прусской истории, не хотите с ним прогуляться?

— Не хочу.

— Я не хочу советовать, конечно, — Михаил потёр переносицу, — Но у нас есть пёс режима, который прибыл сюда, чтобы найти Матиаса и Гельмута Мирбахов, — он кивнул в сторону Ивана, — А Вам, сударыня, нужно также по каким-то своим причинам найти этих двоих. И так вышло, что пропала Марта Мирбах. Было бы логичным вам двоим объединиться, — он перевёл взгляд на француженку, — Ну, или нашему псу режима присоединиться к Вам, сударыня, если окажется, что все Ваши компаньоны вернулись в целостности и сохранности из Трептов-парка.

— Пока никто не вернулся, — она посмотрела на Михаила, потом перевела взгляд на Ивана, — А мальчиков Мирбахов Вам нужно увезти в Россию, как это сделали с Натали де Алонсо?

— Я не то, чтобы в курсе про Натали де Алонсо, — поморщился Лисицын, потом вопросительно посмотрел на Романова, — Может, кто-то другой расскажет?

— Не имею ни малейшего понятия, что случилось с этой девушкой, — пожал плечами его собеседник, — Но её должны были передать французской стороне, курировал вопрос,

если мне память не изменяет, Талейран-Перигор. Она же ученица некроманта, он тоже из семьи некромантов, всё логично, на мой взгляд. А что, Кристина, Вы не в курсе её судьбы?

— В смысле Талейран-Перигор? — её глаза округлились, — Какой из двух?

— Да почём мне знать? — пожал плечами Михаил, — Мы передали французским магическим властям их подданную, всё.

— Если мне не изменяет память, Тома де Талейран-Перигор является главой Департамента Тайн и Загадок и входит в состав Французской Директории, — Лисицын усмехнулся, посмотрев на Кристину, — А если мне не изменяет зрение, то для главы Директории подобное откровение стало открытием. А Вы говорите, русским нельзя доверять.

Фавр де Поль прикусила губу, желваки заиграли на её скулах, щёки налились краской. Ей прямо сейчас захотелось аппарировать в Париж, в поместье Талейранов и задать этому хлыщу пару неприятных вопросов, а может и выдрать из его задницы несколько павлиньих перьев. Да, она сама не задавала вопросы и не искала концов этой истории, но он же, он же сам сообщил всем, что Натали забрали русские!

— Пока Вы не отправились в Париж убивать Талейрана, пообедайте, — голос Михаила был полон радушия, — Вас по-прежнему ждёт стейк и кофе.

— Вы так к этому спокойно относитесь! — вспыхнула Кристина.

— Потому что для меня ничего нового, обычная подковёрная возня, — пожал плечами Романов, — Тут вот будто клубок змей безопаснее будет?

— Мне плевать на то, что здесь происходит! — француженка с шумом выдохнула и осознала, что похоже эти двое заносчивых русских, которые явно имеют за душой столько грехов, что Геллерт Грин-де-Вальд[1] будет на их фоне выглядеть милым школьником, являются сейчас единственными её союзниками.

И хоть одна часть её сознания вопила, что нельзя есть их еду, что это ловушка. Но Кристина выдохнула, заткнула эти вопли и решила про себя, что если они её и убьют, так она хотя бы поест перед смертью.

Талейран — предатель. Де Камбэрак — враг, который сейчас во Франции мутит воду. Лестрейндж — до сих пор в больнице. Что с Ламбером и Готье — вообще неизвестно. Де Ноай? Либо он тоже играет свою игру, либо он один остался на её стороне. Но бежать и плакаться в его жилетку — это плохая идея. Нужно справляться самостоятельно.

Кристина вздохнула, подошла к креслу и присела в него. Взяв чашку с кофе, она осознала, что он ещё тёплый. Скосила взгляд на стейк — так и есть, от него шёл небольшой пар, словно он только что был снят с решётки. Какие-то гостеприимные русские убийцы.

— Спасибо за обед, — она разрешила мясо, взяла на вилку кусок и понюхала. Аромат от него шёл чудесный.

— Приятного аппетита, — отозвался Лисицын, — После еды предлагаю поговорить насчёт возможных совместных действий.

Кристина кивнула, пережёвывая мясо.

Резко и громко постучали в дверь. Михаил подобрался, словно бы готовый прыгать туда прямо с кровати, где сидел. В руке Ивана откуда-то появилась палочка. А француженка так и замерла с куском мяса на вилке.

Постучали повторно.

— Не заперто, — произнёс фсбшник, делая шаг к девушке, не сводя взгляда с двери. Та раскрылась и на пороге показался служащий гостиницы. Он улыбнулся и невозмутимо

посмотрел на Ивана:

— Герр Лисицын, Вам сообщение из Бундестага Магической Германии.

— От кого? — русский не думал опускать свою волшебную палочку.

— Канцлер Магической Германии просит явиться в его кабинет в Бундестаге в течение часа для частного разговора, — служащий был всё так же невозмутим. Кристина нервно сглотнула.

— Хорошо, мы явимся, — отозвался из-за спины Романов.

— Канцлер напоминает, что встреча именно частная, и что он хочет пообщаться именно с Иваном Лисицыным, но я ему передам, — служащий поклонился и вышел из номера, закрыв за собой дверь.

— Миша, как думаешь, наши победили? — Иван медленно опустил палочку.

— А кто бы знал, — поиграл желваками Романов.

— Ну, вот и повод узнать, — усмехнулся Лисицын, после посмотрел на француженку, которая уже успела положить кусок мяса себе в рот, — А Вы не знаете, где расположен в Бундестаге кабинет Канцлера? — та отрицательно помотала головой, — Хорошо, значит узнаем.

— Как я понимаю, — Фавр де Поль прожевала кусочек и запила кофе, — Канцлером уже не Августа является?

— Ну, план был такой, — отозвался Михаил.

— А вы вдвоём собрались туда идти?

— Я? Нет, я думал, вы с Иваном пойдёте вдвоём.

— Это частный разговор, — скептически отозвалась Фавр де Поль, — Я-то там что забыла?

— А вы по-очереди будете ходить к новому Канцлеру и получать у него разрешение на поиск детей Мирбахов?

— Я бы предпочёл вообще к нему не ходить, — усмехнулся Лисицын, — Но в целом я не против, если сударыня составит мне компанию, в компании и умирать не страшно.

— А у нас в планах умереть? — та удивлённо посмотрела на него.

— Пока не планировал, — он пожал плечами, — Но Вы уже согласились составить компанию?

— Только доем, — француженка подцепила вилок ещё один кусок стейка.

— А это само собой, вас же через час ждут, — улыбнулся Михаил.

**

(19 августа)

Кабинет Канцлера при Бундестаге был небольшим и тёмным. Когда Вильгельм Эрнст зашёл в него, то в первые минуты показалось, что попал в какую-то кладовую, куда свезли старые вещи. Когда распахнули шторы и внутрь хлынул свет, только тогда стало ясно, насколько здесь пыльно.

Виктор Шваниц грустно посмотрел на пустой графин и покрытые паутиной стаканы и грузно опустился на диван.

— Виктор, позволь задать глупый вопрос, а на каком мы этаже? — Вильгельм пытался что-то разглядеть сквозь светящиеся стёкла, но у него это не выходило.

— Мы под землёй, это не настоящий свет, — ответил мракоборец и чихнул. Потом ещё раз.

— Будь здоров, — обернулся волшебник из Тюрингии, — Понятно почему Августа

принимала всех у себя дома, — он посмотрел на домовика и распорядился подать им чаю.

— Тоже хочешь из дома работать? — устало усмехнулся Шваниц.

— Нет, работать надо здесь, просто выкинуть всякий хлам и пыль вытереть, — Эрнст прошёл до стола и провёл пальцем по его поверхности.

Распахнулась дверь и в кабинет бодрым шагом пошёл Мориц Мекленбургский, в одной руке он держал бутылку, а в другой — три стакана.

— Давайте, пока есть время, выпьем за нашу победу! — он с шумом поставил стаканы на пыльный письменный стол возле Вильгельма и протянул тому бутылку.

— Это какое-то польское пойло? — усмехнулся тот, беря её в руки.

— Обижает, Вилли, Ирландия! — померанский волшебник обернулся к мракоброцу, — Присоединяйся, рано пока грустить!

— А за какую победу ваше сиятельство собралось тут пить? — с издёвкой спросил тюрингец и ловким движением распечатал виски. Затем наполнил стаканы, расплескав немного на стол.

— Ну, во-первых, мы взяли власть, — Мориц один стакан протянул Виктору, а один оставил себе.

— Скажи спасибо Анне Эберль и всей Вестфалии в придачу, — мракоборец саркастически отозвался и взял в руки стакан.

— Ну, она умная женщина, — развёл руками молодой волшебник.

— У нас тут кругом умные, нам бы верных, — Эрнст посмотрел на свой стакан, — Какие прогнозы на ближайшее время?

— Ну, во-первых, выпьем за реконкисту! — Мориц поднял свой стакан, — За техномагическую реконкисту.

— А, чёрт с тобой! — крикнул Виктор, поднялся с дивана и чокнулся своим стаканом. Вильгельм согласно кивнул и присоединился.

— Всегда любил молодых за несусветную глупость и любовь к патетике, — рассмеялся Шваниц, — А хороший виски.

Герцог Мекленбургский рассмеялся и стукнул пустым стаканом об стол:

— Во-вторых, что же касается прогноза на будущее, то у нас есть некоторые проблемы.

— Как ты дипломатично выразился, — засмеялся Эрнст и допил свой виски, также поставив стакан на стол.

Появился домовый эльф с чайником на подносе и двумя чашками, вопросительно посмотрел на волшебника из Тюрингии, закатил глаза и снова исчез.

— Мне кажется, тебе с этим домовиком сложно будет сработаться, — захохотал мракоборец, допил свой виски, поставил стакан на стол, а после уселся на диван.

— Думаю, завтра наши противники уже придут в себя, и нас всех ждёт мятеж, — Мориц разлил по стаканам новую порцию виски, — Скажем спасибо Вилли за демократию на русских штыках!

— Ну, они могли впятером нас задавить, — Вильгельм взял свой стакан и передал другой Виктору, — И стала бы Канцлером Бригитта.

— Ага, а ты и твоих тридцать вооружённых молодцов так бы всех спокойно отпустили бы из зала, — молодой волшебник скептически посмотрел на него, а после поднял стакан, — Давайте, за союзников!

Эрнст чокнулся с ним своим стаканом, Шваниц просто отсалютовал своим, не поднимаясь с дивана.

— Сегодня вечером я отбываю в Гессен, попробую завтра вытребовать встречу с Гессенским Домом, — герцог Мекленбургский поставил свой стакан на стол.

— Думаешь, старик захочет с тобой встречаться? — Вильгельм болтал остатками своего напитка в стакане.

— С кем-то там я точно встречу. У старика есть дочь и сын, и они бы оба с радостью закрыли бы своего отца в замке после сегодняшнего.

— Ну, это ты так думаешь, — отозвался мракоборец с дивана.

— Практически нет шансов, что Гессен встанет на нашу сторону, — посерьёзней Морич, — Нам очень сильно повезло с Эберль, но Гессенский Дом это другое дело, чистокровные сукины дети, больше пекутся о власти и богатстве для себя, чем о стране.

— Ты знаешь, о чём говоришь, — ехидно улыбнулся Вильгельм.

— А то! — кивнул молодой волшебник, — Переговоры могут затянуться, но я всё же буду смотреть, как и что будут делать Виттельсбахи.

— Очевидно, что кричать о нелегитимности выборов, — пожал плечами Эрнст и допил виски.

— Ну, у нас есть половина Германии, уже неплохо.

С хлопком появился домовый эльф и сообщил, что аудиенцию Канцлера ожидают Кристина Фавр де Поль и Иван Лисицын.

— Когда русские с французами объединяются у меня начинают ныть старые раны, — весело произнёс Морич.

— Откуда у тебя старые раны, позволь спросить? — саркастически спросил с дивана Шваниц.

— От предков, — расплылся в улыбке молодой волшебник, — Я, пожалуй, пойду.

— Катарине вечером напомни, что от неё мы тоже много чего ждём.

— Я-то передам, но завидовать нехорошо, — померанский волшебник кивнул Эрнсту, подмигнул Шваницу и аппарировал из кабинета.

— Позер, — по-доброму улыбнулся новый Канцлер, а после вызвал домовика и попросил впустить гостей.

Гости вошли внутрь и практически синхронно чихнули.

— Прошу прощения, — почесала нос Кристина и слегка покраснела.

— Извините, — её жест повторил Иван.

— Прошу меня извинить за пыль, — чуть смущённо поклонился Вильгельм, — Я тут сам впервые, пока это помещение всё-таки больше кладовка, чем кабинет.

Кристина вопросительно посмотрела на Виктора, который также приветственно кивнул ей:

— Вильгельм Эрнст, Канцлер Магических Земель Германии.

— По какому вопросу Вы хотели меня видеть? — спросил Лисицын, сделав шаг вперёд, взметнув облачко пыли с ковра, куда наступил.

— Я хотел провести с Вами приватную беседу о делах государственного характера, но к сожалению забыл, что русские всё любят делать сообща, — с небольшой издёвкой произнёс тот.

— Если хотите, она может подождать за дверью, — за спиной русского француженка фыркнула и демонстративно скрестила руки на груди, — Но вообще у нас у обоих один и тот же вопрос, но уже к Вам.

— Как я понимаю, вопрос касается детей семейства Мирбах, — Шваниц потёр повязку

на шею, под которой снова начало зудеть.

— Всё так, — кивнул Иван, — Просто так совпало, что мы оба занимаемся этим делом, потому логичнее было прийти обоим сразу.

Вильгельм задумался, опустив взгляд в грязный ковёр. Иван посмотрел на стену, где над диваном висели часы, вычурные с изображением немецкого орла, они остановились когда-то давно, и сейчас показывали без пяти минут двенадцать.

Кристина тихо стояла и ждала, как бы невзначай разглядывая нового Канцлера, она уже успокоилась после обеда у русских, потому пока решила терпеливо выжидать дальнейших событий, а не лезть на рожон.

Наконец через пару минут молчания Эрнст поднял взгляд на гостей и произнёс:

— В деле детей Мирбахов имеется небольшая проблема, а точнее нюанс. Мы не готовы ссориться с Хакимом, мы намерены с ним договориться, и более того, даже дать определённые преференции его людям по сравнению с их текущим положением.

На скулах Кристины заиграли желваки.

— По определённой информации, турки имеют своей целью убийство Кристины Фавр де Поль, — Лисицын кивнул в сторону француженки, — Ещё по косвенным данным в их руках находятся, кроме Марты Мирбах, заместитель главы Департамента Магического Правопорядка Франции, Поль Готье, и глава Департамента Регулирования Магических Популяций и Контроля над ними, Энцо Ламбер.

— Очень интересно, — протянул Шваниц, откидываясь на спинку дивана.

— А ещё в их руках находится бывший глава Департамента Магического Правопорядка Германии Рихард фон Мольтке.

— Ещё более интересно, а он там откуда? — Виктор внимательно посмотрел на француженку, — Кристина, Вы его Хакиму в нарды проиграли?

— Никак нет, — хмуро ответила та, встав рядом с русским, и заложив руки за спину, — Это была спецоперация, которая пошла не по плану.

— Совместная операция французских и русских спецслужб в Берлине? — мракоборец произносил слова отдельно, и его интонация приобретала всё больше издевательского тона, словно бы у учителя, отчитывающегося нашкодивших подростков, — А операция, простите, заключалась в передаче туркам двух французов и одного немца?

Иван усмехнулся и внимательно посмотрел на Виктора:

— Сегодня утром я имел беседу с Хакимом, в ходе которой он пригласил меня на встречу в Трептов-парк, в полдень. А сударыня, — он показал рукой на француженку, — Ей было прислано приглашение от неизвестного лица с местом и временем свидания, тем же, что и у меня. Но сударыня прибыла в компании троих молодых людей под оборотным зельем, — после этих слов одна из бровей Шваница медленно поползла вверх, — Оборотным зельем на неё, естественно. Там же был тот мальчик из WarConsulting, которого турки схватили вместе с Мартой, он там был под оборотным зельем Марты. Вместе с турчанкой. И вместе с пятью какими-то янычарами, которые скрывались в Мире Духов.

— То есть, герр Лисицын, Вы утверждаете, что сейчас в руках турецкого Глубинного Государства находятся два высокопоставленных француза под личиной вот этой фройляйн? — Виктор ткнул пальцем в Кристину.

— Думаю, оборотное зелье уже закончило своё действие, потому трое данных товарищей находятся у турок в натуральном своём обличье, ну, и в женских сарафанах, — без тени иронии проговорил русский.

Мракоборец воззрился на него, как на идиота.

— Я верно понимаю, что они на вас напали? — спросил Вильгельм.

— Да, всё верно, при появлении именно Кристины, янычары атаковали её и меня из Мира Духов, до этого они не проявляли никакой агрессии, даже когда коллеги Кристины вырубали турчанку и начали гоняться за девочкой, — Иван повёл плечами, — А после появился сам Хаким в сопровождении мариды, потому я вместе с Кристиной аппарировал оттуда.

— Иван, Вы были приглашены к нам в страну для помощи в следствии по делу Аненербе, — Виктор устало потёр глаза, — Турецкий вопрос в Вашу юрисдикцию не входит.

— При всём уважении, но вчера турецкий вопрос вошёл в нашу общую юрисдикцию, притом очень грубо и с ноги, — тон русского был совершенно спокойным и деловым, — Однако, если Вас это интересует, моя работа полностью согласована с моим руководством. Так что все вопросы, с кем я общаюсь и по какому поводу, стоит задавать именно туда.

— Понимаете, Иван, нам сейчас нужны союзники, — вздохнул Вильгельм, — Как никогда нужны, и мы думаем, что с Хакимом можно договориться, и давайте будем честными, на девочку, которая находится в его руках, мы бы закрыли глаза.

— Да я бы даже на Мольтке их закрыл, — проворчал Виктор.

— Я не готова закрыть глаза ни на Марту, ни на Поля, ни на Энцо. Да даже на этого Мольтке не готова, — фыркнула Фавр де Поль.

— Это понятно, — повёл плечами Эрнст, — Но пока что Вы, фройляйн, поставили нас в очень щекотливое положение. Мы всё же не можем просто так взять и закрыть глаза на произошедшее. Но и напрямую ругаться с Хакимом мы тоже не можем. Аненербе и Глубинное Государство это два серьёзных противника, с которыми не стоит разбираться одновременно.

— Потому вы хотите разобраться с Аненербе, если я правильно понял? — спросил русский.

— Да, сегодня на вечер намечен штурм лечебницы Отто Агриколы, — кивнул Вильгельм, — Я бы очень просил Вас, Иван, поучаствовать в нём.

— Вы меня за этим хотели видеть?

— Не совсем, — покачал головой Эрнст, — И ещё, сразу хочу сказать, я хочу Вас видеть в качестве специалиста оккультного направления, а не боевика на передовой.

— Спасибо, я как раз хотел прояснить этот момент. Но так какой всё-таки вопрос?

— Я хочу, чтобы Вы передали по своим каналам в Москву одно послание, — Канцлер вытащил из внутреннего кармана небольшой конверт, мельком взглянул на него и передал русскому.

— Что там? — спросил тот, принимая письмо.

— Просьба о союзничестве, я сменил на посту Канцлера Августу фон Вальдбург, совсем скоро мы объявим о примате техномагии на территории Магической Германии, но уже сейчас часть наших земель не согласилась с нашим путём развития. Потому нам, техномагам восточных земель требуются союзники.

Кристина удивлённо присвистнула:

— А меня, как невольного свидетеля, сейчас устранят, как я понимаю?

— Если фройляйн хочет, то конечно, — скривился Шваниц.

— А для Вас у меня есть иной конверт, — Эрнст вытащил из внутреннего кармана ещё один небольшой конверт и протянул его француженке, — Только откройте в приватной

обстановке, прошу.

— Приватная, это когда одна, а не вместе с русскими, — иронично произнёс Виктор.

— Я знаю, герр Шваниц, — она спрятала конверт в карман своего брючного костюма, — А позвольте вопрос, что с Агриколой? Его не смогли арестовать, потому сейчас необходим штурм его лечебницы?

— Арестовать не смогли, — усмехнулся и покачал головой Вильгельм.

— Жаль, — поджала губы Кристина, — А нет информации, не там ли скрываются мальчики?

— Нет, к сожалению, — отозвался мракоборец.

— Что ж, герр Лисицын, сегодня в шесть вечера ждём Вас в Департаменте Магического Правопорядка, — улыбнулся Канцлер, — Что же касается вопроса вашего взаимодействия с турецкой стороной, то давайте без лишних жертв и разрушений. Если повторится история сегодняшнего полудня в Трептов-парке, и у Хакима будут вопросы к нам о вас, то вы оба будете объявлены персонами нон-грата и высланы из страны немедленно, это ясно?

— Так точно, — расплылся в улыбке Лисицын.

— Да, — кивнула Фавр де Поль.

— И прошу вас не выносить содержание беседы в данном кабинете за его стены.

Тут настала очередь русского смотреть на немецкого Канцлера, как на умалишённого.

— Я всё понимаю, — улыбнулся тот, — Но надо же соблюдать приличия. Опять же, я надеюсь, мы всё же сможем стать союзниками в нашем общем деле.

Русский и француженка медленно кивнули на эти слова.

— Тогда не смею вас больше задерживать, — снова улыбнулся Вильгельм и протянул руку Ивану. Тот ответил рукопожатием. Кристина ему просто кивнула, и они оба вышли из кабинета.

Уже в коридоре Иван посмотрел на свою спутницу и произнёс:

— Что намерены делать?

— Если это простая вежливость или намёк на совместное времяпрепровождение, то я позволю промолчать, — ответила та.

— Это намёк на то, что Вас турки убить хотят.

— Мне нужно проведать друга в больнице, и не надо меня сопровождать, я и сама могу справиться.

— Сопровождать я Вас не собираюсь, но Михаил советовал поговорить с медсестрой-турчанкой из Шаритё, возможно через неё можно выйти на Хакима с другой стороны.

— К чему Вы клоните?

— До встречи в больнице, — улыбнулся Иван.

— Да ладно, рано прощаетесь, месье, нам ещё искать вместе выход из этого лабиринта, — засмеялась Кристина.

— Вы не помните дорогу? — удивился тот.

— Нет, я хочу, чтобы убийца и персона нон-грата в Магической Британии проводил меня до выхода, — девушка кокетливо поправила прядь волос.

— Кристина, — закатил глаза Лисицын.

— Вам неприятна моя компания? — захлопала та ресницами.

— Ровно также, как и Вам моя, — язвительно отозвался фсбшник.

— Тогда давайте просто побудем временными союзниками и вместе отправимся в Шаритё. Мне уже, я смотрю, с каждой минутой всё меньше есть, что терять.

— Всегда есть что терять, — покачал головой русский.

— Как скажете, месье, — француженка взяла его под руку и направила вперёд по коридору.

1 — Геллерт Грин-де-Вальд — тёмный волшебник австрийского происхождения, считавшийся самым сильным и опасным до прихода Волан-де-Морта. Победён в дуэли Альбусом Дамблдором в 1945 году.

Глава VIII. Русские и турки

*

(19 августа)

— И ради вот этого мы понесли такие потери? — Михаил отложил лист с описью и посмотрел на Свята Вениаминовича, тот рассеянно пожал плечами.

За окнами кабинета главы WarConsulting начинало вечереть, пошёл небольшой дождь, оставляя капли на стёклах. Внутри же было всё в дыму, Салтыков забил уже вторую трубку и стал её раскуривать, а перед Романовым в латунной пепельнице было забычковано три сигареты, а сам он крутил в руках зажигалку с выгравированным на ней драконом, изредка поглядывая на открытую пачку.

— Это плата за то, что мы не передавали базы в руки немцев, — мрачно отозвался глава WC, не вынимая трубку изо рта.

— Восемь двусотых? — поднял брови глава аналитиков, — Очень жёстко выходит за всё это добро.

— В тебе мораль проснулась?

— Называй это логикой.

— Тогда я назову это государственными интересами.

— Свят, государственные интересы в чём? В десятке артефактов от турок?

— Не в твоём разумении, — Салтыков посмотрел очень тяжёлым взглядом на подчинённого.

— Признай, что не в твоём тоже, — в глазах Романова полыхал гнев.

Старый русский волшебник ничего не ответил на это, лишь глубоко вздохнул и пыхнул трубкой. Глава аналитиков же поджал губы, вынул новую сигарету из пачки и закурил.

— Ладно, прости, — через несколько минут молчания произнёс Свят Вениаминович, — Если ты думаешь, что нас просто подставили и бросили на убой, то нет.

— Это работа такая, — кивнул тот, глядя в стену, — Я понимаю, только вот этих парней и девчонок никто не предупредил о ней.

— Да, я сам даже не думал, что так всё получится.

— Работа аналитиком за рубежом, — Михаил вынул сигарету изо рта и посмотрел на ней, словно бы там был написан какой-то ответ, — Работа бухгалтером. Офис в даунтауне европейской столицы. Я до сих пор не понимаю, ради чего это было.

— Они сами согласились, — пробасил Салтыков, — Как и ты.

— В моём контракте не было написано, что я буду убивать фашистов, насилующих санитарок. Я не на Мосфильм подряжался, — его собеседник снова затянулся, — А им на собеседовании никто не сказал о смерти в тридцать лет.

— Ты винишь себя.

— Я пытаюсь найти причину, ради чего они умерли, — Михаил нервно забычковал сигарету, — А нахожу лишь то, что эти девчонки и мальчишки погибли просто так.

— Охрану офиса не организовал я, это моя вина, — Салтыков выпустил облако дыма из трубки.

— Да к чёрту! - отмахнулся Романов, — Какая разница, чья вина. Что, Нину вернёт чьё-то покаяние? Или Нику вернёт наказание тебя за ошибку? Или Петю, который умер на операционном столе?

— Миш, нет здесь логики, мы столкнулись со зверем. Зверь не имеет логики, он руководствуется инстинктом.

— И что-то сделали со зверем? Кто-то в этой стране пошевелился?

— Нам приказано не обострять, — сквозь зубы произнёс глава WC, — Мы не можем пойти и начать убивать турок налево и направо.

— Свят, мне сорок семь! — зло посмотрел на того глава аналитиков, — И ты сам понимаешь, что мне это всё напоминает.

— Мне тоже, Миш, — его собеседник кивнул, чуть прикрыв глаза.

— Но, твою мать, Свят, ты же понимаешь, что сейчас другой мир! Это тогда мы были не состоянии что-то делать!

В дверь кабинета постучали. Мужчины удивлённо повернулись на звук.

— Не заперто, — пробасил Салтыков.

Дверь открылась, и внутрь вошёл немного бледный Эдуард Рихтер. Его правая рука висела на перевязи, но он радостно улыбался, словно завидя старых друзей.

— Эдик! — в один голос воскликнули мужчины и вскочили со своих мест.

Михаил подбежал к Рихтеру и обнял его, крепко прижав к себе. Тот не сопротивлялся, лишь улыбка стала смущённой.

— Ты никак сбежал? — попытался пошутить глава аналитиков.

— Да нет, меня отпустили, сказали дома долечиваться, — тот высвободился из объятий и посмотрел на замершего у стола Салтыкова, — Да я решил, что к вам лучше приеду.

— Проходи, присаживайся, — махнул рукой на диван глава WC.

Эдди кивнул, положил руку на плечо Михаила, а потом дошёл до диванчика и сел.

— Как ты? — спросил Романов, возвращаясь на своё место.

— Да нормально, два осколка из руки вынули, вот, — он шевельнул рукой в перевязи, — А голова заживёт, — он улыбнулся, — Я тут выпал из жизни на пару дней.

— Да, — кивнул Салтыков и сел обратно в своё кресло, — Много чего случилось.

— Я не увидел в больнице Нину, — его взгляд скользнул по Святу Вениаминовичу, который опустил глаза, потом по Михаилу, который уставился в наполненную пепельницу.

— Сегодня мы отправляем всех домой, — глухо произнёс Салтыков.

В глазах Рихтера потемнело и стало нестерпимо душно, сознание чуть поплыло. Он зажмурился и свободной рукой потёр глаза. Когда открыл их обратно, то увидел, что рядом стоит глава WarConsulting, держа в одной руке графин, а в другой стакан, наполненный чем-то прозрачным:

— Это вода, выпей.

— Да, — смущённо улыбнулся Эдик и взял стакан, — Накурено у вас тут, вот и заплохело. Извините.

— Не извиняйся, — пробасил старый волшебник, нависающий над ним, — Можешь отправиться домой отлёживаться, никто слова не скажет.

Юноша осушил стакан и отрицательно помотал головой:

— Больничный потом закрою, нормально всё.

— Эдди, сегодня отправка, если ты плохо себя чувствуешь... — начал говорить Михаил, но осёкся, пересекшись с ним взглядом.

— Когда?

— Примерно через час, — ответил Салтыков.

— Я буду, — снова попытался улыбнуться Рихтер, и у него это даже получилось, — Кто

ещё?

— Вероника и Пётр Сотников.

Юноша опустил взгляд и облизнул пересохшие губы. Потом протянул стакан своему начальнику, тот молча наполнил его водой. Эдди снова выпил стакан до дна и вопросительно поглядел на Михаила.

— Ещё Ганс, Белла, Ирма и Иржи, — тот опустил взгляд.

— Кто это сделал?

— Один турецкий террорист, — Свят Вениаминович снова наполнил водой его стакан, — Али Демир.

— А, этот... — юноша поджал губы и откинулся на спинку дивана, чуть прикрыв глаза.

— Эдди, много чего произошло у нас, пока ты был в Шаритэ, - произнёс Романов.

— Я два дня провёл среди волшебников, я даже помню, как на них нападали какие-то другие волшебники, — задумчиво улыбнулся Рихтер, — И я помню тебя, ты был снежным барсом, и ты нас всех спас.

— Было дело, — улыбнулся тот, — Прости, не подошёл, не стал тревожить.

— Да не страшно, я всё равно не сильно понимал, что происходит.

— Из Шаритэ многих выписали? — спросил Салтыков, отходя к своему столу.

— Меня, Петерса и ещё парочку людей, но я их не знаю.

— Петерс домой поехал? — спросил Михаил.

— У него мама в Потсдаме, он к ней отправился, чтобы успокоить, — кивнул Эдик, — Сказал, что пару дней точно там хочет пробыть. Но у него тоже всё легко, как у меня. Как я понял, больница решила отправить всех, кого можно, по домам.

Романов с Салтыковым на этих словах хмуро переглянулись, но Рихтер не обратил на это внимание.

— Так, какие у нас планы? — он внимательно посмотрел на руководителя.

— Сперва проститься с нашими, — пробасил тот, — После отправить тебя домой спать. Завтра с утра, если горишь желанием, приезжай, введём тебя в курс дела.

— А на церемонии, думаю, кое-что узнаешь о прошедших двух днях, — мрачно произнёс Михаил.

— Как я понимаю, погибших у нас больше, чем семь? — юноша облизал губы и отпил воды.

— Да, у нас тут война, — Свят Вениаминович взял свою трубку со стола.

— Кстати, а Игнат Кондратьевич?.. — Эдик обвёл взглядом мужчин.

— Он отбыл в Байрсброн, мы обеспечиваем охрану этого городка.

— А, точно, хорошо.

Мужчины рассеянно кивнули и почти синхронно тяжело вздохнули.

**

(19 августа)

Пятнадцать гробов были выстроены в два ряда на плацу базы WarConsulting, четыре были закрыты флагами ФРГ, остальные — русскими. По одну сторону от них выстроились в ряд несколько КАМАЗов, возле которых замерли их водители. А по другую возвышался ряд русских наёмников и гражданских, работников офиса, кто не пострадал в позавчерашней трагедии. Среди этих людей стояли также и Романов с Рихтером.

Летний дождь прекратился, вышло солнце, освещая мокрый асфальт, водные капли на котором искрились и переливались в лучах света. Сбоку от похоронных рядов установили

небольшую трибуну для Свята Вениаминовича.

В голове Эдика засела мысль, что если дождь на свадьбе — это к счастью, но что такое дождь на похоронах? Или наоборот, отсутствие его сейчас — это хорошая примета? Хотя, чёрт возьми, какая может быть хорошая примета на церемонии, когда ты навсегда прощаешься с человеком, который вот только недавно был живым и улыбался?

Юноша прокручивал у себя голове последние воспоминания того дня, когда всё случилось. Вон же, во втором ряду лежит Петя, что он там говорил с утра? Нашёл в городе русскоязычный стендап-бар, хотел сходить сегодня. То есть вчера, да. Вроде как он сам даже хотел выступить, но вот уже никогда не сможет.

А вот в первом ряду лежит белокурая Вероника, она собиралась уже завтра лететь с женихом на Кубу. Вчера... Эдди осмотрелся, пытаюсь сообразить, присутствует ли тот сейчас здесь, но в рядах на плацу не было видно никого постороннего.

Взгляд Рихтера скользнул по ряду гробов, накрытых российскими флагами, на каждом из них стояла фотография, и вот с одной из них улыбалась Нина. А Эдди вспомнил, как это фото было сделано — они были в лондонском пабе, и вот в ныне обрезанной части кадра, справа от улыбающейся девушки громоздилась колоннада из бутылок. Тогда они смогли выпить всё пиво в баре, а что было потом, сейчас уже не важно. Много становится неважным, когда смотришь на гроб, накрытый флагом, а в ответ на тебя с фотографии смотрит тот, кто уже никогда из этого гроба не встанет.

— Слушай, а где столько флагов нашли? — Эдди повернулся к Михаилу и улыбнулся.

— Ты не поверишь, нашли магазин с русской атрибутикой, — усмехнулся тот, — Вынесли его подчистую, а оказалось, что они ещё нужны, поехали через полгорода в другой магазин, — он покачал головой, — У нас тут угроза нападения турок, операция по силовой поддержке от любителей прусской истории, а мы флаги бегаем по Берлину ищем и фото распечатываем красивые.

— Главное, чтобы не наши фото, — сухо произнёс Рихтер.

— Это точно, — в тон ему отозвался Романов.

Сбоку от гробов к трибуне подошёл Салтыков. Солнце светило ему в спину, потому в заходящих лучах его фигура казалась тёмным пятном на фоне искрящегося асфальта. Эдик на какое-то мгновение даже задумался, что с этого ракурса была бы отличная фотография, жаль никто не снимает сейчас.

— Коллеги! — начал Свят Вениаминович, окинув взглядом строй, — Не буду говорить много слов, сейчас они ни к чему. Каждый из нас, глядя перед собой, может сказать куда больше и искренней, чем я в этом сухом официальном тексте. Каждый из нас за последние несколько дней потерял коллегу или друга, и каждый из нас должен понимать, что эта потеря не случайна и не напрасна. Как бы глупо и пафосно не прозвучали бы мои слова сейчас, но мы столкнулись с поистине людоедской угрозой для всей нашей страны и нашей цивилизации. И лишь случайность, что это произошло среди мирной и цивилизованной Европы, а не у нас дома.

Рихтер внимательно смотрел на начальника, не до конца понимая, к чему тот ведёт, никогда ещё Свят Вениаминович не говорил в своих выступлениях о том, зачем погибли люди. Для наёмника ответ на этот вопрос был прост — за деньги.

— Нет оправдания терроризму, нет оправдания фашизму, — продолжал Салтыков, — Но, к сожалению, я не могу сейчас вам сказать, что война закончена и что больше никто не погибнет. Опасность не миновала, мы остаёмся здесь, — он снова оглядел ряды

собравшихся, — Мы отправляем наших коллег и друзей, павших в бою с этой угрозой, к их родным и друзьям, но сами остаёмся на передовой. И каждый, да, к сожалению, каждый, должен понимать, что опасность и угроза может прийти в любой момент, и в любой момент времени надо быть готовым к этому. Мы остаёмся здесь, чтобы победить, победить международный террор, а также окончательно раздавить уже было поднявшую голову фашистскую гидру. И я хочу, чтобы каждый из вас знал, ни один из погибших, не покинул этот мир напрасно! Я не могу гарантировать, что уже завтра все ответственные за эти смерти получат по заслугам, но знаю точно — расплата настигнет каждого из причастных.

Рихтер перестал слушать главу WarConsulting и ушёл в свои мысли. Его разум всерьёз захватило беспокойство, что же произошло за два дня, пока он валялся в больнице? Салтыков не был из тех, кто раскидывается людьми, однако же странно было от него слышать увещание о том, что всё это было не напрасно. Да ни у кого раньше и не возникало таких сомнений, напротив, безусловная вера в то, что начальство не бросит, не оставит и не подставит — всё это никогда не покидало бойцов и служащих компании. Для чего же теперь говорить все эти банальности?

Тем временем Свят Вениаминович закончил говорить, а после бойцы медленно и аккуратно по-очереди погрузили гробы в грузовики. Взревели моторы и колонна двинулась за пределы базы.

Эдди, не глядя на удаляющиеся машины, нашёл Михаила у входа в административный корпус:

— Что имел в виду Свят Вениаминович?

— Ты о чём? — Романов был мрачен, впрочем не сильнее, чем когда Рихтер увидел его в кабинете часом ранее.

— Что это за увещания, что жертвы были не напрасны?

— Ну, если говорит, значит так нужно, — повёл плечами глава аналитиков.

— Для кого? — Малыш Эдди внимательно посмотрел на него.

— Для тех, кому завтра в бой.

— Я не понимаю, — покачал головой Рихтер.

— Вот многие также не понимают. Я сейчас скажу своё мнение, и оно не то, чтобы непопулярное, просто наши потери несоизмеримы тому, что мы получили.

— А что мы получили?

— Три ящика с дерьмом, — фыркнул Романов.

— Что, товарищи-революционеры, — к мужчинам, мрачно усмехаясь, подошёл Салтыков, — Уже построили теории заговора?

— Я уже давно, — устало ответил Михаил и указал на Эдика, — Он вот в процессе.

— Миш, ты же помнишь историю, как мирянские войска забыли при отступлении в Грозном рефрижератор с двухсотыми?

— Страна уже не та, — тот покачал головой, зло посмотрев на начальника.

— Страна не та, а ситуация может оказаться такой же, — Салтыков огляделся, на плацу уже никого не было, — Если потребуется спешно эвакуировать наших, я в первую очередь должен буду погрузить в самолёты живых, ты же понимаешь?

— Товарищ начальник, я верно понимаю, что ты сейчас ставишь благородные дома Европы в один ряд с бородатыми горцами?

— Да, ибо если нас поставят вне закона, исход для живых будет один.

— Мы же вроде бы победили? — задумчиво произнёс Эдик, — Колонны вернулись на

базу, заказчик цел и контракт не разрывает.

— Ты спрашивал, что это было, — улыбнулся Михаил, — Это была попытка объяснить, почему потери так необоснованно велики.

— Ты наёмник, Миша, — чуть повысил голос Салтыков.

— И мой наниматель сделал что? Получил несколько ящиков с мелочью и говном, прикрывшись нашим раздолбанным офисом? — тот расправил плечи и развернулся лицом к главе WC, глядя тому в глаза.

— Тебя не должно волновать, что задумал твой наниматель, у тебя контракт.

— Ты поэтому плясал сейчас здесь, потому что в курсе, что наверху собрались с нами сделать?

Салтыков тяжело вздохнул, его шея побагровела. Его взгляд должен был прожечь главу аналитиков насквозь, но натолкнулся на непробиваемую стену. Михаил смотрел точно таким же взглядом на него.

— Я верно понимаю, что за два дня у нас возникла угроза оказаться вне закона на территории Германии? — подал голос Эдик в попытке разрядить обстановку.

— Не совсем так, Эдик, — Свят Вениаминович поглядел на Рихтера, — Просто сейчас всё зависит совсем не от нас. Скорее от того, сумеет ли наш нынешний заказчик удержать власть в стране.

— Наш заказчик это же Виктор Шваниц из Департамента Магического Правопорядка? — юноша судорожно пытался вспомнить наименование контрагента.

— Да, просто теперь они поддержали госпереворот, — усмехнулся Салтыков.

— Я думал, это были выборы, — саркастически заметил Романов.

— Под дулами автоматов, а раз так, то у наших заказчиков имеются некоторые проблемы.

— Ну, про вывоз погибших я понял, а про ненаправленность жертв? — Рихтер внимательно посмотрел на него.

— А здесь я врал, — пожал плечами тот, — Очень может оказаться, что наш разгромленный офис останется всего-лишь разгромленным офисом, мы не успеем подобраться к туркам и никто в Кремле ничего не будет делать с возмездием, правосудием и прочими громкими словами. Ты хотел, чтобы я прямо вот так высказался?

— Что, Эдик, каково быть инструментом большой политики? — бросил зло Романов.

— Пойду расскажу нашему психологу, как это больно, поплачу в жилетку, — саркастически ответил Рихтер.

— Миша, ты доволен? — пробасил Свят Вениаминович.

— Я верно понимаю, что разговор с нашим куратором обрисовал крайне мрачное будущее? — спросил тот.

— Будущее неопределено, но у нас по-прежнему есть четыре объекта за пределами нашей базы, которые следует охранять. Никто с нас не снимал эти задачи.

— Каково это, Эдик, ощущать, что твоя смерть станет напрасной? — глухо произнёс Михаил.

— Перспективы шедевральны, как и всегда, — пожал плечами юноша.

— Ты неплохо держишься, — вдруг сказал Романов, смягчившись. Он пересёкся взглядом с молодым человеком и смущённо улыбнулся, — Я вот, как видишь, не очень хорошо.

— Миша, всё бывает в первый раз, даже гибель офисных работников, — Салтыков

положил ему руку на плечо, — Езжай домой, и Эдика отвези. До утра уже ничего не случится.

— А если в ворота базы влетит КАМАЗ со взрывчаткой от Али Демира?

— У тебя нет в личном деле пометки, что ты знаешь заклинание Камазикус Останавликус, — глава WarConsulting по-доброму улыбался, — Так что если такое случится, это будет моей проблемой.

— Значит надо будет изучить на досуге, — согласился глава аналитиков.

***

(19 августа)

Рудольф очнулся от аккуратного прикосновения к руке.

Он попытался открыть глаза, но не смог — любое движение, даже веками, отдавало резкой болью в висках. К нему возвращались запахи, его запахи, и похоже что сейчас он снова оказался в небольшой комнате, куда его поместили ночью. Нос уловил резкий запах нечистот, поверх которого звучали сладкие благовония.

— Попей, — до слуха юноши донёлся взволнованный голос Марты и в его свесившуюся с койки руку ткнулся холодный стакан.

Рудольф пошевелился, облизнул пересохшие губы и чуть приоткрыл глаза. У его постели стояла девочка и взволнованно смотрела на него:

— Попей, это вода.

— Спасибо, — прошептал юноша и взял стакан. Виски ломило, руки ощутимо подрагивали. Он приподнялся на локте и сделал несколько глотков. Вода была ледяной и отдавала чем-то маслянистым, однако боль в висках чуть отступила, а в голову вернулись воспоминания, — Сколько времени прошло?

— Несколько часов, уже темнеет, — Марта посмотрела в сторону небольшого окна под потолком.

Рудольф вздохнул и сделал ещё один большой глоток:

— Они что-то говорили?

— Нет, только принесли тебя.

— Я... — юноша допил воду и протянул стакан девочке, его руки заметно тряслись, — Я был тобой. Это было странно.

— Обратное зелье, — кивнула девочка, — Они забрали мой волос, когда привезли сюда, — она тяжело вздохнула и приняла стакан.

— Кто это вообще? — Рудольф опустил обратно на лежанку и прикрыл глаза.

— Турки, — пожалала плечами Марта, поставила стакан и уселась на свою койку.

Комната, где они вдвоём с юношей располагались, вмещала только две узкие кровати, колченогую тумбочку с тазом под ним и лампочку под потолком. Лампочка тускло горела, создавая неверные тени по углам.

— Что там было? — спросила девочка после недолгого молчания, — Куда тебя возили?

— Я был в Трептов-парке, — юноша говорил, не открывая глаз и не поворачивая голову в её сторону, — Я был тобой в Трептов-парке, а там были четыре Кристины, они пришли за мной.

— Четыре фройляйн Фавр де Поль? — удивилась Марта.

— Да. А потом меня начали ловить, уж не знаю, чего я так напугался, но было чертовски страшно. А потом снова пришёл этот белый старик.

— Это не человек, — она покачала головой.

— А кто? Опять какой-то ваш маг?

— Я не знаю, папа ничего про таких не говорил, но это точно не цаубер, он словно призрак или какая иная тварь.

Рудольф издал неопределённый звук, а Марта внимательно посмотрела на него:

— А что произошло дальше? Когда старик появился.

— Там появились турки, такие же, с ятаганами, как и ночью, — юноша облизал губы, — А ещё какой-то парень. Он что-то сделал и пропал вместе с одной из Кристин. А трёх остальных забрал этот белый старик. Я не совсем понимаю, что там было, и зачем мы этим людям.

— Фройляйн Фавр де Поль хотела меня вытащить отсюда... — пробормотала девочка и обернулась на резкий звук из-за двери. Кто-то громко прошёлся по коридору, а затем снова всё стихло.

— Никто нас отсюда не вытащит, — с горечью произнёс Рудольф.

— Значит надо самим выбирать, — покачала головой Марта.

— Ты же волшебница, ты же можешь что-то, как-то помочь нам.

Она нахмурилась и покачала головой:

— Я не могу, я мало что умею пока.

Юноша зажмурился и открыл глаза, боль отступила, но тело всё ещё оставалось слабым. С его лежанки было видно темнеющее небо в окне под потолком, серый облезлый потолок и тусклую лампочку.

— Помнится, ты вместе с фрау Брунгильдой рассказывала, что в вашем сообществе боятся, что обычные люди узнают про волшебство, а как узнают, так придут и всех убьют, — голос Рудольфа звучал раздражённо, — Но пока что меня все эти волшебники сами только и хотят убить. Особенно с прошлого вечера.

— Это не те волшебники, хотя да, некоторые считают ровно, как ты и сказал.

— Мне почему-то кажется, что это неважно, а вся эта ваша секретность... — он не договорил, лишь шевельнул плечами и глубоко вздохнул.

— Ты думаешь, если бы её не было, что-то бы изменилось?

— Нас похитили прямо посреди Германии, и ещё пять дней назад я бы надеялся на полицию, я бы сказал, что нас обязательно найдут... — он покачал сокрушённо головой, — А сейчас... — юноша повёл плечами и аккуратно сел на кровати, — Нам нужно выбирать, отсюда.

— Я не знаю, как это сделать, — нахмурилась девочка и шмыгнула носом — Они убили Брунгильду, а она была сильнейшей ведьмой Германии. А я даже не знаю заклинаний.

— Я тоже, — пожал плечами Рудольф, и встал на кровати.

Он дотянулся до края окна, ощупал стекло, постучал по нему:

— Может, разбить получится?

— А если они услышат?

Юноша не успел ответить, за дверью раздались тяжёлые шаги и лязгнул замок.

****

(19 августа)

Али Демир сидел на подушках в полутёмной комнате, где обычно принимал посетителей Хаким. Сидел по-турецки и потягивал кофе из миниатюрной чашки, то и дело усмехаясь своим мыслям. Напротив него в полумраке время от времени разгорались угли кальяна и появлялся сизый дым.

Али огладил свою бороду и попытался разглядеть в темноте за кальяном человека, но его словно там и не было.

— О, Хаким-бей, верно ли я понимаю, что к нам пришли посланники от нового Канцлера?

— Верно, — угли зашипели, и из темноты показалось облачко дыма, — Вильгельм Эрнст уравнил нас всех в правах с немецкими волшебниками.

— О, Хаким-бей, неужели ты хочешь мне запретить действовать? — улыбка Демира стала хищной.

— Али, ты помнишь наш разговор? — в бархатном голосе Хакима прозвучала угроза.

— Да, — тот кивнул и снова огладил бороду.

— Тогда я задам лишь один вопрос, ты хорошо подумал?

— Я намерен показать нашу силу, — Али Демир отпил кофе, — Только сильный достоин править.

— Последствия, — снова зашипели угли и показалось облако дыма, — Ты осознаёшь последствия своих деяний? Мало просто показать силу, нужно это сделать правильно. Твой прошлый показ силы вообще никто не заметил.

— Заметили, — нахмурился турок, — Все заметили! — он хлопнул ладонью по подушке, лежащей перед ним. Чашка на подносе подпрыгнула и перевернулась, разлив кофе.

— Молодость, — голос Хакима презрительно фыркнул.

— Даже если ты мне запретишь, я всё равно это сделаю! — юноша повысил свой голос и вскочил на ноги, — Они будут трепетать от ужаса только при одном упоминании обо мне!

— Я хочу сделать так, чтобы наши братья и сёстры мирно жили на этой земле, — голос Хакима был совершенно спокойным, — Я пришёл сюда созидать. Ты же, мальчишка, хочешь залить эту землю кровью, совершенно не думая, каково будет на ней жить нашим братьям.

— Кровью и огнём, — гневно произнёс его гость, — Я хочу сжечь эту землю, чтобы на пепелище мы все построили новый мир!

Хаким появился из полумрака прямо перед Али и ударил наотмашь. От неожиданности тот рухнул на свой зад точно там же, где и стоял.

— Говорят, что молодых нужно воспитывать, иначе они натворят великих бед, — турок нависал над ним и совершенно спокойно рассуждал, смотря, как тот потирает свою скулу, — А воспитание невозможно представить без боли. Потому что некоторые понимают только такой язык.

После совершенно спокойно, без эмоций, ударил турка ногой в подбородок. Демир дёрнул головой и упал навзничь, а Хаким аккуратно обошёл его, встал возле головы и продолжил говорить:

— Ты хочешь править землёй, но ты ведёшь себя не как мудрый правитель, а как молокосос. Чтобы ты знал, — он наступил мягкой туфлём на горло лежащему турку, тот вцепился руками в щиколотку, но сдвинуть ногу было ему не под силу, — Новым Канцлером Магических Земель Германии стал Вильгельм Эрнст. Он техномаг из Тюрингии, — Хаким надавил на горло Али, тот захрипел, — В Бундестаге сегодня случился инцидент на выборах, теперь новая власть рискует получить раскол в стране. Бавария, Пфальц и Баден готовы поднять мятеж, — он чуть ослабил давление на горло Демира, — Где ты там собрался покуражиться?

— В Байрсбронне, — прохрипел тот.

— Так вот, ты туда не пойдёшь, — он снова надавил на горло лежащему, — Первым

указом новый Канцлер объявил главенство техномагического искусства на землях Магической Германии. Вторым же уравнил в правах всех волшебников вне зависимости от национальности, расы или принадлежности к крови. Если же ты, мой дорогой мальчик, устроишь на земле Баден-Вюртенберг то, что хотел, то это даст повод для всех противников Вильгельма Эрнста пойти на него войной. А этот волшебник не хочет видеть нас в цепях или того хуже, мёртвыми. То есть ты своей выходкой сделаешь для нас только хуже, хуже, чем сейчас.

Он отнял ногу от горла Али Демира и наступил тому на лицо.

— Так что, пожалуй, я запрещу тебе проводить операцию в Байрсбронне.

Хаким отступил на шаг назад, глядя на то, как лежащий у его ног турецкий волшебник пытается продышаться:

— Мне нужно, чтобы ты направил свои силы на Аненербе и принёс мне голову их главаря, Густава Хайма.

— Ты с ума сошёл? — Али Демир закашлялся и начал тереть свою шею.

— Я забочусь о наших братьях и сёстрах, а ты словно хочешь доказать самому себе, что ты чего-то стоишь, — Хаким усмехнулся глядя на поднимающегося на локте турка, — Но нет, ты всего-лишь пыль под ногами.

Он растворился в полумраке:

— Пошёл вон, — его обволакивающий голос звучал отовсюду сразу, — Отправляйся и принеси мне голову Хайма.

Али Демир поднялся, нервно улыбнулся, и, продолжая потирать шею, вышел из комнаты.

Глава IX. Мракоборцы и те, кого они защищают

*

(19 августа)

— Герр Хоффман, я увидел, что пациентов стало меньше? — Иван Лисицын отпил кофе и поудобнее уселся на диванчике в ординаторской. С другого его конца расположился глава клиники Шаритэ Вальдемар Хоффман и дружелюбно смотрел на русского.

Он кивнул и что-то прикинул в уме:

— Остались либо тяжёлые после взрывов, либо турки, которых сюда после нападения на мечеть доставили.

— Я что-то слышал об этом происшествии, — русский сделал неопределённое движение рукой и посмотрел в свой кофе.

— Мы пока не можем их вылечить, потому они просто спят.

Иван кивнул:

— Прусское чародейство, если мне не изменяет память, то что-то наподобие Унгетаелте Хорро[1].

— О, вижу специалиста, — расплылся в улыбке Вальдемар, — Но пока мы не можем снять последствия этого заклинания, оно слишком мощное и незнакомое.

— Как я понимаю, последний раз его применяли в Германии году эдак в сорок пятом?

— Примерно, — кивнул его собеседник, — После разгрома Третьего Рейха, как Вы знаете, прусские чары стали под некоторым запретом.

— Если бы я был исследователем этого искусства, я был бы вне себя от радости, — русский отпил кофе, — Такая возможность для исследований.

— Но Вы знаете эти чары?

— Изучал в академии, — потупился Лисицын, — Я писал работу по легилименции, и там касался воздействия на разум, так скажем, неклассическими способами, — он внимательно посмотрел на доктора и покачал головой, — Нет, я не полезу в разум Ваших пациентов. Я могу, но если что-то пойдёт не так, то вой про то, что русские спецслужбы залазят в головы простых жителей Германии будет звучать от Гонконга до Филадельфии.

— Да я не настаиваю, — снова улыбнулся немец, — Герр Эрнст уже пообещал прислать специалистов, думаю, что со дня на день мы сможем избавить этих несчастных от их недуга.

— Я рад слышать, но я всё же не за этим пришёл сюда сегодня.

— Вы разыскиваете мою медсестру турецкого происхождения, — кивнул Хоффман, — Сегодня её нет. Её родители не пострадали во время нападения, и я этому, признаюсь, безмерно рад. Сегодня она дома. Думаю, ещё некоторое время она проведёт дома. Но позвольте спросить, зачем она Вам?

Лисицын задумался над ответом, отпив кофе.

— Как я понимаю, — усмехнулся Вальдемар, — Правдивого ответа мне не видать?

Русский кивнул и снова отпил кофе.

— Понимаете, Иван, когда Августа фон Вальдбург объявила турок вне закона, я был готов прикрыть мою медсестру, возможно, даже спрятать.

— Хорошо, когда в Германии сохранились не только потомки Ирмфрида Эберля[2], но и Оскара Шиндлера[3].

— К счастью, потомков первого сохранилось куда меньше, чем можно подумать. Немцы

в своей массе не злобны и не жестоки.

— Турки тоже, — кивнул Лисицын, — И Ваша медсестра, как я понимаю, тоже не из первых. Как её имя?

Хоффман очень загадочно посмотрел на русского и ничего не ответил.

— Понимаете, герр Хоффман, у Вас в приёмном покое до сих пор достаточно тех, кто пострадал от рук тех, что пошли по первому пути.

— Вы думаете, что эта девочка сможет привести Вас к ним?

— Насколько понимаю, она пострадала при нападении на Шаритэ?

Доктор помрачнел, на его скулах заиграли желваки:

— Давайте, я не буду отвечать на этот вопрос, Вы сами в курсе.

— Я слышал из первых рук, — Иван допил свой кофе, — Эти люди вели себя, как стереотипные нацистские каратели в белорусской деревне.

Хоффман задумался и медленно кивнул:

— Я убрал эти воспоминания, но физические повреждения, — он развёл руками, — Даже магия не способна так быстро излечить их.

— Мне не нужна она сама, я просто хочу поговорить с ней.

— Я понимаю, но нет, — покачал головой немец, — Я хорошо отношусь к Вам, и даже верю, что Ваша затея во благо, но...

— Вы хороший человек, герр Хоффман, — Иван поднялся с дивана, поставил свою чашку на столик и остался стоять.

Немец отпил кофе и словно бы невзначай достал свою волшебную палочку:

— Герр Лисицын, если Вы хотите у меня достать знания об этой девочке силой, то не стоит.

— Знаете, в чём проблема хороших людей? — наигранно рассмеялся русский.

— Удивите меня, Иван.

— Хорошие люди не доверяют другим, — тот пожал плечами и сел обратно на диван, — Ибо они слишком часто сталкивались с тем, как плохие маскировались под хороших.

— Возможно, Вы и правы, — немец допил свой кофе, дотянулся до столика и поставил на него чашку, — Но я всё равно не готов рассказать, где сейчас Айше.

Иван рассмеялся.

— Моя ошибка, что я не взял заранее у Шваница документ, позволяющий вести такие расспросы, — русский потёр глаза.

— С формальной точки зрения, я, конечно, должен был бы подчиниться этой бумаге, — Хоффман посмотрел в лицо собеседника, — Но мне бы очень не хотелось подчиниться требованию человека, который только сегодня посреди заседания Бундестага применил убивающее заклинание.

— Прусское чародейство не запрещено, — возразил Лисицын.

— Есть множество иных заклинаний с менее летальным поражающим эффектом. И более быстрых по исполнению.

— Я не в том положении, чтобы давать оценки действиям главы мракоборцев иностранной державы.

— Я тоже не даю оценки, я просто выражаю своё мнение, — вздохнул врач, — Моё мнение, как специалиста колдомедицины, применять летальные заклинания недопустимо, человеческая жизнь превыше всего.

— Ну, Михаил Романов, благодаря которому было отбито нападение на клинику, заклинаний не применял, — мрачно усмехнулся Лисицын.

— Это слишком нехорошая история, чтобы её поминать, — снова вздохнул Вальдемар, — Я рад, что этот волшебник появился так вовремя. Я готов поступиться своими принципами в такой ситуации, но я не хочу, чтобы Айше пострадала.

— Вот что интересно, герр Хоффман, я сюда прибыл с главой Французской Директории Кристиной Фавр де Поль, — заговорщицки посмотрел капитан ФСБ на главу клиники, — Если бы она обратилась к Вам с таким вопросом, как бы Вы отреагировали?

Его собеседник чуть потупил глаза и смутился.

— Надо было её просить задавать вопросы, — добродушно рассмеялся Иван, — Я всё понимаю, выбирая между красивой девушкой из цивилизованной страны и парнем с варварского края мира где-то между китайскими драконами и индийскими ракшасами, выбор становится очевидным.

— Не льстите себе, — Вальдемар потёр глаза, — Не все вас считают Империей Зла, большинство просто не думает о вас. Они не смотрят на восток, только на запад, потому и когда кто-то приходит с этого самого востока, на него взирают удивлённо и не сильно ему доверяют.

— А называется как-то состояние, когда о себе говорят в третьем лице да ещё и во множественном числе?

— Пожалуй, — Хоффман задумался на мгновение, — Его можно назвать недоверием к власти.

— К любой? Странно звучит от главы крупнейшей клиники страны.

— Так вышло, что я знаю достаточно, чтобы относиться к власти, и, тем более, к спецслужбам, настороженно. Я достаточно взрослый человек, чтобы не вестись на англосаксонскую историю о том, что мракоборцы защищают нас всех от тёмных волшебников.

— Человека, выросшего из подросткового мировоззрения, видно сразу, — мрачно усмехнулся Лисицын, — Хотя, я и понимаю Вашу позицию, но мне хотелось бы всё же узнать, где живёт Айше?

Хоффман тяжело вздохнул и устало поднялся с дивана:

— Не люблю упрямых, — он спрятал волшебную палочку и посмотрел на русского, — Наверное, потому что сам такой же. Я не знаю, где живёт моя медсестра, знаю только, что она с матерью часто бывала на службах в турецкой мечети Омара ибн Хаттаба. Думаю, стоит всё же поспрашивать там. Айше Доган, как и Клару Леманн, я отпустил до конца следующей недели домой.

Взгляд Ивана Лисицына выражал нечто среднее между гневным “Ах ты ж козёл!” и разочарованным “А разговоров-то было!”, он было открыл рот, но потом помотал головой и попросил ещё кофе.

**

(19 августа)

Филипп Лестрейндж лежал на спине на кровати в приёмном покое Шаритэ чуть прикрыв глаза. Его щёки вернулись к обычному цвету, а дыхание было совершенно спокойным. Койки слева и справа уже пустовали, и в целом приёмный покой производил более спокойное впечатление, чем в предыдущее посещение Кристиной Фавр де Поль.

Француженка аккуратно прошла между рядами, подошла к кровати и присела на край.

Мужчина пошевелился и медленно открыл глаза, увидел посетительницу и счастливо улыбнулся:

— Мадемуазель, — он опустил взгляд на руку девушки, до сих пор покоящейся на перевязи, — Ваша рука?

— Да ничего страшного, — та скользнула взглядом по перевязи и повела плечами, после подвинулась поближе к изголовью, положив свою ладонь на руку мужчины, — Я рада, что тебе лучше.

— Как там в большом мире? — он аккуратно дотронулся своими пальцами до пальцев Кристины, — Тут говорят, на нас нападали какие-то каратели из Аненербе.

— Я знаю, — она чуть опустила глаза и переплела свои с ним пальцы, — Я очень волновалась.

— Это ничего, — снова улыбнулся Филипп, — Доктор Хоффман сказал, что на следующей неделе отправит меня домой. Заберёте меня отсюда?

— Отвезу тебя в Амьен, будешь знать.

— А что я там буду делать? — искренне удивился француз.

— Лечиться, Филипп, лечиться, — она разжала пальцы и коснулась ладонью его щеки. Он с нежностью потёрся об её руку.

Кристина устало улыбнулась и убрала руку, поправив волосы. Лестрейндж встревоженно посмотрел на неё:

— Так какие новости в большом мире?

— В Германии с утра новый Канцлер, — отмахнулась она, однако после снова взяла того за руку, — Что ещё? Отто, который один из глав Аненербе, как я успела в газете прочесть, был убит прямо во время заседания Бундестага Виктором Шваницем.

— Если это правда, то круто работает здешний глава мракоборцев, — усмехнулся Филипп.

— Я так тоже могу, — улыбнулась ему Кристина.

— Не сомневаюсь, но чтобы прямо во время парламентских слушаний...

— Ну, пока тебя тут собирали по кусочкам, я вот, например, арестовала обоих Абрабанелей на заседании Директории.

Филипп нахмурился:

— Мадемуазель, Вы же понимаете, чем это грозит? Прежде всего, лично Вам?

Кристина разжала пальцы, рукой поправила волосы и как бы невзначай огляделась. Рядом и правда никого не было, через проход в койках дремали пациенты, как и в постелях через одну пустую от Лестрейнджа. У входа же переговаривалось друг с другом два медика клиники.

— Я понимаю, но это уже неважно, — она понизила голос и подседа ещё ближе к изголовью кровати своего помощника, коснувшись своим бедром его ладони.

— Если нужна моя помощь... — начал было тот, но девушка положила палец на его губы.

— Тише, тебе нужно отдыхать, — она наклонилась ближе к его лицу и прошептала, — Я не могу рисковать ещё и тобой, Марта, Готье и Ламбер в руках турок, Талейран ведёт какую-то свою игру, пока я здесь, — она смотрела внимательно в глаза Лестрейнджа. И со стороны эти двое напоминали скорее двух влюблённых, что встретились в больничной палате после разлуки.

— Я готов помочь, — прошептал Лестрейндж, — Мне просто надо отсюда выбраться.

Де Ноай всё ещё вместо Вас?

Кристина отстранилась и кивнула:

— Отдыхай, я поговорю с врачами, — она наклонилась к Филиппу и поцеловала того в лоб.

После поднялась, она неспеша развернулась и направилась к двум медикам, всё ещё переговаривающимся на входе в зал.

— Герр, фрау? — она приветливо улыбнулась медикам, те повернули свои головы к ней, — Меня зовут Кристина Фавр де Поль, мне хотелось бы поговорить о вашем пациенте.

— Вы о том пациенте, с кем только что любезно ворковали? — женщина с седыми волосами, собранными на затылке в шишке, посмотрела на неё поверх очков.

— Да, именно о нём, — обворожительно улыбнулась француженка, — О Филиппе Лестрейндже, он является служащим Департамента Магического Правопорядка Франции и моим подчинённым...

— В первую очередь, он является пациентом клиники Шаритэ, - строгим голосом перебила её женщина, — Зачем он Вам?

— У нас сложилась сложная ситуация в Департаменте, а Филипп сказал, что ему уже намного лучше, что его обещали на следующей неделе уже выписать...

— Вы знаете, какое сейчас число, фройляйн? — не меняя интонации снова перебила её женщина.

— Эээ... Девятнадцатое? — Кристина удивлённо подняла бровь.

— Следующая неделя начинается минимум двадцать третьего августа, — по голосу говорившей можно было сделать вывод, что относится та к француженке, как к недалёкой девочке, которая докучает вопросами и по-пустякам отрывает её от работы, — А это значит, фройляйн, этот пациент будет находиться в этой палате ещё минимум четыре дня.

— Он сказал, что ему уже лучше, — Фавр де Поль поджала губы, — Простите, я не запомнила Вашего имени.

— А Вам оно не нужно, — покачала головой женщина, — У Вас есть ордер, чтобы забрать Филиппа Лестрейнджа с собой?

Француженка отрицательно покачала головой.

— У данного пациента обширное поражение левого бедра и ноги осколками, — фыркнула женщина, — После выписки ему предстоит длительный курс реабилитации, чтобы заново научиться пользоваться его ногой. При этом хромота, скорее всего, останется с ним на всю жизнь. Колдомедицина не безгранична в своём искусстве, — она внимательно посмотрела на Кристину, — По какой такой надобности мракоборцам этот молодой человек понадобился?

— Я не могу раскрывать интересы своего ведомства, — на скулах той заиграли желваки.

— А я не могу отдавать пациентов до их выписки кому попало и без судебного постановления.

— Фройляйн, — подал голос мужчина, до этого молчавший, — Клиника Шаритэ находится на территории Магических Земель Германии, потому полномочия Вашего департамента не имеют здесь силы. Мы сможем выдать данного пациента до выписки только представителям мракоборцев Германии. И только с предъявления соответствующих бумаг. Во всех остальных случаях он останется здесь.

Кристина глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться. Внутри неё уже поднималась буря, у неё перехватило горло, губы дрогнули, но она сумела справиться с эмоциями.

— Фройляйн, я могу предложить Вам воды, успокойтесь, — мужчина развернулся к столику, где стоял графин и несколько пустых стаканов, и последние слова он сказал уже туда.

Француженка же резко выдохнула и резво вышла в коридор, не обращая внимания на презрительное фырканье женщины в очках. В её груди горел пожар гнева — как эти чёртовы медики смеют тыкать ей в то, что она здесь никто? Она — глава Директории! Она глава мракоборцев Франции! А они бояться пальцем пошевелить без бумажки!

И там же где-то внутри зарождался пока незаметный пожар гнева на себя — Кристина Валери Фавр де Поль, это ты виновата в том, что Филипп останется на всю жизнь хромым! Тот, кто беззаветно предан тебе, и кому ты можешь доверять точно также, не раздумывая! А ты его предала, подставила, втянула в авантюру, где он чуть было не погиб!

Резко открылась дверь в ординаторскую, чуть не задев проходившую мимо француженку. Та успела отскочить и теперь гневно прожигала взглядом главу клиники Шаритэ Вальдемара Хоффмана, застывшего в проёме.

— Фройляйн, что-то случилось? — его улыбка была одновременно усталой и встревоженной.

— Один вопрос, — девушка снова подавила в себе гнев и задала вопрос спокойным тоном, — Вы отдадите мне завтра Филиппа Лестрейнджа, пациента вашей клиники?

— Он хорошо идёт на поправку, но не ранее двадцать пятого августа, — отрицательно покачал головой доктор, — Его характер травм...

— Хорошо, я поняла, — Кристина поспешно кивнула, перебив собеседника, — Спасибо, я буду его навещать тогда.

— Да, до встречи, — кивнул Хоффман.

Француженка повернулась, поджала губы и пошла по коридору на выход.

***

(19 августа)

Сбор основных небоевых участников штурма лечебницы Отто Агриколы был назначен на шесть вечера, собрались все к семи.

Когда опоздавший на четверть часа Иван Лисицын прибыл на место, то оказалось, что там его ожидает лишь Виктор Шваниц в качестве не только главы мракоборцев Германии, но главы всей предстоящей операции. Его заместитель Мориц Эберль уже был на позиции и ждал появления, как выразился глава его департамента, “высокого собрания”.

“Высокое собрание” должно было состоять, кроме вышеупомянутых волшебников, ещё из Якоба Бергман-Поля, исполняющего обязанности главы Берлина — как мрачно выразился Шваниц: “В отличие от Дрездена, в Берлине решения принимаются быстро”. Ещё в состав людей, которые опоздали к обозначенному времени, входил Дитрих Хоннекер, глава Департамента Магических Происшествий и Катастроф, успевший заменить на этом посту Якоба Притвица, а также Марта Мюллер, глава Департамента Международного Магического Сотрудничества.

И все трое опаздывали на дольше, чем Лисицын.

— А операция не начнётся без нас? — он как бы невзначай поинтересовался, когда прошло уже полчаса от времени сбора, а они с главой немецких мракоборцев сидели у того в кабинете.

— Ну, начало у нас назначено на время захода солнца, так что время у нас есть, — скептически посмотрел на часы Шваниц.

— А без “высокого собрания” штурм не получится?

— Такова политическая этика, Канцлера очень попросили, чтобы мы были под надзором герра Хоннекера, это для лучшей координации и отправки раненых в больницы.

— Ну, фрау Мюллер, как я понимаю, там из-за меня? — с издёвкой спросил капитан ФСБ, его собеседник кивнул в ответ, — А герр Бергман-Поль?

— Говорю же, герра Эрнста попросили, так сказать, проявить уважение к земле, — закатил глаза Виктор, его явно не радовало всё это.

— Лечебницу хотя бы блокировали? — в голосе русского появился скепсис.

— Конечно, — немец кивнул, — Мориц скрытно блокировал поместье по-периметру, штурм может начаться до нашего появления только в случае, если случится провокация.

— О, пока у нас есть время, хотел спросить, — Иван хитро посмотрел на собеседника, — А Ваш заместитель случайно не родственник коменданта Треблинки.

— Не случайно, — Виктор покачал головой, — Вполне себе обыденно. Дальний родственник, как и его старшая сестра, Анна Эберль, глава земли Северный Рейн — Вестфалия.

— И никаких нет вопросов к тому, что дальний родственник нацистского палача теперь блокирует поместье с представителями Аненербе?

— Он не является членом этой организации, — голос немца стал усталым, словно на этот вопрос ему приходилось уже не раз отвечать, — Иван, понимаете, это, конечно, уже ведомство министерства не ваших собачьих дел, но его уже не раз проверили, и его действия в Бундестаге говорили о верности нашему делу.

— А ещё он дал вам Вестфалию, — произнёс русский, обернувшись на шум за дверью кабинета.

— А это уже точно ведомство вышеназванного министерства, — усмехнулся Виктор и встал со своего кресла.

Дверь в кабинет и правда распахнулась, а в комнату зашла Марта Мюллер, пожилая полноватая женщина с седыми волосами, завязанными в тугой узел на затылке. Она тепло поздоровалась со Шваницем, а на Лисицына бросила удивлённый и строгий взгляд:

— Герр? Я так понимаю, Вы и есть тот приглашённый специалист, за которым мне поручено следить?

— Я не убегу, честное слово, — захлопал глазами русский.

— Официально Вы являетесь персоной нон-грата в Магической Британии, что в целом меня не особо волнует, но в любом случае необходимо следить за тем, что Вы будете делать на сегодняшнем мероприятии, — она кивнула собственным словам, — Во избежание.

— А почему Вы не запретите мне участвовать в операции?

— Нам нужен специалист Вашего уровня и не нужны проблемы с общественностью, — пояснил Шваниц, — Потому фрау Мюллер здесь нужна, чтобы при возникновении вопросов, она бы вышла вперёд и сообщила, что исполняет надзорные функции.

— Но, как я понимаю, она останется в тылу?

— Конечно, она ценный специалист, чтобы пускать её в составе штурмовой колонны.

— А я, как понимаю, иду в её составе? — усмехнулся с издёвкой Лисицын.

— Я всё расскажу, — загадочно произнёс Шваниц.

С опозданием в три четверти часа появился Якоб Бергман-Поль, высокий мужчина, на голову выше грузного Шваница, но, судя по всему, его ровесник с копной седеющих волос, а вместе с ним — Дитрих Хоннекер, молодой юноша, на несколько лет младше Ивана

Лисицына, имевший военную выправку и русые волосы, собранные на затылке в пучок.

Глава мракоборцев вкратце обрисовал их позиции, и что от них потребуется на операции. А потребуется в целом ничего выдающегося и сложного — участники разделяются на три группы. В первой, то есть непосредственно в трёх штурмовых колоннах, которые должны будут взять и зачистить лечебницу, никто из собравшихся не пойдёт — это первая линия.

Вторая линия — это медики, следовали и Иван Лисицын в виде приглашённого эксперта по оккультизму Третьего Рейха. Сам он до сих пор не понял, почему внезапно оказался лучшим из возможных специалистов в этом вопросе, но, видимо, просто был самым доступным, в сложившейся ситуации иные, более разбирающиеся в этой теме волшебники, могли отказаться участвовать в операции по политическим мотивам. А возможно, его привлекли, потому что он был не столько академическим исследователем, но человеком ещё и с навыками криминалиста, а лечебницу Агриколы следовало бы рассматривать именно, как место преступления, а не как исследуемый исторический памятник.

В третьей же линии находились оставшиеся трое из наиболее важных персон — Мюллер, Бергман-Поль и Хоннекер, и от них требовалось лишь не попасть под случайное закливание, а в случае необходимости оказать административную поддержку в рамках своих возможностей. Хоннекер отвечал за колдомедиков, которых, если потребуется, можно будет дополнительно доставить на место операции. Бергман-Поль, как глава Берлина, уже объявил о сборе народной милиции, потому мог в случае необходимости вызвать боевой отряд для поддержки.

Ну, а у фрау Мюллер была простая задача, изображать жёсткий контроль действий русского специалиста. После того, как она это узнала, то только лишь попросила Ивана не умирать, когда он зайдёт в лечебницу, а в остальном она его не намерена особо ограничивать.

На часах была четверть восьмого вечера, когда они вышли из кабинета Шваница. На одном из столов сидела Кристина Фавр де Поль, скрестив руки на груди и подперев кулаком подбородком:

— Герр Шваниц, а можно Вас отвлечь? — увидев главу мракоборцев, она резко вскочила с места.

— Фройляйн, а Вы здесь какими судьбами? — совершенно спокойно улыбнулся тот.

— Мне нужно забрать одного пациента из клиники Шаритэ, - она упёрла руки в бока, Виктор и Иван заметили, что уже ставшей привычной перевязи, где покоилась рука, нет.

— А как Вы оказались здесь? — с любопытством спросил мракоборец.

— Меня впустил администратор.

— Вас не должны были впустить в наш департамент, — усмехнулся Шваниц, — Уже наш секретарь, Вам же не назначено было.

— Так у вас никого не было, — захлопала глазами француженка.

— Герр Шваниц, у Вас все ушли на фронт, — с издёвкой произнесла Марта Мюллер.

— А, да, точно, — с неудовольствием произнёс тот, — Кристина, я не могу сейчас решать Ваш вопрос, он, как я понимаю, ждёт до утра?

— Да, — кивнула девушка, — Как я понимаю, вы все выдвинулись на штурм лечебницы Отто Агриколы? — краем сознания она понимала, что её тон слишком вызывающий, но что уж теперь поделаться, как-то надо было вернуть себе вторую руку.

— Здесь должно быть что-то про министерство не её собачьих дел, да, герр Шваниц? —

с издёвкой произнёс русский.

Глава мракоборцев тяжело вздохнул и устало потёр глаза.

— А этот месье что здесь делает? — Фавр де Поль кивнула в сторону Лисицына.

— Он приглашённый специалист, фройляйн, — Шваниц скривился.

— Специалист по убийствам? — весело, но с вызовом произнесла француженка, — Так я тоже вполне им являюсь.

— Кто эта фройляйн, герр Шваниц? — усмехнулся Якоб Бергман-Поля.

— Глава Магической Франции и французских же мракоборцев, — поморщился тот в ответ. Ему вовсе не нравилась ни это встреча, ни поведение француженки, которая явно была под одним из зелий, дарующих отвагу и заглушающих боль в теле. А больше ему даже не нравилось то, что два возможных союзника их Германии могут сцепиться друг с другом из-за каких-то личных предубеждений. Кристина явно намеренно провоцировала русского. И что это за просьба о том, чтобы пациента из лечебницы забрать?

— Фройляйн Фавр де Поль, — Мюллер внимательно посмотрела на француженку, — Как я понимаю, Вы сюда прибыли по поводу участия в штурме лечебницы Отто Агриколы, а не для получения разрешения по поводу вывоза кого-то из Шаритэ.

Глаза Кристины сузились, на скулах заиграли желваки.

Виктор флегматично почесал подбородок и посмотрел сначала на неё, потом на Марту Мюллер.

Иван задумался, как долго ещё эта девушка останется главой государства с таким поведением? И в целом останется в живых?

— Кристина, эта операция, про которую Вы знаете в силу сложившихся обстоятельств, она не является, конечно, секретной, но это не развлекательный спектакль, на который стоит брать всех, кто того пожелает, — немецкий мракоборец внимательно смотрел на свою французскую коллегу, та повела плечами и глубоко вздохнула.

— Я выполняю миссию по поиску Гельмута и Маттиаса фон Мирбах, — она сверкнула глазами, пересёкшись взглядом с немцем, — Есть предположение, что именно в этой лечебнице они могут содержаться. Потому моё присутствие в данной операции возможно.

— Есть у русских одна фраза, которая отлично характеризует сложившуюся ситуацию, — тот недовольно посмотрел на Лисицына.

— Герр Шваниц, здесь собрались приличные люди, я её произносить не буду, — отозвался русский, усмехнувшись.

— Ладно, фройляйн, — Виктор махнул рукой в сторону Кристины, — Фрау Мюллер, в Ваше распоряжение поступает ещё и Кристина Фавр де Поль.

— О, хорошо, — кивнула немка, — Она идёт во втором эшелоне?

— Решим на месте, — хмуро отозвался Шваниц.

А когда они вшестером прибыли на место, то оказалось, что там уже несколько часов всё шло не по плану.

Изначально предполагалось, что освободившись от дел в Бундестаге, мракоборцы спешно выдвинутся к лечебнице Агриколы и возьмут её в кольцо. Связанные между собой четыре ритуальных круга, установленные мракоборцами, должны были блокировать всяческое сообщение между Берлином и больницей, которая представляла из себя длинное трёхэтажное здание советской архитектуры посреди парка за высоким трёхметровым забором из металлических прутьев.

В условиях недостатка личного состава в Департаменте Магического Правопорядка

изоляция территории магическим способом — это часто применяемый и работающий метод. У метода был только один недостаток, чтобы всё заработало, должно появиться четыре ритуальных круга, замкнув территорию. Потому обычно их воздвигали одновременно, максимум с разницей в пару минут — такое было вполне допустимо. Однако ритуалистов у мракоборцев катастрофически не хватало, после последних событий их оставалось всего двое. Мориц Эберль мог бы сам воздвигнуть третий круг, однако он не мог оставить командование своим не самым многочисленным отрядом. Можно было дожидаться подхода двух десятков тюрингских милиционеров, но они планировали прибыть на место только к шести вечера, то есть через два часа после появления там мракоборцев, а это увеличивало шансы того, что в лечебнице узнают о гибели Отто и просто оттуда уйдут, забрав всё ценное и важное с собой. Хотя что было ещё опаснее, находящийся в лечебнице крупный отряд может совершить вылазку и атаковать их самих. Точное число аненербистов в клинике было неизвестно, но они явно превосходили группу Эберля в 2–3 раза.

В итоге около половины пятого вечера Мориц принял решение выдвинуть две тройки в главе с ритуалистами на одну из сторон лечебницы для возведения ритуальных кругов, ещё пару мракоборцев отправил следить за боковым выходом с территории, а сам во главе пятёрки остался неподалёку от главных ворот.

К пяти вечера два круга были завершены, однако наблюдатели заметили двух сов, которые прилетели в клинику, и одну, которая вылетела оттуда. Эберль дал указания тройкам перемещаться на два оставшихся угла, но одновременно с этим пара мракоборцев у боковых ворот подверглась нападению. Один из них сразу был тяжело ранен, второй успел запросить подмогу, но когда Мориц во главе своей пятёрки прибыл на место, уже и сам был без сознания. В ходе скоротечного, но жестокого боя, группа из порядка семи аненербистов отошла обратно на территорию лечебницы, а Эберль потерял раненым ещё одного сотрудника. Он забрал раненых и вернулся в исходное расположение, но там его уже ждала одна из троек, которая и сообщила, что при попытке выйти на угол забора, там их уже ждало не меньше пятерых противников. Ритуалист решил не ввязываться в бой и вернуться к командиру.

Имея на руках троих раненых, Мориц уже сам решает сообщить Виктору Шваницу с проблемами и запросить прибытие тюрингской милиции раньше намеченного срока, однако отправленную сову сбивают каким-то заклинанием с территории лечебницы. Вторую сову постигает та же участь, при этом мракоборцы не могут определить, кто именно и откуда из парка клиники нападает на них, потому поделаться с этим также ничего не могут.

В итоге Эберль отправляет одного из мракоборцев напрямую в Шаритэ, чтобы вызвать медиков на место. Изначально те должны были прибыть к шести, вместе с милиционерами, но события уже начали развиваться не по плану, потому требовалось экстренное изменение этого самого плана.

И тут Мориц вспоминает, что у него была вторая тройка мракоборцев во главе с ритуалистом, и она не выходила на связь уже достаточно давно. Потому Эберль берёт с собой пару наиболее опытных мракоборцев и скрытно выдвигается к дальнему углу периметра, чтобы лично убедиться, что случилось с группой. Когда они добираются до места, где должен был проводиться ритуал, то находят только бездыханные тела троих коллег, каждый с перерезанным горлом. Как только Эберль решает уходить обратно, то мёртвые поднимаются и нападают на них.

Источая животный ужас, они совершенно не реагируют на боевые заклинания, и

двигаются в их сторону чуть быстрее обычного человека. Два мертвеца хватают одного из мракоборцев, валят на землю и начинают раздирать на части. Ещё один бросается на Морица, благо тот в последний момент успевает отскочить и откатиться в сторону. Третьего же живого мракоборца охватывает такой ужас, что он, выронив свою палочку, бросается не разбирая дороги в сторону ближайших домов, при этом неистово вопя.

Эберль же осознаёт, что самое время вспомнить то, чему его научила старшая сестра. Сейчас, пока одни его люди убивают других его людей, единственно возможное решение — это спасти живых. Потому он оборачивается огромным волком на двух ногах и бросается на мертвецов, что уже почти убили его подчинённого. Могучим движением вырывает голову одному, затем отрывает руки, которыми тот пытался задушить ещё живого волшебника.

Тут же сзади Морица хватают поперёк тела, и мертвец пытается вцепиться зубами, но его зубы лишь вязнут в густом волчьем меху. Оборотень изгибается, поворачивает голову к своему бывшему коллеге и смыкает громадные волчьи челюсти у того на голове, чтобы могучим движением отделил эту голову от туловища. А ведь этот волшебник ещё утром в Бундестаге смешно острил из-за общей нервозности обстановки, и мечтал уйти в отпуск и уехать с женой и тремя детьми на Балтику. А сейчас Эберль рывком освобождается от его ослабевшей хватки и кинжальными когтями отсёкает руку.

Но вот уже третий мёртвый мракоборец, словно борец, бросается в ноги своего начальника и сшибает того на землю. Сцепившись вместе зомби и оборотень катятся кубарем по тёплому от летней жары асфальту. Мориц наносит передними лапами удары по противнику, пока голова того не остаётся висеть на лохмотьях плоти. Затем с мерзким хрустом мракоборец освобождается от хватки противника и отшвыривает затихшее тело подальше.

Тяжело дыша, Мориц подходит к затихшему ещё пока живому коллеге, окровавленное тело которого распластано на земле. Затем возвращается обратно в человеческое обличье, с трудом поднимают раненого на руки и аппаратируют к остальным, оставшимся у главных ворот.

Медики прибыли буквально через несколько минут после этого, очень быстро развернули полевой госпиталь и начали спасать раненых. Эберль же послал того, что привёл их, к тюрингйцам, чтобы те также быстрее добрались до лечебницы. Однако тот даже не успел уйти, как милиция сама оказалась на месте.

Уже было примерно шесть вечера. По плану к этому моменту должна была уже стоять магическая защита, а в реальности стояло лишь два круга из четырёх, трое мракоборцев уже было убито, четверо ранено, а один убежал в панике неведь куда, ибо Мориц в пылу боя не успел заметить даже направления. Сам же Эберль, понимая, что ещё по-меньшей мере пару часов он тут главный, старательно гнал от себя мысли о том, что только что разорвал на части троих своих подчинённых. Он с ними стоял в оцеплении с утра в Бундестаге, они же пили кофе и мерзко шутили ранним утром в Департаменте. Это то, чего он, пожалуй, не забудет ещё долго, но сейчас все эти переживания Мориц старательно заталкивал глубоко внутрь себя, потому что пока что есть куча всё ещё живого народа, которые от него и его решений полностью зависят. А живые всегда важнее мёртвых.

Тюрингйскую милицию возглавлял Феликс Фукс, худощавый волшебник средних лет с неприятным шрамом на щеке. Он хмуро выслушал рассказ о произошедшем в последние часы и предложил два варианта: попытаться текущими людьми всё же возвести магический барьер между лечебницей, как и предписывал изначальный план, либо атаковать

тюрингийцами сейчас и очистить от противника парк клиники, загнав того в здание. Первый вариант был признан бессмысленным, так как эта защита нужна была для пресечения сообщения лечебницы со внешним миром и чтобы оттуда никто не сбежал, но противник уже был явно в курсе произошедшего в Бундестаге и явно не собирался уходить с позиций, напротив он скорее был настроен отстоять свою крепость, тем более, он явно был в полной уверенности, что нанёс врагам чувствительные потери. Потому второй вариант выглядел более подходящим.

Тюрингийцы входили двумя штурмовыми колоннами на территорию лечебницы Отто Агриколы. Первую вёл лично Феликс, и она нападала со стороны боковых ворот. Вторая же атаковала со стороны главного входа, и её вёл ровесник Морица Оскар Ланж. Отряд Фукса численно превосходил отряд Ланжа и атаковал вторым, чтобы ввести анербистов в заблуждение. И это удалось.

Оскар во главе семерых милиционеров вынес главные ворота, дошёл до первого перекрёстка дорожек, где попал под массированный огонь противника, в большинстве своём использующего огненные и электрические чары, и откатился к воротам. Но тем временем Феликс снёс заслон из двух магов у боковых ворот и довольно быстро во главе своих полутора десятков бойцов дошёл до центра парка, закрепился там и ударил в тыл группе, сковывающей их вторую штурмовую колонну. Окружённые анербисты очень быстро были рассеяны, потеряли пятерых убитыми и отошли в ещё незанятую часть парка, стремясь вернуться в здание. Волшебники же из Тюрингии сумели избежать потерь и потому теперь начали медленно продвигаться к зданию. Тела убитых во избежание повторения истории с восставшими мертвецами крепко пеленали чарами.

Вторая крупная стычка произошла у входа в боковое крыло здания на левом фланге наступавших. Отряд Фукса обнаружил отступивших после первого столкновения противников числом в четыре человека, которые пытались зайти внутрь лечебницы, и бесстрашно атаковал их. Тут же распахнулись двери бокового входа и на вылазку пошла группа, не уступавшая по численности нападавшей колонне. Однако отряд Феликса воспользовался тем, что враг не успел перестроиться в боевой порядок и, оставив четверых магов сдерживать прорывающийся из парка отряд, всеми оставшимися силами атаковал. Анербисты не выдержали массированного применения боевых заклинаний, потеряли нескольких человек убитыми и спешно отступили внутрь, не закрыв за собой дверь. В эту дверь бросились милиционеры во главе со своим командиром, в холле завязался жестокий бой накоротке. Защитники, потеряв по меньшей мере двух волшебников убитыми и столько же ранеными, откатились в боковые коридоры и на лестницу, но и у тюрингийцев появились первые потери — один волшебник был убит, ещё двоих ранило, однако, группа закрепились в холле и на крыльце лечебного крыла.

Пытавшиеся прорваться внутрь противники потеряли одного раненым и отошли вглубь парка в сторону угла забора. Преследовать их милиционеры пока не стали, лишь обеспечили доставку раненых в полевой госпиталь.

Штурмовая колонна Оскара Ланжа тем временем обошла здание клиники справа и двинулась вдоль забора к углу территории, возле которого разыгралась трагедия с врагами Эберля. Не доходя нескольких десятков метров, они обнаружили пятёрку волшебников, скрытно идущих в сторону лечебницы. Оскар принял решение преследовать их, и атаковал, когда те уже почти подошли к зданию. Три анербиста были уничтожены сразу, оставшиеся попытались сбежать, но были схвачены. Однако дальше продвинуться

тюрингйцам не удалось — из окон клиники начали по ним стрелять и кидать боевые чары. Ланж отвёл отряд на безопасное расстояние и там залёг.

Примерно в половине восьмого Мориц Эберль перенёс штаб операции на территорию лечебницы, туда, где произошёл первый бой в парке. Сбежавший от ужаса мракоборец был отловлен и поставлен в строй медиком-легилиментом. Также в строй вернулся один из легко раненых. Третья штурмовая колонна понемногу собиралась, хотя и не в том составе, в котором планировалась изначально.

Ближе к восьми защитники лечебницы атаковали позиции Фукса в холле, ранив троих милиционеров, но в итоге были выдавлены назад, дальше по коридору, и потеряли несколько комнат, лестницу же наверх волшебники из Тюрингии заблокировали. В это же время трое волшебников под прикрытием стрельбы из лечебницы атаковали позиции Ланжа, но и эта атака была отбита без потерь.

В итоге, когда шестеро волшебников из “Высокого собрания” прибыли на место, основная часть парка была под контролем немецких властей, а с противоположной стороны у забора находились наблюдатели, отслеживающие возможные перемещения в лечебницу и из неё, однако, как противник внутри здания не предпринимал новых попыток его покинуть, так и извне никто не шёл на выручку.

— Иллюстрация попытки сотворить успех на коленке, — фыркнул Шваниц, когда Эберль закончил свой доклад.

— Искусство возможного, — пожалала плечами Кристина, стоявшая поодаль.

— Трое убитых, пятеро раненых, прекрасная иллюстрация, — произнёс недовольно Дитрих Хоннекер, — Однако же, нам удалось закрепиться в здании.

— Да, всё верно, и противник потерял дюжину убитыми и некоторое число ранеными, не менее пятерых, — Мориц говорил чуть отстранённо, иногда поглядывая в сторону темнеющего в глубине парка здания. Сгущались сумерки, над волшебниками запели цикады, откуда-то издали доносился шум засыпающего Берлина.

— Я верно понимаю, что четверо членов Аненербе было захвачено в плен и передано в Ваши руки? — Марта Мюллер внимательно смотрела на молодого мракоборца.

— Так точно, — тот кивнул.

— Вы их допросили? — спросил Шваниц.

— Успели двоих, — снова кивнул Эберль, — По их словам в здании до нашей атаки было тридцать пять членов Аненербе из Польши и семеро из Берлина. Их задачей было после окончания заседания Бундестага спешно переместиться к нему и взять здание штурмом, распустив Парламент и объявив диктатуру.

Лисицын закатил глаза после этих слов и посмотрел на темнеющее здание лечебницы, он подумал, что как-то даже символично, что эти психи засели именно в клинике для душевнобольных.

— Однако почти сразу после заседания Бундестага им сообщили, что Отто Агрикола убит, — молодой мракоборец продолжал говорить, — После этого они запросили пояснений.

— У кого? — удивился его начальник.

— Этот поляк не сказал, но сообщил, что связывались с Кведлинбургским аббатством. Оттуда поступило распоряжение драться до конца во имя Правителя Тысячелетия. После они ответили, что с радостью исполнят приказ...

— И пошли его выполнять... — пробормотал Лисицын, на что на него удивлённо

посмотрел Эберль. Русский поймал этот взгляд, дружелюбно улыбнулся и спросил, — А можно ещё раз поговорить с допрашиваемыми?

— К сожалению, нет, — рассеянно покачал головой Мориц. С каждой минутой его всё больше отпускала ответственность, и всё больше накрывало осознанием произошедшего, — Он не пережил обвинений в свой адрес.

— Какой интересный эвфемизм для выражения “запытать до смерти”, — произнёс задумчиво Иван, — Виктор, можно с Вами поговорить?

— Одну минуточку, — глава немецких мракоборцев дал понять, что пока не готов разговаривать, подошёл к своему подчинённому, взял того под локоть и отвёл в сторону, — Мориц, что там произошло?

— Их поднял некромант, — глухо произнёс тот, когда они отошли подальше, — У Зигфрида, Отто и Клары были перерезаны глотки. Мы осмотрели их, а потом они бросились на нас.

Виктор развернул собеседника лицом к себе и заглянул тому в глаза:

— Это были не они, даже не думай, что ты убивал собственных людей. Это они убили их, убили жестоко.

— А я знаю, ты думаешь, почему я не остановился, когда допрашивал этих уродов? — молодой мракоборец был мрачен, но в его чёрных глазах разгоралось пламя.

— Ты был зверем?

Мориц кивнул и зло усмехнулся.

— Если хочешь, можешь написать рапорт, все всё поймут, — Виктор положил руку на плечо коллеги.

— Что, сам поведёшь колонну? — ухмылка Эберля стала хищной.

— Знаешь, теперь мне их даже жалко, — засмеялся глава мракоборцев, и они вместе вернулись обратно к “высокому собранию”.

— Герр Шваниц, каков план? — Кристина перевела взгляд с палатки госпиталя, возле которой толпились незнакомые ей волшебники, на подошедших мракоборцев.

— План предполагал штурм тремя колоннами, с боковых крыльев и с центрального хода, — Виктор задумчиво потёр рукой шею, — Мориц, как считаешь, насколько целесообразно ему следовать?

— Количество входов не изменилось, — пожал плечами, до сих пор злобно ухмыляющийся Эберль, — Но лучше вызвать поддержку из Берлина. У нас две тюрингийские колонны по семь человек и наша пятёрка, а в здании порядка трёх десятков защитников.

— У вас есть анимаги? — спросил Лисицын, переводя взгляд с одного мракоборца на другого.

— Способных пройти туда и разведать, пожалуй, нет, — покачал головой Шваниц, поняв, к чему клонит русский, — Герр Бергман-Поль, прошу вызвать сюда берлинскую милицию.

— Пришлю всех, кто есть в наличии, — кивнул мужчина в ответ и пошёл к почтовым совам.

— Можно, конечно, провести разведку боем, — задумчиво произнесла француженка.

— Я понимаю, что Вам, сударыня, хочется героически погибнуть в эту ночь, но вообще туда могу пойти я и хотя бы частично разведать, — совершенно серьёзно сказал русский.

Кристина удивлённо посмотрела на него, но ничего не ответила.

— Лиса достаточно крупный зверь, — проговорил Шваниц задумчиво, — Хотя с Вашими способностями это, возможно, наш единственный выход.

— Вы сможете открыть для нас дверь? — спросил Эберль заинтересованно.

— Возможно, — уклончиво ответил русский, — Я просто не знаю, что меня ждёт там внутри.

— Думаю, пока мы ждём подкреплений, стоит начать, — сказал Виктор, — Кристина, Вы же не будете против, если я попрошу Вас присоединиться к штурмовой колонне Морица?

— Нет, я с радостью помогу, — кивнула француженка, с недоверием покосившись на русского.

— Тогда план такой, — глава мракоборцев оглядел собравшихся, — Иван Лисицын проникает через главный вход и разведывает обстановку. В случае, если в холле никого не окажется, или обороняющихся он сможет быстро устранить, он открывает дверь. Если за дверью будет ждать серьёзный отряд противника, а серьёзный это всё что больше троих волшебников, тогда он просто возвращается к нам, — он повернулся к Морицу, — Но если дверь открывается, то твоя группа заходит внутрь. Вы должны закрепиться в холле и подождать подхода берлинских милиционеров. Вместе с ними уже начинаем полноценный штурм.

— Так точно, — кивнул Эберль.

— Также сообщите Фуксу и Ланжу, что по моему сигналу, когда придёт подкрепление, они также начинают штурм со своих позиций. Соответственно Фукс будет продвигаться дальше по коридору первого этажа на соединение с вашей группой. Ланж же пусть проходит через дверь своего крыла и закрепляется там. Как только мы очистим первый этаж, примемся за второй, — Шваниц повернулся к Дитриху Хоннекеру, — Ваши люди после того, как мы займём первый этаж, пусть скрытно выдвигаются к зданию.

— Герр Шваниц, у этого здания, насколько понимаю, ещё есть обширные подвальные этажи? — спросил тот.

— Подвал будет заблокирован, его мы начнём зачищать в последнюю очередь, после того, как овладеем верхними этажами. Иван, через сколько сможете выдвинуться?

— Ну, дайте мне минут пять, — повёл плечами русский.

— Хорошо, Мориц, пока сообщите Феликсу и Оскару об изменениях в плане.

— Так точно, — кивнул молодой мракоборец и пошёл к своим людям.

— Дождёмся возвращения Бергман-Поля и можно начинать, — Виктор рассеянно кивнул и пошёл вслед за Эберлем.

Хоннекер направился в госпиталь, вместе с ним пошла и Марта Мюллер.

Кристина вытащила из кармана небольшой бутылёк и стала вертеть его в руках.

— Обезболивающее? — спросил её Иван, кивнув на бутылёк.

— Мне нужны обе руки, — пожалала плечами и улыбнулась она.

— Почему ты не вернёшься в Париж?

— После того, что вы двое мне сегодня рассказали в гостинице? — грустно усмехнулась та, — Даже не знаю.

— Знаешь, если вдруг я там останусь, — русский обернулся на тёмное здание лечебницы, а потом вынул из кармана бумажку и протянул её француженки, — Возьми.

— Это завещание? — расплылась в ехидной ухмылке Кристина, но взяла бумажку.

— Это та медсестра из Шаритэ и где её можно искать, она может вывести на турок и место, где держат Марту и остальных.

Фавр де Поль развернула бумажку, где красивым почерком было написано несколько слов:

— Ты издеваешься? — засмеялась она, — Здесь же по-русски написано!

— А сударыня разве не знает русского? — картинно удивился Лисицын.

— В Шармбатоне не преподают язык тёмных магов и убийц, — девушка вернула записку, — Так что выживешь и сам расскажешь, как всё кончится. Хотя можешь и сейчас.

— Айше Доган часто бывала с матерью в турецкой мечети Омара ибн Хаттаба. Сейчас она дома, но, может, там расскажут, где её дом, — тот усмехнулся и забрал бумажку.

— Если нас не убьют в этой лечебнице, и если меня ночью не прирежут в моём номере турки, то с утра можем туда отправиться.

— Мы можем поменяться номерами, если опасаясь турок, — улыбнулся русский.

— Я думаю, они в моём номере до сих пор лежат, уже пахнуть начали, наверное, — девушка улыбнулась и взъерошила волосы, — Так что я не откажусь переночевать в твоём. Только без тебя.

— А я уж надеялся, попросишь охранять твой сон, — саркастически заметил Иван.

— Только балку покрепче найду, чтобы тебя туда потом повесить, — хищно улыбнулась Кристина.

— А, это запросто, — отмахнулся Лисицын и посмотрел за спину девушки. Там быстрым шагом к ним приближался Шваниц.

— Милиционеры придут в течение получаса, — сказал он, когда подошёл, — Так что можно уже выдвигаться.

— Езжай в Берлин, говорили они, — весело проворчал русский, — Будет спокойное мирное задание, говорили они.

— Приезжайте к нам на Рождество, — усмехнулся немец.

— Что, будет поспокойнее?

— Да нет, просто красивее.

1 — Унгетаелте Хорро — заклинание, порождающее в человеке чувство безотчётного ужаса.

2 — Ирмфрид Эберль — врач, руководящий сотрудник системы концлагерей в Третьем Рейхе. После создания в начале 1942 лагеря уничтожения Трешлинка, он был назначен его комендантом. За время руководства им лагерем в нем было умерщвлено ок. 280 тыс. чел.

3 — Оскар Шиндлер — немецкий промышленник, спасший почти 1200 евреев во время Холокоста, предоставив им работу на своих заводах в Польше и Чехословакии.

Глава X. Ради власти и денег

*

(19 августа)

Тёмно-синяя Honda Accord Михаила Романова встала в вечернюю пробку. Жильё Эдди располагалась в пятнадцати минутах езды от офиса, однако если ехать с базы наёмников, то требовалось преодолеть весь Берлин, чем сейчас они с главой аналитического отдела и были заняты.

— Слушай, а ради чего все воюют? — Малыш Эдди повернулся к коллеге, который сидел откинувшись на спинку кресла и флегматично наблюдал за наглухо вставшими спереди автомобилями.

Заходящее слева солнце отражалось в витринах магазинах и окнах машин, сверкало и слепило лучами. Михаил всё также флегматично окинул взглядом сверкающие после недавнего дождя автомашины и совершенно спокойно переспросил:

— Ты про кого сейчас? Кто такие они?

— Турки и немцы, немцы и немцы, — пожал плечами его собеседник, — Немцы и французы.

— Там ещё, ходят слухи, англичане скоро подтянутся, — усмехнулся Романов, — А ещё ты вторых французов забыл.

— Ну, так всё же?

Передняя машина дёрнулась и поехала, “Хонда” главы аналитиков в ответ тоже дёрнулась с небольшим усилием.

— Все всегда воюют ради власти и денег, — Михаил внимательно следил за дорогой, чтобы невзначай не зацепить соседей, плотно обступивших его в пробке.

— Это понятно, — отозвался Рихтер немного разочарованно, — Но это же всегда так, если цинично подходить, то все одинаковы. Но всё же есть разница, иначе люди не вставали бы под разными флагами.

— Да нет, вставали бы, — ехидно улыбнулся его собеседник и снова двинул автомобиль вслед за потоком, однако, буквально через десять метров все вновь остановились, — Всё сложнее, чем можно объяснить в двух словах, Эдди, — он снова откинулся в кресле и упёрся руками в руль, — Пару десятков лет назад в Британии к власти пришёл один злобный тёмный маг. Апологет всего мрачного и разрушительного, он буквально объявил всех волшебников, которые родились в семьях простых людей, вне закона и установил за них награду. Ничего не напоминает?

Юноша медленно кивнул.

— Так вот он выступал, если мне память не изменяет, за торжество волшебства над жизнью простых людей. За то, что волшебники являются теми, кто должен править, а остальные всего-лишь чернью у их ног. И потому обычные люди должны были либо служить, либо умереть, — Михаил повернул голову к Эдику, — Так вот там был один мальчик, школьник. Ничем не выдающийся сам по себе, однако именно он стал символом сопротивления тирании этого тёмного волшебника.

— И что с ним случилось?

— Он сумел победить в поединке этого, как его называли, Тёмного Лорда, — последние слова глава аналитиков произнёс с презрительной усмешкой, — А после победы стал

мракоборцем и дослужился до главы этого департамента.

— Мы его в июньском штурме случайно не убили? — настороженно спросил Рихтер.

Романов отрицательно покачал головой и снова двинул их автомобиль вперёд вслед за их соседями:

— Он спился раньше всей этой истории.

— Почему? — воскликнул юноша.

— Не знаю точно, но мне кажется, когда он пришёл на службу после победы, то искренне верил, что мракоборцы защищают всё, что есть светлого, в этом мире от наступающей тьмы, — нотки меланхолии появились в голосе Романова, — А потом оказалось, что мракоборцы защищают лишь власть того, кто называется Министром Магии, и тех, кто стоит позади него. Так что какая разница, кто что говорит, и из-за каких идей люди собираются под разными флагами, если суть всё равно одна?

— Несколько дней назад вы мне вдвоём со Шваницем пытались объяснить разницу между техномагами и обычными волшебниками. И как я понимаю, сейчас эта разница важна для того, чтобы разобраться в том, что происходит сейчас в Германии?

— Ну, она важна скорее идеологически, — усмехнулся Михаил, — Тут надо понимать, что все главы противоборствующих групп в этой стране сейчас все техномаги. Потому что так удобнее соблюдать Статут о Секретности, с которым так носятся западные волшебники, — он задумался и повернул голову в левое окно, где-то там между двумя крупными зданиями пылало закатное солнце, — Ну, а в целом, с моего места видна битва двух противоположностей за будущее сообщества волшебников в целом.

— Что ты имеешь в виду? — Рихтер поднял бровь.

— Техномаги выступают за сближение с обычными людьми, как это было на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков в Германии. Или как это было в Союзе. Их противники же наоборот требуют жёсткого размежевания двух миров: волшебного и обычного, чтобы защитить магию на земле. И вот теперь, не знаю каким образом, но очень похоже на то, что давно готовившаяся реконкиста техномагов началась, — усмехнулся его собеседник и двинул автомобиль вперёд, — В Германии об этом объявлено сегодня, однако не все согласны со способом избрания нового Канцлера, потому власть техномагов ждёт мятеж западных земель.

— Новый Канцлер узурпировал власть? — удивился Эдди.

— Ну, формально не совсем, — ухмыльнулся Романов, — Но когда ты вынужден голосовать, а за спиной стоят бойцы одного из кандидатов и внимательно наблюдают, поневоле захочешь проголосовать именно за этого кандидата. На всякий случай. Хотя в нашем случае прочие приличия и формальности были соблюдены.

— Думаешь, противники нового Канцлера воспользуются этим моментом, как поводом?

— Я удивлюсь, если они не воспользуются. А учитывая, что наши бойцы участвовали в этой операции в Бундестаге сегодня утром, — он снова остановил автомобиль, — То у нас два пути, либо до конца драться на стороне техномагов, либо валить отсюда. При этом, что меня особо радует, наши два отряда расположены в городах этих самых волшебников, которые скорее всего и восстанут против Канцлера.

— Как я понимаю, против нас вся бывшая ФРГ?

— Примерно так, — кивнул Михаил, — А ещё Польша, а ещё юг Франции и Британия будет. Возможно, ещё какая-то мелочь из Восточной Европы.

— А им-то какое дело до нас?

— Техномагия в головах волшебного сообщества, как социализм в головах простых людей, синоним тирании, ущемления свободы воли во имя государственных интересов, а ещё Железный Занавес и дефицит. Правда, об этом зачастую вещают из квартир и кабинетов ещё советской постройки, но мир у нас нынче чёрно-белый, потому таких нюансов можно не замечать. А так как в истории случилось, что техномагия была распространена только в авторитарных, а подчас и в тоталитарных государствах, и при этом жёстко милитаризированных, то логическая связь “техномагия — это диктат” укрепилась в сознании очень хорошо.

— Думаешь, все бросятся на Берлин защищать свою свободу? — справа двинулся автомобиль, солнечный зайчик скользнул по лицу Рихтера, заставив того поморщиться.

— Надеюсь, что нет, — их машина также неспеша тронулась в путь, — Хотя пока и официальный Берлин никакими лозунгами не бросается. Тюрингиец, что взял власть, очень расчётливый и осторожный политик. Пока он просто объявил о главенстве техномагии и помирился с турками.

Мальш Эдди очень выразительно посмотрел на главу аналитиков.

— Эдик, ты наёмник, у тебя нет своего мнения, — тот совсем своим видом выражал недовольство ситуацией, и что поделаться с этим ничего нельзя, — У тебя есть обязательства по контракту.

— И что наш главный наниматель говорит по этому поводу? — проворчал Рихтер.

— А пока ничего, наш главный наниматель выбрал выжидательную позицию, хотя ему безусловно будет приятно сохранить власть техномагов в Германии, это же такой щелчок по носу западных партнёров!

— Кстати, про нас, — задумчиво произнёс юноша, — А у нас самих-то что?

— В каком плане? — “Хонда” резко остановилась, Михаил недовольно скривился.

— Ну, я понял, что при советской власти все волшебники стали техномагами, а потом Союз пал, и что случилось с волшебниками?

— Ну, — лицо главы аналитического отдела WarConsulting озарила хитрая ухмылка, — Они стали капиталистическими техномагами. В девяностые нам пытались насадить Статут о Секретности, но, как я уже говорил, техномагам проще его соблюдать, да и издревле повелось в нашей стране, что антагонизма между волшебниками и мирянами было кратно меньше, чем в Западной Европе.

— Мирянами? — удивлённо посмотрел на него юноша.

— Так в России называли и называют неволшебников, тебя, например.

— Церковью очень сильно отдаёт от этого термина.

— Православная христианская церковь является частью русской культуры, от этого никуда не деться, — пожал плечами Михаил.

— И как она относится к магам?

— Как государство скажет, так и относится, — иронично ответил Романов, — Церковь в этом плане особо не спрашивают, у нас, слава богу, не Иран.

Рихтер засмеялся, машина снова тронулась, и впереди замаячило окончание пробки.

— Когда Россия закончила убивать сама себя и вновь встала на свой классический авторитарно-раздолбайский путь, тогда мирянская власть вспомнила про волшебников, — продолжил свой рассказ глава аналитиков, — И собственно произошла повторная интеграция волшебного сообщества в мирянское. Благо за девяностые года, когда нас пытались развести по англосаксонскому образцу по разным полюсам, не появилось какого-

то катастрофического антагонизма, потому в отличие от той же Британии или даже Германии, Российская Федерация и Российская Магическая Федерация суть есть одно государство. У нас сейчас вышло нечто среднее между тем, что было до Революции и что было при Советах.

Они вновь остановились, но до свободной дороги остался лишь один ряд автомобилей, замерший из-за запрещающего сигнала светофора.

— Именно поэтому вполне мирянское ЧВК, контролируют волшебники? — Эдди внимательно посмотрел на коллегу.

— Именно так, — тот кивнул и ухмыльнулся, — Кто б нам запретил, в конце-концов?

— А как стать волшебником? — этот вопрос мучил Рихтера с того самого разговора в кабинете Салтыкова, но он всё никак не находил подходящего случая его задать.

— Родиться, — пожал плечами Романов, — Волшебники могут родиться, как в семье волшебников, так и у обычных людей. И нет, даже специализированные институты в Союзе не смогли выделить какую-либо закономерность в этом. Ген волшебства, к сожалению, не найден до сих пор. Возможно, его и нет.

Машины снова двинулись, и “Хонда” наконец-то выехала из пробки.

— Жаль, я бы хотел научиться магии, наверное, — задумчиво произнёс Малыш Эдди, глядя на здания за окном, рыжие от заходящего солнца.

— К сожалению, таким можно только родиться. Единственный удел мирян, это исследования данного феномена.

— Жаль, а магия правда становится слабее?

— Да, — кивнул Михаил, — По-сути уже больше ста лет волшебники всех стран живут в преддверии собственного Конца Света, который однако он всё не настаёт. Техномаги утверждают, что это их интеграция в сообщество простых людей, сумела отсрочить его наступление. Классические маги говорят, что всех спасло соблюдение Статута о Секретности и отдаления от общества обычных людей.

— Но правильного ответа нет?

— Правильного ответа нет, — покачал головой Романов, — Потому вся эта текущая заварушка в Европе она, конечно, развернётся под знамёнами спасения волшебства ради будущих поколений, однако вестись будет, как бы цинично это не было, ради власти и денег для конкретных магов.

— Всё, как и всегда.

— Всё, как и всегда.

“Хонда” ехала по широкому берлинскому проспекту, а над столицей Германии заходило яркое августовское солнце.

**

(19 августа)

В кабинете Августы в родовом замке Вальдбургов горел свет.

Солнце почти село, потому бывший Канцлер Магической Германии по-традиции повелела включить газовые лампы, разогнавшие сумрак, скопившийся по углам. Сама она расположилась за массивным письменным столом и, сложив пальцы домиком, наблюдала за гостями.

А их у неё снова было много: на одном из кресел у небольшого столика сидел Альбрехт Баварский и аккуратно пил чай, в соседнем кресле расположился могучий Виктор Церинген, Шварцвальдский Медведь, раскрасневшийся и отдувавшийся, то ли от жары, то ли от

волнения. На диванчике напротив них расположились самодовольная Бригитта Вальдхаузен и Карл Бюркель, который вертел в руках чашку с кофе, словно бы решая, допивать его или отставить. Его руки чуть заметно подрагивали.

— Герр Виттельсбах, то, что Вы нам предлагаете, это война, — в голосе Августы звучал металл.

— Фрау фон Вальдбург, то, что я предлагаю, это единственный способ вернуть Германии порядок, — вежливо улыбнулся тот и посмотрел на Бригитту, — Если бы не солдаты Эрнста и эти русские наёмники, всё могло бы сложиться иначе.

— Если бы, — фыркнула женщина в ответ, — Эрнст мог разгнать Бундестаг и повесить нас всех на фонарных столбах, мы были в полной его власти, но он этого не сделал.

— К счастью, — Вальдхаузен аккуратно взяла свой кофе и сделала глоток, — Но это мягкосердечие стало его ошибкой.

— То есть то, что Генрих Гессенский притащил в парламент нациста и попытался привести его к власти, это никого не смущает? — зло проговорила Августа.

— Он был под чарами этого самого нациста, — пожалала плечами Бригитта.

— Если бы не милиционеры из Тюрингии, думаю, нас бы тут не было вовсе. Отто не стал бы церемониться.

— Это домыслы, Августа, — невозмутимо отпил свой чай Альбрехт, — Ты же сама понимаешь, что мы должны действовать, исходя из тех событий, что произошли, а не из того, что могло случиться.

— Альбрехт, я верно понимаю, ты предлагаешь выступить с открытым неповиновением власти Канцлера? — Виктор потёр пунцовую шею и глубоко вздохнул.

— Именно так, — кивнул тот и посмотрел на главу Баден-Вюртенберга, — Он взял власть на штыках, выборы прошли под давлением. Кто мы такие, чтобы склоняться перед силой? Мы все голосовали против него, но тогда наших сил было явно недостаточно.

— А сейчас наших сил будет достаточно? На моей земле расквартированы русские, — с шумом выдохнул тот, — И на земле фрау Вальдхаузен тоже. Также там находятся и мракоборцы, которые подчиняются действующему Канцлеру, открытое неповиновение ставит нас в неудобное положение.

— Русских мало, — снова пожалала плечами Бригитта, — А мракоборцев ещё меньше.

— Я не хочу сражения в Байрсбронне, — на скулах Виктора заиграли желваки, он недовольно взглянул на свой чай, который остывал в чашке на столе.

— Не будет сражения, — глава Рейнланд-Пфальца внимательно посмотрела на собеседника, — Когда мы публично заявим нашу позицию, мы получим столько союзников, что Кремль не станет идти на прямую конфронтацию. К счастью для нас, эта дура Абрабанель задала тон общеевропейской политики.

— Я напомним, что эта, как выразилась фрау Вальдхаузен, дура, приняла у себя турок, взорвавших наше Министерство Магии, — улыбнулся глава Баварии, — А наш новый Канцлер помирился с их соотечественниками. Он уравнил турок в правах с немецкими волшебниками, так что фактически он не только взял силой власть, но и примирился с теми, кто принёс горе в наши земли. Августа, ты до сих пор хочешь ему подчиняться?

— Я тоже тогда напомним, — фон Вальдбург откинулась в кресле и скрестила руки на груди, — Абрабанели были вчера арестованы, и многоуважаемый герр Виттельсбах, видимо, не учитывает, что подняв мятеж подобным образом, мы можем получить не союзников, а противника в лице Франции.

— Власть Директории слабеет, — Бригитта посмотрела на Августу и улыбнулась, — Арест Абрабанелей подтолкнул чистокровные рода Франции к противодействию этой политике.

— Мне чрезвычайно интересно, откуда же ты узнала об этом, дорогая Бригитта?

— В Шармбатоне зреет заговор, — произнёс Альбрехт Баварский, — Мне пришло письмо от Мишеля Колиньи, в котором он просил оказать содействие со стороны немецких чистокровных родов их замыслу. Замыслу восстановить власть Министра Магии на территории Франции. Я согласился на его предложение.

— Альбрехт, — сокрушённо вздохнула Августа, — Ты серьёзный человек, с каких пор ты стал поддерживать заговорщиков во Франции? Или они пообещали отдать нашему скромнику Бюркелю Эльзас и Лотарингию? — в её голосе звучала неприкрытая насмешка.

От неожиданности глава Саара со звоном опустил чашку на столик, расплескав кофе.

— Мне, — произнёс он дрожащим от волнения голосом, — Мне ничего не известно о подобном.

Виттельсбах засмеялся и обернулся к нему:

— Августа несмешно шутит, никаких таких планов, конечно же, не было!

— Тогда что? — голос фон Вальдбург зазвучал громче.

— Британия, — пожал плечами глава Баварии и аккуратно поставил свою чашку на столик.

— Что Британия?

— Королева назначила им нового Министра Магии, и мы пришли к соглашению.

— До этого момента я считала, что твоя фамилия Виттельсбах, а не Веттин, — бывший Канцлер подняла бровь, — Какие дела могут быть у этих островитян с Баварией?

— Я предполагал нечто подобное, — улыбнулся и посмотрел на собравшихся Виттельсбах, — Я предполагал, что техномаги попробуют взять власть, и, что скорее всего, им это удастся. Особенно, когда Шваниц сообщил о сборе милиции на востоке, — он посмотрел на Августу, — Как только я узнал о том, что Министр Магии снова появился на Альбионе, я написал ему об обстановке в Германии, и мы пришли к соглашению, что в случае узурпации власти техномагами, Британия выкажет нам всестороннюю поддержку по возвращению Германии на путь европейской магии. Им не нужен новый Рейх на континенте, а именно он неминуемо последует за установлением власти техномагов.

— Мне одной кажется, что ты сошёл с ума?

— Нет, он прав, — снова дрожащим голосом произнёс Бюркель, — Французская Директория также склоняется к техномагии, и явно будет следующей страной, где эта зараза укоренится. А потом они будут готовы идти в другие страны. А это война.

— То есть, дорогой мой Карл, — голос Вальдбург был полон сарказма, — Ты считаешь, что развязать гражданскую войну в Магической Германии это такой экстравагантный способ избежать войны в Европе? Мне одной кажется, что превращать нашу страну в руины, это чрезвычайно плохой план?

— Вслед за Британией нашими союзниками неминуемо станут Американские Магические Штаты, — снова улыбнулся Альбрехт.

— Ты уже и с главой Конгресса переговоры успел? — удивлённо, но по-прежнему саркастично, произнесла женщина за столом.

— Это следующий шаг.

— Вслед за развязыванием войны внутри Германии?

— Ещё нас всецело поддерживает Австрия, — глава Баварии проигнорировал последнюю реплику фон Вальдбург.

— Альбрехт, не сочти за трусость, но мне также чрезвычайно не нравится идея прямой конфронтации с Канцлером, — Виктор Церинген с шумом выдохнул, — Я всё понимаю, но в Баварии нет городов с контингентом, подчиняющимся власти Берлина. А я рискую своими землями.

— Виктор, — Виттельсбах взял свой чай и сделал глоток, — Берлин сам не пойдёт на прямое столкновение. Завтра мы объявим о том, что власть Канцлера нелегитимна из-за того, что выборы прошли под силовым давлением, объявим о том, что наши земли не подчиняются воле Вильгельма Эрнста. После этого нас поддержит Магическая Британия и Магическая Австрия, а также, я надеюсь, наши союзники во Франции. А после мы получим поддержку Американских Магических Штатов. Кто поддержит Эрнста? Париж? Он будет слишком занят нашими друзьями в Шармбатоне. Москва? После вступления Вашингтона в противостояние, они не станут в открытую выступать за текущую берлинскую власть.

— Шармбатон допрыгается до нового Альбигойского похода[1], - мрачно произнесла Августа.

— Сдаётся мне, у них множество союзников в Испании и Италии, Директория не сможет им ничего противопоставить, — торжествующе проговорила Бригитта.

— Кроме желания утопить их всех в крови, — покачала головой фон Вальдбург.

— Даже если и так, это не наша забота, — пожалала плечами Вальдхаузен.

— В общем план таков, завтра мы объявляем о том, что Бавария, Рейнланд-Пфальц, Баден-Вюртенберг и Саар отныне не подчиняются власти Канцлера Вильгельма Эрнста...

— И получаем отряд оборотней Анны Эберль прямо посреди Майнца, — перебила его бывший Канцлер, — Бригитта, ты согласна?

— С Вестфалией мы разберёмся, — ответила та совершенно спокойно, — Фрау Эберль не будет столь опрометчиво поступать.

— Откуда тебе знать?

— Августа, — в голосе главы Баварии появились властные нотки, — Сегодня вечером, когда каждый из нас вернётся домой, он объявит о сборе военизированного ополчения согласно тем вассальным клятвам, которые у каждого из нас имеются. Мы не будем безоружными перед лицом узурпаторов.

— Я отказываюсь в этом участвовать, — Августа поднялась со своего кресла и упёрлась руками в столешницу.

— Ты обязана соблюдать вассальную клятву своего рода, данную дому Виттельсбахов, — Альбрехт чуть повысил свой голос.

— Вассальная клятва рода фон Вальдбург в отношении рода Виттельсбах перестала действовать в восемнадцатом году, когда Вильгельм Гогенцоллерн отрёкся от власти. Клятва содержала очень чёткую формулировку в отношении того, что она давалась относительно угрозе земли Гогенцоллернов, Альбрехт, может, тебе текст её напомнить? — она прожгла взглядом мужчину в кресле.

— Это древняя магия, питающаяся от самой немецкой земли, — в его голосе зазвучала угроза, — Её нельзя просто так разрушить. Неважно, потерял над этой землёй власть Кайзер или нет.

— Просто так нельзя, — зловеще усмехнулась женщина, — Но не думай, что я не знаю, о чём говорю. Род фон Вальдбург свободен от обязательств роду Виттельсбах. И потому ни я,

ни кто из моих людей не будет слушаться тебя, Альбрехт, — она распрямилась и жестом призвала домового эльфа, тут же появившегося возле её стола, — Ты хочешь развязать войну на моей земле, в моей Германии, но я не буду тебе потакать в этом.

— Что ж, — мрачно произнёс глава Баварии, — Тогда мы уходим, — он неспеша поднялся со своего кресла.

За ним последовала Бригитта, вскочил Карл, лишь Виктор снова потёр свою могучую шею:

— Я, пожалуй, дождусь завтрашнего утра, — пробасил он, — И посмотрю, что произойдёт после того, как герр Виттельсбах объявит о неповиновении власти Канцлеру.

— О, это плохое решение, Виктор, — Альбрехт медленно развернулся и угрожающе посмотрел на главу Баден-Вюртенберга.

— Плохое решение, это звать в союзники Гессен, — сверкнул глазами его визави, — Ты же завтра собирался встретиться с Генрихом, ты же уже договорился об этом?

— То есть я верно понимаю, что Вильгельм Эрнст, избавивший нас от захвата власти Аненербе, плохой, — Августа обошла стол и встала перед ним, скрестив пальцы в замок перед собой, — А Генрих Гессенский, приведший этих самых нацистов в Бундестаг, он хороший?

Виттельсбах медленно развернулся к ней.

— Вон, — женщина подняла руку и указала на дверь, — Вон из моего дома, — она встретила взглядом с главой Баварии и хищно ухмыльнулась, — И не дай бог завтра или когда ещё я увижу кого-то из твоих прихвостней на моей земле, я их разрежу на части, а потом сошью эти куски в произвольном порядке и пришлю тебе обратно.

— Не надо бросаться столь опрометчивыми словами, Августа, — мужчина покачал головой и обернулся на Виктора Церингена, — А тебя ждёт буря, буря, которой Южная Германия уже давно не видела.

— С бурей я уж как-нибудь разберусь, — мрачно отозвался тот.

Альбрехт Баварский неспеша направился к выходу, вслед за ним двинулись Бригитта Вальдхаузен и Карл Бюркель.

Когда за ними закрылась дверь, бывший Канцлер посмотрела на главу Баден-Вюртенберга:

— Герру Церингену не понравился мой чай? — её голос был полон мрачной злобы.

— И чай тоже, — тот ответил точно также мрачно, поднялся и вышел из кабинета.

После этого Августа повернулась к своему домовому эльфу, который по-прежнему стоял у её стола:

— Ты сейчас же отправишься ко всем, кто связан клятвой с нашим домом и призовёшь их к оружию.

— Что им сказать, моя госпожа?

— Чтобы они в кратчайшие сроки были здесь, готовые к войне.

— Будет исполнено, — эльф поклонился и исчез, оставив главу дома Вальдбург в кабинете одну.

***

(19 августа)

Кабинет Канцлера при Бундестаге к вечеру привели в порядок. Пыль исчезла, из окна лился чистый волшебный свет, на стене над гостевым диваном по обе стороны от часов тускло горели газовые лампы. На массивном деревянном столе напротив, покрытым

зелёным сукном, лежали в стопках бумаги и несколько распечатанных пергаментных писем.

Вильгельм Эрнст сидел в кресле за столом и читал истёртый пергамент, иногда отпивая чай из большой чашки. На диване под остановившимися часами сидела, закинув ногу на ногу Анна Эберль. Сидела и пила чай, внимательно глядя на Канцлера, иногда покачивая ногой, укрытой длинной ниспадающей серебристой юбкой. Наконец тот, закончив читать, аккуратно отложил пергамент и поднял глаза на свою гостью.

— Дорогой Вильгельм, думаю, Вы осознали прочитанное? — менторским тоном произнесла девушка.

— Не совсем, фрау Эберль, — её собеседник потёр глаза, — Я жил в несколько иной реальности.

— Понимаю, — кивнула та, — Так и предполагалось, правду знаю только я и Канцлер.

— Каждый? — удивлённо поднял бровь Эрнст.

— Видите кровь на пергаменте? — Анна указала пальцем в сторону стола, — Это клятва за то, что прочтённое останется только при прочитавшем, и никак иначе. Принесший клятву при попытке раскрыть содержание прочитанного погибнет, захлебнувшись собственной кровью, пошедшей носом, — она отпила чай, — Слово как Атилла[2].

Вильгельм увидел на листе свежий кровавый потёк и посмотрел на пальцы — большой был аккуратно разрезан, и там уже успела запечься кровь:

— Это нехорошо, — он покачал головой, поджав губы, — Брать клятву против воли человека.

— Иной вариант, это рассказать всем содержание пергамента, — саркастически заметила Эберль, — А после можно, ну, например, яд принять. Не думаю, что у прогрессивной, да бог с ней, у любой общественности возникнут сомнения по поводу того, что с германскими волшебниками надо покончить, — она отпила чай, — Британцы вон двадцать три года носятся с итогами Второй Магической, только попробуй подумай плохо о победителях, или что Тёмный Лорд не делал чего-то ужасного, а тут, к востоку от Рейна... Каждый год... С санкции Канцлера... — голос девушки становился всё более ехидным, — Думаете, герр Эрнст, я просто так попросила о приватной встрече и о наложении чар, запрещающих нас подслушать?

— Отчего так? — Канцлер потёр ладони, стараясь стереть с пальца кровь, — Вся Германия живёт в полной уверенности, что магия стоит на том, что произошло на холме Калькризе когда там? Две тысячи двенадцать лет назад? И все в полной уверенности, что эта магия вечна.

— Отчего так? — из голоса девушки сарказм, казалось, не уйдёт никогда, — Наверное, потому что не стоит растаскивать страну по частям после смерти короля? Там же указаны даты, — она чуть склонила набок голову.

Эрнст потёр глаза:

— Я верно понимаю, что эта сила всё же иссякла не единомоментно после смерти Конрада?

— Очень похоже, что эта дата просто красивая цифра, от которой принято отсчитывать времена упадка. Думаю, сила снижалась ещё примерно столетие, — Эберль допила чашку и поставила её на тумбу рядом с графином.

— Но магия на германских землях не иссякла?

— При феодализме проще сохранять волшебство каждого отдельного чистокровного рода, всё же, у всех них были артефакты, питающие их самих. Но многие из этих предметов

пропали или были забыты во время чёртовых религиозных войн, — она встряхнула юбку, — У нас тут небольшой урок истории для новеньких Канцлеров получается, интересно даже.

— Я просто не до конца понимаю, что именно от меня требуется? — смутился Вильгельм.

— Ну, Вы же собрались строить государство всеобщего равенства, благоденствия и техномагии, — по-прежнему саркастически заметила Анна, — Вам же нужно понимать, что ежегодно ради общего блага в Вестфалию будет направляться не менее десятка человек, в идеале, конечно, больше. Либо магия на территории Германии иссякнет.

— Цауберов или кайнцауберов? — мужчина с шумом выдохнул.

— А не важно, кровь одна, — отмахнулась его собеседница, — Не важно также и место, где они родились.

— Если ритуал не произойдёт, как быстро мы ослабеем?

— Два, может быть, три года, — пожалала плечами женщина, — Всё зависит от силы последнего ритуала. Кровавая вакханалия Третьего Рейха, которая благодаря моему родственнику, чтобы ему и дальше гореть в аду, была направлена в том числе на поддержание силы, питающей нашу магию, позволила пять лет не проводить ритуалы, с сорок четвёртого по сорок девятый, — она глубоко вздохнула, — Но документы говорят, что к рубежу семнадцатого и восемнадцатого столетий у полукровок Германии магия пропадает вовсе, ей перестают пользоваться. Многие чистокровные рода также практически отказываются от применения магии, потому что зачем? Она не работает.

— Видимо, родовые артефакты всё же могут хранить волшебство, — произнёс задумчиво Вильгельм.

— Да, — кивнула Анна, — Но первыми пострадают именно полукровки, и, учитывая, что уже несколько лет подряд мы используем в ритуале всего-лишь по десять человек, то я предполагаю, что один год мы пропустить можем, но два уже чревато.

— Гогенцоллерны же нашли способ в восемнадцатом веке? — Канцлер словно бы вспомнил что-то, что знал всегда, и попытался ухватиться за это воспоминание, как за спасительный круг.

— Их род что-то сделал, это правда, — его собеседница словно кивнула, — Притом, сделал для той земли, которой они правили. Волшебники той земли перестали терять силы, напротив, она не только вернулась, но становилась больше год от года. Каким-то образом их совсем не коснулся общий упадок волшебства, который обнаружили в Британии и Франции. Но, поверьте, это была не светлая магия, светлой магией, что бы там эти ханжи в высоких кабинетах не кричали, невозможно добиться подобных результатов.

— Урок истории продолжается, как я понимаю? — устало усмехнулся Вильгельм, размышляя о неизбежном, о том, что ему придётся согласиться с Анной.

— Да, мне нравится смотреть на Ваше лицо, герр Эрнст, — та хищно ухмыльнулась, — Вы уже осознали масштаб ситуации, но ещё не смирились с ней, это заметно.

— Я не понимаю, что от меня требуется? Привести Вам десять человек?

— Не мешать мне добывать этих людей, — отрицательно покачала головой Эберль. — Я сама справлюсь с тем, чтобы найти их. Но Вы должны понимать, зачем я это делаю, и не мешать мне в этом. Всё же, я это делаю, конечно, в первую очередь ради себя самой, но и ради остальных волшебников Германии тоже, — она улыбнулась, — Ну, а что прочтение пергамента взяло с Вас клятву, считайте это спасением для ваших родных и друзей. Как я уже сказала, если широкие массы узнают, что к востоку от Рейна ежегодно с санкции

Канцлера убивают в кровавом тёмном ритуале десять человек ради поддержания волшебства германской нации, то германская нация будет стёрта с лица земли.

— Как я понимаю, этот ритуал, это попытка вернуть магию в Германию после падения Гогенцоллернов? — Канцлер сокрушённо вздохнул.

— Да, притом этот ритуал есть творение рук техномагов, — кивнула женщина, — Более того, он не сразу удался. Число десять было выведено в течение двадцатых годов экспериментальным методом, — Эрнст поёжился от этих слов, — И только к тридцатым годам прошлого столетия удалось стабилизировать магическую силу волшебников в Германии. После случился Третий Рейх, а затем союзники обомлели, увидев холм Калькризе, дойдя до него. Благо Служители Холма смогли отговориться, что это всё злое Аненербе, СС, Гестапо и прочие страшные слова. Но будем честными, не всё было так просто.

— А после пять лет ритуал не проводился?

— Конечно, до сорок девятого, пока нажим англосаксов не стал слабеть, — Анна неспеша поднялась, — Аденауэра[3] уговорили, что для магического населения просто необходимо ежегодно проводить данное, — она задумалась, подбирая слова, — Мероприятие.

— Кайнцауберского федерального канцлера? — Эрнст откинулся на спинке, удивлённо глядя на свою гостью.

— Дорогой Вильгельм, Вы так удивляетесь, будто школьник, который после выпускного узнал, что колдовать вне школы всё-таки не так строго запрещено, как ему учителя рассказывали, — Эберль рассмеялась, легкой походкой подошла к столу и забрала пергамент, — Да, мы поговорили с руководством кайнцауберов, оно было не против. К счастью для нас.

— Ещё час назад моя Германия была более добрым и светлым местом, — недовольно произнёс Канцлер.

— Ваша Германия совершенно за час не изменилась, — улыбнулась его собеседница и развела руками, — Просто для того, чтобы магия здесь существовала, нужно убивать людей. Даже не Вам лично.

— Спасибо и на этом, — в голосе мужчины засквозила ирония, глава Вестфалии звонко рассмеялась, свернула пергамент спрятала его в карман. Потом уселась на диван.

Вильгельм же снова потёр глаза, а потом внимательно посмотрел на неё:

— Почему в Бундестаге Вы приняли нашу сторону?

— Потому что я представила, что мне это всё пришлось бы объяснять Бригитте, — поморщилась та, — Не люблю женщин у власти, знаете ли.

Канцлер вопросительно поднял бровь.

— Женщины у власти отвратительны, я знаю, о чём говорю, — снова рассмеялась она, — Но если серьёзно, из того, что мне рассказывал мой брат, я пришла к выводу, что о будущем Германии ваша компания чуть больше печётся, чем все эти Вальдхаузены, Виттельсбахи и прочие Церингены.

— Спасибо на добром слове, — усмехнулся Эрнст, — Мне ещё что-то необходимо знать о... — он сделал неопределённый жест рукой, — Об обстановке в Германии?

— Ну, пожалуй, есть ещё небольшое дело, за поддержку Вашего избрания, и за будущую поддержку в гражданской войне, не делайте такое лицо, Вильгельм, мы все прекрасно знаем, завтра юг Германии полыхнёт по указке Альбрехта Баварского, а у меня есть младший сын,

только недавно выпустился из Шармбатона, ему нужна должность в Министерстве.

Мужчина усмехнулся, подобный разговор хоть и не сулил приятных минут, но хотя бы здесь не шла речь о кровавых ритуалах, из-за которых остальной мир может пустить Германию под нож, и при этом будет прав в своём стремлении:

— Я не могу раздавать должности направо и налево, не считаясь с целесообразностью, так что пусть юноша придёт в секретариат, пройдёт собеседование, а там мы уже определим, где он больше пригодится. Должность же не так важна?

— Нет, главное статус, — улыбнулась Анна в ответ, — А ещё у моего младшего брата Морица есть старшая дочь...

— Я женат, — рассмеялся Вильгельм, — И вообще, почему бы ему самому не озаботиться её судьбой?

— Ну, во-первых, здесь сижу сейчас я, а он пытается не умереть где-то на просторах лечебницы Отто Агриколы, — женщина хищно улыбнулась и поймала удивлённый взгляд Канцлера, — Да, вот такой уровень секретности у правительственных операций в нашей стране, а во-вторых, ей тоже нужна министерская должность, как я понимаю, она также должна будет обратиться в секретариат?

— Всё верно.

— Тогда я пойду, — фрау Эберль встала с дивана и улыбнулась, — На сегодня мои дела к Вам закончились, а мне ещё милицию собирать.

— Я не распорядился, — внимательно посмотрел на неё Эрнст.

— Я нахожусь в окружении Саксонии, Гессена и Пфальца, — тон женщины снова стал похож на учительский, словно она начала объяснять простые и понятные вещи, — А с другой стороны вечно революционная Франция, мне нужны солдаты.

— Я, пожалуй, не буду спорить.

— Иногда это хорошая тактика, герр Эрнст. Доброго вечера, — она улыбнулась и неспеша вышла за дверь.

1 — Альбигойский крестовый поход (1209–1229 годы) — серия военных кампаний, инициированных Римской католической церковью, по искоренению ереси катаров в исторической области нынешней Франции Лангедок.

2 — Атила — правитель гуннов в 434–453 годах, объединивший под своей властью тюркские, германские и другие племена, создавший державу, простиравшуюся от Рейна до Волги.

3 — Конрад Герман Йозеф Аденауэр — немецкий государственный и политический деятель, первый федеральный канцлер Федеративной Республики Германия с 15 сентября 1949 по 16 октября 1963.

Глава XI. Immer soll die Sonne scheinen

*

(19 августа)

Рыжий лис бежал по краю вымощенной парковой дорожки, то и дело прижимаясь к кустам. Сумерки уже успела сменить ночная темнота, но в лечебнице никто и не думал включать освещение, хотя казалось бы, так были бы лучше видны нападающие. Да и Ивану Лисицыну пришлось бы пробираться к основному входу всё же более скрытно, чем он это делал. Из туч то и дело выходила луна, что делало парковые дорожки, не закрытые кронами деревьев, крайне освещёнными.

Надежда, что у обороняющихся нет анимагов в филинов или в крупных кошек, не покидала сердце русского, однако чернота окон огромного здания перед ним не внушала ничего хорошего, только нервировала. Лис остановился в тени вяза метрах в десяти от центрального крыльца и потянул носом воздух. Пахло прелой землёй и сырой древесиной, едва заметно тянуло лекарствами, издали доносилась типичная для крупного города автомобильная вонь. А ещё смердело смертью, смердело отчётливо и откуда-то со стороны лечебницы. Притом не из какой-то отдельной части, а словно бы сразу от всего здания. Иван бы и не особо обратил на это внимание, такие запахи часты в больничных моргах, там даже без острого лисьего обоняния всё заметно. Однако сейчас это был не больничный морг, это была могила. Над лечебницей висел затхлый прелый запах холодной земли и такого же холодного тела, которое насекомые и черви уже начали растаскивать на нужные им элементы.

Лис нырнул в Мир Духов — здание не изменило своих очертаний, защитных заклинаний или артефактов на дверях не было, словно бы там внутри затаился кто-то очень гостеприимный, и не свинец и убивающие заклинания ждали их всех, а жареные кровяные колбаски и пенное пиво.

Иван вернулся в обычный мир и снова принялся — железо, пот и сырость, трупное разложение и стойкий запах затхлого погреба, а что если там за массивными двойными дверьми никого нет? Вдруг они там уже все ушли через портал или какой-нибудь тайный ход? Времени у них было достаточно. Он осторожно поднялся по ступеням крыльца и вновь принялся — нос не улавливал ничего нового, однако до слуха донеслись гулкие размеренные шаги изнутри. Видимо, там всё же был кто-то.

Лисицын услышал негромкое покашливание из-за дверей, и к звуку одних шагов прибавились вторые. Два человека точно оставалось в притихшем тёмном здании, и сейчас мерили своими шагами центральный холл.

Лис нырнул в Мир Духов, пересёк границу лечебницы и огляделся. Как и всегда мир вокруг исказился — отражения физических тел здесь всегда были с оплывшими или размазанными краями, а краски мира блёклыми. Зато предметы, затронутые магией, обычно ярко светились. И вот сейчас Иван наблюдал, как по просторному холлу лечебницы вышагивали двое автоматчиков, совершенно обычных, с самыми неприметными лицами — мимо таких он прошёл бы в толпе и не заметил бы. Но вот метрах в десяти позади них была лестница, уходившая на второй этаж. И вот на площадке этой лестницы расположился пулемётный расчёт, у которого каждый патрон в пулемётной ленте сиял магией.

Обычно заклинания из материального мира лишь отражаются в Мире Духов — если

специально не нацелены на него, конечно же. И хоть магические предметы здесь очень хорошо заметны, взаимодействовать с ними можно, только вернувшись в мир реальный. И вот сейчас простой русский лис задумался, глядя на всё это блистающее великолепие творение сумрачного тевтонского гения. Задумался о том, а что он собственно один может тут поделывать? Обернулся на входную дверь, оценил её взглядом, задумался ещё больше.

В целом выходило, что направленным взрывом, будь то чара Бомбарда либо заряд банального пластида, открыть проход можно было — ни сбитые крест-накрест доски, ни массивная перекладка посередине, не помогли бы. А дальше-то что? Дальше вошедшие неизбежно попадают под прямой огонь пулемёта с магическими пулями. И кто знает, что там с ними сотворили любители древнего прусского волшебства? И самое противное в этом деле было то, что до пулемёта из-за двери не добраться, слишком далеко, и потому попытка штурмового отряда закидать супостата, например, гранатами завершится очень глупым косплеем Пашендейла[1].

Не выходя из Мира Духов, он осторожно прошёлся к подножью лестницы.

Конечно же, все проблемы можно было бы решить одним танком, но что-то в парке танков не наблюдалось, и более того — не планировалось. Но возвращаться обратно с докладом о невозможности производить штурм через этот вход Лисицыну совсем не хотелось. Осталась возможность чуток погеройствовать — всё равно рапорт о состоянии дел с поиском детей Мирбахов уже получили в Москве, если Ивана убьют, то в Берлине просто появится другой фсбшник, чтобы поговорить с Айше Доган, взаимозаменяемость — чудесное изобретение цивилизации.

На лестничной площадке наверху у пулемёта залегли два человека, оба напряжённо всматривались в заколоченные двери центрального входа. Интересно, зачем там эти двое внизу, если тут есть пулемёт? Либо тут есть какой-то план, либо чудовищная ошибка. Иван не привык держать противника за идиота, однако разгадать сходу замысел не получалось. Потому он просто направился к пулемётному расчёту и на середине подъёма обернулся на холл, заметив то, что не было видно с земли — конечно же, у боковых стен лежали опрокинутые столы и кресла, потому эти два хлопца с автоматами просто-напросто могли там залечь, обеспечив ещё две огневые точки. А может всё-таки попросить Бундесвер подогнать сюда танк? Ну, что им стоит?

Снизу на полу что-то мелькнуло, и это что-то либо бойцы не заметили, либо проигнорировали. Лис насторожился, приглядываясь. И точно, внизу вдоль стены двигалась небольшая тень, но с такого расстояния не получалось определить, что именно это такое, что, в здании крыс не вывели что ли? Потом тень отделилась от стены и помчалась наискосок через холл к подножию лестницы — суслик! Ну, серьёзно, суслик. Посреди холла нацистской лечебницы русский волшебник обнаружил суслика. Видимо, тоже нациста, как и все остальные в этом здании.

Зверёк добежал до подножья лестницы и встал столбиком, оглядываясь. И тут Иван понял, что это не совсем суслик. Метрах в двух ниже него по лестнице стоял волшебник в обличье этого небольшого зверька. Лис начал аккуратно спускаться к нему, не выходя из Мира Духов, и раздумывая над двумя важными вопросами: если он его сейчас схватит, бросятся ли автоматчики тому на защиту? И не анимаг ли это от Шваница? Если это свой, то выйдет как-то чертовски неловко.

Тем временем суслик постоял, прислушиваясь, а потом что-то для себя решил и опустил на четыре лапы. В это же время лис прыгнул на него с лестницы, на лету выходя в

материальный мир. Два зверька схватились в тёмном холле и с грохотом покатались по полу. Грызун истошно вопил и бил своего противника лапками, хищник же успел вцепиться тому зубами в основание шеи и пытался придушить. Получалось не очень успешно.

Звери откатились к стене, ударились об неё и расцепились. Автоматчик что-то крикнул, передёрнул затвор и направил луч подствольного фонаря в сторону схватки. Иван выругался про себя и повторно бросился на суслика. На этот раз вышло удачнее, и челюсти сомкнулись уже на горле противника, заставив того захрипеть. Автоматчик снова что-то крикнул и выстрелил. Пули прошли выше, лис сжал челюсти и нырнул в Мир Духов. Единственное, о чём теперь переживал он, это выживет ли его противник после такого обращения с собой? Переход между мирами стресс для любого организма, особенно для неподготовленного, особенно для того, кого только что чуток придушили.

Лисицын помчался к выходу из лечебницы, но не так быстро, как хотел бы — суслик оказался достаточно тяжёлой ношей. Вынырнув прямо на крыльце в материальный мир, Иван разжал челюсти, выпустив зверька. Тот упал на бетон и замер. Русский подождал немного, так как все оборотни и анимаги после смерти принимали свою истинную человеческую форму, то таким способом можно было и проверить — скончался ли пленник. Пленник всё ещё оставался живым, а вот внутри до этого тихой и спокойной лечебницы начали раздаваться крики.

Иван успел подумать, что неужели это был очень важный для аненербистов суслик? Затем поднял за шкурку суслика и побежал в сторону лагеря Шваница.

**

(19 августа)

Вокруг по-прежнему была темнота. И она по-прежнему оставалась сырой и затхлой.

Рихард Мольтке сидел на холодном каменном полу, поджав под себя ноги. Голые ноги в неудобных кедах быстро затекали и замерзали, но максимум, что мракоборец мог сделать с этим, так это подняться и сделать пару шагов, лязгая цепью. Где-то напротив точно также иногда делал его визави из Франции. Иногда и слева раздавалось кряхтение и сдержанные ругательства на голландском языке.

Мольтке начинал бить озноб, и, судя по стучанию зубов и чуть подрагивающим голосам его вынужденных сокамерников, не только его одного. По ощущениям прошло несколько часов, но сколько именно Рихард не понимал, в абсолютной темноте разуму сложно даётся такое понятие, как время.

Но при этом в его голове, и, как он надеялся, ровно также в головах Энцо Ламбера и Поля Готье, основной мыслью стало желание свободы. Их схватили, сковали цепями в каменном мешке, но они же и дали им самим возможность выхода — предательство. Двух французов явно пытались купить за то, чтобы они предали Кристину Фавр де Поль, потому что нужны были не столько они, сколько не нужна она. В магловском мире можно было бы легко согласиться на подобное ради свободы, но после освобождения сразу же переметнуться обратно. Но здесь явно было всё сложнее — Мольтке не сомневался, что как только кто-то согласится принести клятву, то она будет сродни Непреложному Обету — той самой магической клятве, которая заставляет волшебника быть верным своему слову. Иной выбор — смерть. Да и свободы, очень на то похоже, после выхода отсюда не будет — будет поводок, управляемый тем, кто их вытащит. Когда пытаешься купить свободу, обычно мелкий шрифт в договоре тебе не показывают, но он там есть всегда.

С другой стороны, если оставаться здесь, то это точно также приведёт к смерти. Арбуз

где-то посреди дня был единственной пищей, и уже достаточно давно, чтобы мужчины ощутили голод. Ещё они ощущали жажду. Особенно Энцо, считал Мольтке, ведь его не удалось накормить — не хватало длины цепи. Всё же интересно, почему именно его приковали так, чтобы лишить возможности шевелиться? Он был наиболее интересным пленником? Или же, на взгляд тех, кто держал их в темнице, он был наиболее крепок духом?

За эти несколько часов темноты пленники успели обсудить, кто же их пленил, и пришли к выводу, что это скорее всего турки. Многие говорили об этом, исходя из того, что они все последним видели до того, как провалиться в свет и проснуться во тьме темницы. Однако зачем они туркам? И кто хочет выкупить свободу? И почему Рихард этим людям не нужен?

Размышляя над всем этим, трое пленных волшебников пришли к выводу, что это кто-то не из Германии, скорее всего и правда Франция, скорее всего, кто-то сродни Анри де Камбэраку, а может и он сам. Готье считал именно его основным заказчиком их похищения и предложения выкупа. Однако Мольтке ему был явно не нужен, что вгоняло мракоборца в уныние — хороша ситуация, когда тебя даже в обмен на предательство из плена не хотят выкупать, настолько ты не представляешь интереса. И если французы надеялись на то, что глава Директории за ними придёт и спасёт, то Рихард предполагал, что если Шваниц и в курсе его пленения, то всё же его скорее другие вопросы заботят. Всё-таки сегодня утром в Германии должны были пройти выборы, интересно, кто теперь там за этими каменными стенами главный?

— Интересно, через сколько они ещё раз придут со своим предложением? — из темноты раздался голос французского мракоборца.

— Когда у них там утро наступит, наверное, — проворчал Ламбер.

— Надеюсь, к этому времени нас уже найдут, — сквозь постукивающие от холода зубы проговорил Готье.

— Интересно, сколько тут турок? — произнёс задумчиво Мольтке, — И решатся ли наши на штурм?

— Ну, Кристина решится, — отозвался Энцо и прогремел цепями, — Главное, чтобы не одна.

— Боюсь, Шваниц не будет в восторге, если французы начнут штурмовать эту базу без его ведома, — сказал Рихард и чихнул, в его носу начало свербить от сырости.

— А он будет в восторге, когда узнает, что ты в плену? — голос Готье звучал одновременно с издёвкой и с интересом.

— Да кто ж его знает, — пожал плечами и пробормотал его немецкий коллега, что однако в тишине их каменного мешка прозвучало достаточно громко, — Я не верю ему.

— Ну, всё же от него зависит, вытащат нас отсюда или нет, — Энцо громыхнул цепями. — А почему не веришь-то?

— Он спутался с этими русскими, — пошевелил плечами Рихард, но в темноте никто этого движения не заметил.

— В тебе говорит жажда мести, — усмехнулся Ламбер, — Прими уже это поражение и живи дальше.

— Это не месть, с появления этих людей тут пошло всё наперекосяк.

— Наперекосяк пошло всё с появления у бриттов Эдриана Смита, — вслед за голосом Готье раздался звон металла о камень, — А что в этом участвуют русские, так он точно также мог обратиться к другим наёмникам, из родной Британии, например.

— Там же всё строго, там волшебники не обращаются к маглам за помощью, — немец произнёс это и тотчас осознал, какую глупость только что сказал.

— Рихард, ответь честно, ты правда на своей должности никогда не обращался к маглам?

Тот промолчал, лишь скрипнул зубами — можно сколько угодно рассказывать про изоляцию волшебного сообщества простым волшебникам, однако сейчас он был рядом с равными ему по статусу, и они-то были в курсе, как часто эти два мира соприкасаются. На высшем уровне, естественно.

— Мы можем сколько угодно говорить детям, что маглы невежественны, глупы и мы с ними не общаемся, — Энцо громко чихнул, зазвенев кандалами, — Но нам-то врать не надо.

— Да я понял, что сказал, — глухо отозвался Рихард.

— Ну, вот. Просто нужно понять, как отсюда выбраться.

— Сидеть и ждать, — отозвался французский мракоборец, — Я уже проверял, кандалы прочные, закреплены хорошо, думаю, они ещё и магически укреплены, если бы кто-то смог их расцепить...

В противоположной от Ламбера стене открылась дверь. Точнее просто часть стены отъехала в сторону. Из проёма пахнуло теплом, а тусклый свет, словно бы от открытого огня, осветил их камеру. Узники прикрыли глаза — даже такое освещение было слишком ярким по сравнению с кромешной тьмой каменного мешка. В проёме появилась человеческая фигура, а после эту фигуру кто-то втолкнул внутрь. И каменная дверь вновь закрылась, погрузив всех во тьму.

Человек, который оказался внутри, судя по звукам, подскользнулся на остатках арбуза и распластался на полу.

— Добрый вечер, — саркастически поздоровался Ламбер по-французски и лязгнул цепями.

— Кто здесь? — из темноты раздался голос юноши, говоривший по-немецки, затем послышалось кряхтение, и судя по всему его обладатель встал на ноги.

— Наши имена тебе знать незачем, — мрачно отозвался Готье, заговорив также по-немецки.

Мольтке попытался понять, слышал ли он когда-то этот голос, но нет, в голову ничего не приходило.

— А сколько вас здесь? — взволнованно спросил юноша, — Я только одного успел увидеть.

— А сам-то ты кто? — Энцо тоже перешёл на немецкий и громко лязгнул цепями.

— Рудольф, — раздалось из темноты.

— От Санта-Клауса что ли? — голос прикованного к стене был полон сарказмом.

— Нет, — юноша попробовал рассмеяться, но вышло натужно, — Нас схватили турки прошлой ночью. А вас?

— Ты не поверишь... — засмеялся Ламбер, но осёкся и закашлялся.

— Сам-то ты откуда? — спросил Готье, разминая замёрзшие ноги, — Кого это вас схватили?

— Со мной была ещё одна девочка, её увели куда-то.

— Марта, — выдохнул Мольтке, — А она у них?

— Да, её так зовут, — отозвался Рудольф и, судя по звукам, развернулся, — А Вы её знаете?

— Встречались, — мрачно произнёс Рихард.

— А туркам-то она зачем? — прогрохотал цепями Ламбер.

— Мне больше интересно, почему они вот этого господина не убили? — мрачно сказал Готье по-французски.

— А ещё его не заковали, — отозвался Энцо также на французском.

— А, вы французы? — Рудольф продолжал изъясняться на немецком языке.

— Не все, — произнёс из своего угла Мольтке по-немецки, сейчас он перестал что бы то ни было понимать.

— А вы давно уже здесь? — юноша сделал осторожный шаг к немцу.

— Примерно с полудня, — сказал тот, — А тебе что турки сказали? Тебя почему сюда бросили?

— Сказали, ждать.

— Чего именно ждать?

— Они обещали, что за мной придут. Обещали связаться с моими работодателями.

— С кем? — Ламбер снова заговорил по-немецки.

— Я в WarConsulting работаю.

— Их офис взорвали эти самые турки, — фыркнул Мольтке, — Думаю, им сейчас совсем не до тебя.

По спине Рудольфа пробежал холодок:

— Я знаю, что взорвали, но как так не до меня? — его голос дрогнул.

— Ну, вот так, им бы самим выжить? — голос Энцо был мрачен, — Слышал, у них большие проблемы с любителями прусской истории.

— С кем?

— Да есть тут у вас одни, — прикованный к стене француз лязгнул цепями, — Любят вскидывать руку к небу и с факелами гулять.

Рудольфу стало не по себе, он поспешно сел на грязный холодный пол.

— Никто за тобой не придёт, — произнёс Рихард, — Как и за мной. Единственный шанс снова увидеть солнце, ждать, когда придут за французами.

— А придут? — голос юноши заметно подрагивал от волнения.

— Наверное, — ответил Готье, — Когда-нибудь. Если узнают, где мы.

— Мы, похоже, в Берлине...

— И как нам это знание поможет? — Ламбер снова чихнул, — Выбраться самим всё равно не получится.

Рудольф тяжело вздохнул, перевёрнулся на четвереньки и пополз в сторону, откуда говорил француз.

— Ты что делаешь? — спросил тот, слыша перемещение того.

— Может, вас можно освободить, — юноша наощупь добрался до прикованного и стал осматривать кандалы. Могучий француз был прикован за лодыжки и запястья к стене, гвозди, которыми к камню крепились цепи, были крепки и совершенно не поддавались.

— Нельзя, — Энцо дождался, когда Рудольф закончит изучение его кандалов, — Здесь всё крепко, не выбить из стены.

Юноша на ощупь опёрся спиной о стену и осел вниз:

— Тогда только ждать.

— Постарайся лучше силы сохранить, — посоветовал ему Готье, — Никто не знает, сколько нам тут предстоит пробыть.

Рудольф ничего ему не ответил, лишь потёр лицо руками.

***

(19 августа)

Иван Лисицын сидел под дубом у госпитальной палатки и флегматично наблюдал за вспышками и отсветами в окнах левого крыла лечебницы. То и дело до слуха долетали звуки выстрелов. А вот и грохнул мощный взрыв, выбив окно на первом этаже. Ярко полыхнуло пламя, русский нахмурился — всё-таки его вояж в лечебницу спровоцировал не самые весёлые дела у тюрингийцев. Феликс Фукс явно был готов к подобному повороту событий, и судя по всему уже даже успел оттеснить фашистов вглубь здания, но всё это Лисицын только предполагал, глядя на вспышки выстрелов и боевых заклинаний в окнах здания. Вот сейчас то ли взрывом гранаты, а то ли Инсендио, вышибло окно в комнате на полпути до центрального холла — если бойцы Фукса смогли перейти в контратаку и на плечах аненербистов продвинуться вглубь дома, это отличный результат! Главное, чтобы они не вылезли под огонь пулемёта. И сейчас-то явно потери у них болезненные, а там в холле может случиться форменная катастрофа. Одно пока что радует, судя по всему, у защитников лечебницы потери ещё больше.

Это была уже вторая контратака нацистов за тот час, который прошёл с момента, как Иван приволок в их лагерь суслика-нациста. Им оказался Густав Павелич, подданный Австрии. Эта фамилия ничего не говорила русскому, зато Шваница привела просто в состояние кровожадного восторга. Настолько сильного, что он на пару с Эберлем буквально схватил несчастного Павелича и поволок его в палатку колдомедиков. Те попытались сопротивляться, но во-первых, раненых не так много было, и перевязывать их можно было и под открытым небом. А во-вторых, как мрачно пошутил про себя Лисицын, сотруднику Штази, даже и бывшему, невозможно противостоять, если он решил запытать задержанного вот прямо сейчас.

Из палатки не доносилось ни звука, зато много звуков доносились со стороны медиков, которые на разные лады обсуждали главу немецких мракоборцев и его помощника, только кровавыми упрямями не успели ещё назвать, но Иван предполагал, что это пока.

Первая контратака защитников была одновременно на позиции Фукса и Ланжа, но не смогла нанести какой-либо существенный урон милиции Тюрингии. Судя по выстрелам и вспышкам заклинаний бой продолжался от силы пару минут, после снова всё затихло.

— Иван? Я же верно запомнил? — из ночного сумрака к русскому шагнул высокий Якоб Бергман-Поль.

— Да, — тот обернулся и поспешно вскочил, утвердительно кивнув. Всё-таки с главой Берлина лучше говорить из менее вальяжной позы.

— Вы должно быть в курсе, а герр Шваниц там скоро? — он покосился на палатку, из которой по-прежнему не доносилось ни звука. Зато вот её стены подчас очень резко колыхались.

— Не имею ни малейшего представления, к сожалению, — пожал плечами русский, — Он там уже примерно час, допрашивает задержанного, — на этих словах одна из стен палатки беззвучно колыхнулась так, словно бы по ней ударили чем-то тяжёлым.

— Как я понимаю, удалось задержать кого-то высокопоставленного?

— Вам знакома фамилия Павелич?

— Возможно, но не могу сходу припомнить, — после этих слов ещё одно окно на первом этаже лечебницы взорвалось.

— Как бы такими темпами наши в лечебнице без нас не победили, — усмехнулся Лисицын, обернувшись на взрыв.

— Да уж, — нахмурился немец, — Мои бойцы готовы, но без отмашки Виктора мы не можем начинать.

— Ну, нам только ждать, когда они там закончат, — Иван посмотрел на палатку, которая замерла и так уже с полминуты не шевелилась, — Заходить к ним и прерывать допрос не имею ни малейшего желания.

— Я Вас понимаю, — кивнул Якоб и пошёл обратно к своим милиционерам.

Тем временем звуки из лечебницы стихли, Иван прислонился к стволу дуба и продолжил флегматично смотреть на темнеющее вдалеке здание.

Примерно через минуту слева раздались хлопки аппарации, русский пригляделся и увидел милиционеров, которые так транспортировали раненых, видимо, бой и впрямь завершился.

Из палатки вышел Мориц Эберль и, не обращая внимания на Лисицына, быстро прошёл к своим мракоборцам. За ним показался Виктор Шваниц, вытирая какой-то тряпкой руки. Он выглядел устало и задумчиво, что-то пробормотал себе под нос, а после окликнул русского:

— Через пять минут собираемся, нужно всё спланировать.

— Где?

Немец махнул рукой в сторону, где стояли и переговаривались члены “высокого собрания”, а после закинул тряпку внутрь палатки и отправился к ним.

Иван пожал плечами и пошёл следом — видимо, скоро всё расскажут, возможно даже всю правду.

Кристина стояла неподалёку от развёрнутого под открытым небом госпиталя и бесстрастно наблюдала за тем, как медики начали перевязывать новых раненых. Что, Шваниц наконец-то закончил с этим человеком, которого притащил тот русский из лечебницы? Она не осуждала методы работы местных с задержанными, по всей Европе они были одинаковыми, просто ей казалось, что Виктор как-то слишком долго возился с простым анимагом. Что тот может знать? Неужели русскому лису так сильно повезло, что он сумел захватить кого-то важного?

В целом уже не принципиально, сейчас все двинутся наконец-то на штурм! Она и так уже потеряла на этом бессмысленном совете кучу времени. Шансы, что там внутри ещё находятся дети Мирбахов, а не увезены куда-то в неизвестном направлении, уменьшались буквально с каждой минутой. Хотя француженке сразу не особо верилось, что они смогут их здесь обнаружить, скорее всего — только следы и намёки.

Хуже всего было то, что в целом у неё фактически не осталось союзников в этой стране, да и, видимо, в Париже тоже. Вся эта миссия с самого начала была авантюрой, и надо было отказаться от предложения Валерия, однако они с Габриэлем были чрезвычайно настойчивы, и что самое главное — убедительны. Но с другой стороны, десять дней назад всё было иначе: мракоборцы Мольтке были слабы, Абрабанели были лишь крикливыми чистокровными, турки больше занимались делами торговыми, а про Аненербе вообще никто не слышал. Прибыть в Германию, найти детей, забрать наработки Генриха и вернуться в Париж — это всё звучало выполнимо.

Кристина посмотрела на затихшее здание лечебницы — немцы молодцы, смогли продвинуться дальше по первому этажу, однако это не её война, её настоящие противники

сейчас где-то держат Марту и двух французов людей. И самое главное, у них в руках сейчас были все материалы по техномагии, без которых в целом возвращаться домой сейчас не было совершенно никакого смысла.

В голове француженки рациональные мысли об истинной цели её нахождения здесь занимали всё больше места. И это приводило её в отчаяние — она осознавала, что скорее всего необходимо будет цинично пожертвовать всеми, кого она в эту авантюру втянула: Энцо, Полем, Мартой — пожертвовать, забрать результаты исследований у турок и вернуться домой. Скорее всего даже Филиппа придётся оставить здесь, совершенно без гарантии того, что он сможет вернуться обратно целым и невредимым. И всё ради будущего французских волшебников, и скорее всего её саму ради этого самого будущего не ждёт ничего хорошего дома. Она — красная тряпка для всех врагов революции, деспот, захвативший власть. И чем же она тогда лучше всех тех чистокровных политиканов, которые ей противостоят? Ради победы ей придётся стать такой же, а потом... Ну, а потом, видимо, Габриэль отдаст её им в качестве платы. Если Габриэль сам не оказался в паутине лжи Талейрана, но это предположение она спешно отмела — не хватало ещё разочароваться в собственном учителе.

Фавр де Поль смерила взглядом, подошедшего вслед за Шваницем русского. Как бы он себя не вёл, всё же этот маг был наиболее честным из тех, с кем она в Германии имела дело. Русские поддерживают техномагию в Европе, и как бы это не звучало ужасно, но эти убийцы и тёмные маги — её естественные союзники во всём этом деле. Правда, Кристина не питала иллюзий на тему того, что если они вдвоём одновременно найдут результаты исследований Мирбахов, то эти же союзники попытаются её убить. Возможно, совершенно без удовольствия, но тут всё дело не в эмоциях, а в тонком расчёте — эти данные нужны многим.

— Фройляйн, я готов поделиться новой информацией, — устало улыбнулся Шваниц, и оглянулся на подошедших Якоба Бергман-Поля, Дитриха Хоннекера и Марту Мюллер, — Собственно после того, как мы закончим, то можем уже выступать на финальный штурм лечебницы.

— Вы закончили допрос задержанного? — с интересом произнесла фрау Мюллер.

— Да, прошу прощения, что этот процесс затянулся, — кивнул мракоборец, — Просто наш привлечённый специалист из России сумел добыть крайне важную персону, вряд ли имя её вам что-то скажет, однако скажу одно, это один из высокопоставленных членов возрождённой Аненербе, родственник вполне настоящего нацистского преступника. Он заведовал оккультными исследованиями в данной лечебнице, — Шваниц обернулся на темнеющее вдалеке здание, — И да, он был схвачен, когда попытался сбежать оттуда. К счастью, а может, к сожалению, с собой он не нёс никаких материалов об исследованиях, однако сумел нам рассказать кое-что.

— Я верно понимаю, что этот человек не командовал обороной? — спросил Якоб Бергман-Поль.

— Нет, обороной заведует некий Владислав Каминский, он из Польши, прибыл несколько дней назад сюда во главе боевого отряда. И собственно об этом, в первую очередь, я хочу сейчас сказать.

Они отошли к ближайшему столу, куда уже подошёл Мориц Эберль и развернул на нём планы здания.

— Вот здесь, — молодой мракоборец ткнул пальцем в край плана, — Сейчас

закрепились бойцы Феликса Фукса и продвинулись вот до этих комнат, — он повёл палец к центру плана. Вход на второй этаж в левом крыле заблокирован, пробить этот барьер защитники не в состоянии.

— Насколько точно, что не в состоянии? — Мюллер пристально посмотрела на мракоборца.

— Со слов задержанного, он являлся тем единственным волшебником, что знал, как работать с подобным барьером, — улыбнулся Шваниц, — Продолжай, Мориц.

— Центральный холл сложен при атаке в лоб, — кивнул Эберль, — Входную дверь можно без труда пробить, однако там нас встретит пулемётный расчёт. Судя по данным, добытым Иваном Лисицыным, оружие заряжено магически обработанными патронами, что представляет серьёзную угрозу для атакующей команды. Судя по всему весь холл первого этажа простреливается с их позиции, потому атака с фланга колонны Фукса также проблематична. Тем более, что после боя они понесли серьёзные потери, несмотря на то, что продвинулись вглубь здания. Трое волшебников погибло, пятеро сейчас находятся у наших медиков, но те не уверены, что смогут их быстро поставить обратно в строй.

— Я верно понимаю, что следующая контратака позиций Фукса приведёт к тому, что защитники лечебницы смогут отбить занятые позиции? — голос Бергман-Поля был бесстрастен.

— Всё верно, даже с учётом того, что противник потерял до семи человек убитыми, — кивнул Мориц, — Число его раненых нам неизвестно.

— Потому принимать решение и действовать нужно быстро, — устало произнёс Шваниц, — Задержанный поведал нам о том, что их лаборатория находится в подвале комплекса, там осталось двое некромантов и отделение морга, в котором сохранилось порядка полусотни трупов, — собравшиеся ответили дружным возгласом удивления, — Насколько нам стало известно, их не вводили до сих пор в бой только потому что ждали, когда наши бойцы втянутся в здание.

— Вход в подвал находится в холле под лестницей, — палец Морица указал на центр плана, — Ровно под пулемётным расчётом, учитывая, что мертвецы вгоняют своих противников в животный ужас, понятен расчёт их выпустить, когда мы сумеем закрепиться в холле.

— Я верно понимаю, что правое крыло здания полностью под контролем нацистов? — голос Бергман-Поля по-прежнему был деловым и безэмоциональным.

— Всё верно, — кивнул Эберль, — Колонна Ланжа находится за пределами здания и может атаковать через вот эту дверь, — его палец оказался в правой части плана, — И в этом есть определённый смысл, у нас с Виктором родился план, видимо, единственный из возможных.

— Попросить у Бундесвера танк? — Лисицын не выдержал и нервно усмехнулся.

— К сожалению, уничтожить это здание с применением кайнцауберской артиллерии слишком заманчиво, — мрачно улыбнулся Шваниц, — Однако нам бы хотелось получить в более-менее целом состоянии то, над чем они там работали.

— Пятьдесят трупов из морга? — русский внимательно посмотрел на главу мракоборцев.

— Лаборатория находится в подвале, верно, — кивнул тот, никак не отреагировав на издёвку в голосе Ивана, — Но кабинеты Агриколы и нашего задержанного находятся на третьем этаже, — он посмотрел, как Мориц аккуратно указывает точки на плане третьего

этажа.

— Но полсотни оживших мертвецов остаются полусотней оживших мертвецов, — покачал головой Дитрих Хоннекер, — Как мы собираемся парировать всё это?

— Несмотря на то, что сил двух некромантов за прошедший час в целом хватило бы поднять весь этот отряд на ноги, — Виктор бросил взгляд на лечебницу, — Однако специфика подобной магии в том, что уже умершие существа невозможно долго поддерживать в активном состоянии. Пять-десять минут зомби может активно действовать без вливания дополнительной энергии в него. Так что скорее всего во-первых, всех их поднять не смогут разом. А во-вторых, это будет происходить только когда мы уже подойдём к самой лаборатории.

— Виктор, Вы не сильно нас обнадёжили, это по-прежнему грозная сила.

— Потому наш план заключается в следующем, — глава мракоборцев повёл плечами, — Герр Бергман-Поля во главе своей милиции на позиции Фукса и снимает барьер на второй этаж. В это самое время колонна Ланжа атакует правое крыло, атакует массированно, стараясь оттянуть на себя внимание защитников. С разницей в пять минут бойцы Бергман-Поля входят на второй этаж и прорываются до центральной лестницы. Как только они достигнут неё, через центральный холл входит колонна Морица, которой будут помогать фланговой атакой бойцы Фукса.

— Можно вопрос? — спросил глава глава берлинской милиции, и продолжил, получив утвердительный кивок, — Мы же не знаем, силы противника на втором этаже и устройство обороны? Что располагается на этом этаже?

— Больничные палаты. Да, мы не знаем, сколько там защитников и чем может оборудован коридор, именно поэтому колонна Эберля не будет заходить в центральный холл, пока вы не доберётесь до лестницы.

Пожилой немец с копной седых волос склонился над планом, задумчиво ведя пальцем по второму этажу и что-то бормоча, затем поднял голову:

— В идеальном случае нам потребуется на всё это не менее четверти часа, за это время противник сможет контратаковать Фукса, заперев нас на втором этаже. Сил у той колонны тюрингийцев не так много.

— Да, это узкое место плана, — согласился Шваниц, — Но пока что я не вижу адекватного его преодоления. Если пустить колонну Фукса в атаку, это может оказаться фатальным для них самих. И также может привлечь внимание к вашей атаке.

— Мне кажется, или герр Шваниц считает, что мы сами не сможем привлечь к себе внимание? — засмеялся его собеседник.

— А если герру Эберлю атаковать с позиции Фукса но по первому этажу? — подала голос Кристина, — А уже потом они соединяться на лестнице?

— Мы всё равно дойдём до холла и не сможем его взять, пока до лестницы не дойдёт берлинская милиция, — отозвался Мориц, — Да, мы скорее всего крыло первого этажа займём, но быстрого развития успеха не получим.

— А что если сделать, как говорит Кристина, но не совсем? — совершенно по-деловому задал вопрос Лисицын, обернулся и показал рукой на лечебницу, — Пулемёт находится выше дверей, потому если их открыть, обстреливать далеко в парк он не сможет, максимум стоит бояться стрелков, которые внизу, — он повернулся к собравшимся, — Давайте расположим мракоборцев на первом этаже левого крыла, но одновременно с атакой Ланжа, взорвём центральные двери. И одновременно в прорыв пойдут бойцы герра Бергман-Поля.

— Мне кажется, или герру Лисицыну не понравилась эта дверь, и он лично её хочет взорвать? — с издёвкой произнесла Марта Мюллер.

— Ну, она некрасивая, не жалко будет ломать, конечно, — улыбнулся тот, — Это абсолютно бессмысленное с тактической точки зрения, однако очень хорошо отвлечёт наших противников. А с первого этажа герр Эберль сможет сманеврировать и в случае необходимости и помочь на втором этаже, и пойти в прорыв на первом.

Собравшиеся погрузились в размышления, смотря на план здания. Через примерно минуту молчания подала голос Кристина:

— Я готова помочь месье Лисицыну во взрыве дверей. Думаю, если после в проём кинуть атакующее заклинание, то это наших любителей прусской истории займёт делом.

— Фройляйн, если мне не изменяет память, Вы всё ещё глава французского государства, — с издёвкой произнесла Марта, — Может быть, всё-таки не стоит рисковать уж таким способом? На территории этой лечебницы воскресить вас не смогут, максимум, Вы станете живым трупом.

— Но идея-то красивая? — лучезарно улыбнулась француженка.

И Иван, и Кристина понимали, что принятый на совете план даже не пахнет авантюрой, он ей и является. Виданое ли дело, идти вдвоём к подготовленной позиции противника, у которого мало того, что пулемёт, так ещё и возможность ввода в бой резервов в виде полусотни мертвецов. Говорят, страшных до одури.

Справа в темноте раздались возгласы, а затем полыхнули вспышки. Несколько огненных рукавов протянулось из парка в сторону окон здания — Ланж повёл своих людей на штурм. Несколько мгновений здание лечебницы оставалось тёмным и безмолвным, а после отдалось шквалом огня в сторону нападавших: загрохотали автоматы, в темноте раздались вспышки, которым отвечали атакующие. Кристина засмотрелась на ещё два огненных рукава, которые лизнули здание, заставив замолчать автоматчиков, потом перевела взгляд на русского. Тот кивнул и неспеша вынул волшебную палочку.

— Бомбарда! — голосу Лисицына вторил мощный взрыв и треск разлетающегося вовнутрь холла дерева.

Кристина изящно прыгнула на ступени крыльца, сплела двумя палочками заклинание и ударила в темнеющий проём, заполненный пылью:

— Инсендио! — столп огня влетел внутрь здания, поджигая щепки и остатки дверей.

К вою огня прибавился человеческий визг. Один из людей покатился по полу объятый огнём. Отсветы пламени высветили перекошенное от испуга лицо второго, который жался к стене, прикрываясь своим автоматом, а ещё они блеснули на стволе пулемёта, солдаты возле которого на мгновение отшатнулись от бушующего огня в холле.

— Инсендио! — Иван стоял с краю, потому поток его пламени пересёк холл наискосок, заставив объятых пламенем человека на полу замереть, второго же отбросить автомат и откатился к лестнице.

Кристина прыгнула к русскому, сбила его с ног, и они кубарем покатались под стену лечебницы. А изнутри им вслед уже говорил пулемёт. Пули врезались в бетон ступеней, где только что стояла француженка, после двинулись в сторону, где только что был русский, разбивая остатки деревянного полотна. А справа раздался ещё один мощный взрыв — тюрингйцы выбили дверь в правое крыло.

Иван с Кристиной расцепились и начали отползать в сторону, к ближайшим кустам. Пулемёт громыхал, пули врезались в бетон крыльца и камни дорожки перед ним. Окно на

втором этаже левого крыла взорвалось, и оттуда вылетело бездыханное тело, рухнув в кусты. Тотчас одно из окон на первом этаже справа взорвалось точно таким же образом.

— А ты же не придумала, что будет дальше после Инсендио? — чуть запыхавшись произнёс Иван.

— Ну, у меня было два варианта, — пожала плечами Кристина и поднялась, присев на корточки, — И пока что работает второй.

— Дай угадаю, — Лисицын последовал примеру Кристины и обернулся назад, где шум боя стал сливаться в один сплошной грохот, — Первым был, что мы погибнем?

— А ты сообразительный русский, — обворожительно улыбнулась девушка и поправила прядь волос, — Как думаешь, куда безопаснее аппарировать?

— На базу к Салтыкову, — саркастично заметил её напарник, — Давай к правому крылу, там Эберль нас хотя бы опознает.

— Боишься, что Ланж будет стрелять, если мы появимся у него за спиной?

— Я бы выстрелил, а потом уже бы разбирался.

— Вечно вы, русские, сначала стреляете, — Кристина начала тихонько отходить за дерево.

— Мы так мировую войну выиграли, — Иван также аккуратно двинулся вслед.

Затих пулемёт, луна вышла из-за туч, и лишь слева и справа продолжал грохотать внутри здания бой. Волшебники аккуратно распрямились, стоя под деревом. Ещё один взрыв грохнул где-то внутри лечебницы. Из дверного проёма холла вылетело два небольших предмета, упали на крыльцо и покатались вниз по ступеням. Ещё один предмет упал на дорожку и покатался к дереву.

Иван обратил внимание лишь на звук третьего предмета, его глаза округлились, а рот открылся для нецензурных слов. Он подался назад, начиная прыжок, попытался схватить Кристину за рукав, но та успела заметить всё это раньше, потому ловко увернулась от его руки и начала своё движение.

Мир словно бы замедлился, исчезли звуки, сначала полыхнула вспышка на крыльце, белоснежная настолько, что казалось глаза должны ослепнуть от этого света. На доли секунды следом — вторая, а после третья, у дерева. Раздался утробный гул, становясь всё громче, и громче. А затем ураганный порыв ветра понёсся во все стороны. Ивану показалось, что он падает на землю словно в замедленной съёмке, в голове была лишь одна мысль: Кристина не успеет завершить своё заклинание, что бы она ни задумала. Но та успела — ветер наткнулся на невидимую преграду ровно в тот момент, когда девушка закончила движение, воткнув одну палочку в землю, а другую устремив точно вверх. И окружающий мир снова стал прежним.

Якобу Бергман-Полю план штурма не понравился, в целом тот молодой русский говорил правильные вещи: сообщить Федеральному Канцлеру, заблокировать лечебницу, дожидаться кайнцауберов, и пусть те уже сами как-нибудь — всё это было абсолютно здоровой идеей. Но из-за высокой политики нельзя было втягивать в это противостояние простых людей, а значит всё нужно было делать самим. Притом, Аненербе спокойно этих самых простых людей втянуло, потому что кто-кто, а нацисты не делили мир на цауберов и кайнцауберов, у них был несколько иной подход.

Кроме того, сам Шваниц-то остался в лагере, при этом отправив под пули главу Берлина и лично главу Франции. Конечно, в обществе волшебников до сих пор существовали ещё рыцарские понятия о чести и личной доблести, но так рисковать — это Якоб не мог понять

и поддерживать. Глава мракоборцев, хитрый старый пёс, явно вёл свою игру, а глава Берлина слишком давно его знал, чтобы полностью довериться. Однако же, скрепя сердце, повёл своих людей на штурм.

После начала атаки на правое крыло здания и центральный вход, волшебники Фукса без проблем сняли барьер на второй этаж, открыв дорогу берлинской милиции, и оказалось, что на втором этаже их не ждут. Единственные два нациста, что караулили лестницу, погибли так быстро, что даже не успели поднять тревогу, зато берлинские милиционеры обнаружили буквально в двух шагах от лестницы обширную палату, где отдыхали защитники лечебницы. Глядя, как работают его подчинённые, Бергман-Поль вспомнил, что давным-давно присутствовал в Советском Союзе на испытаниях реактивного огнемёта. И вот ощущения от работы того оружия у него были примерно такими же. И только после зачистки этой палаты нацисты очнулись и спешно организовали оборону в коридоре.

Якоб принял решение, что спешное продвижение к центральной лестнице сможет привести лишь к нежелательным потерям среди бойцов, потому отдал приказ проверять каждую комнату по дороге и при обнаружении противника зачищать.

Заслон защитников был пробит достаточно быстро, на третий этаж послали разведывательную группу из мракоборцев Эберля, которая не обнаружила там вообще никого. Складывалось ощущение, что у Аненербе не хватает людей, чтобы сдержать и тюрингйцев, ворвавшихся в правое крыло лечебницы, и берлинцев, зачищавших второй этаж.

Что-то серьёзное рвануло у центрального входа так, что затряслись стены, Эберль передал Бергман-Полю, что переходит в атаку по первому этажу. Разведчики с третьего этажа аккуратно пошли вперёд к центральной лестнице с намерением обойти позиции защитников центрального холла с тыла.

Русский рыжий лис же зашёл на первый этаж через Мир Духов. Эти гранаты, непонятной модификации, от которых их вдвоём смогла прикрыть Кристина, судя по разрушениям, действовали на оба мира, потому он всерьёз опасался, что нацисты их ещё раз применят. Однако пока в холле было всё относительно спокойно.

Точно также наверху располагался пулемётный расчёт, по-прежнему сияли магией пули в его лентах. Само пространство холла было разворочено, но два мёртвых тела уже успели оттащить в сторону, где над ними уже склонился человек в белом халате. У Лисицына не возникло иллюзий насчёт того, что дальше последует поднятие мертвецов — это было ожидаемо. Но рядом с ним ещё стоял человек в какой-то полевой военной форме с перевязью, на которой висело с пяток гранат продолговатой формы, которые откровенно сияли магией. Пройдя чуть подалее, лис заметил открытую дверь под лестницей — видимо это и был спуск вниз, в подвальную лабораторию.

Когда он оказался у подножья лестницы, то вновь огляделся: слева и справа в коридорах видно было, что кипел бой: справа отдалённый, а вот слева, казалось, уже совсем близко. Немцы, похоже, были метрах в двадцати, однако ни человек в белом халате, ни в полевой форме, не обращали никакого внимания на это. Волшебник, склонившийся над телами убитых нацистов, что-то по-прежнему бормотал, жаль слова в Мире Духов не бывают слышны, а его коллега совершенно спокойно взирал на развороченный дверной проём, поглаживая свою перевязь с гранатами. Интересно, сдетонируют ли они от атакующих заклинаний?

Лис аккуратно прошёл до двери в подвал и заглянул внутрь — узкая бетонная лестница

закручивалась и уходила вниз в чернеющую пустоту. Никакого освещения, никакого движения внизу, возможно, все тела в морге по-прежнему лежат там, где и лежали?

Иван сошёл на пару ступеней вниз и вернулся в обычный мир, оглянулся и понял, что в лечебнице всё же горят лампы — видимо, освещение защитники всё-таки решили включить, однако оно было таким тусклым, что только-только чтобы разгоняла темноту. Звуки и запахи вернулись. Из подвала тянуло формалином и могилой — подвал лечебницы, как он есть. А вот шум боя из одного коридора становился всё громче.

— Успеешь? — произнёс мужчина в полевой форме по-немецки. Его коллега в халате ответил что-то нечленораздельное, но утвердительное, затем продолжил читать на распев. Слова были отчётливо немецкие, но не до конца понятные.

В левом коридоре раздался взрыв и крики, пол заметно дрогнул. Лисицын аж задумался, какие такие заклинания применяют атакующие, раз земля ходуном ходит?

Мужчина в форме отошёл к лестнице и с интересом посмотрел в сторону боя. Что он там увидел, русскому было непонятно, но тот отшатнулся, а на него буквально вылетело двое запыхавшихся и закопчёных бойцов, кричащих ругательства по-польски.

Немец в белом халате дочитал свою речь, произвёл замысловатое движение руками и отшагнул от мёртвых тел, а те в ту же секунду пошевелились. Ещё мгновение и они начали медленно подниматься. Иван выругался, тут же сообразив, что человеческое обличье он так и не принял, потому сейчас в дверном проёме спуска в подвал берлинской лечебницы на простом русском матерном языке таявал рыжий лис. После сообразив, что если уж нецензурно выражаться, то лучше уж, чтобы тебя слышали, обернулся обратно в человека.

— Назад! — рявкнул мужчина в форме на немецком, резким движением подняв одного поляка за шиворот. Затем пнул второго, да так сильно, что тот заскулил.

— Я не вернусь, это не люди... — первый вхлипнул, но распрямился.

Мужчина в форме выругался по-немецки и рванул с португепи гранату.

— Авада Кедавра! — Иван успел задуматься, услышит ли его голос Кристина, но тут же полыхнула зелёная вспышка, ярко осветив холл. Мужчина рухнул, на пол, не успев разжать руку.

С улицы в холл ворвался яростный поток воды, смывая всё, что было перед ним. Какие-то остатки мебели и досок были подхвачены им и снесли уже почти поднявшихся на ноги мертвецов, а вместе с ними и мужчину в белом халате. Все три тела вода донесла до подножья лестницы, сбив с ног и поляка, потерявшего дар речи.

Резко закричали за пулемётом, послышался щелчок затвора, на который русский обернулся, вставая в стойку с волшебной палочкой. Сам-то он был в мёртвой зоне для них, однако боковым зрением успел увидеть, появившуюся в уличном проёме девушку.

Возможно стрелок даже успел нажать на курок, но выстрела не последовало — сверху пришла вода. Точно такой же стремительный и смертоносный водяной поток обрушился на пулемётчиков, смыв тех с лестницы. Иван торжествующе улыбнулся, отскочил назад и увидел, как из коридора, откуда выбежали поляки, буквально вылетело растерзанное человеческое тело. А следом за ним выпрыгнул огромный волк на двух ногах. Кристина опешила, приняла боевую стойку, а волк строго посмотрел на неё, облизнул окровавленную пасть и, увидев, как два мертвеца со свойственной только им неумолимостью снова начали подниматься, бросился на них.

между союзными (под британским командованием) и германскими войсками.

Глава XII. Солнце восходит на западе

*

(20 августа)

Лисицына разбудил звук опустившейся на табурет чашки. В нос сразу ударил запах кофе. Иван открыл глаза и увидел перед собой улыбающуюся Кристину:

— С добрым утром, — она зевнула, прикрыв рот ладонью, — Правильно, что вы меня спать отправили.

— Доброе утро, — пробурчал русский, принимая вертикальное положение. Голова немного гудела, а тело не желало ничего, кроме как продолжать спать. Он потёр лицо руками, разгоняя остатки сна, затем внимательно взглянул на француженку, наконец-то осознал, что сидит на диванчике в кабинете главы немецких мракборцев и перевёл взгляд на кружку.

— Надеюсь, мальчики, вы не зря не спали так долго, — в голосе девушки были игривые нотки, но Иван вспомнил, что её саму они со Шваницем насильно отправили спать примерно в четыре утра, так что она тоже вряд ли выспалась.

— Вы не поверите, фройляйн, но не зря, — глава мракборцев сидел в своём кресле, и крупными глотками пил кофе, пытаясь точно также, как и русский, проснуться.

— Да, — Лисицын кивнул, взял своё кофе и сделал глоток. Напиток обжёг ему язык, но тотчас прогнал все остатки сна, — Сударыня, Вы бессовестно бодры в столь ранний час, это преступление против человечности.

— Уже десять утра, месье, — Кристина снова расплылась в улыбке и зевнула, — Мы там хотели в мечеть Омара ибн Хаттаба ехать с утра.

— Поздно, — Иван поморщился, сделав ещё один глоток, — Там уже все прихожане разошлись, если только мы сможем поспрашивать кто что знает в округе.

— Ну, нам ничего пока другого не остаётся, — пожала плечами француженка, неспеша подошла к столу, взяла свою чашку с кофе и отошла к стене, опершись на неё спиной.

— Мне в любом случае ещё рапорт писать по итогам лечебницы, — Лисицын потёр глаза, их резало после недолгого сна.

— Оправдываться будете перед начальством? — ехидно улыбнулась девушка и отпила кофе.

— Да, почему я не был замечен в зверствах, — в тон ей ответил русский, — Недорабатываю.

— Если не были замечены, это успех, а не недоработка, — рассмеялся Шваниц, поставив пустую чашку на стол.

— Вы сами-то во сколько решили спать пойти? — Кристина перевела взгляд с русского на немца.

— Около семи что ли, — пожал плечами Виктор, — В иных условиях, всё отдали бы следователям, а сами пошли бы в пивную, а те пусть работают.

— Так что узнали-то?

— По заветам всех тёмных лордов Аненербе хочет призвать в этот мир древнее зло, — саркастически заметил Лисицын.

— Хорошего же мнения, герр Лисицын, Вы о нашей истории, — усмехнулся Шваниц.

— Если бы дело происходило в Москве, и подобные товарищи у нас захотели бы

призвать Рюрика[1], я сказал бы ровно то же самое.

— Это всё потому что он тоже немец, да? — глава мракоборцев ехидно ухмыльнулся.

— Да, я просто не люблю всё немецкое, — мрачно отозвался русский и отпил кофе, — И пиво у вас, на самом деле, отвратное.

— А вот это сейчас обидно было.

— У вас увлекательная беседа, мальчики, но давайте уже к делу, — сказала строго Кристина, но потом рассмеялась, — Хотя я понимаю, что после такой ночи иначе нельзя.

— Фройляйн, Вам знакомо имя Генрих Птицелов? — Шваниц внимательно посмотрел на француженку, та отрицательно покачала головой.

— Генрих Птицелов, герцог Саксонии и король Германии, один из выдающихся правителей этой земли десятого века, значительно расширил и укрепил земли Германского королевства, — Лисицын внимательно смотрел на Кристину, — В идеологии национал-социализма первой половины прошлого века занимал роль строителя национального государства, оправдывающего их натиск на восток.

— Кого их? — переспросила Фавр де Поль.

— Национал-социалистов прошлого столетия, — пояснил Виктор, — Основателей Аненербе. Особенно ему придавалось значение в деле наступления Германского королевства на земли славян, которые жили на территории вокруг нынешнего Берлина, хотя, в том числе, они же и укрепил границу по тогда всё ещё беспокойной кочевой Венгрии.

— И нашим любителям прусской истории захотелось его призвать из тьмы веков?

— Да, в их записях было указано, что им нужен могучий король из прошлого, чтобы повести Германию за собой в будущее.

— Почему именно он?

— Предположу, что оттого, что именно он заложил основы Первого Рейха, Священной Римской Империи Германской Нации, — пожал плечами Иван и допил свой кофе.

— Им нужен король, как символ? — Кристина перевела взгляд с русского на немца, — Почему тогда вы сказали про древнее зло?

— В те давние времена ещё не было столь разительного отличия цауберов и кайнцауберов, — Шваниц повёл плечами, разминая их, — Король был в какой-то мере цаубером, хотя прямых доказательств этому нет. Никто просто не задавался этим вопросом. Но то, что указано в документах, которые мы изучили, говорит о нём, как о могучем волшебнике.

— Тоже мне Всеслав Брючеславич[2], - пробурчал русский.

— Этот-то точно был цаубером, в этом нет сомнений, — улыбнулся Виктор, — А вот с Генрихом сложности. Я склоняюсь к тому, что он всё же им был, но не особо выдающимся. Его успехи, прежде всего, связаны с политикой и военным ремеслом, а не с магией. Однако он, действительно, заложил основы Первого Рейха и заметно укрепил Германию того времени. Но ему приписывают, среди прочего, уничтожение славянского языческого волшебства, защищавшего земли Эльбы от вторжения извне. Есть легенда о нескольких могучих артефактах, которые попали в его руки и были применены для усиления магии уже немецких земель. В любом случае, призвав в наш мир столь сильную личность, Аненербе откроет шкатулку Пандоры, неизвестно, какими силами он обладает, и как сильно помутился его разум за столько лет забвения. Но без сомнения, он захочет подчинить тех, кто его вернёт в этот мир.

— Ну, предположу, что эти ребята всё же понимают опасность и подготовятся? — Фавр

де Поль внимательно посмотрела на него.

— Судя по записям, нет, — мрачно усмехнулся Лисицын, — Вы, сударыня, помните же, что узнали, что Матиас и Гельмут фон Мирбах были перевезены из лечебницы в Кведлинбургское аббатство, — он внимательно посмотрел на Кристину, та посерьёзна и кивнула, — Это место погребения Генриха Птицелова, его усыпальница. Именно оттуда, если помните, получали приказы защитники лечебницы. Ну, а в записях, которые мы прочли, был указан ритуал, в котором используется кровь детей, детей волшебной крови для пробуждения древнего короля.

Француженка побледнела и опустила голову в чашку с почти допитым кофе.

— В записях всё же не было описания самого ритуала, — продолжал говорить русский, — Но там было сказано достаточно чётко: проводящие ритуал присягнут тому, кого призовут, в случае успешного исполнения.

— Это будет дух древнего короля? — Кристина подняла взгляд на русского, — Или они хотят в кого-то из мальчиков его призвать?

— Если такой могучий дух вселится в тело ребёнка, то это тело очень быстро умрёт, слишком большая сила, — покачал головой Иван, — Я предположу, что скорее всего дети нужны в ритуале именно как жертвы, а дух короля, — он пожал плечами, — Дух короля-волшебника и без сосуда сможет выжить.

— Дух короля, который захочет править Германией, ведь она его по-праву, — мрачно произнёс Шваниц, — Непонятно, какими силами он обладает, но это будет форменный Конец Света. Когда ему не подчинятся за стенами Кведлинбургского аббатства, то он начнёт свой поход при помощи крови и железа. И магии, древней и очень тёмной, — он потёр глаза, — Кристина, этот неприятный вопрос я должен был задать раньше, но всё же, кто Вам важнее: Марта Мирбах или Гельмут с Матиасом?

— Марта у турок, — голос француженки зазвучал глухо, — Она там вместе с Готье и Ламбером.

— Они пока наши союзники, хотя тоже играют в свою игру, — кивнул мракоборец, — А вот Аненербе хочет призвать в этот мир того, что принесёт хаос, смерть и разрушение.

— Если уже не призвали, — Кристина повела плечами и аккуратно поставила чашку на край стола.

— Мы бы это узнали, — произнёс Иван, — Подобный ритуал, даже если бы завершился неудачей, всё равно вызовет сильный отклик в магии, его бы заметили.

— Сегодня мы разработаем план штурма аббатства, и я хочу, чтобы вы двое туда отправились, — Виктор перевёл взгляд с француженки на русского.

— Мы даём туркам время на то, чтобы начать действовать, — заметил Лисицын.

— Их планов мы не знаем, а здесь всё на лицо, — пожал плечами Шваниц.

— Виктор, можно просить Вас под охраной вывести из Шаритё Филиппа Лестрейнджа? — произнесла Кристина с надеждой.

— Боюсь, что для него сейчас клиника наиболее безопасное место из возможных, — покачал головой тот, — Если Вы будете настаивать, конечно, я не смогу отказать.

— Тогда позвольте, я к нему отправлюсь сейчас? — она посмотрела на Ивана, — Если пойдёте в мечеть, расскажете потом о том, что узнали?

— Да, — тот утвердительно кивнул, — Но скорее всего, я туда сегодня не доберусь. Когда будет готов план?

Шваниц не успел ответить. В его кабинет без стука быстрым шагом вошёл один из

служащих Министерства и положил на стол перед ним свежую газету:

— Герр Шваниц, герр Эрнст просил Вас с этим ознакомиться и срочно прибыть к нему.

Виктор опустил глаза, пробежался по тексту и стукнул кулаком по столу:

— Белобрыдая скотина!

**

(20 августа)

В замковой зале было темно и сыро.

По стенам висели коптящие масляные лампы, дававшие неверный свет, оттого множество теней плясало по стенам и высокому арочному потолку. В центральной части зала, перед огромным мраморным кругом с начертанной на нём восьмиугольной звездой, за массивным деревянным столом сидел Габриэль де Ноай и в пламени свечи перебирал бумаги, то и дело хмурясь.

Напротив него на другой стороне круга стояло резное деревянное кресло с высокой спинкой, на подлокотниках и передних ножках которого были крепления под кандалы — именно здесь в Замке Иф традиционно проводили магические допросы. Но пока де Ноай был один, стул рядом с ним пустовал.

С лязгом раскрылась дверь позади кресла, и на несколько мгновений яркий белый свет из дверного проёма скользнул по тёмной зале, а после Тома де Талейран-Перигор неспеша вошёл в залу:

— Говорят, у маглов чем дальше на запад, тем земли становятся всё богаче и цивилизованней, а у нас вот чем дальше на запад, тем мы ближе к Средневековью.

— Ты никак почитал утреннюю прессу, — Габриэль улыбнулся и посмотрел на медленно приближающегося компаньона, который одет был не в свой привычный яркий наряд, а в чёрную мантию с накинутым на голову капюшоном, из-за которого его лицо было в тени.

— Нет, я решил отложить это до окончания нашего сегодняшнего действия, — Тома покачал головой, — Просто смотрю я на тебя, читающего при свечах, а тем временем в Германии всю пользуются электрическим освещением.

— Ну, подобные лампы дают больше света, — пожал плечами волшебник за столом, — Но некоторые бумаги, как водится, нужно после прочтения уничтожать, — он поднёс лист, который держал в руке, к свече. Бумага ярко вспыхнула, озарив светом его и зал вокруг, — Ты так со своими немецкими лампами сможешь?

— Маглы для этого придумали такую штуку, которую назвали шредером, — глава Департамента Тайн и Загадок неспеша приближался к столу, глядя как де Ноай неторопясь кладёт объятый пламенем лист в металлическую чашу.

— Я тоже не стал читать свежую газету, — тот внимательно посмотрел на догорающий лист и перевёл взгляд на Талейрана, — Британия послала запрос на арест Кристины и передачу её им, как пособницы международного преступника.

— Я не удивлён, — пожал плечами тот, — Она бы ещё больше общалась с этим русским спецагентом. Интересно, они послали подобный запрос в Германию?

— Что-то мне подсказывает, что нет, — усмехнулся Габриэль, — Те уже однажды арестовывали её, не вижу причин им это делать сейчас.

— Как я понимаю, сгорело сейчас письмо как раз от мадемуазель Фавр де Поль? — Талейран-Перигор встал в центре мраморного круга и стал его осматривать.

— Готье, Ламбер и Мольтке захвачены в плен турками некоего Хакима, — совершенно

спокойно произнёс его компаньон, — А немцы взяли штурмом лечебницу, которая была берлинской базой Аненербе.

— Дай угадаю, в Берлине уже прочли свежую прессу, и Кристина тебе пересказала основные тезисы? — Тома присел и потрогал рукой вырезанные линии восьмиугольника.

— А ещё рассказала, что ты захватил Натали де Алонсо, хотя по официальной версии её забрали русские, — голос де Ноая звучал насмешливо.

— Такая перспективная волшебница не должна была покидать пределы Франции, — Талейран распрямился и улыбнулся компаньону, — Она же ученица де Тулона, как вообще можно было позволить такое?

— Тебе очень повезло, что Кристина сейчас в Германии, — рассмеялся Габриэль и откинулся на стуле, — Иначе из твоего павлиньего хвоста выдрали бы все перья.

— Этим русским ничего нельзя доверять, обо всём проговорятся, — тот сокрушённо покачал головой.

— Да можно, — махнул рукой глава Департамента Магических Происшествий и Катастроф, затем громко произнёс, — Пьер!

Раскрылась дверь, снова озарив белым светом зал, и внутрь вошёл чернокожий волшебник в мантии мракоборца:

— Да, месье де Ноай, — он не приблизился, лишь прикрыл за собой дверь, чтобы не слепить волшебников внутри.

— Пьер, пора начинать, сначала журналисты, — после этих слов мракоборец кивнул и удалился за дверь.

— Я что-то до сих пор не привык, что волшебникам наших бывших колоний разрешено поступать в Шамрбатон, а не в Уагаду, — усмехнулся Тома.

— Цвет кожи неважен, когда человек говорит по-французски лучше того же Ламбера, а по своему рвению и преданности превосходит многих из Директории, — Габриэль кивнул на стул возле себя, — Ты будешь присаживаться?

— Нет, мне нужно будет ассистировать отцу, — Талейран покачал головой и остался в мраморном кругу.

Дверь снова распахнулась, и внутрь вошли две девушки в сопровождении двух мракоборцев в мантиях. Четвёрка волшебников проследовала до центра зала, поприветствовала Талейрана и де Ноая и расположилась на двух стульях у стены сбоку от стола Габриэля. Мракоборцы подвинули стулья девушкам так, чтобы тем было удобнее сесть: пепельной блондинке в зелёном жакете и рыжеволосой в строгом чёрном платье, а после встали по бокам от них. В дверном проёме появился Пьер, ожидая дальнейших распоряжений.

— Катрин Робер и Валери Жаккар, — улыбнулся Габриэль, — Рад видеть вас сегодня на нашем заседании, надеюсь, всё, что вы здесь услышите, вы в точности передадите в свои издания, которые уже в свою очередь это опубликуют без купюр, — увидев утвердительные кивки, он посмотрел на Пьера, — Месье Диалло, приведите задержанную.

Тот кивнул, скрылся за дверью, и через минуту в сопровождении ещё двух мракоборцев завёл Серафиму Абрабанель в простой холщовой робе. Ноги и руки её сковывали кандалы, соединённые между собой цепью.

Они довели её до большого резного кресла у мраморного круга, усадили в него, отстегнули оковы с её рук и ног и приковали к креслу. Тома с интересом наблюдал за этим процессом. Серафима прожгла его надменным взглядом, но не произнесла ни слова. Когда

процедура была окончена, Талейран отошёл в сторону из круга, а два, сопровождавших Абрабанель волшебника, встали позади неё, Пьер Диалло отошёл в сторону.

— Серафима Абрабанель, Вы знаете, зачем Вы здесь находитесь? — совершенно спокойным голосом произнёс де Ноай.

— Просветите меня, месье, — фыркнула девушка и покосилась на журналисток, — За те два дня, что я здесь нахожусь в заточении, никто из прихвостней этой кровавой узурпаторши Фавр де Поль не удосужился предъявить мне обвинения!

— Обвинения были предъявлены Вам при задержании, — совершенно буднично произнёс Габриэль, — В их составе до сегодняшнего дня ничего не менялось.

— Что ж, повторите их тогда, месье! — она выпятила подбородок, — Повторите при этих девушках, пусть они разнесут по всей Францию всю их лживость! Всю Вашу лживость, де Ноай!

— Серафима Абрабанель, Вам было предъявлено обвинение за пособничество международным террористам, а именно Али Демиру, который взял на себя ответственность за взрыв в Министерстве Магии Германии, в результате которого погибло двое граждан Французской Магической Республики, Калин Нуаре и Клод Лурье.

— Я уже сказала, ещё тогда, в Сен-Клу, что это вздор! — процедила девушка.

— Вы вместе со своим братом позволили туркам Али Демира, и ему самому, разместиться в Шармбатоне и в Страсбурге, — тон де Ноайя был скучающим, — Вы это будете отрицать?

— Мы с братом укрыли простых людей, подвергшимся гонениям на территории Магической Германии. Очень жаль, что это в нашей когда-то свободной Франции является поводом для заточения в Замок Иф.

— Однако, — по лицу главы Департамента Магических Происшествий и Катастроф пробежала улыбка, — Мы здесь собрались по иному вопросу.

— Неужели? — с вызовом произнесла Серафима, — Что ещё Вы хотите мне предъявить? Что я называла Вашу достопочтимую Фавр де Поль валлонской выскочкой? Я не отрешусь от своих слов! Она узурпировала власть в моей Франции! И всё магическое сообщество это проглотило, все волшебники безмолвно подчинились попранию своих свобод! Она обезумела от собственной власти, и да, я не устану это повторять! — она посмотрела на журналисток, бесстрастно делавших пометки в своих блокнотах, — Я надеюсь, что эти слова дойдут до простых магов, дойдут и пробудят их. Покажут, что свобода находится в опасности!

— Серафима Абрабанель, Вы не против, если я задам Вам несколько вопросов по поводу произошедшего в замке Шармбатон вечером 13 июля этого года?

Девушка опешила и непонимающе замигала глазами. Потом посмотрела на журналисток, на Талейрана и снова на де Ноайя:

— Что Вы имеете в виду, месье?

— Я имею в виду событие, приведшее к убийству Жаном де Тулоном Изабель Монтгомери, Жюстины Сен-При и Хулио де ла Серда, — тон Габриэля стал строгим, — Вы присутствовали при этом событии и пережили это нападение.

Девушка дёрнулась, но кандалы на кресле прочно держали её.

— Вы готовы отвечать на вопросы об этом событии? — в голове де Ноайя родилась очень неприятная мысль, что если вот сейчас Серафима откажется, то ему придётся её насильно заставлять говорить, а тогда в глазах общественности он будет именно тем, в чём

его обвиняет Абрабанель.

Девушка замерла, вздохнула и заговорила, прожигая взглядом полным ненависти сидевшего за столом волшебника:

— Это чудовищное преступление, от этого гнуснейшего выроodka ничего иного и нельзя было ожидать, сначала он хладнокровно убил Ректора Шармбатона, а затем двоих деканов. А я... — её голос надломился, — А я лишь стояла и смотрела, он спеленал меня и заставил смотреть. Смотреть на то, как мои друзья умирают в корчах на полу кабинета, а я... — она всхлипнула, а после закричала, — Я не могла им помочь! Ты не понимаешь этого, де Ноай!

Габриэль покосился на журналисток, блондинка картинно закатила глаза, рыжеволосая девушка скривилась и покачала головой.

— Что? Что ты хочешь у меня спрашивать? — Серафима кричала надрывно, казалось, что ещё немного и она сорвётся на истерику, но нет, эту грань она не переходила, — Что ты хочешь узнать от меня?! Как они кричали, когда заживо гнило их тело? Или когда иссыхала кожа? Или что они шептали, когда эта тварь, этот мясник де Тулон склонялся над ними, желая показать своё торжество?!

— Я хочу узнать, что именно там произошло, как Вы, Серафима, смогли пережить нападение? — голос де Ноайя был спокоен и хладнокровен, настолько, что девушка осеклась и снова удивлённо заморгала.

— Что произошло?

— Да, если Вы помните, то, пожалуйста, произнесите последовательно те действия, которые привели к гибели Изабель Монтгомери, Жюстины Сен-При и Хулио де ла Серда?

— Циничная тварь! — выпалила Серафима, дёрнулась в кандалах, но потом заговорила совершенно спокойно, — Когда Хулио объявил о том, что де Тулон задержан, этот некромант погрузил комнату во тьму, было применено какое-то отвратительное некромантское заклятье, — на эту фразу Тома закатил глаза и покачал головой, — После я видела лишь вспышки, я была дальше всех от него и не понимала, куда направить свои чары, потому хоть и вытащила палочку, не стреляла.

— Продолжайте, Серафима, — де Ноай кивнул.

— А потом тьма рассеялась буквально по щелчку пальцев, я увидела прямо перед собой лицо этого де Тулона, он стоял на расстоянии вытянутой руки, и кинул в меня каким-то порошком, видимо, чем-то артефактным некромантским, — после этих слов Тома удивлённо посмотрел на Серафиму, а она продолжала, — От этого я остолбенела. Остолбенела и заметила, что Жюстина лежит в луже собственной крови, красавица-Жюстина, я буквально только что с ней пила вино! — Абрабанель всхлипнула, — А де Тулон развернулся, отбил чару от Хулио и ударил его, ударил его Торменцио. Он сплёл его так быстро, что я даже не успела испугаться за нашего Ректора. Вонь разложения тотчас ударила мне в нос, а я не могла пошевелиться, но внутри меня всю выворачивало. А де Тулон принялся за Изабель.

— Достаточно, — Габриэль скривился, — Ответьте, пожалуйста, на такой вопрос, почему он оставил Вас в живых?

— Не знаю, — она снова всхлипнула и покачала головой, — Я видела, как он превратил Изабель в иссохшую статую, я не знаю таких заклинаний, но эта тварь наслаждалась эффектом, что произвела. Он просто ходил между трупами, наклонялся к ним и что-то шептал! — девушка снова начала говорить громче, — А после подошёл ко мне, сказал, что направляется в Министерство Магии... — её голос вновь пресёкся, она всхлипнула, — А

после я потеряла сознание, он что-то сделал со мной. После меня нашёл домовик замка...

— Достаточно, — де Ноай потёр глаза и посмотрел на чернокожего мракоборца, стоявшего поодаль всё это время, — Месье Диалло, приведите следующего задержанного.

Тот кивнул и удалился. Серафима вопросительно посмотрела на Габриэля, а Талейран глубоко вздохнул.

— Что ты затеял, де Ноай? — прошипела девушка с кресла.

— Сейчас мы произведём некоторые магические действия, чтобы восстановить хронологию событий, произошедших в замке Шармбатон 13 июля этого года, — голос волшебника за столом был совершенно спокойным, хотя внутри у него поднималось волнение. Сам план, ещё час назад казавшийся отличным, сейчас в его голове начинал рушиться из-за множества элементов, обладающих своей волей. А что если Талейрану, и правда, не стоило доверять? Конечно же, не стоило, но какой тут выбор вообще может быть?

Дверь распахнулась и внутрь помещения вошёл Пьер Диалло, за ним — девушка в чёрной мантии, лицо которой было полностью скрыто капюшоном, а после — Седой полный мужчина в такой же робе, какая была на Абрабанель, в сопровождении двоих мракоборцев. Его руки и ноги также были скованы кандалами, через которые была продета цепь.

Они дошли до мраморного круга и остановились. Серафима удивлённо перевела взгляд с них на де Ноайя:

— Что это всё значит? Зачем здесь Талейран?

— Месье Талейран-Перигор, Вы знаете, зачем Вы здесь? — спросил Габриэль.

— Да, месье де Ноай, меня посвятили в детали, — мужчина кивнул, потом посмотрел на своего сына и улыбнулся, — Тома, а тебе идёт чёрный, зря ты его не носишь.

— Папа, он некрасивый, — тот картинно скривился, — И сегодня нужен только для дела.

— Пьер, освободи месье Талейрана, — Габриэль всем своим видом старался не выдать своего внутреннего волнения.

Диалло кивнул и снял кандалы с запястий и щиколоток старого некроманта. Тот ухмыльнулся и стал растирать конечности:

— Отлично, спасибо, а то они жутко неудобные.

Пьер отошёл на несколько шагов назад вместе с мракоборцами, что пришли с ним, только девушка в мантии осталась стоять на своём месте.

— Месье Талейран-Перигор сейчас проведёт ритуал, в ходе которого сюда будет призван дух Жана де Тулона, которому мы намерены задать ряд вопросов, дабы прояснить подробности произошедшего в замке Шармбатон, — де Ноай внимательно посмотрел на Серафиму, та вжалась в кресло и совершенно неподдельно стала взволнованной, — Месье Талейран-Перигор, начинайте.

— Благодарю, — тот кивнул волшебнику за столом.

— Натали, прошу, — Тома подошёл к девушке, взял её за руку и завёл в центр мраморного круга, после подошёл к отцу и обменялся парой фраз, которые оказались совершенно не слышны для остальных.

— Натали де Алонсо, любезно предоставленная русской стороной, будет исполнять роль якоря для призыва духа де Тулона, — произнёс глава Департамента Магических Происшествий и Катастроф. После слов про русскую сторону, Тома усмехнулся и подмигнул де Ноайю.

Девушка неловким движением откинула капюшон, Серафима впиалась в неё взглядом и нервно сглотнула, а Талейран-старший начал ритуал.

Он говорил размеренно, монотонно повторяя казалось бы одни и те же слова на латыни. Иногда ему вторил его сын, произнося фразы на старо-французском. Натали в центре восьмилучевой звезды стояла и боялась дышать.

И так продолжалось примерно с пять минут. Пять минут тишины, нарушаемой лишь голосами двух некромантов.

А после поток ветра, неведомо откуда появившийся в зале, задул свечу на столе де Ноайя, и вокруг стало холодно.

— Мэтр? — голос Натали дрожал от волнения, — Мэтр, вы здесь?

Стало ещё холоднее, в голове Габриэля пульсировал страх, страх того, что сейчас всё пойдёт прахом. Да, мёртвые не могут лгать, но если эти некроманты дадут право задавать вопросы этой малолетней дуре...

— Я здесь, Натали, — голос де Тулона глухо раскатывался под потолком, он был одновременно везде и нигде, нельзя было понять, откуда именно он исходит, словно бы его звучание возникало в каждой точке зала.

— Я так рада Вас снова слышать, мэтр! — девушка запнулась и глубоко вздохнула.

— Что тебе нужно, дорогая моя? С тобой всё хорошо?

— Жан де Тулон, ты, думаю, узнаёшь мой голос, — Талейран-старший говорил властно и с усмешкой, — Я призвал тебя сюда, чтобы ты рассказал нам правду.

— Ты не лучше меня знаешь, старый чёрт, что я не могу говорить иначе, — голос де Тулона также стал насмешливым.

— Так вот, мы хотим знать, что произошло в кабинете Хулио де ла Серда 13 июля этого года, когда тебя попытались арестовать.

На некоторое время наступила тишина, де Ноай даже успел подумать, что дух де Тулона покинул их, однако холод не отступал, а значит мертвец всё ещё был рядом, просто молчал.

— Я убил их, — голос умершего некроманта, учителя Натали де Алонсо был полон сожаления.

— Расскажи, что произошло после того, как Хулио де ла Серд попытался тебя арестовать?

— Я убил Хулио де ла Серда и Изабель Монтгомери.

Журналистки синхронно вопросительно выдохнули, Абрабанель побледнела, а на лице Габриэля появилась торжествующая улыбка.

— Что случилось с Жюстиной Сен-При?

— Он врёт, он убил её, — громко зашептала Серафима, извиваясь в кандалах, — Он её убил, а сейчас врёт.

— Серафима, — голос мёртвого был властным, но по-прежнему полным сожаления, — Я убил только двух в том кабинете, двух моих добрых друзей, которые перешли мне дорогу. Жюстину Сен-При убила ты, Серафима Абрабанель.

— Жан де Тулон, расскажи, как это произошло? — Талейран-старший был серьёзен, но не обращал внимание на телодвижения и слова девушки.

— Я не хотел, я погрузил всё во тьму, надеясь сбежать. Но увидел отсветы применяемой чары и крик Серафимы Сектумсемпра[3]. Я подумал, что она атакует меня, закрылся щитом, но запнулся о кресло, упал и увидел возле себя тело Жюстины.

— Он врёт! — заверещала дурным голосом Абрабанель.

— Силенцио! — Пьер Диалло взмахнул палочкой в её сторону, девушка продолжила извиваться и открывать рот, но теперь уже беззвучно.

— Спасибо, — произнёс де Тулон всё тем же сожалеющим тоном, — После я убрал тьму, меня увидел Хулио и кинул в меня заклинание, и я уже не помню, что это было, я его отбил, но после этого в него кинула заклинанием Серафима. Это было не смертельно, его, действительно, убило моё Торменцио. Я убил собственного друга, своими руками, это полностью моя вина, — на этих словах всхлипнула де Алонсо, — А затем я обернулся к Изабель, я хотел её остановить, однако сам понимал, что за убийство Ректора Шармбатона я неминуемо отправлюсь в тюрьму. Оттого здесь разум взял вверх над моими чувствами к ней.

— Что было потом, месье де Тулон? — спросил старый некромант.

— Потом я помню Серафиму, направляющуюся ко мне, а после я уже был на пути в Париж. Ещё при жизни я пытался вспомнить, что было между этими двумя моментами, но у меня нет этих воспоминаний.

— Зачем Вы направлялись в Париж, месье?

— Я знал, что должен ехать в Министерство Магии, потому что они хотели отдать мою Натали этому мяснику Смиту. И я должен был её защитить.

— Почему Вы направлялись в Париж, месье?

Голос снова замолчал, примерно на минуту зал погрузился в тишину. Даже Серафима уже не дёргалась в кандалах, лишь безмолвно сидела в кресле, смотря сквозь де Ноайя.

— Месье де Тулон, Вы знаете, почему направлялись в Париж? — Талейран-старший продолжал задавать вопросы.

— Нет, месье Талейран-Перигор.

— Думаю, на этом можно завершать, — некромант улыбнулся и посмотрел на де Ноайя, тот кивнул, — Мадемуазель де Алонсо, Вам есть что сказать своему учителю?

— Спасибо, — голос Натали задрожал, но она справилась с волнением и с выступившими слезами, — Спасибо, мэтр, за то, чему меня научили.

— Прости меня, — голос Жана де Тулона прозвучал с нежностью.

Наступила на некоторое время тишина, а затем Талейран-старший завершил ритуал.

***

(20 августа)

В кабинет Канцлера Магической Германии зашёл крайне раздражённый Виктор Шваниц. Вильгельм Эрнст, который стоял у стола, мгновенно обернулся в его сторону:

— Уже успел прочитать творчество этого деятеля с островов?

— А у вас тут, я смотрю, пятничные чтения проходят? — мрачно ответил тот, сидевшая на диване Марта Мюллер тяжело вздохнула, Мориц Мекленбургский повёл плечами.

— Я не успел прочесть, меня поймали на полдороги в Гессен вообще, — он недовольно поджал губы.

— Сдаётся мне, я тебе жизнь спас, — бросил в его сторону Вильгельм.

— А мы сейчас тут собираемся заслушать послание этого блондинчика? — раздражённо спросил Виктор, прошёлся до графина и налил себе виски.

— Герр Шваниц, Вы сегодня сколько спали? — усмехнулся Эрнст.

— Меньше, чем любой из вас, — он пригубил виски и поморщился.

— Виктор, мне кажется, или Вы слишком много общаетесь с русскими, раз стали начинать утро с алкоголя? — Мюллер улыбнулась и потёрла глаза, — Налейте мне тоже, пожалуйста, будьте так любезны.

— Фрау, а Вы, если мне память не изменяет, работали с русскими уже тогда, когда наш дорогой Мориц ещё не родился? — Виктор расплылся в улыбке, плеснул виски в стакан и протянул женщине.

— Два раза не родился, — благодарно кивнула та и взяла стакан.

— Кайнцауберы называют это эйджизмом, — картинно скривился Мориц.

— Вы закончили со своим предпенсионным алкоголизмом? — ворчливо произнёс Эрнст, присев на край стола.

— Давай, врубай это дерьмо, — Шваниц отошёл к стене, опёрся спиной на неё и отпил виски.

Канцлер Германии пожал плечами, вытащил волшебную палочку и коснулся расстеленной на столе газеты, произнося заклинание. Тотчас молодой с небольшой хрипотцой голос раздался в кабинете:

— Я рад приветствовать всех волшебников свободной Европы, что могут сегодня прочесть моё обращение. Я знаю, что одновременно меня читают не только жители Магической Британии, но и Франции, Испании, Португалии, Италии, Скандинавских стран а также, конечно же, Германии. Ещё я знаю, что эта речь будет опубликована в прессе Магической Америки, потому особенно отраднo знать, что в столь трудный час, когда в нашем мире вновь наступают поистине тёмные времена, я свободно могу говорить для тех, кто всё ещё готов встать на пути накатывающей с востока тьмы.

Марта закатила глаза, покачала головой и отпила виски, а голос продолжал звучать:

— Считаю также большой честью быть услышанной магическим населением Соединенных Штатов Америки, а также лично Президентом Магического Конгресса Управления по Северной Америке. Несмотря на свои многочисленные и непростые обязанности, которых мистер президент не ищет, но от которых и не бежит, он счел возможным выступить на нашей стороне в столь непростой час, дав мне тем самым возможность выступить с обращением не только к народам свободной Европы, но и к братскому народу Америки. Я знаю, что в своей речи, что будет также опубликована на страницах американской прессы, мистер Президент выразит желание, которое, я не сомневаюсь, совпадает и с вашим, чтобы я чувствовал себя свободным честно и откровенно поделиться с вами своими соображениями о положении мировых дел в наши трудные и беспокойные времена. Я с готовностью воспользуюсь предоставленной мне свободой и думаю, что имею право на это, тем более что те честолюбивые цели, которые я ставил перед собой в пору своей юности, давно уже достигнуты мною, намного превзойдя самые смелые мои ожидания. В то же время я хотел бы со всей определенностью подчеркнуть, что я говорю от лица всего британского магического сообщества, от лица каждой семьи, но вы все должны понять, что в моих словах не следует усматривать ничего, кроме того, что вы услышите.

Виктор мрачно оглядывал комнату. Мориц внимательно слушал, иногда качая головой. Вильгельм стоял, скрестив руки на груди. Марта болтала виски в стакане.

— Чтобы волшебники, живущие по всему миру, действительно чувствовали себя в безопасности, они должны быть защищены от двух чудовищных мародеров: войны и тирании, — голос Министра Магии Великобритании продолжал звучать, — Все мы хорошо знаем, какие ужасные потрясения переживает рядовая семья, когда на ее кормильца обрушиваются проклятия войны, принося бесчисленные страдания также и тем, ради благополучия которых ой трудится в поте лица. С высоты своего опыта мы с ужасом

оглядываемся на те страшные разрушения, которым подверглась Европа в середине прошлого столетия, во многом лишившись своего бывшего величия. Когда в результате черных замыслов злодейских умов, поощряемых агрессивными устремлениями могущественных магловских правительств, на огромных просторах земли разрушаются сами устои цивилизованного общества, простым волшебникам приходится сталкиваться с такими невероятными трудностями, с которыми они не в состоянии справиться. Они видят окружающий мир обезображенным, распавшимся на куски, превращенным в страшное месиво.

Когда я пишу эти строки в этот тихий, погожий день, я с содроганием думаю о том, какие тяжкие времена пережили наши предки и через какое страшное время сумели пройти, когда на землю крадущейся походкой пришёл незваный гость — голод. Существует выражение "неисчислимая сумма человеческих страданий". И в самом деле, кто может сосчитать, чему равна эта сумма? Наша первостепенная задача — более того, наш высочайший долг — уберечь жилища простых волшебников от ужасов и потрясений еще одной такой же войны, и в этом, я думаю, все со мной согласятся. И здесь мне хотелось бы воззвать ко всем вам и предостеречь: сейчас прямо в центре Европы рождается чудовище, желающее обрушить нашу с вами мирную жизнь в пучину войны, бросить в огненное горнило, чтобы возвеличить себя. Имя этого чудовища, как вы уже догадались, война.

— А я-то думал, — Шваниц допил свой виски.

— Думал, что тут будут имена? — мрачно усмехнулся Эрнст, — Они дальше.

— А я видел, ага.

— Тише, — прошипел на них Мориц, — Я же слушаю.

— А теперь я хотел бы перейти ко второму из упомянутых мною двух бедствий, угрожающих каждому дому, каждой семье, каждому человеку, а именно, к тирании, — голос из газеты продолжал звучать, — Мы не можем закрывать глаза на тот факт, что демократические свободы, которыми пользуются граждане на всех территориях Магической Британии, не обеспечиваются во многих других государствах, в том числе и весьма могущественных. Жизнь простых граждан в этих государствах проходит под жестким контролем и постоянным надзором различного рода полицейских режимов, обладающих неограниченной властью, которая осуществляется или самолично диктатором, или узкой группой лиц через посредство привилегированной партии и политической полиции. И сейчас мы должны неустанно и бескомпромиссно провозглашать великие принципы демократических прав и свобод человека, являющихся совместным достоянием всех волшебников всего мира.

Все это означает, что, во-первых, волшебники в любой стране имеют право избирать правительство своей страны и изменять характер или форму правления, при которой они живут, путем свободных, беспрепятственных выборов, и право это должно обеспечиваться конституционными нормами этой страны; во-вторых, в любой стране должна господствовать свобода слова и мысли и, в-третьих, суды должны быть независимы от исполнительной власти и свободны от влияния каких-либо партий, а отправляемое ими правосудие должно быть основано на законах, одобряемых широкими слоями населения данной страны или освященных временем и традициями этой страны. В этом заключаются основополагающие принципы демократических свобод, о которых должны помнить в каждом доме и в каждой семье. В этом же состоит и суть воззвания английского народа, от лица которого я сейчас говорю, и с которым обращаюсь ко всему магическому сообществу.

— Мне кажется, или он у Черчилля списывал? — пробормотал Мориц Мекленбургский. Остальные волшебники залились смехом.

— Нет, не кажется, — Вильгельм остановил голос из газеты, — Фултонская речь[4], он там только некоторые слова местами поменял.

— И вместо Советского Союза, там Магическая Германия?

— Нет, он ещё Французскую Директорию осудил, и призвал нас арестовать Кристину Фавр де Поль.

— А по какой причине? — удивлённо спросил юноша.

— По причине пособничества международному преступнику Ивану Лисицыну, из-за действий которого без вести пропали два француза и немец, — саркастически отметил Шваниц.

— Как ты там сказал, Кристина их Хакиму в нарды проиграла? — мрачно произнёс Эрнст, подошёл к графину и налил себе выпить.

— Магическая Британия сегодня утром разорвала дипломатические отношения с нами, чтобы вы знали, — заявила Мюллер, — Правда, отчего-то их посол уехал не в Лондон, а в Мюнхен.

— Ну, исходя из того, что было заявлено в этой статье, другого я и не ожидал.

— То есть некоторые различия с речью Черчилля имеются? — усмехнулся Мориц.

Канцлер Германии кивнул и отпил виски:

— Если вкратце, то в газете указано, что мы и Французская Директория есть узурпаторы демократических прав и свобод, а Магическая Британия в союзе с Магической Америкой выступают против этого и против разжигания войны в центре Европы. Британия выступила с поддержкой волшебников Баварии, Баден-Вюртемберга, Рейнланд-Пфальца и Саара, — он посмотрел на усмехнувшегося Шваница, — Сейчас расскажешь, ещё Британия сообщила, что поддерживает волшебников Шармбатона, ведомых Мишелем Колиньи, как истинных сторонников свободной Франции.

— То есть они ради недопущения войны в центре Европы поддержали развязывание войны в центре Европы? — задумчиво произнёс Мориц, — Умно.

— Позвольте, сначала я? — Марта допила виски и поставила стакан на столик и после утвердительного кивка Эрнста продолжила говорить, — Как я уже говорила, британский посол уехал из Берлина в Мюнхен, Магическая Британия разорвала с нами отношения предоставив ноту о том, что не признаёт Вильгельма Эрнста законно избранным Канцлером равно как и членов Министерства Магии Германии легитимными. При этом с утра Бавария, Рейнланд-Пфальц и Саар выступили с заявлением, что также не признают Вильгельма Эрнста Канцлером, так как выборы в Бундестаге прошли под давлением, потому законно избранным главой Магической Германии, по их мнению, должна являться Бригитта Вальдхаузен. Ко всем служащим нашего Министерства Магии, находящимся на этих землях, было направлено обращение о переходе на сторону легитимного правителя, либо они будут задержаны для дальнейшей передачи в рамках судебного разбирательства при комиссии при Международной Конфедерации Магов.

— Это ожидаемо, — кивнул Канцлер.

— Нижняя Саксония одновременно с Бременом и Гамбургом запросили у Магического Конгресса Управления по Северной Америке помощи в сложившейся ситуации политической нестабильности в Германии. По-традиции, объявив Вильгельма Эрнста нелегитимным Канцлером. Мы уже получили ноту от американских коллег, их посол также

отозван из Берлина, он уехал сегодня утром в Гессен, — женщина расплылась в злорадной ухмылке.

— Куда? — воскликнул Мориц.

— Мориц, ты уже начинаешь догадываться, почему тебе не надо было туда ехать сегодня, да? — мрачно спросил его Шваниц.

— Но Гессен не запрашивал помощи у Америки? — юноша обернулся к Марте.

— Нет, он просто объявил о неподчинении Вильгельму Эрнсту, — ответила та, — Из всех территорий, которые на сегодняшний момент, на удивление сохраняют нейтралитет, это Шлезвиг-Гольштейн и Баден-Вюртемберг. И если Еве Гюнтер просто не хочется лезть во всё это, и я её прекрасно понимаю, то вот почему под знамёнами Бригитты не выступил Шварцвальдский Медведь, я понять не могу.

— Виктор? — Канцлер Магической Германии присел на край стола и посмотрел на главу мракоборцев, — Есть чем дополнить?

— В Гессене ещё ночью все оставшиеся там мракоборцы вместе с их семьями были арестованы, — ответил тот, — Сейчас по агентурным сведениям происходят чистки боевыми отрядами Гессенского Дома семейств тех волшебников, кто подозревается в нелояльности правителю, либо в лояльности нам. Сведения обрывочны и неполны, но арест мракоборцев вместе с семьями подтверждён.

— Генрих до сих пор под влиянием Аненербе что ли? — Мориц посмотрел на Шваница.

— Возможно, — тот пожал плечами, — А может просто сам рехнулся. В любом случае, попади ты туда сегодня утром, оказался бы в застенках. А может, даже и в земле, — Виктор задумчиво посмотрел на пустой стакан у себя в руке и продолжил, — В Нижней Саксонии и вот в этих южных землях мобилизована местная милиция, притом мобилизация происходила по давним феодальным клятвам одного рода другому. Работникам Министерства Магии на этих землях, и в том числе мракоборцам, были предъявлены ультиматумы, но таких активных действий, как в Гессене, не производилось. При этом в Гамбурге высадились подразделения британского ЧВК RedLine. Пока не до конца ясно, кто именно их туда позвал, но есть пока что непроверенные сведения, что за этим стоит сама Инга Веттин.

— То есть она попросила помощи у Америки, но пригласила английских наёмников? — уточнил Вильгельм.

— Англичане ближе, и, как я понимаю, выступают всё равно единым фронтом с американцами. До конца дня я смогу уточнить.

— Русским сообщить не забудь, — поморщился Эрнст.

— У русских на вражеской территории находятся подразделения, у Вальдхаузенев и у Церингенов. Сейчас они будут решать по поводу их вывода оттуда, однако я уже запросил возможность организовать в местах их размещения точек сбора лояльных нам волшебников, чтобы вместе с русскими отойти на подконтрольные нам территории.

— В Вестфалию, как я понимаю?

— Да, — Виктор кивнул, — Анна оповещена, но, к сожалению, пока не дала ответа. Как, впрочем, и русские.

— Если Анна в сложившейся ситуации предаст, нас перемолят, — задумчиво произнёс Вильгельм, — Что-то ещё?

— В Баден-Вюртемберге по оперативной информации сейчас происходит ничего, даже ополчение не собирают, — улыбнулся Шваниц, — Так что этот белокрысый змеёныш сколько угодно может писать о поддержке тамошних волшебников, они пока его самого не

поддерживают. Ну, а из Баварии поступила странная информация о том, что и Альбрехт Баварский созвал ополчение по вассальным клятвам, и такое же ополчение созвала Августа фон Вальдбург.

— Пожалуй, если Августа вцепится в горло Альбрехту, я буду только за. Вальдхаузен, оставшиеся без помощи Виттельсбахов, долго не протянут.

— Если на их стороне открыто не выступят англичане с американцами, — заметила Марта.

— Ну, это было ожидаемо, — пожал плечами Канцлер, — Мы все знали, на что идём, — он вызвал домовика и сказал ему, когда тот появился, — Сообщи Кристине Фавр де Поль, что мне нужно с ней встретиться в свете произошедших событий, — эльф кивнул и с хлопком исчез, а Вильгельм посмотрел на собравшихся, — Марта, форсируй получение ответа от русских на наш вчерашний запрос. Я понимаю, что он был направлен через одно место, но постарайся, пожалуйста, ускорить. Этот союзник нам очень нужен, — женщина в ответ на это кивнула, — Кроме того, свяжись с Хакимом, нам нужны условия выхода из тюрьмы для пленных Энцо Ламбера, Поля Готье и Рихарда Мольтке, особенно для Рихарда, он всё-таки наш соотечественник, мракоборец и чистокровный. Нехорошо получится, если мы его забудем в турецкой тюрьме.

Шваниц мрачно ухмыльнулся.

— Виктор, — продолжал говорить Эрнст, — Ты организовываешь эвакуацию лояльных нам волшебников в Вестфалию, если они сами не смогут перебраться на нашу территорию, — на этих словах мракоборец кивнул, — Нужно, чтобы и русские согласились на это, и Анна Эберль не предала нас.

— Из Баден-Вюртемберга также эвакуируем всех?

— Смотри по ситуации, но точно не эвакуируй всех в Байрсброн, пока что Шварцвальдский Медведь нейтрален, но перейди он на сторону наших противников, все, кто находятся в том городе, окажутся в осаде. Пробыться к ним мы, скорее всего, быстро не сможем.

— Весёлая ситуация, — протянул Мориц.

— Ну, а тебе, дорогой мой глава Мекленбургского дома, нужно будет сделать вот что, — усмехнулся Вильгельм, — Вместе с Катариной Шульц вы возьмёте всех своих милиционеров и переходите с ними во Франкфурт-на-Одере. Притом сделать это надо максимально показательно, чтобы шляхта с той стороны границы точно знала, что вы стоите там.

— Предлагаешь показательно запугать?

— В эту игру вступила Америка, так что удержать Польшу от удара нам в спину сможет только показательная акция.

— Или новый раздел, — заметил Шваниц, поставив свой стакан возле графина.

— Это к фрау Мюллер, — мрачно отозвался Эрнст, — На этом всё, алкогольный клуб для волшебников предпенсионного возраста объявляю закрытым.

— Кто у тебя следующий? — спросил мракоборец, проходя мимо него.

— Оставшиеся лояльными главы земель и главы департаментов, — ответил тот, посмотрев на фотографию британского Министра Магии.

— Эту змею нужно было душить в зародыше, — произнёс Виктор, проследив за взглядом волшебника, затем откланялся и вышел из кабинета.

****

(20 августа)

В кабинете Свята Вениаминовича окно было настежь открыто. С улицы задувало прохладным ветром, оттого, занавеска оказалась закинута на открытую раму, чтобы не парусила.

Сам Салтыков сидел на подоконнике и деловито забивал трубку. Рядом с ним расположился нюхлер, который внимательно наблюдал за волшебником и за блестящими предметами, которые тот расставил возле себя.

За столом друг напротив друга сидели Лисицын и Романов. И если глава аналитиков русской ЧВК был относительно свежим, сразу видно, что поспать ему довелось этой ночью, то у капитана ФСБ вид был под стать тому, в каких условиях он ночевал.

— Со мной уже связался Шваниц, в связи с последними политическими заявлениями отдельных германских земель, — произнёс Романов, переведя взгляд с фсбшника на начальника.

— Как ты интересно перефразировал то, что у них с утра пол-Германии отвалилось, — усмехнулся и огладил бороду тот.

— Если мне не изменяет память, два ваших подразделения оказались на враждебной территории: в Пфальце и в Шварцвальде? — Лисицын зевнул и спешно прикрыл рот кулаком.

— Ну, вон Миша утверждает, что в Шварцвальде безопасно, там пока ничего не происходит. И Виктор Церинген вообще чуть ли не сохранил лояльность Берлину, — Свят Вениаминович продолжал снаряжать трубку.

— Немцы хотят, чтобы в Пфальце в нашем расположении смогли сконцентрироваться лояльные Берлину волшебники и вместе с нами отойти в Вестфалию, — кивнул Романов.

— Не знал, что мы собираемся в Вестфалию, — пожал плечами глава русской ЧВК, изучающе посмотрев на трубку, потом потянулся за зажигалкой, погрозив перед этим пальцем нюхлеру.

— Свят Вениаминович, мне кажется, или Вас что-то гложет в эту чудесное утро? — голос Лисицына был максимально доброжелательным.

— Какой проницательный лис попался, — Салтыков раскуривал трубку, — Сейчас Эдик зайдёт, и расскажет, что же меня там гложет.

Дверь и правда через пару мгновений раскрылась, и на пороге появился Малыш Эдди. Он немного замешкался, оглядывая собравшихся. Заметив нюхлера, который им, правда, даже не заинтересовался, чуть расслабился и прошёл к столу.

— Незнакомый тебе волшебник за столом, Эдди, это капитан ФСБ Иван Лисицын, — прогудел Свят Вениаминович, — Любить и жаловать не прошу. Формально он прибыл сюда по душу Игната Кондратьевича.

— А что Игнат Кондратьевич совершил? — Рихтер поздоровался с сидевшими за столом и присел рядом с Михаилом.

— Отправил в страну вечных гурий одного турка, — глава УС посмотрел в окно на пустой плац и бегущие высоко над ним по голубому небу облака.

— Трех, если быть точным, — скромно улыбнулся Лисицын.

— Это сразу после взрыва в офисе? — Эдик обвёл взглядом собравшихся.

— Угу, — мрачно кивнул Салтыков и повернулся к столу, — Рассказывай, только с самого начала. Эти двое пока не в курсе из-за чего я такой хмурый.

— С утра меня разбудил звонок из нашего консульства, — юноша начал расстёгивать папку, с которой зашёл, и вынимать оттуда распечатки фотографий, — После тысячи

извинений они попросили меня к ним заехать, как представителя WarConsulting, — он пододвинул фотографию корабля Лисицыну и такой же показал Романову, — Сегодня утром в порт Гамбурга зашёл небольшой корабль, принадлежащий ЧВК Великобритании RedLine. пару лет назад собранные ребята, продолжатели славных традиций подонков и ублюдков из “Кини Мини”. Собственно часть их старших как раз оттуда. Консул хотел узнать, имеется ли у нас с ними конфликт интересов, и не выльется ли это в международный скандал?

— Мирянский консул что ли? — Иван внимательно посмотрел на него.

— А? — задумался Эдди, затем кивнул, — Да, мирянский. Собственно он, как я понял, запросил консультации по своим каналам, но пока что просил в случае отсутствия конфликта интересов, не обострять.

— Иван, тебе слово, — Салтыков раскурил трубку, — Эдику может показаться, что ты здесь за Куприяновым, но мы же все всё понимаем.

— А мне, что тому консулу, потребуются консультации с руководством, — фсбшник задумчиво смотрел на фотографию, — Я сюда приехал разбираться с Аненербе, в итоге умудрился за первые сутки убить ракшаса[5], повстречаться с маридом и посмотреть на сумрачные творения тевтонского гения в виде магических вундерваффе, выжигающих и обычный мир и Мир Духов, — он поднял взгляд на Рихтера, — Но вот про этих ребят я вообще не в курсе, и боюсь, здесь мои полномочия всё.

— Бросаешь нас, значит, — задумчиво пыхнул трубкой Свят Вениаминович, — Значит так, — он спустился с подоконника на пол и повёл могучими плечами, разминая их, — У нас есть заказчик, заказчик хочет, чтобы мы собрали людей и перебазировались, значит в Пфальце так и поступим, нужно до вечера проработать путь отхода, чтобы за ночь подготовиться и с утра выйти. Что до Шварцвальда, им нужно сообщить, чтобы готовились к экстренному отходу, но пока ничего не предпринимали, — его взгляд опустился на Рихтера, — Свяжись с этими британцами, разузнай. Если надо, свяжись с Гамбургом. К вечеру нужно знать, сколько их, их возможности и намерения. Правду тебе всё равно никто не скажет, но так хоть посмотрим, как они врут. Что до Кведлинбургского аббатства и этих фашистов недобитых, — Салтыков взглянул на Лисицына, — Спасибо тебе, Иван Тимофеевич, за информацию, но делать с ней мы пока ничего не будем.

— На другое и не рассчитывал, — пожал плечами тот, — Но бросать вас в неведении не стал.

— За это и спасибо, — кивнул Салтыков и пыхнул трубкой, — Работаем дальше, чего ещё остаётся? — он задумался на несколько секунд, — Миша, запроси-ка у Шваница возможность добросить наши силы в точки эвакуации, и вообще пусть развёрнуто ответит, что он от нас нынче хочет? А то времена у него смутные наступили, каждый боец должен быть на счету.

— Будет сделано, я поговорю с ним, — Романов кивнул.

1 — Рюрик — согласно русским летописям и кормчим книгам, варяг, правитель Северо-Западной Руси, новгородский князь и родоначальник русской княжеской, ставшей впоследствии царской, династии Рюриковичей.

2 — Всеслав Брючиславич — князь полоцкий в течение 57 лет. Остался фольклоре, как богатырь и чародей, способный оборачиваться зверем.

3 — Сектумсемпра — заклятье, рассекающее объект, на который направлено.

4 — Фултонская речь была произнесена 5 марта 1946 года Уинстоном Черчиллем в

Вестминстерском колледже в Фултоне, штат Миссури, США, считается сигналом для начала холодной войны.

5 — Ракшасы — демоны-людоеды и злые духи в индуизме и буддизме.

Глава XIII. Байрсброн

(20 августа)

— Я успел почитать утреннюю прессу и, как понимаю, твоё руководство, Вольфганг, подняло мятеж против наших заказчиков?

— Игнат, я прекрасно понимаю, что ты думаешь, но нет, моё руководство умнее, оно не подняло мятеж, оно ждёт, что будет дальше.

Байрсброн был самым крупным магическим поселением на территории Германии. Небольшой шварцвальдский городок, словно бы вышедший из сказки Вильгельма Гауфа[1] да там и оставшийся. Он располагался прямо рядом с кайнцауберским Байрсброном, хотя рядом — не совсем корректное сравнение. Просто-напросто немецкие волшебники построили свои дома прямо в продолжение обычной городской улицы и остались там жить. Специальное заклинание, предназначенное для многочисленных кайнцауберских туристов, даже не отводило глаза, оно просто делало цауберскую улицу ничем не примечательной скучной городской улицей, где вообще никому ничего не казалось интересным. А тех волшебников, что оказывались на ней в виду незадачливого туриста — самыми обычными городскими жителями, настолько невзрачными, что даже фотограф, который путешествует ради материала про типичных людей, не обратит на них внимания.

Так до сих пор и живёт город, который можно увидеть только когда сам этого захочет — секрет, на самом деле, очень прост, заклинание не действует на волшебников.

Кайнцауберский Байрсброн сильно разросся за время от своего основания и уже не был похож на ту неприметную деревушку, окружённую тёмным лесом. Уже и леса вовсе никакого не осталось, но память этих мест хранила многое.

Когда-то все знали, что если какой человек путешествует по Швабии, тот никогда не должен забывать хоть ненадолго заглянуть в Шварцвальд. Не из-за деревьев, хотя не всюду тогда можно было обнаружить столь неисчислимое количество великолепных огромных елей, но из-за людей, которые поразительно отличаются от остального окружного населения. Они выше обыкновенного роста, широкоплечие, с крепкими мускулами. И причиной этому является не что иное, как укрепляющий аромат, струящийся от елей по утрам, который награждал их в юности более здоровыми легкими, ясными глазами и характером, твердым и мужественным, хотя, быть может, и более грубым, чем у жителей речных долин и равнин. Они резко отличались от живущих не в лесу не только осанкой и ростом, но также обычаями и одеждой. Лучше всех в те далёкие времена одевались обитатели баденского Шварцвальда. Мужчины отпускали бороды, как они росли от природы. Черные кафтаны, широчайшие, необъятные шаровары и остроконечные шляпы с широкими полями придавали им некоторую своеобразность, но вместе с тем серьезность и почтенность. Там люди обыкновенно занимались выделкой стекла, а также изготавливали часы и снабжали ими известную половину мира.

Но это было давно, кайнцауберы давно уже отстранились от своей сказочности и близости к магическому миру. Странно, но отчего-то именно в этой части Германии магия для простого крестьянина или ремесленника была делом обычным: семья соседа Ганса занимается чародейством? Да, ну и что? Вчера Ганс вылечил моих свиней, а сегодня спас мою дочку от какого-то дикого зверя, пожалуй, сегодня принесу ему пива, что хорошо у меня уродилось зимой.

Аналог Статута о Секретности в рамках Германской Магической Империи пришёл в эти места лишь в конце девятнадцатого века, в то же самое время, когда во всеуслышание о себе заявила техномагия, провозгласив союз цауберов и кайнцауберов, которому не страшны никакие преграды, и который сможет справиться с любыми трудностями.

Сейчас уже много воды утекло, но цауберский Байрсброн по-прежнему оставался, во-первых, крупнейшим городом Магической Германии, а во-вторых, основным местом изучения магических тварей Шварцальда — тёмный лес Южной Германии по-прежнему хранил множество тайн и опасных зверей, не описанных официальной кайнцауберской наукой, а потому в магическом мире должно было оставаться место для его изучения. Этим местом и был Байрсброн.

— Ну, мы такой привилегией не обладаем, — Игнат Кондратьевич Куприянов, глава консультационного отдела WarConsulting, лысый сухощавый мужчина среднего возраста, расплылся в улыбке и отпил чай, — В связи с действиями некоторых немецких волшебников, мы будем вынуждены уйти из этого городка, — он повёл плечами и размял шею.

— Прискорбно, наши полуденные чаепития мне уже стали нравятся, — его собеседник, Вольфганг Рейн, член совета волшебников Байрсброна и глава Шварцвальдского Института Магозоологии, высокий сухонький старик с полностью седой головой, покачал головой и поставил свою чашку на блюде.

— Вас направили заговаривать зубы преступнику, чтобы он не принёс проблем, — рассмеялся русский, развёл руки в стороны и потянулся.

— Мне рекомендовали Вас, как преступника с тягой к справедливости, — пожал плечами немец, — Но я увидел вполне просвещённого человека, идущего в ногу со временем. Опять же сведущего в разведении волшебных тварей.

— Я не специально.

— Признаюсь, мною владел стереотип о русских, как о народе вследствие определённых потрясений более отсталом, но повторюсь, Ваши познания меня приятно удивили, — Вольфганг аккуратно взял свою чашку, обнаружил там остатки чая и допил их.

— Ну, я рад, что простой наёмник смог удивить учёного, — Игнат лукаво улыбнулся и отпил свой чай, — Вас проводить?

— Как всегда, — старик кивнул и неспеша поднялся, — До Вашего бронетранспортёра, а дальше уж я дойду сам.

— Признайте, Вольфганг, — русский легко поднялся на ноги, — Вам просто нравится русская военная техника.

— Она красивая, — тот кивнул, направляясь к двери, — Но наши кайнцауберы умеют делать не хуже.

Они прошли мимо дежурного бойца в камуфляже на входе, который поднялся с со стула, улыбнулся и кивнул уходящим. Дверь скрипнула, впуская тёплый летний воздух. Двое волшебников остановились на крыльце, щурясь на яркое солнце.

Перед крепким двухэтажным каменным домом, в котором расположился штаб WarConsulting, был большой палисадник, засаженный ярко-фиолетовыми цветами. Забор из камня и резной решётки, увитой плющом, отделял его от главной улицы Байрсброна. Возле высоких ворот с прусским орлом курило двое русских — охрана штаба ожидала возвращения патруля, чтобы самим отправиться в обход. Неподалёку от них по эту сторону забора стоял бронетранспортёр, повернувший свой пулемёт на улицу совсем рядом с развесистым дубом, по крепким ветвям которого с некой долей сноровки даже можно было перелезть через

ограду.

— Уезжаете к вечеру? — в голове Вольфганга появились грустные ноты, пока они шли по мощёной дорожке к воротам.

— Разберёмся, — пожал плечами Игнат, идя рядом с собеседником, — Справитесь без нас?

— Двоих дункельхайткемферов должно хватить, — улыбнулся немец, — Раньше же хватало.

— Раньше половина Германии не выступала против нового Канцлера.

— Когда-то половина Германии выступала против самого императора, — старик обернулся к собеседнику, когда они поравнялись с караульными, которые подобрались и вытянулись по струнке.

— Это закончилось тридцатью годами войны и сожжением Германии, — Куприянов скептически посмотрел на него, — А может, опыт предков не стоит повторять?

Вольфганг засмеялся и сделал шаг за ворота, но остановился, прислушавшись. Издали донёлся непонятный шум, похожий на очень громкое стрекотание. Или же словно рядом образовалась крупная стройка, на которой очень-очень быстро начали забивать сваи. Ещё к этому звуку примешивался рёв моторов, словно где-то там за краем видимости мощный джип пытался одолеть крутую горку.

Рейн нахмурился и обменялся удивлёнными взглядами с Куприяновым. Русский же сразу нажал на рацию, висевшую у него на груди:

— Ермак Змею, поднимай вторую команду.

— Не понял, — раздалось в рации.

— На улице звучат выстрелы, стреляющих не видно, поднимай вторую команду, свяжись с патрулём.

— Теперь понял, отбой.

Немец поиграл желваками и кивнул русскому, когда тот договорил, краем глаза заметив, как посерьёзнили русские караульные, без команды сняв с плечей автоматы:

— Что происходит?

— Предупредите мракоборцев, пожалуйста, и медиков, — Игнат прошёл мимо него и встал на дороге, оглядывая улицу.

Вперёд от ворот уходила широкая городская улица. Мощёная булыжником мостовая, в которую по бокам упирались ограды каменных одно- и двухэтажных домов. Поодаль играли дети, которые тоже слышали странные звуки и обернулись на них. Домах в пяти от них, где дорога сворачивала вправо, неспешно прогуливалась пожилая пара, и они тоже остановились, пытаясь понять, природу услышанного.

По правую руку от Куприянова уходила такая же мостовая, расширяясь в небольшую площадь, на которой стояла каменная кирха и рядом с ней — приземистое здание местной больницы. В этой больнице во флигеле располагалось местное отделение служащих Магического Правопорядка. Перед воротами, точно также, как глава русских наёмников, замер с кружкой в руке мужчина в красной мантии.

— О чём предупредить, Игнат? — немец поравнялся с русским, и тут из-за поворота улицы, неподалёку от пожилой пары, вывернул белый пикап. Надрывно рыча мотором, заложил крутой поворот и начал набирать скорость по направлению к дому WarConsulting. В его кузове был закреплён пулемёт, за которым во весь рост стоял человек в чёрном с замотанным тряпками лицом.

Следом вывернул чёрный джип, а за ним — ещё один. Пожилые немцы шарахнулись от них в сторону дома, и тут же раздались выстрелы. Полыхнуло из окон одного из джипов, немец потянул за себя свою спутницу, вставая перед ней, и тут же запнулся, хватаясь за грудь.

Пулемётчик из пикапа открыл огонь в сторону русских, пули попали в камни забора, выбив из кирпичей пыль. Вольфганг всплеснул руками, пытаясь что-то закричать, но его перехватили поперёк туловища — Игнат Кондратьевич повалил немца и вместе с ним упал внутри ворот, когда пули попали в арку возле них.

Один из караульных отбежал чуть в сторону, просунув свой автомат в ограду забора, второй же встал на колени, укрываясь за каменным столбом. Автоматчины резво набирали скорость, грохоча по мостовой.

Дети, игравшие у своего дома, ринулись за ворота, вслед им из первого джипа полыхнули выстрелы. Белокурая девочка с косичками, бежавшая последней, запнулась и распласталась на земле.

— Змей Ермаку. Змей Ермаку, — заговорила рация Куприянова, — Патруль ведёт бой, прижаты огнём, Стикс двухсотый, Паскаль трёхсотый.

— Змей принял, — прорычал Игнат в рацию, отгаскивая сучащего руками немца за ограду.

На втором этаже дома распахнулось окно, в него выставили пулемёт, который тотчас заговорил в ответ на выстрелы из пикапа, а от крыльца уже бежали два бойца ВС к бтру.

Пикап вильнул на дороге и развернулся поперёк улицы, получив несколько попаданий в борт. Пулемётчик замешкался на мгновение, выбирая цель, прекратил стрелять — его подстрелили, и он свалился назад. Сидевший до этого рядом с ним ещё один мужчина встал во весь рост с гранатомётом на плече.

— Граната! — закричал караульный, укрывшийся за оградой забора. В тот же миг в сторону русских полетел снаряд. Прочертив пыльную полосу в воздухе, он влетел в стену дома под одним из закрытых окон и взорвался. Фонтан разбитого стекла окатил палисадник. Два джипа остановились рядом с пикапом и оттуда вывалились люди в чёрном, кто с замотанными тряпками лицом, кто в балаклаве, и залегли на дороге.

— Ермак Змею! — закричал Игнат, нажав на рацию.

Взревел моторами бронетранспортёр, подался назад и шевельнул пулемётами, наводясь на цель. Нападавшие открыли огонь, заставив русских укрыться за забором. Ещё одна ракета понеслась в их сторону и врезалась в борт бронемшины, та дёрнулась, словно от боли, но упрямо продолжила выезжать на более удобную позицию.

Боец с позывным Апач, что укрывался за воротной колонной, выглянул из-за неё и выстрелил из подствольного гранатомёта. Граната прошла чуть выше пикапа и разорвалась где-то позади. Со стороны джипов поднялось трое мужчин с гранатомётами.

— Ермак Змею! Ермак Змею, твою мать! — кричал в рацию Куприянов, но она безмолвно молчала, не желая даже включаться.

— Игнат Кондратьевич, — произнёс боец с позывным Литвин, не отрываясь от стрельбы через решётку, — Они, походу, ЭМИ[2] в нас засадили, сейчас заметил, даже браслет не включается.

— Граната! — закричал Апач со стороны ворот, получил пулю в бедро и завалился на бок.

Игнат Кондратьевич рванул к нему, подхватил на руки, утаскивая за колонну —

вражеские пули из неё уже выбивали пыль. Один снаряд попал в стену дома, выбив оставшиеся стёкла. Второй влетел в окно второго этажа рядом с пулемётным расчётом — взрывом смело пулемётчика, оружие замолчало и выпало из окна.

Третий гранатомётчик мешкал, выбирая цель, и тут заговорили спаренные пулемёты на бронетранспортёре. Нападавший что-то выкрикнул, опуская гранатомёт, и тут же был сражён очередью — пули прошли и его, и джип, стоявший рядом. Падая, мужчина нажал на спуск своего оружия и выстрел прозвучал. Граната попала в дверцу автомобиля и взорвалась, разметав всех вокруг, а сам джип подбросив и уронив на бок. От взрывной волны пикап двинулся дальше, наехав на стрелка, что лежал перед ним.

Дверь русского штаба распахнулась, когда к ней рванул Куприянов, таща Апача на собой. На пороге, пригибаясь, показался боец с позывным Ермак, который раньше сидел за столом на входе. Он помог втащить раненого внутрь и передал автомат своему командиру:

— Электроника погасла, мы без связи! — пули ударились о камень сверху крыльца, заставив бойца пригнуться.

— Что по нашим?! — в шуме боя Игнату приходилось кричать.

— Два трёхсотых на втором этаже, сейчас Апача перевяжем, — наёмник отвечал ему в тон.

— Перевязывайте, и выходим под бронёй! Грузим раненых и патроны, — Куприянов махнул в сторону бронетранспортёра. Боец кивнул ему в ответ и скрылся внутри.

Огонь противника ослаб, нападавшие пытались вжаться в булыжную мостовую или укрыться за изрешечённым транспортом от огня русской бронемашины.

Глава наёмников подбежал к Вольфгангу и Литвину, перекидывая автомат и целясь сквозь решётку:

— Будем выбираться, добеги до бэтэра, скажи, чтобы заводились и выезжали, — потом обернулся к волшебнику и добавил по-немецки, кивая на своего подчинённого, — Держись за ним, будем выходить.

Вольфганг не стал задавать вопросов, он лишь согласно кивнул и с прытью, не свойственной его возрасту, направился вслед за Литвином. Сам же глава русских присел у забора, просунув ствол в решётку.

Он видел, как посреди улицы лежал на боку джип, возле которого не шевелилось несколько тел. С одного бока от них стоял, дымясь, пикап, за которым прятались люди, которые уже перестали пытаться стрелять. Станковый пулемёт в его кузове безмолвно смотрел в сторону русских. Ещё один чёрный джип, также без всех стёкол, осел на пробитых колёсах, накренившись на бок, и за ним тоже укрывались нападавшие.

Замолчали русские пулемёты, а в голове Игната Кондратьевича успело появиться множество вопросов, основным из которых был, а кто же эти люди, что сейчас спешно укрывались за автомашинами? Логичным представлялся ответ, что это кто-то из тех, кто поднял восстание против нового Канцлера, но почему тогда они так безумно напоминали ему каких-то арабских моджахедов?

Улица буквально замерла, только что кипел бой, но уже всё стихло, и казалось, что стоит лишь пошевелиться, ты навлечёшь на себя гнев русского оружия, стеной вставшего на пути опасной банды.

Издали снова донеслись выстрелы, а Куприянова услышал слова какого-то ближневосточного языка — выжившие переговаривались, видимо, решая, как быть дальше.

Взревел мотор бронетранспортёра, массивная машина аккуратно двинулась задом,

выворачивая к крыльцу. Глава наёмников отпрянул, становясь спиной к столбу и пропуская закованную в броню машину. Пока тишина, можем загрузиться, только вот куда бежать? Совсем из города — не вариант, во-первых, контракт никто не отменял. А во-вторых, бросать мирных жителей, когда к ним пришла кровожадная банда, кто вообще на такое пойдёт?

БТР натужно рычал, но всё же аккуратно подъезжал к крыльцу. За ним, держась за бортом, следовали Литвин и Вольфганг Рейн. Уходить надо, это точно, но уходить к союзникам. А единственными союзниками тут казались мракоборцы Шваница. Куприянов не питал пиетета к их заказчику, однако формально на его людей можно было полагаться. Рядом была больница, в целом, там достаточно крепкое каменное здание, можно попробовать прорваться к ним, и укрепиться там.

От этих мыслей у Игната ёкнуло сердце, он вспомнил историю простого русского городка Будённовск на северокавказском Ставрополье. Уж слишком сильна была аналогия: такой же небольшой город, такая же кровожадная банда, напавшая на него. Жаль, что у тех людей не было десятка наёмников, которые могли укрыться в больнице и организовать там оборону.

Он аккуратно выглянул из-за воротной колонны и занял позицию. Активного движения у противника не наблюдалось, если что там и делали, то только переговаривались на своём непонятном наречии. Бронетранспортёр же успел подъехать к крыльцу, раскрыть кормовые люки, куда уже занесли раненого Апача и теперь загружали ящики с боеприпасами. Интересно, а сколько осталось выстрелов у пулемётов нашей бронемашины? Ответа на этот вопрос Игнат Кондратьевич не знал, к своему глубочайшему стыду.

— Куда двигаемся? — голос Ермака отвлек его от раздумий и молчаливой улицы.

— В больницу! Броня вперёд, потом направо, — Куприянов не повернул головы на подчинённого, наблюдая в прицел разбитые автомашины, — Мы следом, затем под прикрытием корпуса. Едем до больницы. Организуем там опорный пункт.

— А если они не захотят? — чуть встревоженно произнёс наёмник.

— Выполняй приказ.

— Так точно, виноват, — рука Ермака непроизвольно потянулась к виску, на что его начальник даже успел усмехнуться, — Будет исполнено.

— Я ухожу последним, выполнять.

У пикапа показалось шевеление, глава консультационного отдела WarConsulting всадил туда три пули — шевеление прекратилось.

Приказ о выводе подразделения был получен всего полчаса назад, потому никто, естественно, подготовиться не успел. С другой стороны дома КАМАЗ так и остался стоять незагруженным, а всё, что сейчас грузили в БТР — надолго ли этого хватит? Хотя, если он правильно помнил, боекомплект группы в Байрсбронне не был рассчитан на ведение затяжных боёв.

До слуха Куприянова донёсся детский плач и женские причитания. Чёрные фигуры аккуратно начали отходить назад, пытаясь держаться позади разбитой техники. Где-то за ними маячила стоящая на коленях пожилая волшебника, кричащая над телом своего спутника.

А ещё откуда-то слышались автоматные очереди — магический Байрсброн небольшой, всего три параллельные улицы, их патруль обходил за полчаса, а значит где-то неподалёку кипел нешуточный бой. Это же явно наши, может, стоит к ним на прорыв идти? Нет, сил

было слишком мало, активных штыков осталось пятеро, не считая его самого. Таким составом не то, чтобы идти на помощь кому-то, но даже перемещаться от штаба до больницы, которая была вообще-то в двух домах дальше по улице, было не слишком хорошей идеей. А если с параллельной улицы на площадь выскочит ещё одна группа боевиков?

Над домами на соседней улице полыхнул взрыв, и звуки выстрелов резко оборвались. И после раздался громкий звук мотора.

— Мать твою! — глава русских сплюнул и обернулся, у крыльца уже завёлся их бтр, а возле него встали Литвин, Ермак и их медик с позывным Склиф, — У нас гости на соседней улице.

— Встретим на марше, — Ермак кивнул и обернулся к стоявшим рядом, — Выходим чётко позади, как повернёт направо, идём за бронёй. Литвин, как повернём, выдвигайся вперёд, надо посмотреть, будут ли гости.

— Принял, — кивнул высокий белокожий боец.

Говоривший повернулся на командира, тот коротко кивнул и махнул водителю бронетранспортёра. Машина дёрнулась и покатила к воротам, громко зарычав.

Игнат обернулся на улицу, там всё было спокойно, лишь с противоположного конца задул горячий ветер. Мимо него проехала бронемашина, еле-еле поместившись в проём ворот. На улице она вырулила вправо, снеся задом часть ворот, и остановилась ожидая отставших наёмников.

Всех перегнал Литвин, и, пригибаясь к земле, двинулся вдоль забора в сторону площади. Со своего места уже все видели, что на площади началось какое-то движение. Не до конца было понятно, что именно происходит, но за ту минуту, как они простояли под прикрытием брони перед воротами своего штаба, стало понятно — через там время от времени перебегают люди, чтобы укрыться в больнице. У ворот стояло два волшебника в красных мантиях с волшебными палочками наголо и, взволнованно оглядывая площадь, пропускали всех.

Литвин сумел добраться до начала параллельной улицы и показывал оттуда знаками, что там чисто. Бтр медленно двинулся вперёд, за его силуэтом по-прежнему старались держаться вооружённые русские. Словно бы не опасаясь ничего, с улицы, за которой следил Литвин, в полный рост прошли два мужчины, которые тащили под руки третьего, пузатого, у которого на боку рубашки растекалось бурое пятно.

Куприянов двинулся быстрее, подгоняя остальных, за ним ускорила и машина, уже через полминуты они оказались у ворот лечебницы.

— Что здесь происходит? — Курт Майер, мракоборец средних лет кивнул своей коллеге, которая направилась в сторону приёмного покоя, а сам развернулся к русским.

— Знаем не больше вашего, — Игнат Кондратьевич махнул рукой своим выгружать боекомплект и раненого Апача.

Из кузова бронемшины самостоятельно выбрался Вольфганг Рейн и с вызовом спросил мракоборца:

— А у вас что происходит?

— Банда турок ворвалась в Байрсброн, — мрачно ответил тот, с опаской поглядывая на площадь, через которую продолжали тянуться люди, — Несколько десятков раненых, по крайней мере трое убито из жителей.

— У нас трое раненых, двое в патруле погибло, — произнёс Куприянов, на его слова немец в красной мантии кивнул.

— Кто-то сказал, что три джипа вывернули со стороны кайнцауберского Байрсбронна и наткнулись прямо на патруль и начали стрелять. Те приняли бой. Раненых несите к медикам.

— Думаю, те, от кого мы отбились, это не вся банда, и они подождут, пока все раненые дойдут до больницы, — русский кивнул на здание.

— Зачем им это? — на него непонимающе посмотрел мракоборец.

— Потому что так заложники своими ногами дойдут до больницы.

— Курт, без русских у нас нет шансов отбиться, вы сообщили в Берлин? — старый Вольфганг был взволнован.

— В Штутгарт и Берлин улетели совы, его собеседник кивнул.

— Проводите меня в совятню, пожалуйста, — сказал Куприянов, — При нападении у нас сгорела вся электроника, связи нет.

Мракоборец смерил его задумчивым взглядом, после медленно кивнул:

— Расположите своих людей по периметру, я помогу открыть ворота, чтобы вашу машину загнать внутрь.

— Ермак, загоняйте бэтэр внутрь, расположите в том углу, — Куприянов указал рукой на дальний от церкви угол, где сплошной двухметровый забор смыкался с резной оградой, выходящей на площадь, увитой хмелем. Затем кивнул на противоположный угол, — Сам с Литвином расположитесь там. Склиф пусть будет в лечебнице, — русский повернулся к цауберу в красном, — Герр Майер, он медик, он сможет помочь раненым.

Мракоборец на мгновение задумался, затем кивнул:

— Мы можем вытащить несколько деревянных кроватей, чтобы вашу позицию укрепить, останетесь со мной у входа?

— Да, отлично, только мне нужно написать письмо нашим в Берлин.

— Игнат, я Вас провожу, — Вольфганг взял под руку русского и потянул к офису Магического Правопорядка, но остановился, когда до них донеслись новые звуки стрельбы.

Откуда-то со стороны дальней от них улицы слышались беспорядочные выстрелы, а после в городе раздался взрыв и поднялся столб чёрного дыма.

Курт сжал зубы и сделал шаг к воротам, но его остановил Игнат:

— Герр Майер, у нас нет сил, чтобы идти туда, если пойдём, у раненых в больнице не будет шансов отбиться.

Тот тяжело вздохнул и кивнул.

Следующие полчаса прошли под звуки редкой стрельбы из города.

Раненых, что приходили к больнице, становилось всё меньше, но те, кто дошёл, рассказывали, что замотанные в тряпки люди не только продолжили разъезжать по улицам, но и ворвались в школу, в которой шли занятия — подготовительный класс для тех, кому ещё не исполнилось одиннадцать лет. Одна раненая женщина говорила, что видела, как оттуда выводили детей, а после подожгли само здание.

Тем временем улицы затянул дым пожара, который ветром сносило к площади.

— А русские что, за нас? — спросил молодой волшебник, который привёл раненую мать и сейчас разглядывал, как бойцы оборудуют огневые точки, — В газете написали, что они за тех, кто в Берлине захватил власть, а мы против них.

Он осёкся, глядя на хмурое лицо Курта Майера, стоявшего у ворот с Игнатом Кондратьевичем.

— Сам-то как думаешь? — с нескрываемым раздражением произнёс мракоборец.

— Никак, — юноша помотал головой и выпалил, — У меня маму подстрелили эти уроды!

И в ту же секунду на площадь с дальней улицы вырулило два пикапа: один с пулемётом в кузове, а второй — с пушкой. Остановились метрах в двадцати от угла со стороны бтра и открыли огонь.

Снаряд из пушки прилетел в ограду между ним и воротами, вывернув железные пруты и подняв столб пыли. Курт распластался на земле, уронив под себя молодого волшебника. Игнат присел у каменного столба, в который попала пулемётная очередь. Замешкавшиеся на площади две пожилые немки, закричали и повалились на камни мостовой. Пулемёты бронетранспортёра дали короткую очередь в ответ, попав в дверь и колёса пикапа, с которого велась стрельба, которая тут же затихла. Зато в ответ ударила пушка. Снаряд попал в столб в углу забора, засыпав бронемашину осколками камня.

Салман, водитель бтра, засел сзади своей машины, выставив автомат в увитую хмелем ограду и открыл огонь, ему вторил стрелок на спаренных пулемётах. Нападавшие дали ещё одну очередь, но стрелка срезало точным попаданием, зато успела снова выстрелить пушка, попав в позицию Салмана. Куприянов высунулся из-за столба и сделал три выстрела, после ещё три, попав в стрелка. Тот дёрнулся и упал за свой автомобиль. С десятков противников залегли за пикапами и открыли беспорядочный огонь, заставив русских спрятаться за своими укреплениями.

Огонь бтра затих, пули стучали по броне, по камням ограды, звенели, попадая в металл решётки и шелестели сбиваемыми листьями хмеля. Когда выстрелы смолкли, Куприянов снова высунулся, быстро прицелился и выстрелил из подствольного гранатомёта. Удачным попаданием подбил пикап с пулемётом в кузове, зад того подбросило, а затем машина упала на бок, судя по крикам, на нескольких нападавших.

Двое мужчин с автоматами в чёрной униформе попытались пригнувшись пробежать ближе к центру площади, но были скошены выстрелами Ермака и Литвина, с позиции которых стало удобнее вести огонь.

Выживший пикап завёлся и стал пятится задом, и тут снова заговорили пулемёты русской бронемшины, поразив водителя. Автомобиль стал неуправляемым и поехал дальше сам. Двое из оставшихся на площади мужчин открыли огонь, прикрывая отход остальных и вынудив русских снова укрыться. Однако этот огонь быстро подавил русский наёмник с позывным Ветер, сидевший в башне бтра. Теперь уже в отступающих полетели пули троих оставшихся защитников больницы. Курт же с молодым волшебником подняли Салмана из под камней, тот был без сознания, но живой, и быстро унесли его в лечебницу.

— Сколько их было? — крикнул Ермак со своей позиции.

— Не меньше десятка, — ему ответил Игнат, разглядывая площадь в прицел своего автомата, — Вроде никто не ушёл.

В городе раздался ещё взрыв, и поднялся столб дыма, теперь с улицы, на которой стоял штаб русских наёмников.

— Сколько же там их? — произнёс сквозь зубы Литвин.

— На всех хватит, — мрачно отозвался Ермак, глядя на ближайшую к ним улицу, — Там движение!

На улице, ближайшей к их позиции, показались несколько микроавтобусов, перед которыми шли люди. Поначалу было непонятно, что это за толпа, но по мере приближения тех к площади русские увидели, что группа впереди — это примерно с десятков детей разного

возраста, которых с боков подпирали автоматчики в чалмах, но без масок. С их бородатых лиц не сходили торжествующие улыбки.

— Твари! — вырвалось у Ермака.

— Знают, что снайперов у нас нет, — сплюнул Литвин.

— Не стрелять, пусть подходят! — крикнул Куприянов, хотя сам понимал, что при таком “живом щите”, ни о каких выстрелах с их стороны не может идти речи.

Тем временем толпа неспеша приближалась.

Прошло несколько минут томительного ожидания, уже можно было разглядеть заплаканные испуганные лица детей, у двух самых взрослых мальчиков виднелась кровь на лицах.

— Нелюди, — на скулах Литвина заиграли желваки.

Горячий сухой ветер налетел со стороны толпы, подняв в воздух пыль. Запах гари стал сильнее. Из-за забора, который отделял больничный двор от двора церкви раздались крики на немецком, и через несколько мгновений русские увидели, как оттуда в сторону приближающихся людей выбежало двое священнослужителей в сутанах.

На лицах мужчин с автоматами отразилось неприкрытое удивление.

— Чёрт, он-то куда? — Курт, который сидел неподалёку от Куприянова, распрямился и сделал шаг в проём ворот.

Один из священников, более старый, остановился шагах в пяти от толпы, начал что-то кричать и размахивать руками. Слов было не разобрать, но по интонации выходило, что он призывает нападавших закончить бесчинства и отпустить детей.

— Курт, он их уговорит? — спросил Игнат, вставая рядом с немцем, тот лишь пожал плечами и поджал губы.

Из микроавтобуса вылез молодой мужчина такой же внешности, как и автоматчики, но в белой свободной одежде. Его голову покрывал белоснежный платок, ниспадающий на плечи и перехваченный обручем на макушке. Он неспеша подошёл к детям и улыбаясь что-то ответил, подняв руку с зажатыми на них чётками, а после указал этой же рукой на лечебницу. Затем учтиво поклонился, приложив руку к груди.

Священник всплеснул руками, ещё что-то произнёс в сторону толпы, а потом развернулся и двинулся к лечебнице, на ходу говоря негромко рассказывая о чём-то своему спутнику. Бородачи крикнули что-то на своём наречии и подтолкнули детей, чтобы те шли быстрее, и также направились вслед за немцами. Человек в белых одеждах ухмыльнулся и забрался обратно в микроавтобус.

— Герр Майер! — священник начал говорить шагов за десять до ворот, — Вы командуете защитниками? — он остановился метрах в пяти от ворот. Сзади к нему не спеша шли дети, подталкиваемые бородачами так, чтобы оставаться всё время перед русскими автоматчиками. Микроавтобусы нажали на газ и вывернули на площадь, встав боком к больничной ограде. Из них не спеша стали выбираться автоматчики в чёрных одеждах с замотанными лицами. К этим двум машинам добавилось ещё три пикапа: два с пулемётами остановились также боком в отдалении, но напротив позиции Литвина и Ермака. Третий, с пушкой в кузове, проехал до лежащего на боку собрата и остановился там.

Куприянов спешно пересчитывал противников, за исключением двоих, что прикрывались детьми, и троих, что остались в кузовах, их было не более трёх десятков. И стояли они сейчас на открытом месте, даже с учётом их огневой мощи — превосходные цели. Вот если бы только не толпа детей перед воротами.

— Если Вы хотите говорить с командиром, отец Андрес, то можете говорить со мной, — мракоборец на воротах заложил руки за спину под своей расстёгнутой мантией.

— Я хочу поговорить с тем, кто ответственен за все те смерти, что случились на этой площади.

— Вы с ним говорили только что, — Курт был совершенно спокоен, начав покачиваться с носка на пятку.

— Давайте положим конец этому безумию, — всплеснул руками священник, — У них же дети, вы же понимаете, что они их убьют, если вы не сложите оружие.

— Тогда что помешает им убить всех остальных? — Майер посмотрел на человека в белых одеждах, не торопясь идущего от микроавтобуса к ним.

— Я просто хочу остановить кровь, Курт, — взмолился отец Андрес, — Я не хочу, чтобы гибли дети.

— Сложите оружие, доблестные войны! — человек в белых одеждах, подойдя шагов на десять, воздел руки к небу, а затем поклонился, — Моё имя Али ибн Фарид ибн Мухаммад ибн Ахмет из рода Демир, я склоняюсь перед вами, великими витязями северной страны, и предлагаю прекратить бессмысленную вражду, — глаза Куприянова после того, как человек назвал, сузились, а ноздри гневно расширились, — Мы узрели вашу силу и не хотим более проливать кровь! Мы готовы пойти на то, что вы сложите оружие, и я обещаю, ни один волос с ваших голов не упадёт после этого. Вы будете вольны идти куда заблагорассудится.

Игнат Кондратьевич вспомнил тёплый январский день два десятка лет назад, небольшой кавказский городок Шали, осаждённая такими же моджахедами комендатура... Жаль, нет сейчас рядом тех ракетчиков, что смогли тогда на них навестись.

Он вздохнул и повёл плечами, разминая их — те моджахеды хотя бы честно им обещали море крови и огня. Глава консультационного отдела ВС повесил свой автомат на плечо и максимально беспечно заложил руки за голову, потягиваясь:

— Герр Демир, — русский начал говорить на немецком, делая шаг вперёд и становясь рядом с мракоборцем, — Нам очень лестно слышать подобные речи от предводителя таких бесстрашных воинов, не страшщихся заглянуть в глаза неизбежности, — Куприянов потянулся руками над головой, после опустил их не размыкая вниз, стараясь незаметно поддеть пальцами волшебную палочку, скрытую в рукаве, — Но твои льстивые речи это яд для глупцов.

— Зачем ты, о смелый воин, говоришь подобные слова, они ранят моё сердце, — турок коснулся рукой с чётками своей груди и чуть склонился, — Зачем порочишь ты своё имя подобными словами, твои поступки говорят о тебе, как о том, кто своими делами заслужил стать наравне с достославными аль-хафата! Но речи ты ведёшь, словно какой сын шайтана! — он всплеснул руками и ударил себя ими о бока.

— Змей заговаривает зубы песчаной гадюке, — мрачно усмехнулся Ермак и прицелился, тихо произнеся, — Ты берёшь правого, я левого.

— Принял, — так же тихо отозвался Литвин, — Как хорошо, когда ты тварь большого роста. Когда стрелять?

— Чёрт его знает, скоро...

— Что ж, в твоих словах есть правда, — Игнат вытащил палочку из рукава и уложил в ладонь, всё ещё не разжимая рук, — Мы готовы сложить оружие, — он посмотрел на удивлённого Курта, затем на шмыгающих носом детей и на торжествующих бородатых автоматчиков, а после посмотрел на Али Демира, — Но сначала ты, чтоб не прослыть сыном

шайтана, отпустишь детей.

Заскрежетала башня бтра, поворачиваясь в сторону мужчины в белом. Сидевший там боец с позывным Ветер, вряд ли слышал разговор да и вряд ли поначалу видел, что именно происходило перед воротами, однако же, теперь видел — пулемёты смотрели ровно на Демира.

Куприянов понимал, что ситуация патовая. Турок явно заговаривал им зубы, веры ему не было ни на грош, а детей он точно не собирается отпускать, однако же, пока он тут стоит такой красивый и в белом, позиции русских в безопасности — турки Демира не зря слыли профессионалами среди головорезов, они не станут стрелять, пока их командир на линии огня, но и русским стрелять точно также в него нельзя. Хотя очень хочется. Хотя он вот тут, только рукой дотянуться.

Игнат неспеша разомкнул руки, в одной из них оказалась волшебная палочка в виде длинного китайского дракона с извивающимся хвостом, а после поправил автомат на плече:

— Ну, или ты можешь отвергнуть моё условие, и тогда эти камни обагрят твоя собственная кровь.

Турок хищно улыбнулся и сложил руки на животе:

— Я не знаю твоего имени, воин.

— Зови меня... — русский взглянул на свою волшебную палочку, словно видел её впервые в жизни, а потом чуть развернувшись зычно крикнул, — Огонь!

Это было самоубийство, безумие и самоубийство. Соотношение сил нападавших к защитникам, как к 7 к 1, особенно с учётом отсутствия полноценной линии обороны, является по-сути своей безрассудной попыткой подороже продать свою жизнь. Без заботы о гражданских, без попытки вытащить детей из заложников. Сотрудники Отдела Консультирования WarConsulting владели множеством навыков, но не занимались проведением антитеррористических мероприятий. Террористов можно было расстрелять издали, либо перемолоть в лобовую, но аккуратно и изящно выбивать так, чтобы не зацепить заложников — такому наёмников не учили. Они умели сами.

Пуля Ермака попала в шею автоматчика, тот захрипел, схватился за расцветшую красным бутонем рану, и повалился на землю. Литвин успел выпустить две пули из автомата, одна угодила в лицо турка, а вторая перебила ключицу. С диким криком тот присоединился к подельнику.

Дети ринулись в сторону ворот.

Какой мог бы быть правильным ответ на вопрос: “Откуда знал Куприянов, что его подчинённые сработают быстро и чётко, обеспечив детям возможность убежать?” Только один — он этого не знал, успев похоронить всех детей в своей голове.

Ветер дал короткую очередь из спаренных пулемётов. Пули должны были превратить известного турецкого террориста в фарш, однако тот взмахнул руками, что-то крикнул и обернулся в облако песка, которое стало быстро расширяться, становясь всё чернее и чернее. Бронемашина дала ещё одну короткую очередь, пули словно бы увязли в плотной стене песка, которая резко разошлась в стороны, встав плотным занавесом между защитниками больницы и турками.

— Святой отец, отведите детей в здание! — Курт шагнул вплотную к Андресу. Тот кивнул, потом сказал своему помощнику, и они подхватили несколько самых маленьких из добравших до них детей и побежали в лечебницу.

— Назад! — Куприянов утянул Майера за ворота, пряча палочку и перехватывая

поудобнее автомат, — Сейчас начнётся.

— Герр Куприянов, Вы владеете волшебной палочкой? — удивлённо спросил мракоборец, укрывшись за соседней от русского колонной.

— Всяко бывало, — хитро ухмыльнулся его собеседник и выставил автомат в решётку ограды, — Литвин, сместись ближе к нам, сейчас песок осядет, они пойдут в атаку, Ермак, достанешь из подствольника, когда они покажутся?

— Так точно! — задорно ответил тот, понимая, что деньги, которые полагаются за эту работу, он не сможет потратить.

— Цель выбирай сам! — Игнат посмотрел на мракоборца и перешёл на немецкий, — Герр Майер, прошу проверить задний двор лечебницы, если они нас обойдут с тыла, мы ничем уже не поможем.

— Понял, — кивнул немец, — Удачи.

Он улыбнулся и быстро направился к зданию.

— Встречаем! — закричал Куприянов, видя, что чёрная туча рассеивается, а потом прошептал, — Упаси тебя Господь выяснять, что за бог с русскими...

Облако развеивалось на ветру, оседая песком на мостовую. Наёмники уже видели силуэты противников, залегших по ту сторону, на своих позициях.

— Знаешь, сколько патронов нужно, чтобы отбиться от толпы сомалийцев? — Литвин взял на прицел силуэт на одном из пикапов.

— Дохрена? — Ермак аккуратно поднялся и просунул ствол между прутьев, — Ты левый пикап, я правый?

— Ага.

Песок окончательно опал, и загрохотали выстрелы.

Ермак выстрелил из подствольного гранатомёта и резко присел, зажав плечо — под его пальцами расплылось бурое пятно. Боец опёрся спиной на массивную кровать, служившую им укреплением и попытался одной рукой вытащить бинт.

Литвин дал две небольшие очереди о спрятался за импровизированным бруствером, в который начал начал бить свинцовый град, перемальвая его в труху.

Граната прилетела в борт пикапа, тот дёрнулся, стряхнул с себя стрелка и, чуть поднявшись в воздух, упал на бок. В соседнего стрелка попало несколько пуль, тот захрипел и упал навзничь с кузова.

Громко заговорили пулемёты русского бронетранспортёра, заставляя замолчать стреляющих турок. После выстрелила пушка на уцелевшем пикапе — взрыв разметал остатки угловой колонны, вновь осыпав бтр кусками кирпичей, а после в борт бронемашине влетело ещё две ракеты. Башню заклинило, но пулемёты продолжали стрелять. Одна граната прошла выше башни и разорвалась у угла здания.

Куприянов перестал стрелять и откатился от колонны, в которую тут же врезался снаряд. В ушах зазвенело, сверху посыпались камни, рядом рикошетила пули, сверху пролетела граната и врезалась в крыльцо больницы, выбив стёкла в окнах рядом.

Сильный взрыв потряс бронетранспортёр, машину охватило пламя, пулемёты замолчали. Литвин отбежал от своей позиции и выстрелил из подствольного гранатомёта в ворота. На позициях турок прогремел взрыв. С забора, отделяющего больницу от церковного двора, соскользнуло трое человек в тёмных одеждах и обмотанных тряпками лицах. Ермак, который успел себя перевязать, схватил автомат и не целясь дал очередь в их сторону. Один из них согнулся и завалился на бок, двое распластались на земле, выхватывая своё оружие. И

тут уже Литвин дал в их сторону очередь.

— Отходим, — Куприянов пытался сесть на корточки, мотая головой, он по-прежнему плохо слышал. Затем глава консультационного отдела посмотрел на забор, у горящего бтра, через который перемахнули пятеро противников, и указал на них рукой, — Обходят.

В окне больницы показался автомат, и загрохотали выстрелы. Турки во дворе залегли и начали отстреливаться. Ермак чуть высунулся из-за укрытия и метнул гранату на улицу. Там снова грохнул взрыв. Литвин залёг на дорожке и открыл огонь по проникшему во двор противнику. Игнат Кондратьевич подобрал свой автомат присел на одно колено и оглянулся налево, в сторону ворот и позиции Ермака. И ровно в этот момент туда прилетел снаряд из пушки. То место, откуда боец успел метнуть ещё одну гранату, буквально разворотило мощным взрывом. И словно в ответ послышался разрыв у турецких позиций.

Выстрелы с улицы стихли, в проходе разломанных ворот показалось два автоматчика, Куприянов дал короткую очередь, заставив тех спрятаться за грудой камней.

— Отходим, — он тяжело выдохнул, пятясь к больничному крыльцу.

— Принял, — Литвин осторожно поднялся на корточки и начал отходить следом.

Стрельба прекратилась, из больничного окна снова высунулся автомат и дал очередь. На крыльце показался Курт и двое волшебников, один из них был тем, что удивлялся наличию русских. Через забор со стороны церкви перемахнуло ещё пятеро турок. Пока они оглядывались, юноша уже побежал, размахивая волшебной палочкой к ним. Чертыхаясь, за ним бросился ещё один волшебник, лишь мракоборец замер на крыльце, оглядывая поле боя.

Турки сделали несколько выстрелов, юноша дёрнулся, споткнулся и кубарем покатился по траве. Его же спутник умудрился резко остановиться и тут же сплести заклинание, послав в сторону нападавших рукав огня. Те шарахнулись в стороны, продолжив отстреливаться. Снаряд из пушки попал в стену второго этажа над крыльцом, осыпав защитников осколками камней и стёкол.

— Литвин, внутрь, — Куприянов передал бойцу свой автомат, поднял голову наверх, где далеко над ними и дымом и пылью сражения ещё виднелось голубое небо.

Волшебник, стоявший над телом своего более молодого товарища, попеременно ставил щиты, пытаясь спастись от града пуль, летевшего в него, как боковым зрением увидел тень, которая резво пронеслась мимо него и накрыла крайнего справа стрелка. Мерзкий чавкающий звук прервал турецкий крик ужаса, затем мелькнул длинный чешуйчатый хвост и соседнего турка, который даже успел подняться, чтобы помочь поделнику, мощным ударом припечатало к стене. Оставшиеся стрелки повскакивали со своих позиций, не понимая, куда им стрелять, в волшебника или в огромную ящерицу, стоящую перед ними на двух ногах. Но та прервала все раздумья, решив всё самостоятельно. Гигантский варан чёрного цвета с кроваво-красным гребнем вдоль спины бросился на ближайшего турка. Тот отшатнулся, попытался выстрелить, но зверь уже настиг его, добравшись зубами до шеи. После обнял лапами свою жертву и словно от столба оттолкнулся, прыгнув на следующего стрелка. Турок замороженно глядел, как в него летят задние лапы варана и длинными когтями попадают в лицо и шею, пусть и скрытыми тканью.

Оставшийся мужчина дёрнулся и завалился набок, закатив свои глаза, когда немецкий волшебник, по-прежнему стоявший неподалёку, завершил своё заклинание.

Курт сплёл заклинание и направил струю огня в сторону турок, которые уже успели отойти к горящему бронетранспортёру под огнём Литвина и стрелка из больничного окна. Они тотчас разбежались, пытаясь укрыться. А со стороны ворот и остатков забора начали

стрелять подошедшие с площади силы.

Спрятаться в больничном дворе было негде, потому защитники стали падать на землю. Литвину попали в ногу, он дёрнулся и сел на ступени, развернувшись лицом к стрелкам, дал короткую очередь, но затем упал навзничь с двумя пулями в груди. Курт поставил щит, ещё один, а после не успел сориентироваться, получил от турок у бтра пулю в шею и свалился с крыльца. Волшебник, который помогал Куприянову, решил сплести заклинание в ответ, однако на середине собственного движения, ему попали в голову и ноги, так что он, как двигался, так и упал. В то же время в окно больницы, из которого вёлся огонь, влетел снаряд из гранатомёта, заставив автоматчика замолчать навсегда.

Игнат Кондратьевич же в облике гигантской ящерицы успел добраться до остатков забора и перемахнуть через них. В падении подмял под собой незадачливого турка, впившись в него когтями задних лап. Распрямился, увидев слева и справа от себя ещё двоих. Саданул хвостом правого по ногам так, что тот с криком свалился на мостовую, а на левого бросился, в мгновения ока сомкнув свои челюсти на горле.

Рядом завертелся пылевой вихрь, и из него шагнул Али Демир в белых одеждах, в одной руке он сжимал чётки, а в другой — длинный кривой кинжал с костяной рукоятью. Он прыгнул на русскому со спины, нанося удар своим оружием, но тот словно был готов к такому, потому двинул хвостом по ногам турка, отпустил свою жертву и развернулся. Демир от удара кувыркнулся в воздухе и распластался на камнях, выпустив из пальцев чётки. Но быстро подобрался и, сгруппировавшись, бросился на возвышающегося над ним ящера, метя кинжалом в грудь. Русский резким движением схватил челюстями запястье турка, брызнула кровь, пальцы разжались, выпуская оружие. Али попытался впиться свободной рукой в противника, но лишь скользнул по чёрной чешуе, зато Игнат ударил лапой наотмашь, попав когтями по лицу, разжал челюсти, и тело турка полетело к остаткам забора, его кисть же упала на землю. Лицо Демира заливала кровь, стекая на белую дишдашу, он махал обрубком руки и всеми силами старался не кричать от боли.

Куприянов сделал шаг к нему, и сзади заговорили три автомата. Пули врезались в спину огромного двуногого ящера, тот зарычал от боли и резко повернулся к стрелкам. Напружиненно попытался прыгнуть, но пули попали в его грудь и шею, русский повалился на колени, пытаясь дотянуться до противников. Ещё несколько коротких очередей, и он уже растянулся на пыльной мостовой.

Смолкли выстрелы, турки аккуратно приблизились к огромному варану, который уже не двигался, сделали ещё несколько выстрелов в безжизненное тело, которое стало превращаться в человеческое. Дождавшись, пока оборотень примет свою истинную форму, они бросились к своему командиру.

На четверть часа над полем боя во дворе больницы Байрсбронна застыла тишина: турки не стреляли, защитники не показывались. Али Демира перевязали, а после он приказал боевикам заходить внутрь здания, уже не опасаясь сопротивления. Его и не было, немцы внутри словно оцепенели от произошедшего.

Боевики пристрелили на входе нескольких мужчин, которые им показались наиболее опасными, тела убирать не стали. Сам же глава банды взял голову Куприянова и зашёл с ней прямо в приёмный покой, где на множестве коек и на полу сидели и лежали раненые. Медики молчаливо застыли над ними, глядя на автоматчиков, наполнивших зал.

— Вот так будет с каждым, кто посмеет противиться! — Али швырнул голову русского на пол, та покатила к ногам Вольфганга Рейна, который изваянием застыл напротив него.

— Ты за это ответишь, — совершенно спокойно произнёс тот, — Ты не победил.

— Убейте его, — махнул рукой в его сторону турок, один из боевиков вскинул автомат и выстрелил в старика. Из шеи того брызнула кровь, немец рухнул на колени, дети завизжали. Сам же главарь банды, поправив перевязь, на которой покоилась его правая рука, обернулся к своим, — Найдите мракоборцев и русских. Принесите мне их головы.

— Я второй мракоборец Байрсбронна, — в углу поднялся грузный мужчина средних лет, сидевшая рядом женщина испуганно посмотрела на него.

— Там была женщина, — презрительно фыркнул Демир, переведя взгляд на то место, откуда немец поднялся. На полу под ним лежала скомканная красная мантия.

— Она вчера уехала в Берлин, я её сменил, — волшебник был непреклонен. В разных углах заревели дети.

Турок щёлкнул пальцами, и автоматчик выстрелил в говорившего. Тот не издав ни звука упал навзничь на больничную койку, на которой лежала пожилая женщина.

— Трус, твой друг хотя бы умер с честью, — Али сплюнул на пол, — Где русские?

— Здесь! — двое автоматчиков встали возле коек с ранеными бойцами Куприянова.

— На улицу их.

— Вы не посмеете! — одна из медиков шагнула к раненым наёмникам, — Они и так ранены. На это ближайший боевик ударил её прикладом, схватил за волосы и потянул за собой через весь зал.

Им путь преградил пожилой немец, но тотчас получил пулю от одного из турок и с хрипом осел на пол. Мужчины в чёрном выволокли раненых из здания. Демир спокойно вышел следом.

Раненых и девушку-медика поставили на колени на крыльце, всех пятерых. Али Демир достал свой изогнутый кинжал и подошёл к первому в шеренге, голову которого подняли, чтобы турок мог взглянуть в лицо пленнику:

— Что, собака, знаешь, что ждёт тебя?

— Пошёл ты, — одними губами прошептал тот.

Глава боевиков ухмыльнулся и попытался перерезал тому горло. Женщина в другом конце шеренги дёрнулась и завопила, но её снова ударили прикладом, а после опять подняли на колени. А вот турок из-за того, что орудовал левой рукой, справился с кинжалом лишь в третьего раза, раздражённо плюнул и только тогда шагнул к следующему пленному. Тот был плох и почти не открывал глаза, так что турок с сожалением покачал головой, посмотрел на свой кинжал и резко ударил им пленника по шее.

Когда на крыльце осталось четыре бездыханных тела, он подошёл к женщине, которая с ненавистью смотрела на него:

— Знаешь, где твоё место, женщина?

— Ты умрёшь, за тобой придут! — прошипела она в ответ, — Будь ты проклят, животное!

— Ты могла бы согреть мою постель, но ты недостойна даже быть взятой на полу в хлеву, — он плюнул на неё и попытался воткнуть кинжал ей в шею, но с левой руки это оказалось неудобно, потому клинок лишь скользнул по её телу. Поддавшись приступу гнева Демир начал бить несчастную кинжалом, пока не превратил шею в кровавые лохмотья, и только после этого вытер оружие об её одежду и обернулся к своим, — Найдите сов, мне нужно отправить послание о нашей победе.

Боевики склонились и ушли, а он остался стоять на крыльце, со ступеней которого

стекала кровь. Над Байрсброном стелился чёрный дым, летнее солнце уже всю припекало, а где-то наверху было ослепительно голубое высокое небо.

1 — Вильгельм Гауф — немецкий писатель и новеллист начала XIX века, представитель направления бидермейер в литературе, доктор философии и теологии. Литературное наследие В. Гауфа заключается в трёх сборниках сказок,

2 — ЭМИ — генератор радиоволн высокой мощности, приводящих к уничтожению электронного оборудования командных пунктов, систем связи и компьютерной техники.

Глава XIV. Résiste et Mords!

*

(20 августа)

— Как я понимаю, в эту пятницу хороших новостей нам ждать не приходится? — Свят Вениаминович скомкал в своей огромной ладони лист пергамента и перевёл взгляд с Рихтера на Шваница, который тут же глубоко вздохнул и поправил очки.

— По этому поводу Кремль что-то сообщил? — голос немца был очень взволнован, настолько, что Романов поймал себя на мысли, что никогда прежде таким своего знакомого не видел, хотя знали друг друга они уже пару десятков лет.

— Мне плевать, что может сообщить Кремль! — рука Салтыкова с размаху опустилась на столешницу, а голос прогрохотал в кабинете. Эдику этот голос напомнил рык медведя, когда он сам в зоопарке с друзьями попал на кормёжку хищников. Услышанный тогда звук, исходивший от голодного зверя, навсегда запомнился ему, он пробуждал внутри что-то древнее, что-то говорившее Эдуарду Рихтеру бежать и прятаться. И вот сейчас этот голос внутри снова проснулся, — Эта тварь обезглавила моих людей! Что, доигрались с дипломатией?! Не хотели ничего делать с турками вы, только почему расплачиваемся за это мы?!

Виктор потупил глаза, в нём одновременно боролись гнев и ужас. Гнев от того, что его отчитывают за то, к чему он не имеет отношения, и первобытный ужас, говорящий, что перед тобой смерть. И эта смерть сейчас кричит на тебя.

— Я не имею к этому отношения, — он сглотнул, но не рискнул поднимать взгляд.

— А кто имеет?! — взревел глава русских наёмников так, что задрожали стёкла, и мгновенно оказался возле Шваница. Сидевший за столом боком к руководителю WarConsulting мракоборец даже не успел удивиться, когда широкая ладонь сомкнулась у него на горле, а могучие руки подняли его на ноги. Лицо Салтыкова оказалось очень близко, и оно было перекошено от ярости, — Кто имеет, пёс?! — он сдавил горло Шваницу, тот в ответ лишь смог уцепиться за его руку и прохрипел что-то невразумительное.

— Свят Вениаминович, — Малыш Эдди боролся со своим животным страхом, но победил его лишь, чтобы иметь возможность членораздельно говорить, его голос предательски дрогнул, — Он всё-таки наш наниматель, и он не имеет отношения к действиям руководства Германии по отношению к туркам.

Русский повёл плечами и швырнул немца в сторону, тот упал на холодный пол, приложившись затылком, но сразу же попытался подняться. За что мгновенно был пригвождён к земле ударом ботинка.

— Свят Вениаминович! — Рихтер вскочил с места, внутри него разрастался ужас, ведь если его начальник позволяет себя с подданным Германии так себя вести, то простой его подчинённый вообще может не иметь шансов выйти живым из кабинета, однако какая-то безумная и храбрая часть него взяла верх, — Если Вы сейчас его убьёте, то нам нужно будет спешно бежать, а это значит, что не видать нам Али Демира.

Салтыков развернулся, встретившись взглядом с юношей, который на всю жизнь запомнил это мгновение. Миг, когда он взглянул в глаза своей смерти.

Но смерть, поначалу неотвратимо и пугающе смотревшая в его глаза, остыла и, словно что-то осознав, кивнула:

— Они сами виноваты в том, что там случилось, — после глава WC грузно прошёлся до своего кресла во главе стола и сел в него, — Тоже мне, высшая раса.

Шваниц осторожно поднялся на ноги, растирая шею:

— Я понимаю Вашу боль, но не могу разделить Ваших методов, — на его скулах заиграли желваки, — Сегодня у нас очень много проблем, и события в Байрсбронне лишь одно из них.

— Сказал глава Западного Округа коменданту Брестской крепости, — фыркнул Салтыков и прожёл немца презрительным взглядом.

— Витя, что ты хочешь дальше делать? — подал голос до этого молчавший Романов, он внимательно смотрел на своего давнего знакомого, словно бы ища понимания.

— Что я хочу дальше делать, нам не разрешают цауберы из других стран, — тот фыркнул и с вызовом посмотрел на главу аналитиков WC.

— Что ты хочешь сказать этим? — тот внимательно прищурился.

— Наш Канцлер уведомил Международную Конфедерацию Магов о том, что в связи со случившимися событиями готов обратиться в Бундесвер для того, чтобы задействовать их силы, — оставаясь стоять между столом и гостевым диваном, Шваниц поправил очки и замолчал, пытаясь вернее сформулировать мысль.

— Они запретили ему это делать? — удивлённо воскликнул Михаил.

— Президент Международной Конфедерации Магов заявил, что в случае подобного решения, это будет расценено, как нарушение Статута о Секретности, раскрытие природы волшебников перед маглами, всё руководство Магической Германии, причастное к данному решению, будет объявлено вне закона, — немец говорил очень спокойно и тихо, словно бы пересказывал какие-то будничные события.

— Там же дети, старики и женщины в заложниках, — удивлённо произнёс Эдди, переведя взгляд со своего начальника на немца, — А, ну, если не обращаться к Бундесверу, то что они предлагают?

— Решать проблемы переговорами, — тот аккуратно подошёл к столу и упёрся ладонями в столешницу, — Использовать мракоборцев. При невозможности использовать своих, посоветовал привлечь из Британии и Америки специалистов.

— Одна трусливая мразь напала на мирный город и взяла в заложники женщин и детей, — потёр глаза Романов, — Другая трусливая мразь предлагает с ней поговорить.

— Простите, я верно понимаю, что Али Демир, устроив бои посреди магической части города, не нарушил Статут о Секретности? — Рихтер окинул взглядом собравшихся, — А если туда пригнать немецкий спецназ, то Статут тут же будет нарушен? Но там же люди.

— Это люди из какой-то другой страны, — повёл плечами Михаил, — Тем более, что они техномаги, а техномаги не волшебники, они рабы маглов, а раз рабы маглов, то сами виноваты.

— Про сами виноваты, Виктор, я напомним, что несколько дней назад в твоём министерстве прогремел взрыв, — пробасил Салтыков, — Там погибли твои люди, но насколько понимаю, твои действия после этого заключались в том, чтобы взять власть, а не чтобы найти Али Демира. Поздравляю, власть ты взял.

— Во-первых, турки не казались настолько большой угрозой, — немец исподлобья посмотрел на хищно улыбающегося русского, развалившегося в кресле, — Во-вторых, была проблема с Аненербе, которую требовалось решать незамедлительно.

— Проблема не решена до сих пор, сил у вас не прибавилось, — тот покачал головой, —

Я понимаю, зачем ты пришёл сюда, ты и твой Канцлер хотите нашими руками освободить заложников, похвальное желание, но нас очень серьёзно потрепали в последние дни. И ты это знаешь, — он взял со стола свою трубку и стал вертеть в руке, — Ещё ты нам предложил организовать точку эвакуации ваших же лоялистов в Пфальце, в городке, где расположены наши силы. А ещё наши бойцы до сих пор охраняют Шаритэ, вон, Миша может напомнить, что случается, когда больницу оставляешь без охраны, — его рука дотянулась до лежащего на столе табака, и глава русских наёмников стал забивать трубку, — А ещё нужно кого-то на базе оставить. Эдик, что там с англичанами?

— RedLine заверили, что у нас с ними никакого конфликта интересов быть не может, — усмехнулся юноша, — Больше ничего не ответили. С Гамбургом пока не удалось связаться.

— Вот, Виктор, у нас ещё есть английское ЧВК, которое наняли явно твои противники из Гамбурга. Миш, что у нас с планом эвакуации из Пфальца?

— Единственный рабочий вариант пока, это перебросить отряд в Вестфалию, оттуда выдвинуться в Пфальц с грузовой колонной, — Романов посмотрел на медленно багровеющего Шваница, — Погрузить всех, кто скопится в нашем расположении, и уехать обратно, но есть одна большая проблема, да, Виктор?

— Да, — немец кивнул, — Анна Эберль не отвечает.

— Ну, что я тут могу сказать, — Салтыков методично забивал трубку, — Посылай переговорщиков в Байрсброн, у меня складывается ощущение, что эвакуировать всех из Пфальца мы будем не в Вестфалию, а как раз на юг, в Баден-Вюртемберг. Я слышал, что Виктор Церинген с утра не выступил против нового Канцлера.

— Ведутся переговоры, — Виктор распрямился и поправил очки, — Как я понимаю, у вас нет однозначного решения о помощи нам в сложившемся кризисе?

— Консультации в Кремле я запросил ещё когда прилетела сова от наших, тогда ещё оборонявших больницу, — глава наёмников поднял глаза на их заказчика, — Думаю, что дальше традиционного проявления озабоченности дело не зайдёт.

— Без команды из Кремля вы не будете ничего делать? — в голосе Шваница появилось раздражение.

— Угадай, — Свят Вениаминович сверкнул глазами и стал раскуривать трубку.

— Ладно, я понял ваши настроения, — кивнул немец и собрался идти на выход.

— Виктор, — окликнул его Салтыков, — Если ты вдруг подумал, что мы отказались от контракта, ты ошибаешься. Но, пожалуйста, сообщи свои планы, а не прибегайте к нам за решениями. Мы наёмники, мы готовы делать что угодно, но не заставляй нас решать самим, иначе от Байрсброна останутся головешки.

Шваниц ничего не ответил, неспеша кивнул и вышел из кабинета.

— Тебе ж Кремль десять минут, как депешу прислал, — Михаил удивлённо поднял бровь, когда шаги мракоборца стихли за дверью.

— Устроим дискотеку на прощанье, — Салтыков наконец-то раскурил свою трубку и откинулся в кресле, — Найди мне адрес зиндана, где Хаким держит пленных французов, кроме всего прочего.

— Разделяем личный состав на три группы?

— Да пока на две, — Свят Вениаминович пожал плечами, — Я всё ещё верю, что Эрнсту и Шваницу хватит яиц обратиться в Бундесвер.

— Я одно думаю, а не вызовет ли это международный скандал? — задумчиво произнёс Рихтер.

— Так нас тут нет, — глава WarConsulting хищно улыбнулся и выпустил большое облако дыма, — Кто что сможет доказать?

— Позвоню Лисицыну, пусть вертается обратно, — кивнул собственным словам Романов.

— Только пусть бабу свою не тащит сюда, там уже без неё всё решили, — он посмотрел на Эдика, — Свежих французских газет ещё не было?

— Должны уже скоро принести, — улыбнулся тот.

— Интересно, как этот голлист всё обставит, — Салтыков пыхнул трубкой, — Привычный спокойный мир закончился, теперь будет какой-то другой.

**

(20 августа)

— Месье Колиньи, ну Вы читали же это, Вы же читали? — Доротея Лучиано отложила газету на журнальный столик и взволнованно посмотрела на Мишеля Колиньи, который стоял спиной к ней и глядел в окно кабинета замка Шармбатон.

— Читал, что Вы хотите от меня услышать? — он не поворачивался, смотря сквозь потёртое стекло на пегие облака, бегущие по небу, — Магической Академии Шармбатон требуется новый Ректор.

— Но это же всё неправда! — рыжеволосая женщина с надеждой посмотрела на пожилого мужчину с короткими зачёсанными набок волосами, — Винсент!

— Мёртвые не могут врать, Доротея, — мужчина, к которому она обращалась, покачал головой, — Серафима Абрабанель виновна в убийстве одного из деканов.

— Если мы хотим победить, мы должны публично снять её с должности Ректора и провести выборы, — Колиньи развернулся, — Иначе Шармбатон обречён, он не выстоит против диктатуры Парижа.

— Если мы публично отрещиваемся от Серафимы, тоже самое следует сделать и в отношении Али Демира, — девушка по имени Селена в своём неизменном пепельном платье подалась вперёд, — Габриэль де Ноай обвиняет нашего Ректора в пособничестве международному террористу, а сам Демир напал на Байрсброн и захватил там больницу.

— Немцы сами виноваты, — бесстрастно пожал плечами Мишель, — Но Вы правы, Селена, политически выгоднее порвать и с ним, завершив всяческие отношения. Мы не можем запятнать себя связью с недостойными элементами.

— А если он выберется оттуда и приедет мстить?! — вспыхнула Доротея, — Вы что хотите, чтобы в Шармбатоне напали его маглы?

— Замок нас защитит, — молодой загорелый юноша по имени Хосе посмотрел на пожилую рыжеволосую женщину.

— Что-то он не защитил нашего прошлого Ректора, — ехидно заметила Селена.

— Насколько помню, выборы Ректора проходят среди преподавательского состава? — Мишель Колиньи улыбнулся и оглядел собравшихся деканов Шармбатона.

— Всё так, — Винсент кивнул и глубоко вздохнул, — Но кандидатура совершенно необязательно должна быть из преподавательского состава. Иногда Министерство Магии предлагало своих кандидатов.

— Министерства Магии в нашей стране де факто не существует, — молодой человек в белом костюме поморщился, — Директория выхолостила у выживших желание трудиться на благо государства.

— А что думают Великие Рода по поводу опубликованного в газете? — Доротея хитро

ухмыльнулась и посмотрела на Мишеля, ожидая его реакции.

— Это ужасно, что наше общество было одурачено, — тот пожал плечами, никак не смутившись, — Одурачено Серафимой Абрабанель, которая мало того, что убила Жюстину Сен-При, так ещё и направила Жана де Тулона устроить резню в Министерстве Магии. Она была тем пауком, который оплёл умы французов своей ложью и во имя своих амбиций пригласил на нашу землю дикого зверя, — Колиньи посмотрел на рыжеволосую женщину, — Чтобы очистить доброе имя Академии, вам необходим новый Ректор.

— Что Вы заладили про Ректора? И что за слова про зверя? — глаза итальянки округлились, — Буквально вчера Вы сами с этим зверем поднимали бокалы за успех его дела, а сегодня что?

— Доротея, Великим Родам явно лучше видно, что говорить для блага Франции, — Винсент посмотрел на стоявшего перед ними молодого человека, тот благосклонно кивнул.

— Но нельзя же прямо вот так, на ходу, преобуваться! — женщина всплеснула руками, — Мы что, сдаёмся?!

— Мы не сдаёмся, — совершенно спокойно произнёс Мишель, прошёлся до двери в кабинет и раскрыл её. На пороге стоял худощавый мужчина средних лет в чёрном костюме. Он сдержанно улыбнулся и шагнул внутрь, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Колиньи повернулся к деканам Шармбатона и прошёл на середину комнаты:

— Завтра должны пройти внеочередные выборы Ректора, и Великие Рода считают, что на них должен победить этот достопочтенный мужчина, — он указал рукой на гостя, так и стоявшего у двери.

— Кто это, месье Колиньи? — спросил Винсент, внимательно разглядывая гостя.

— Теодор Нотт, в прошлом выпускник Хогвартса, видный учёный на Британских островах.

— А если он не победит на выборах? — Селена перевела взгляд с одного стоящего мужчины на другого.

— Тогда замок Шармбатон непременно зальют кровью псы Кристины Фавр де Поль, — голос Колиньи звучал по-будничному, он пожал плечами и снова развернулся к окну, — Великим Родам будет жаль допустить такое зверство, но они ничего не смогут поделать.

— Месье угрожает нам? — в голосе Доротеи прозвучал вызов.

— Нет, — мужчина в белом костюме покачал головой, не поворачиваясь, — Я просто излагаю возможный сценарий. Для победы мы должны забыть про Серафиму и про Али Демира, их присутствие на нашей стороне должно быть вымарано.

— Почему тогда мы должны выбирать британца? — подал голос Винсент.

— Вы можете отказаться, — пожал плечами Колиньи, — Нам всем будет жаль, что после этого случится трагедия. Но мы не запрещаем кому-то из вас, господа деканы, участвовать в этих выборах в качестве кандидата. Возможность выбора важна.

— Чем же Вы тогда отличаетесь от этой валлонской сучки? — вспыхнула Доротея, вскочив на ноги, — Вы точно также указываете нам, что делать, но она хотя бы не угрожает нам смертью.

— Не спорьте с волей Великих Родов, мадам Лучиано, — Мишель, не оборачиваясь к деканам, направился к двери и остановился возле Нотта, — Надеюсь, Шармбатон будет благоразумен. А с Кристиной мы разберёмся, пока она в Берлине одна.

Теодор кивнул, открыл молодому человеку дверь и вышел вслед за ним, оставив деканов в кабинете одних.

***

(20 августа)

В кабинете Салтыкова был тот стиль производственного хаоса, который знающий человек с лёгкостью бы определил, как “рабочая обстановка”.

На столе была расстелена большая карта Германии, прижатая в районе Шлезвига массивной латунной пепельницей, в которой громоздились горкой окурки и пепел от сигарет. На Саксонии и части Чехии лежали распечатки с уличных камер наблюдения, на их были какие-то люди в униформе и техника в порту. Под Баварией находилась пухлая тетрадь, раскрытая на странице с каким-то ближневосточным оккультным символом в окружении арабской вязи и множества карандашных пометок русским почерком, непонятным с первого взгляда. Ниже, на ближайшем ко входу краю стола громоздились планы помещений и городской застройки. На территории Франции, заняв и часть Саара, стояла ополовиненная бутылка коньяка и пустой стакан. Поверх Померании располагалась чашка с остатками кофе, капли со стенок которой уже успели скатиться вниз и запачкать карту.

Михаил Романов, зажав в зубах сигарету и приложив линейку к Вестфалии и Пфальцу, делал красным карандашом пометки вдоль автодороги. Иван Лисицын стоял напротив: в одной руке у него был стакан с коньяком, а в другой — машинописный текст, который он внимательно читал. Эдуард Рихтер сидел позади него на диване, смотрел в свой смартфон, делая пометки в листе, лежавшим перед ним, иногда косясь на коньяк на подлокотнике. Во главе стола, заложив руки за спину и зажав в зубах трубку, стоял Свят Салтыков и смотрел на карту, напряжённо о чём-то размышляя.

Отворилась дверь, в кабинет зашёл Виктор Шваниц, поведя рукой перед собой, чтобы немного разогнать скопившийся в воздухе дым:

— Я вас оставил на два часа, а здесь уже можно топор вешать.

— Присоединяйся, — Свят Вениаминович усмехнулся, вынул трубку изо рта и жестом пригласил его к столу.

— Вижу, у вас есть план, — произнёс немец, подходя к столу и глядя на ворох бумаг на карте, — И судя по всему, не один.

— Выпьешь? — Романов распрямился и кивнул на бутылку.

— Как я понимаю, без пол литра здесь не разобраться? — усмехнулся тот и кивнул.

Салтыков отошёл к раскрытому шкафу, достал оттуда стакан и графин, наполненный чем-то тёмно-коричневым:

— Если не боишься, могу предложить напиток по бабушкиному рецепту, — он протянул стакан гостю.

— Наслышан я об этой бабушке, — он усмехнулся, забрал стакан и плеснул туда коньяку, — Так что предпочту что-то более безопасное для немецкого организма.

— Витя, если ты думаешь, что там коньяк, то я тебя должен огорчить, — Романов снова склонился к карте и говорил не отрываясь от неё.

Шваниц внимательно посмотрел на коричневый напиток, поболтал его и залпом выпил. На языке остался пряный травяной вкус, горло обожгло, но тут же по телу начало разливаться приятное тепло:

— Рассказывайте.

— Сначала ты, — Салтыков поставил графин на карту, — Только не говори, что Берлин до сих пор ждёт армию Венка[1].

— Байрсброн разгромлен, — немец поставил свой стакан на стол, — Али Демир занял больницу и офис мракоборцев, который примыкает к зданию. Внутри находится по меньшей мере полсотни заложников, включая полтора десятка детей. Точное число пока сказать трудно. При обороне погибли все ваши и, судя по телам, которые турки вытащили во двор, десять наших волшебников. В основном погибшие мужчины, среди тел, мы смогли опознать лишь двух женщин, одна из них медик.

— Как я понимаю, это вы издали наблюдали, к туркам пока никто не ходил? — Лисицын положил листок бумаги на стол и посмотрел на мракоборца.

— Да, пятерых Демир казнил перед крыльцом и бросил их тела там же.

— Численность банды известна?

— Нет, — покачал головой Шваниц, — Десять боевиков с автоматическим оружием постоянно находятся во дворе, охраняют периметр, число внутри здания сказать трудно.

Лисицын достал из вороха листов план городской застройки и положил перед ним. Немец кивнул, взял карандаш, лежавший там же на столе и начал делать пометки:

— Вот здесь ваш сгоревший бтр, они загнали во двор пикап с пушкой и установили его рядом. Вот тут, — он указал на схеме, — Они поставили свои микроавтобусы, всего три штуки. Вот тут стоят их брошенные пикапы с пулемётами.

— Они их на площади оставили? — Салтыков выпустил в воздух облако дыма.

— Автомобилей у них было достаточно, только большую их часть, видимо, пришлось бросить, — Виктор поднял глаза от плана, — Они входили в город тремя группами. Судя по тому, что сказали горожане, не попавшие в лечебницу, одна из групп, два джипа и пикап с пулемётом, выехала на ваш штаб, где и была практически полностью уничтожена. После этого, как я понял, Куприянов отвёл оставшихся ваших в лечебницу. Уже затем на лечебницу с противоположного края выехала ещё одна группа, по числу примерно такая же, как первая, — Виктор посмотрел на Салтыкова, — Атака была отбита с большими потерями для нападавших, вот с этой стороны площади до сих пор стоят автомобили, — мракоборец сделал пометку на плане.

— У вас там что, наблюдатели были? — Романов распрямился и долил из коньячной бутылки напиток себе в стакан.

— Свидетели были, да, но ещё турки не забрали тела своих, они там до сих пор лежат.

— Сколько убитых? — пробасил Свят Вениаминович.

— Мы насчитали тридцать семь. Но это только те, что в городе остались. Основная группа боевиков вошла через центр Байрсброна, захватила детей в местной школе и под их прикрытием атаковала больницу. При этом сейчас мы увидели, что возле одного из забора внутри больничного двора лежат тела убитых турок, по меньшей мере с десятков, точное число сказать сложно, всё это мы зафиксировали с воздуха.

— Демир потерял при атаке не менее полсотни бойцов, сколько же у него было? — Иван отпил из своего стакана.

— Думаю, не меньше сотни, но точное число назвать не могу, — пожал плечами Шваниц.

— С такими потерями, он явно пошёл ва-банк, — задумчиво произнёс Михаил, — Переговоров ещё не было, как я понимаю?

— Мои люди отбыли туда, но пока что организацией на месте занимается Виктор Церинген, он поклялся в полной лояльности действующему Канцлеру и сказал, что будет работать только с нами.

— Он бросил своих союзников? — мрачно усмехнулся Салтыков.

— Альбрехт Баварский и Бригитта Вальдхаузен пока что ничего не высказывали по поводу произошедшего и ничего не предпринимали, — пожал плечами немец.

— Али Демир тоже никаких требований не предъявлял, как понимаю? — спросил Лисицын.

— Пока что нет, кроме своего послания, которое вы все читали.

— Наш мальчик любит пламя и кровь, — Свят Вениаминович хищно улыбнулся и выпустил ещё одно облачко дыма из трубки, — Наш мальчик это получит. Вы решили обращаться к мирянским властям Германии?

— Вильгельм ведёт в данный момент переговоры по этому поводу, — Виктор кивнул, — Сами понимаете, кайнцауберам надо сначала объяснить, что здесь вообще происходит.

— Проблема этого вашего Статута, — пожал плечами глава WarConsulting, — А турки в Берлине что-то говорят?

— Мы планировали сегодня провести переговоры с Хакимом по поводу выкупа французов, которых он удерживает, но они не состоялись. В последний момент турки отменили встречу.

— А что на политическом фронте?

— В Гессене идут аресты, есть основания полагать, что Гессенский дом попал под влияние Аненербе, — Шваниц поднял со стола стакан и отпил из него, — В Сааре и Пфальце сотрудникам министерства и волшебникам, известным в лояльности к нам, был выдвинут ультиматум. Они должны до захода солнца присягнуть Бригитте Вальдхаузен, либо будут арестованы.

— Виктор, а почему волшебники не воспользуются для эвакуации из Пфальца и Саара каминной сетью или аппаратурой? — Михаил скрестил руки на груди.

— Из Саара каминная сеть работает, оттуда уже бегут наши цауберы, а вот в Пфальце магия дома Вальдхаузенов заблокировала этот способ передвижения. Именно поэтому мы и запросили эвакуацию через ваш гарнизон.

— Ты не сказал про Баварию.

— Там происходит что-то странное, — мракоборец сделал неопределённый жест рукой, — Оттуда пришли сведения о каком-то магическом сражении, притом это было точно не нападение на лояльных нам цауберов. Пока я не готов говорить, что именно это было, однако тот факт, что милицию создали и Альбрехт Баварский и Августа фон Вальдбург, наводит на мысль о том, что у них там возникла междоусобица.

— Интересные дела, — хмыкнул Салтыков, — Как я понимаю, Нижняя Саксония также предъявила ультиматум министерским магам?

— Да, притом, что там собрано своё ополчение, туда уже прибыли британские кайнцауберские наёмники. Ультиматум формально предъявлен, но по имеющимся сведениям, он был объявлен не в такой жёсткой форме, как в Пфальце.

— Эдик, тебе есть что рассказать? — Свят Вениаминович повернулся к сидевшему на диване юноше.

— Да, — тот кивнул, отложил смартфон, взял стакан и поднялся с дивана, — ЧВК RedLine высадилась в Гамбурге, подтвердились сведения о подразделении в полсотни человек. Основная часть сейчас обустраивается в порту, однако колонна из трёх автомобилей уже выдвинулась в сторону Гессена. Камеры зафиксировали их на границе

земель, — он отхлебнул из своего стакана, поморщился и улыбнулся.

— Виктор, у нас есть три задачи сейчас, — Салтыков снова выпустил облако дыма, — Эвакуация из Пфальца, окончательное решение турецкого вопроса в Байрсбронне, и окончательное решение турецкого вопроса в Берлине.

Шваниц удивлённо уставился на бородатого русского.

— Начну с последнего пункта, здесь я прошу основного содействия в плане, чтобы ты нам не мешал, — тот усмехнулся и налил себе в стакан из графина, к табачному дыму примешался резкий запах травяного настоя.

— Вы собрались штурмовать штаб-квартиру Хакима?

— По договорённости с Габриэлем де Ноаем, исполняющим обязанности главы Французской Директории, мы сформируем штурмовую группу во главе с Иваном Лисицыным и пойдём освобождать пленников. Заодно вызволим нашего коллегу, который предположительно содержится там же, ну и по-дороге, твоего коллегу.

— Это очень интересно, — произнёс ошарашенно немец и залпом осушил свой стакан, после вопросительно посмотрел на фсбшника.

— Мне просто понравилось участвовать в штурмах зданий в Берлине, Вы не подумайте, — улыбнулся тот.

— Ну, я это уже догадался, но... — Шваниц помотал головой, пытаясь собраться с мыслями, — Вам нужно прикрытие?

— Взаимодействие с мирянской полицией Берлина в данный момент налаживается, — сказал Иван, — Пока что мы работаем над планом операции. Место, где содержат пленных, уже определено.

— Это всё же столица Германии, а не проходной двор, — нахмурился мракоборец и протянул свой стакан Салтыкову. Тот засмеялся и плеснул в него из графина. Немец глубоко вздохнул и выпил, — Но я понял, мешать не будем.

— Вторым пунктом является эвакуация из Пфальца, — сказал Салтыков, отпивая из своего стакана, — Но тут нам нужно понимать, что происходит в Вестфалии.

— Анна Эберль не выходит на связь, агентурная сеть молчит, вообще полностью, — помотал головой Шваниц, — Там какая-то странная тишина над всей землёй. Мой помощник отправился разобраться в ситуации.

— Брат Анны? — удивился Лисицын.

— Да, он самый, — кивнул Виктор, — Надеюсь, в скором будущем мы сможем получить более полную информацию.

— Тогда нам нужно, чтобы в Баден-Вюртенберге приняли наш борт, — пожал плечами Салтыков, — Туда направятся две группы во главе со мной. Одна будет участвовать в решении вопроса с Али Демиром, вторая направится в качестве усиления в Пфальц. Решить вопрос с приёмом борта нужно в ближайшее время, так как мы помним, что ультиматум истекает на закате.

— Да, я понял, — вздохнул Шваниц.

— Мы не исключаем, что из Гессена британские наёмники могут направиться в Пфальц для зачистки, — сказал Эдик, пригубив из своего стакана, — Возможно с гессенскими волшебниками.

— Очень не хочется получить второй Байрсброн, — мрачно произнёс Свят Вениаминович.

— Мы выдадим в усиление милиционеров для эвакуации, — произнёс мракоборец,

задумавшись, — В Байрсбронне будут работать мои люди, надеюсь, вместе с кайнцауберскими подразделениями.

— Сбор бойцов мы уже объявили, они готовятся грузиться в самолёт, нужно, чтобы его спокойно приняли в Штутгарте.

— Да, я займусь этим, — кивнул Виктор.

— Через час мы будем готовы к вылету, — Салтыков отпил из своего стакана.

— Тогда через час я всё сообщу.

****

(20 августа)

Кристина Фавр де Поль сидела в уютной турецкой кофейне посреди Берлина за тяжёлым кованым круглым столиком. Днём в этом месте явно было не слишком многолюдно — сейчас, кроме француженки, в небольшом зале в углу на большом диване сидели только два бородатых мужчины в футболках и джинсах и дородная женщина во множестве цветных юбок. Кристина даже успела подумать, что по внешнему виду, это должна быть какая-то цыганская семья: мама с двумя великовозрастными сыновьями.

Француженка опустила взгляд на кофейник, на котором был изображён танцующий мужчина, подняла изящную фарфоровую чашечку и задумчиво повертела в руках. Где-то там за стенами кофейни шумел Берлин, а ещё дальше происходили события, от которых так хотелось спрятаться в этом пряном аромате кофе и сладостей.

Кристина долила себе кофе и взяла кусочек розового рахат-лукума. Германия полыхала, к утренним пожарам, про которые писали в газетах, добавился Байрсброн, чёртова Серафима — пригрела зверя в своём доме и выпустила на волю!

Фавр де Поль закинула рахат-лукум в рот и запила чарующе ароматным кофе. Позади неё за прилавком что-то зазвенело, на что она инстинктивно обернулась, но это всего-лишь хозяин кафе, пожилой пузатый турок уронил металлический поднос. Он виновато улыбнулся, поймав взгляд девушки, и, наклонившись за упавшим подносом, и поправив полотенце, которое висело у него на плече, вышел из-за прилавка и прошёлся куда-то во второй зал.

Во Франции что-то зрело, а она застряла здесь, притом совершенно бесполезно. На утреннее письмо Габриэль де Ноай ответил только недавно, уже после того, как Кристина прочла в дневной газете о допросе Серафимы Абрабанель. И в этом письме он извинялся, чёрт возьми, он извинялся за то, что начал делать. Её наставник, похоже, понял бесперспективность миссии Кристины и начал предпринимать шаги самостоятельно. Директорию обвинили в поддержке техномагии, Шармбатон — логово заговора, а де Ноай ударил в его самое сердце. Кто им противостоит, выскочка Колиньи и трус де Кабэрак? Они не главные в этом заговоре, но Кристина совершенно ничего не понимала, что может сделать полезного сейчас, кроме того, чтобы уже завершить миссию и найти детей Мирбахов. Жаль, она тогда не успела у той турчанки перехватить мальчиков, всё бы вышло иначе.

Француженка съела ещё один кусочек сладости, запив глотком кофе. Как хорошо, что Филипп в безопасности. Никогда бы не подумала, что скажу такое, но пока эти русские охраняют больницу, Шаритё — самое спокойное место во всей Германии. Хотя вот в Байрсбронне наличие русских наёмников не спасло никого...

Видимо, идти одной спрашивать турок про Айше Доган всё же была плохой идеей. Со светловолосой француженкой в брючном костюме турецкие женщины просто не хотели

разговаривать, а мужчины наоборот — хотели, но не только разговаривать. Может, всё-таки надо было попросить этого русского сходить вместе? Сейчас Кристина корила себя за прогулку в турецкий квартал, оказавшуюся совершенно бессмысленной. Всё это время можно было провести в Шаритэ с Филиппом. И так отчего-то покидать его сегодня было тяжело, наверное, надо бы, когда всё закончится, пересмотреть отношения с ним.

Когда всё закончится...

Её раздумья прервал бородатый юноша, который совершенно бесцеремонно плюхнулся на стул за её столик. Фавр де Поль удивлённо подняла бровь и аккуратно поставила чашку на столик. Тот самый, которого она приняла за цыгана

— Чем-то могу быть полезной? — она заговорила по-немецки, расплывшись в очаровательной улыбке.

— Да, ты быть красива, — его немецкий был не то, чтобы далёк от идеала, он о стремлениях к этому идеалу даже не помышлял, — Я хотел с тобой встретиться.

Француженка усмехнулась, быстро взглянув на угловой столик, где за ними внимательно наблюдали второй бородатый юноша и дородная женщина. Из второго зала неспешно вышел задумчивый хозяин кофейни и, не обратив внимание на происходящее, двинулся к своему прилавку позади Кристины, ну а та покачала головой:

— Увы, нет, я недостаточно хороша для такого прекрасного мужчины.

— Нет, послушать, ты красива, как рассветный свет, — он рассмеялся и откинулся на своём плетёном стуле, — Я тебя обеспечу, ты будешь купаться в золоте и шелках! — он жестами попытался показать, как именно она это будет делать.

Фавр де Поль задумалась, что бы такое ему ответить, но тут на её голову резко и сзади накинули мокрую тряпку. Зазвенела посуда, сильные руки прижали француженку к мягкому животу. В этот момент Кристину спасла тяжесть стола, за которым она сидела. Потому что девушка смогла упереться туда ногами, оттолкнуться и уронить нападавшего на спину, а себя на него.

Тряпка слетела с лица, и оказалось что цыганский юноша уже успел подскочить к ней. Не особо размышляя, как правильно поступить в подобной ситуации, она пнула того ногой в пах. Раздался крик боли и громкие ругательства.

Пузатый турок, что лежал под ней, извернулся и схватил её правое плечо, когда Кристина успела уже вынуть правой рукой волшебную палочку. Но гибкости девушке было не занимать, она успела в то же самое мгновение переложить палочку в левую руку и повернуться так, что дотянулась своей левой ладонью до лба мужчины под собой:

— Круцио! — тот завопил от боли, выпустив её плечо, глава мракоборцев Франции же полностью развернулась, переложив палочку в правую ладонь и повторно приложила её ко лбу турка, прорычав: — Круцио!

Судорога прошла по телу мужчины, на глазах выступили слёзы, а голос сбился на хрип.

— Стой! — слева от Кристины раздался взволнованный крик юноши, там стоял второй молодой человек цыганской наружности, который целился в неё из пистолета.

— Цедеро Локус! — Фавр де Поль, не вставая с кричащего от боли турка, сплела волшебной палочкой заклинание, ураганный поток ветра опрокинул кованный стол и отбросил цыгана к стене.

Девушка медленно поднялась, отряхнулась и вытащила вторую палочку. Пнула под дых первого юношу, который попытался встать — тот затих. И тут мир замелькал у неё перед глазами. Напротив неё возле углового дивана стояла женщина в цветных юбках и недобро

смотрела прямо в глаза Кристине. А мир вокруг начал разноцветный хоровод, всё больше сливаясь в единый пёстрый круг. Одновременно с этим в ушах раздался перезвон, который становился всё громче и громче.

Француженка помотала головой, пытаясь отогнать наваждение, взмахнула руками, становясь в боевую стойку. Женщина перед ней пропала, но с её места поднялось две огромные чёрные кобры и бросились на волшебницу.

— Протего! — змеи ударились о невидимый щит, соскользнули с него и распались. Мельтешение мира вокруг становилось всё более нестерпимым, мешая девушке сосредоточиться.

Сбоку соткалась из воздуха тёмная змея и бросилась на Кристину, та успела поставить щит, но оступилась, покачнувшись. Противник растаял, но тут же перед неё появилась женщина в цветных юбках, которая выставила вперёд себя ладонь и сдунула с неё какой-то зелёный порошок. Едкое облако окутало французскую волшебницу, дыхание перехватило, перед глазами поплыли чёрные круги. Она закашлялась и упала на одно колено.

Перед ней появилась огромная чёрная змея и бросилась на неё, метя в голову.

Фавр де Поль неуклюже взмахнула палочками, но тёмные челюсти сомкнулись у неё на лице.

И француженка потеряла сознание.

1 — Вальтер Венк — один из самых молодых генералов сухопутных войск нацистской Германии во Второй мировой войне. Принимал участие в Битве за Берлин в качестве попытки прорыва блокады советских войск.

Глава XV. Дожди над Рейном

*

(20 августа)

Турбины грузового ИЛа гудели за бортом. Монотонный гул и покачивание фюзеляжа навевали дремоту.

Свят Вениаминович сидел на скамье внутри транспортного отсека и размышлял, прикрыв глаза. Рядом с ним точно также на жёстких скамьях разместились люди Куприянова, те, кто пережил проход колонны из Саксонии, всего четырнадцать человек. Не велика была рать, да негде больше взять. Чуть подальше были четыре десятка бойцов Клима — их группа оставалась самой боеспособной после событий последних дней, умудрившись все бои обойти стороной. И сейчас все они были именно тем кулаком, которым Салтыков собрался пробивать дорогу в Рейнланд-Пфальц и обратно. Всё-таки хорошо, что воевать придётся с волшебной, а не с мирянской Германией. Мирян такими силами одолеть было бы просто невозможно. Хотя когда это русские воевали огромными ордами? Всем только кажется, что нас много, и задние ряды серых шинелей теряются в бездне за Уралом.

Самолёт тряхнуло, глава наёмников открыл глаза, в свете рабочего освещения блеснули стёкла бмп, а в голове появилась ехидная мысль: “Если ты не можешь организовать численное преимущество, это не русские страшные, это ты слабак и идиот”. Всю дорогу всех учили, что сила в правде, потому и вышло, что кто сильнее — тот и прав. На этом и стоит мир испокон веков. Потому-то и приходится каждый раз доказывать свою силу. Порой кто-то пытается доказать обратное, но нет — слушать тебя будут только когда за тобой стоит сила. Может, это и неправильно, но так оно есть, и нам не переломить это. В конце-концов мир каждый раз падает к ногам сильного.

“Говорит командир экипажа, мы начинаем снижение, просим привести спинки кресел в вертикальное положение и не трепаться попусту”, — в динамиках раздался весёлый голос пилота: “Через пятнадцать минут мы приземлимся в аэропорту города Штутгарта, прохладительные напитки и сигареты вы сможете получить у встречающей делегации”.

Салтыков завозился на скамье, проверяя ремни, которыми был пристёгнут — всё же не хотелось бы при посадке вылететь со своего места и начать обниматься с бронемашинами. Интересно, немцы окажутся здесь такими же радушными, как пообещал только что голос в динамиках? К Святу Вениаминовичу пришли воспоминания о сбитом над Баграмом самолёте АН-12, он ведь сам тогда участвовал в спасательной операции. Какой это был год там, 1984? 1986? В целом уже не важно, главное, что сейчас их ИЛ не настигнет ракета с земли.

Самолёт снова тряхнуло, пробуждая неявное беспокойство. Они летели на бой с противником, который лишён моральных принципов, и кто знает, не затаился ли какой-нибудь турок около аэропорта со “Стингером”?

— Политинформация на земле предвидится? — вдруг спросил начальника сидевший рядом Хеопс, глава куприяновского штурмового отряда.

— Всё расскажем, покажем и познакомимся с союзниками, — кивнул Салтыков, отгоняя от себя дурные мысли.

Ты всё равно уже не сможешь ни на что повлиять: суждено сгореть при посадке, так сгоришь. За долгую жизнь он чётко уяснил эту простую, как мир, формулу — не стоит

переживать из-за того, что не зависит от тебя. В таких случаях остаётся только наблюдать.

ИЛ дёрнулся при касании взлётной полосы, гул турбин снаружи сменился на шум томорзящего самолёта. И тут Салтыкова снова ударило, сознание на миг поплыло, уши забились ватой, а мозг уколола игла страха, неведомо откуда взявшегося. Они же уже на земле, что такое? Создавалось впечатление, что интуиция волшебника, получила сигнал от какого-то шестого чувства и сейчас вопила о том, что должно случиться что-то нехорошее. Или уже случилось.

Транспортник деловито катился по взлётно-посадочной полосе к месту разгрузки, в динамиках снова раздался весёлый голос пилота: “Наш самолёт совершил успешную посадку в аэропорту города-героя Штутгарта, температура за бортом плюс двадцать три градуса, местное время двадцать два часа двадцать минут. Спасибо, что пользуетесь услугами нашей авиакомпания, просим не вставать со своих кресел до полной остановки самолёта”.

В кармане Салтыкова зажужжал смартфон. Среди командного состава WarConsulting ходила шутка, что старые волшебники, как старые вампиры — не в ладах с технологиями. Свят Вениаминович смеялся над ней вместе со всеми, но телефон старался иметь последнего поколения. На всякий случай.

— Судя по времени, вы уже приземлились? — Михаил на том конце начал без приветствия.

— Что случилось? — глухо ответил глава наёмников, борясь со внутренним беспокойством.

— Ничего такого, — Романов взял паузу, было слышно, как он затягивается сигаретой, — В газетах опубликовали, за то время, пока вы летели, что Британия и Магическая Америка поставили Вильгельма Эрнста и всех его сторонников вне закона, так как они нарушили Статут о Секретности в масштабах всей страны.

— Война?

— Ну, надо же как-то оправдывать свои действия.

— Слушай, — Салтыков выдержал паузу, — Ты же не из-за этого позвонил? Это и так было очевидно, — на том конце трубки точно также замолчали.

Самолёт полностью остановился, десантный люк в хвосте начал открываться, снаружи пахло свежестью и керосином.

— Что-то случилось, — отстранённо произнёс Михаил, — Я решил позвонить. Какая-то неясная угроза.

— Я тоже почувствовал, — кивнул самому себе Свят Вениаминович.

— Выясняю, что и откуда.

— Надеюсь, это не наши друзья из Кведлинбурга, — очень мрачно произнёс Салтыков.

— Если это они, то турки с англосаксами будут меньшей проблемой из возможных, — саркастически заметил Романов.

— Ладно, выяснишь, сообщай, — глава русских наёмников повесил трубку.

Десантный люк уже полностью открылся, и наёмники стали подниматься со своих мест. Салтыков бросил взгляд на взлётную полосу, где их уже ждало двое рослых мужчин. Их форма в жёстком свете прожекторов аэропорта была не до конца различимой, хотя лица Свят Вениаминович вполне себе разглядел: один был мускулистым мужчиной лет тридцати пяти в берете, словно бы сошедший с плакатов об африканских наёмниках середины прошлого века. Второй же оказался смуглым, с чёрными усами и в целом был похож скорее на типичного уроженца Леванта, а не жителя Южной Германии.

Когда к этим двоим подошли Салтыков, Хеопс и Клим, оказалось, что встречающая делегация несмотря на могучее телосложение, где-то на полголовы ниже русских, Свят Вениаминович, будучи самым рослым, возвышался над немцами просто глыбой.

Шёл мелкий тёплый дождь, из-за периметра задувал лёгкий бриз. Немец протянул широкую ладонь и представился:

— Капитан Курц, мой коллега, — он кивнул в сторону второго военного, — Капитан Хемейни. Нас предупредили, что часть ваших людей направится в Байрсброн.

— Салтыков, — ответил могучим рукопожатием глава WarConsulting и удивлённо поднял бровь, глядя на Хемейни, — Вы с нами поедете?

— Сдаётся мне, у вас есть какие-то вопросы относительно моей внешности? — с вызовом проговорил тот, глядя снизу вверх на русского.

— Человек такой же внешности сегодня утром отрубил головы одиннадцати моим подчинённым, — прогрохотал его собеседник, — Да, у меня есть некоторые вопросы.

— Герр Салтыков, — напряжённо улыбнулся Курц, — Омар Хемейни, действительно, поедет с той частью ваших людей, которая направляется в Байрсброн. Надеюсь, это не вызовет проблем? Я считал, что русские выше расовых предрассудков.

— Раса у нас одна, — фыркнул глава наёмников и обернулся, за его спиной прогрохотал бмп.

— Вы тут Курскую Дугу собрались устраивать? — усмехнулся Омар.

— Эль-Аламейн[1] для дошкольников, — расплылся в хищной улыбке Свят Вениаминович, и указал на одного из своих командиров, — Подразделение Клима должно отправиться в Браубах, наши работодатели заверили, что вы выделите грузовики для эвакуации и проведёте мимо Майнца.

— Ещё и мимо Мангейма, но грузовиков всего четыре, — кивнул Курц, — С водителями, плюс машина сопровождения. Сколько всего поедет от вас?

— Сорок человек, — произнёс Клим, внимательно смотревший на немца. Он был ниже того, зато размахом плечей явно превосходил, — Два бронетранспортёра и две боевых машины пехоты.

— Поедете в грузовиках, — то ли спросил, то ли утвердительно сказал немец.

— Нам так и не сказали, сколько народа эвакуировать, так что может и на броне покатаемся, — пожал плечами наёмник.

— Да нам тоже, — мрачно отозвался офицер, — Будем, как янки, бежать Могадисскую милю[2]. Надеюсь, стрелять не понадобится, но, если честно, голова идёт кругом от тех новостей, что на нас свалились.

— Мир интереснее, чем вы думали? — усмехнулся Хеопс.

— Чёртовы сектанты, тайные ордена, которые ведут борьбу, — Курц повёл плечами, — Я бы предпочёл, что это как-то меня минует.

— Ну, вот, оно пришло в Вашу жизнь, — тяжело вздохнул Салтыков, — И никто не в восторге. Вы поедете с бойцами Клима?

— Нет, давайте я провожу, — немец шагнул в сторону и махнул рукой, глядя, как один из русских делает шаг навстречу, — А герр Хемейни введёт в курс дела.

Второй офицер выругался на арабском и хмуро посмотрел на русских. Салтыков добродушно улыбнулся:

— Чем порадуете?

— А ничем, для меня, как и для Фрица, это как снег на голову, — он пожал плечами,

оглядываясь на самолёт, который поднимал десантный люк, — Сейчас сообщили, что попытка переговоров с этим уродом была только одна, он сказал, что пришёл убивать, и что он здесь хозяин. Потребовал золота, девственниц и право бесплатного выхода до границы с Францией, — Омар произнёс это всё и с отвращением сплюнул.

— Это шутка такая, про девственниц и золото? — Хеопс перевёл взгляд с начальника на немецкого офицера и обратно.

— Если бы, — покачал тот головой, — Он словно из “Тысячи и одной ночи” пришёл, злой паша, одержимый шайтаном.

— Так так почти и есть, — пожал плечами Салтыков, — Что-то ещё происходило?

— Никого не выпустил, хотя его и просили выдать детей. Зато в Байрсброн приехали какие-то люди, ни с кем не посоветовавшись, и зашли к нему без каких-либо вопросов.

— Какие люди? — насторожился Хеопс.

— Женщина средних лет и двое мужчин, — пожал плечами Хемейни, — Типичные немцы. Я бы сказал, стереотипные.

— Сказал евроараб, — скривился наёмник и тут же удостоился сурового взгляда от начальника.

— Я коренной немец! — воскликнул и всплеснул руками офицер.

— Да ладно, — добродушно произнёс Свят Вениаминович, вставая между мужчинами, — Нам можешь не врать, но у тебя же на лице написано, что ты с Джафаром воевал.

Его собеседник замер на пару секунд, и было похоже, что он готов взорваться и броситься с кулаками на огромного русского. А потом расхохотался. В ответ заулыбались и Салтыков с Хеопсом.

— Сколько вас будет? — спросил он, отсмеявшись.

— Четырнадцать, я пятнадцатый, — пробасил Свят Вениаминович.

— В бой собираетесь? — удивлённо спросил Омар, — Пока штурм не планируется, слишком много заложников.

— Кто ж знает, может и сгожусь на что, — пожал плечами Салтыков.

— По дороге введу в курс дела, пора ехать, — он махнул рукой в сторону стоявших на краю взлётной полосы джипов, — Пока там переговорами занимаются какие-то бездари.

— Идём, — усмехнулся глава ВС, — Хеопс, собирай бойцов, — и они вместе с Хемейни пошли к автомашинам.

**

(20 августа)

Над затаившимся Байрсброном шёл холодный летний дождь. Порывы ветра то и дело проносились по улицам, стуча ставнями и скрипя ветвями. Ни одно окно из выходящих на площадь перед захваченной турками лечебницей, не горело. С одной стороны было уже достаточно поздно, в это время раньше город уже обычно спал, а теперь ещё мракоборцы Шваница, небольшая группа которых прибыла в оцепеневший от произошедшего городок, вывели всех уцелевших жителей ближайших к лечебнице домов в более дальний район, чтобы те не пострадали от стрельбы террористов, засевших за больничной оградой.

А между тем турки регулярно постреливали в появлявшихся на площади людей, которым в итоге категорически запретили выносить оттуда тела убитых, даже своих. В головах турок это должно было вселить ужас в сердца любых немцев, которые решили бы им сопротивляться.

Мракоборцы не имели сил и средств полностью оцепить площадь, этим и воспользовалась одинокая фигура под зонтом, вышедшая на неё с одной из улиц. Чёрная жилетка, брюки, перчатки и шейный платок такого же цвета, только с золотой вязью, не выдавали его в темноте, ярко выделялись лишь рукава белой рубашки. Он подошёл к одному из трупов, лежащих на мостовой и аккуратно потрогал его носком лакированной туфли. Турок был определённно мёртв, а человек под зонтом неудовлетворённо покачал головой.

Звук каблуков по уличным камням в шуме дождя был слышен не слишком отчётливо, однако, уже на расстоянии пары десятков шагов турки за оградой его услышали и насторожились. На турецком прозвучал возглас, затем раздался одинокий выстрел, но человек под зонтом никак не обратил на это внимание, продолжая идти к воротам.

Тьма на площади и во дворе лечебницы сгустилась, свет от ярко горевших окон второго этажа ничего не мог с этим сделать, боевики в больничном дворе забеспокоились. Снова раздался турецкий крик и автоматная очередь, но все выстрелы ушли в молоко, когда их гость шагнул за ворота.

— Отставить, — бархатный голос Хакима произнёс лишь это на турецком, но тьма тут развеялась, террористы выдохнули и склонились перед пришельцем, — Проводите меня к командиру.

Тут же один из турок пригласил его следовать за ним.

Али Демир располагался в небольшом кабинете на втором этаже больницы. Когда главу Глубинного Государства привели туда, там же сидела немолодая женщина в строгом костюме коричневого цвета и двое мужчин средних лет в серых пиджаках.

— Я не помешаю? — в голосе Хакима прозвучали саркастические нотки, когда проводивший его турок, скрылся за дверью.

— Ты? — Демир был крайне удивлён, увидев того на пороге. Сам он сидел в кресле, поглаживая левой рукой перевязанную культю на месте правой кисти, через его лицо багровели глубокие порезы.

— Думаю, что нет нужды представлять меня твоим гостям, Али, — вошедший покачал головой, застёгивая сложенный зонт и опираясь на него, как на трость, — Но я прибыл поздравить тебя с успехом.

— О, я... — тот, к кому он обращался, замешкался, неловко посмотрел на немцев, — Я не ожидал, что ты будешь готов меня поздравить.

— Юность всегда идёт поперёк воли старших, — пожал плечами Хаким, — Этим она и хороша, однако нам нужно с тобой поговорить с глазу на глаз, позволишь, я заберу тебя от этих людей для небольшой прогулки? — на его лице появилась вежливая улыбка.

— Конечно, — кивнул Демир и поднялся со кресла, — Но тут не так много места для того, чтобы остаться наедине.

— Можем выйти во двор, думаю, дождь нам не мешает.

Турок в грязно-белой дишдаше коротко попрощался с немцами, и отправился со своим гостем вниз, во двор. Когда они вдвоём вышли, дождь уже стал совсем мелким, так что Хаким даже не стал раскрывать зонт.

Задний двор лечебницы был тёмн и пуст, бойцы Демира находились ближе к центральному входу.

— Кто эти люди, Али? — совершенно спокойно произнёс Хаким.

— Это посланники от Бригитты Вальдхаузен, — чуть взволнованно произнёс тот, — Мишель Колиньи, глава Великих Родов Франции направил мне письмо, когда мы были в

лечебнице, предупредил, что они придут.

— Они принесли тебе какие-то важные известия?

— В Шармбатон возвращаться нельзя, потому я хоть и затребовал транспорт до границы Франции, но двигаться мы будем в Браубах в земле Пфальц.

— Вальдхаузены тебя и твоих людей готовы принять?

— Готовы принять и укрыть от тех, кто будет идти за нами по пятам.

Они замолчали, идя вдоль забора по мокрой от дождя мощёной камнем дорожке. Наверху над ними шумел ветер, пахло прохладной сыростью.

— Ну, что ж, я поздравляю тебя с твоим величайшим делом, думаю, ты достиг наивысшей точки своего пути, — совершенно спокойно произнёс Хаким, подняв глаза на небо.

— Спасибо, я рад, что ты оценил по заслугам мои дела, — выдохнул Али.

— Сколько у тебя осталось бойцов?

— Пятьдесят два, из них двадцать семь ранены. Русские оказались свирепыми противниками, я не ожидал от них такого.

— История учит нас, что русские всегда были такими, нельзя было их недооценивать.

— В лечебнице у нас в плену семеро мужчин, тридцать женщин и двенадцать детей. Часть из них мы заберём с собой в Пфальц.

— Мудрое решение, но вряд ли выход будет простым, — Хаким покачал головой и остановился, развернувшись лицом к Демиру.

— Я понимаю, но пока что немцы ничего толком не предприняли, они дважды приходили, — Али торжествовал, — Но они были объята ужасом.

— Всё, как ты и хотел, — турок улыбнулся ему в темноте, — Ты залил эту землю кровью, и она может склониться перед тобой, но Канцлер призвал помощь простых людей Германии. Не волшебников.

— Они дорожат жизнями заложников, пока они в наших руках, штурма не будет.

— Они напуганы и объята страхом, такой ярости эта земля давно не видывала, — Хаким покачивался с пятки на носок, — Ты готов пробиваться в Пфальц, если тебе не дадут транспорт?

— Автомобили есть, мы поедем на них, если те всё же не согласятся на мои условия. Возьмём с собой детей.

— Они не готовы мстить нам, я ошибся насчёт того, какие последствия повлечёт за собой то, что ты сделал. Но позволь спросить, твои войны будут стоять до конца и выполнять твои приказы, даже если окажутся в одиночестве?

— Что ты имеешь в виду, Хаким-бей? — Демир непонимающе уставился на собеседника.

— Каждый, за кем идут люди, должен в первую очередь заботиться о благополучии идущих сзади него.

— К чему ты клонишь?

Хаким задумчиво раскрыл зонт над их головами, ощутив, что дождь снова начал набирать силу:

— Ни один поступок на этой земле, как и на любой другой, не может произойти просто так без последствий. Ни одно действие не может не привести к ответу на него.

Он взмахнул рукой и растворился в ночной темноте. Тело Али Демира безвольно упало на дорожку под забором заднего двора лечебницы Байрсбронна.

***

(21 августа)

Сознание вернулось к Кристине, и она попыталась открыть глаза. Резкая боль сдавила обручем голову, а из носа потекла кровь. В ушах пульсировало и шумело, и через этот шум она не различала ничего, что творится вокруг, только какие-то неясные звуки.

Ощущение собственного тела возвращалось медленно, словно бы оно было не её. Вначале пришла боль, руки были скручены и привязаны к чему-то сверху. Ремни безжалостно впивались в кожу, а мышцы ломило от неудобного положения — уж лучше бы не приходиться в сознание вообще, чем в таком виде, но что уж поделать.

Спина ощутила теплоту дерева, позади явно был столб. Кристина осторожно подала голову назад и коснулась затылком его поверхности. В висках застучало ещё сильнее, изо рта непроизвольно вырвался стон. Но вместе с этим возвратилось и ощущение остального тела — ноги точно также перетянуты ремнями так, что пошевелить ими нельзя, и привязаны ко всё тому же столбу.

Кто-то подошёл вплотную, загоготал и что-то сказал по-турецки. Француженка стиснула зубы и дёрнулась, но тут же ощутила, что плотный ремень охватывал её вокруг пояса и точно также прижимал к столбу. Да чёрт возьми, куда эти турки её приволокли?!

Шум в ушах медленно отступал, головная боль слабела. Девушка смогла ощутить прелый запах мокрого леса. Сверху падали капли дождя, где-то в отдалении шумели ветви деревьев, в нос бил запах костра, настолько большого, что лица достигал его жар.

Несколько минут Кристина прислушивалась к ноющему телу и пыталась аккуратно открыть глаза, в итоге ей это удалось, и она поняла, что находится на огромной лесной поляне. Полностью оценить её размеры не представлялось возможным, потому что посреди неё горел огромный костёр, снопы искр взметались в тёмное, низко висящее небо из которого моросил дождь, совершенно не мешающий костру и туркам, которые деловито подбрасывали в него увесистые поленья. Вокруг поляны шумели сосны, и неподалёку от них на одинаковом расстоянии друг от друга были вкопаны, видимо, такие же столбы, к которому была прикована Кристина.

Француженка сумела повернуть голову, оглядываясь, так и есть — слева и справа от неё было по три столба, остальные, которые, скорее всего, также стояли на той стороне, не были видны из-за яркого пламени, но и к этим были привязаны молодые девушки. Их руки точно также, как у Кристины, были пристёгнуты к столбу над головой, ещё один ремень перехватывал пояс и один — ноги внизу. Кем они были, и где турки их похитили, было совершенно непонятно: самая обычная внешность, самая обычная одежда, она и сама так одевалась, стараясь слиться с маглами в городах.

В тених за столбами Фавр де Поль заметила тех же турок в чёрном, что нападали на неё на горе Броккен и в Трептов-парке, видимо, это были какие-то особые бойцы, не владеющие искусством волшебных палочек, зато прекрасно управлявшиеся с кривыми ятаганами, которые и сейчас висели у них на поясах. Нет, они не стояли изваяниями спиной к лесу, они, как хорошие сторожа, постоянно смотрели по сторонам, видимо, чтобы обнаружить какого-то врага, кто готов на них наброситься.

Интересно, кого же они опасались? И, чёрт возьми, куда её приволокли? Эта турецкая магия позволила схватить её, главу мракоборцев! Аненербисты тогда нападали впятером и не смогли ничего сделать, а здесь одна какая-то цыганка... Кристина прикрыла глаза, стараясь унять боль в ноющих конечностях и голове, но всё было тщетно. А внутри неё уже

рождалось самое неприятное чувство, которое существует в человеке — чувство собственного бессилия. За это она ненавидела себя, потому что всю жизнь считала, что из любой ситуации можно найти выход, но сейчас, похоже, выхода не было. Всё это походило на какой-то дикий и кровавый ритуал, в конце которого её принесут в жертву. И помочь ей сможет только чудо, чудо в виде кого-нибудь, кто покажется из леса и сможет одолеть турок.

Три недели назад она прибыла на Германскую землю, и похоже, это стало её концом, концом Кристины Валери Фавр де Поль. Надо было поступать умнее, продуманнее, а не бросаться в омут с головой. Кристина закусил губу, ведь ещё пару недель назад можно было спокойно увезти Марту к Валерию, и до этого бы не дошло. Француженка открыла глаза, у костра стоял рослый старик с аккуратной бородкой в чалме и длинном чёрном халате с золотыми узорами, мерцающими в пламени. В руках он держал невзрачную тетрадку и читал её в свете костра. Вот и волшебник, что закончит жизни всех, кого похитили эти твари. Кристине стало даже интересно, во имя чего её убьют? Мысли о том, каким ужасным способом это произойдёт, она предпочитала отгонять от себя.

К турку в чалме подошёл мужчина поменьше ростом и что-то негромко произнёс, тот кивнул и указал на лес, потом — на землю. Фавр де Поль опустила взгляд и поняла, что поляна была вычищена до самой песчаной земли. Небольшие кристаллики песка поблёскивали в пламени костра. Затем мужчина в чалме нагнулся к земле и стал чертить продолговатым предметом витиеватые символы, обходя костёр по кругу.

Кристина подумала, что, видимо, ритуал начался, и попыталась дёрнуть путы на руках, но те крепко сжимали запястья — да как так-то?!. Уповать можно только на освобождение от ремней, но что если ей просто перережут горло, даже не отвязывая? Она сглотнула, а новый комок бессилия и ужаса уже подступил к горлу.

А если её отвяжут от столба, то можно попробовать бежать... Нет, ноги явно не послушаются, попытка бегства обернётся позорным пленом и смертью. Из леса вышли несколько женщин и мужчин и скинули несколько крепких веток в костёр, брызнули искры, огонь качнулся в сторону турка в чалме, но тот даже не заметил этого, продолжая чертить. Вот бы их преподавателю по ритуалистике в Шармбатоне подобную выдержку, и занятия же не проходило без истерики на почве неправильно начерченной линии. А тут — они же явно стоптали несколько фигур, уже появившихся на песке, но этот чародей лишь поправил их, когда дошёл в своём рисунке до того места. Затем он распрямился и указал принесшим дрова людям, чтобы те уходили.

Дождь пошёл сильнее, но огню это по-прежнему не мешало, как и чародею. Зато Кристина увидела, как несколько женщин у столбов зашевелилось. Тяжко так пробуждаться, бедняжки, откуда же их вырвали, от каких семей и любимых оторвали эти злобные нелюди? Фавр де Поль осознала, что мысли повторяются и путаются, голова всё ещё болела, как и тело, и ни о какой ясности ума не могло быть и речи. Зато она увидела, что на поляну вышли два огромных усатых мужчины в свободных рубахах, под которыми бугрились мускулы. На поясе у каждого висело по тесаку и кнуту, видимо здесь вообще никто не пользуется палочками. Может, они и не маги вовсе?

Мужчины неспеша подошли к чародею в чалме, тот им что-то сказал, и они направились также за пределы круга. И тут до слуха француженки донёсся отдалённый волчий вой. Турки насторожились, услышав его, но тот, кто рисовал, даже не повёл ухом, завершая свой рисунок на песке. Кристина же почувствовала укол страха — ликантропия страшная болезнь, прошедшая эпидемией по Британским островам в конце прошлого

столетия, а всего несколько лет назад то вспыхнувшая у них в Лангедоке. Это страшные и свирепые звери, нет, они если и спасут её от турок, то только затем, чтобы убить самостоятельно.

А тем временем вой послышался повторно, но уже поближе. И это был не одинокий волк: два, три, а то и все четыре голоса различила в этом звуке девушка. А затем с другой стороны раздался более громкий ответный. Они гонят добычу! Страх скрутил внутренности, как тогда в Лозере, когда её с Филиппом загоняла огромная стая оборотней. Они убили четверых её сослуживцев, а их самих гнали несколько миль, наслаждаясь охотой. Волшебники без палочек способны лишь убежать и звать на помощь. А их преследователи будут растягивать удовольствие погони, всегда.

Вой раздался где-то позади Кристины — этот был ещё ближе, турки начали что-то выкрикивать на своём языке. А чародей как раз дочертил, и подозвал двух усачей. После указал на соседнюю с Кристиной девушку, раскрыл тетрадь и начал читать нараспев какой заговор. Усачи резво подошли к столбу, ловко развязали все ремни и подхватили осевшее тело. Девушка даже не открыла глаз, пока её тащили. Её так и поставили на колени перед чародеем, придерживая с двух сторон, лицом к жаркому пламени. Кристина, широкими от ужаса глазами, но совершенно заворожённо наблюдала за действием, даже не обращая внимание на то, что слева от неё волки завывали уже совсем рядом, словно бы за ближайшими соснами.

Чародей наклонился к девушке, стоявшей на коленях, и перерезал ей горло. Горячая кровь хлынула из раны в огонь, тот зашипел, до обоняния француженки донёсся тошнотворный запах, усачи столкнули тело в пламя и развернулись в сторону Кристины. Лицо той покрылось испариной, к горлу подступил ком, справа раздался дикий треск, на который она даже не обратила внимание, все её мысли занимали усачи, неумолимой походкой двигавшиеся к ней. Но тут прямо к их ногам откатилась оторванная голова и упал ятаган. Они удивлённо посмотрели на это, а после взглянули туда, откуда собственно голова с ятаганом прилетели.

С Кристины точно спал морок, она резко повернула голову, и увидела огромного волка на двух ногах, который скалился на противников. Чёрт возьми, он торжествующе скалился! А ещё он был каким-то знакомым...

Поляну накрыл звук ужасного воя, от которого кровь застыла в жилах. Из-за деревьев прыгали огромные мохнатые фигуры, полосуюя когтями или смыкая свои челюсти на глотках незадачливых участников ритуала. Усачи выхватили тесаки, но ничего не смогли противопоставить животной ярости оборотней. Чародей в чалме обернулся на чёрного волка с рыжей полосой вдоль спины, который приземлился в пяти шагах от него, что-то крикнул по-турецки и выставил свой кинжал перед собой. Словно не заметив всего этого, волк молниеносным движением оказался возле него, вцепившись передними лапами тому в плечи, после укусил в шею и могучим рывком оторвал чародею голову, столкнув безголовое тело в костёр. На огонь хлынула и зашипела кровь. Вокруг уже не осталось никого из живых турок, и торжествующий волчий вой прокатился по лесу.

Кристина осознала, что попала из огня да в полымя, потому что оборотни явно не стремились никого отвязывать, наоборот они ходили вокруг костра, внимательно изучая привязанных к столбам, им явно всё это было любопытно. А потом они начали превращаться обратно в людей.

К Кристине подошла статная черноволосая женщина, бесцеремонно взяла её за

подбородок, подняв голову повыше:

— Эй, братик, глянь, что это у нас тут? — голос был властным, под стать её хищной внешности.

— А тут у нас международный скандал, — голос принадлежал Морицу Эберлю, мракоборцу Шваница, он встал рядом и, ухмыляясь, разглядывал Кристину.

— С-спасибо, — выдавила из себя француженка.

На это женщина захохотала и отпустила подбородок той.

— Братик, давай в лес, не хватало, чтобы кто-то из этих черножопых выжил и сбежал от нас, — сказала она отсмеявшись.

— В-вы меня не развяжете? — пробормотала Фавр де Поль, её голос был слабым, горло пересохшее.

— Зачем? — искренне удивилась её собеседница. Мориц куда-то удалился, махнув ещё несколькими мужчинам следовать за ним.

— В-вы же за нами пришли?

— Ну, в некотором роде, так и есть, — хрюкнула женщина и отвернулась от Кристины, — Приберите тела, да поживей! Магия ждать не будет. И потушите эту срань! — она махнула в сторону костра, — На холме Калькризе сроду костры не горели.

После она вытащила волшебную палочку с головой скалящегося волка, и последнее, что увидела Кристина Фавр де Поль, это был синий огонёк, появившийся на её кончике.

****

(21 августа)

Над пфальцским городком Браубах шёл ночной ливень.

Как и в более крупном Байрсбронне, кайнцауберская часть здесь располагалась на окраине, с одной стороны ограниченная лесом, а с другой — возвышающимся замком Марксбург — старинной цитаделью на горе, притягательной туристической точкой и одновременно с этим центром изучения магических растений, известным на всю Германию. Притом, что волшебников в городке проживало меньше, но сам он был больше южного Байрсброна — пять широких улиц, три крупные усадьбы в центре: одна принадлежала Вальдхаузенам, другую занимали служащие Министерства Магии, всех его департаментов, а третью — магическая академия.

Академия эта была не такой известной, как те же Шармбатон и Дурмстранг, но зато выпускала в свет первоклассных травников, аптекарей, зельеваров и лекарей. Существовала она с 1278 года, будучи всего на два года младше самого кайнцауберского городка. Ещё здесь готовили, пусть это и не было так хорошо известно, специалистов по ядам и магическому виноделию — странно было бы в центре рейнского виноделия обойти подобную ипостась колдовского искусства.

Днём это был ещё пока спокойный городок на берегу Рейна — занятия у студентов ещё не начались. А сейчас невольному наблюдателю, если бы такой нашёлся и взглянул на залитые струями дождя аккуратные улицы, Браубах показался бы совершенно необитаемым.

А потом бы он пригляделся...

Русские наёмники располагались на окраине городка в одноэтажном доме с довольно просторной территорией, ограждённой резным забором, увитым плющом. Прямо к воротам выходила улица, на которой и стояла Академия, а над задним двором нависал могучий Марксбург, между которым и территорией русского штаба были довольно густые заросли. И вот теперь по небольшой площади, в центре которой был фонтан, перед воротами русского

штаба ходили тени. Во множестве. Конечно же, если внимательный зритель пригляделся бы к этим теням, скрытым завесой ливня и ночной темнотой, то понял, что это всё люди или, по крайней мере, некто, визуально на них похожий. Двигались они крайне нетвёрдой походкой, словно бы все они только недавно вышли из бара, а потом забыли куда идти, потому остались слоняться по площади.

Иногда они подходили к воротам, утыкались в них лбом или трясли их мелко подрагивающими руками, но, не сумев открыть, удалялись прочь. Сами же ворота перегораживал своим бортом русский бтр, повернув пулемёты в сторону площади. Встал на свою бессрочную вахту он здесь после того, как все эти слоняющиеся товарищи появились на площади и попытались пройти внутрь. В ночной темноте они, в лохмотьях с истлевшими мышцами и свисающей лоскутами кожей, источали животный ужас, от которого совершенно не было спасения.

Произошло это около полуночи, примерно полтора часа, как русские развернули делегацию от самих Вальдхаузенов, требовавших сложить оружие и выдать всех жителей Браубаха, кто укрылся на их территории. Всего восемьдесят семь человек, двадцать пять мужчин, сорок одну женщину и двадцать одного ребёнка. Естественно русские ответили отказом. Они уже знали и политическую обстановку в Магической Германии, и судьбу Байрсбронна, и то, что из Штутгарта вышла колонна для их эвакуации. В КАМАЗ, на котором наёмники доехали до Браубаха, конечно, можно было вместить много людей, однако не девяносто человек с какими-никакими пожитками. Потому русские послали куда подальше делегатов и остались ждать своих.

И вот примерно после полуночи часовые на воротах заметили движение на площади, а потом пришли в дикий неопиcуемый ужас от того, что на них из темноты вышло. Но так как караульные были вооружены и обучены, то вместо того, чтобы убежать сломя голову, они выпустили в ходячих мертвецов, что на них вышли, все патроны из своих обойм, разметав ошмётки мертвечины по площади. Парней сменили, увели в штаб, где, к счастью, оказались медики из числа укравшихся цауберов, и они смогли снять эффект неопиcуемого ужаса, который оставался в их сознании.

От греха подальше командир наёмников решил перегородить единственный вход на территорию бтром и посадить часовых уже внутрь. Примерно через час после появления мертвецов перед воротами бодрым шагом к русским под уже начавшим накрапывать дождиком проследовала та же делегация волшебников, что уже ранее требовала сдачи. Не дожидаясь, какое же предложение будет озвучено на сей раз, русские повернули стволы пулемётов в сторону подошедших немцев, дополнительно направив им ещё и прожектор. Те, словно вампиры из голливудских фильмов при виде солнца, зашипели и отпрянули в темноту. Русские повернули башню бронемашины вслед за ними. Немцы замахали руками, некоторые даже вытащили палочки. Русские шевельнули пулемётами. Немцы осознали, что диалог не состоится, и ретировались с площади.

Зато с того времени и дождь пошёл сильнее, и площадь заполнили ходячие мертвецы. К счастью для наёмников сторонники Вальдхаузенов не хотели под ливнем проводить операцию по захвату штаба, и просто оставили русских в осаде. В середине ночи деблокирующая колонна Клима сообщила, что прошла Мангейм, а значит примерно к рассвету они имеют все шансы добраться до Браубаха, ну, а с восходом солнца, может, и мертвецы будут не такими страшными.

Часам к четырём утра, когда внутри уже все гражданские спали вповалку, а часовые

WarConsulting клевали носом, через забор осаждающие перекинули какой-то предмет. Предмет покатился по дорожке и заголосил вполне по-немецки: “Предатели и иноземцы! Сдавайтесь или умрётё! С первыми лучами солнца мы пойдём в атаку и убьём каждого, кто будет находиться по вашу сторону забора! Любой, кто считает, что узурпатор может править Германией, не должен жить на нашей земле! Сдавайтесь сейчас и предстаньте перед судом! Сдавайтесь! Сда...” — предметом был череп, и этот череп разметала в клочья заклиниванием старая женщина, ректор Марксбургской Академии, появившаяся на крыльце.

Она со злостью произнесла какое-то ругательство на немецком и уже развернулась, чтобы уходить внутрь, как натолкнулась на главу русских.

— Когда ваши придут? — спросила она строго, будто на экзамене.

— К утру обещают, — мужчина смерил её взглядом и устало вздохнул.

— Если эти полезут раньше, поднимайте нас, будем драться, — она посмотрела ему в глаза так, что тот понял, что отвечать-то в общем и не имеет никакого смысла.

Потому он просто кивнул.

1 — Битва при Эль-Аламейне — сражение Североафриканской кампании Второй мировой войны, в ходе которого британские войска под командованием генерала Бернарда Монтгомери нанесли поражение североафриканской итало-немецкой группировке фельдмаршала Эрвина Роммеля в октябре-ноябре 1942 года.

2 — Могадишская миля — эпизод наземной эвакуации подразделений армии США во время сражения в Могадишо 1993 года, когда механики-водители эвакуационной бронегруппы начали движение на нормальной походной скорости, пешие измотанные подразделения вскоре отстали и оказались без прикрытия. Им потребовалось пройти примерно полмили до точки встречи с ждавшей их бронегруппой.

Глава XVI. Мёртвые не могут врать

*

(21 августа)

— А всё-таки чем отличается техномагия и обычная? — Малыш Эдди сидел на скамье перед штабным корпусом на базе WarConsulting и держал в руках чашку с кофе. Чуть пряный аромат щекотал ноздри и смешивался со свежестью раннего утра и отдалёнными запахами бензина и солярки.

— А ничем, — Михаил сидел рядом и курил, глядя, как небо на востоке светлеет в каждой минутой, — Естественно, мы можем ездить на автомобилях, летать на самолётах, ходить в кино, а от них ломаются сложные механизмы, а электроника просто сгорает, — он затянулся и повернул голову к юноше, — Но как по мне, это всё мелочи. Заклинания используем мы одни и те же.

— Грустно немного, когда оказался ты такой в сказке, вот они волшебники, магия, чудеса, — Эдик отпил кофе и саркастически продолжил, — А у них всё, как у людей, обычная скучная политика.

— Красота в глазах смотрящего, — усмехнулся аналитик и снова глянул на облака, — Но твои слова это вот прямо-таки железный аргумент в пользу того, что мы одинаковые.

— Техномаги и традиционные?

— Нет, волшебники и миряне, — Романов выпустил облако дыма изо рта, — Маги и маглы, цауберы и кайнцауберы. Возможно, на Ближнем Востоке тоже есть термины, но я не знаю их. И в Китае, скорее всего, тоже есть.

— Просто кто-то умеет летать с рождения, а кто-то покупает билет на самолёт, — вздохнул Рихтер.

— Нас всех воспитывают в боязни иного мира, в том, что если мы ему откроемся, он нас поглотит и уничтожит. И не важно, мы сейчас про ортодоксальных волшебников с мирянами или про русских с американцами.

— Ну, нынешний мир, это мир хищников, — Эдди посмотрел в свою чашку, — Оттого боязнь не беспочвенна.

— Он всегда был миром хищников, но никто хищников не заставляет охотиться друг на друга, когда вокруг полно добычи, — мрачно произнёс Михаил.

Знакомство Малыша Эдди с магическими источниками информации было похоже на экскурсию в музей. В мире, где существует “Твиттер”, “Инстаграм” и каналы в “Телеграмме” печатная пресса, даже с движущимися фотографиями выглядит, безусловно, эпатажно, но скорее как творение кружка фанатов истории, чем как что-то серьёзное. Однако же пока магический прогресс не дорос до аналога Интернета, приходилось иметь дело с тем, было в наличии.

А в наличии, как ни странно, в Магической Германии печатных изданий было пять. Два — в Берлине, одну газету издавали в Мюнхене, одну — во Франкфурте, и ещё одна печаталась в Гамбурге. Уже по расположению было очевидно, что хорошо, что их пять, будет что сравнивать, выискивая посреди всего этого что-то похожее на правду.

Хотя газетчики всегда врут, но благодаря тому, что делают это по-разному, общая картина обычно вырисовывается более-менее однозначной. И она, откровенно говоря, Эдика и Михаила озадачивала. По всему выходило, что Гражданская война в Магической Германии

начала разворачиваться стремительно, но то, что ещё с утра в WarConsulting обозвали “Советской республикой в кольце фронтов” уже на вечер таковой не являлось.

Оплот фронды, Бавария, судя по всему, раскололась и сама организовала себе локальную войнушку за всё хорошее против всего плохого. При этом, по всей видимости, захватить редакцию газеты обе стороны забыли, либо же просто упустили из виду, и журналисты отправились в свободное плавание под лозунгом “Что ж вы, мудаки, творите?!”, чуть было не став третьей силой в этом конфликте. Если утром статья на передовице клеймила Вильгельма Эрнста узурпатором, который на русских штыках взял власть в Берлине, то в обед тон начал меняться. Нет, мнение про нового Канцлера не особо скорректировалось, однако, начали раздаваться вопросы к собственной власти: “Ребята, а что у нас тут такое происходит?” Потому что возле одного из городков на юге, да и прямо посреди Мюнхена, между волшебниками случились нешуточные бои с человеческими жертвами. Газетчики вопили о нарушении Статута о Секретности, о вовлечении маглов в столкновения, а также о том, что вообще бои ведут волшебники, которых по феодальным клятвам призвал к оружию Альбрехт Баварский. И судя по всему, воюют они друг с другом, и природа этого была совершенно неясна, так как Виттельсбахи хранили гробовое молчание.

Вечером Альбрехт всё же выступил с заявлением, что волшебники Баварии сплочены, как никогда, и готовы единым фронтом выступать на север, буквально брать Берлин. На что журналисты задались резонным вопросом: “А почему если вы готовы наступать на Берлин, то только что произошёл (уже третий за день) бой в самой Баварии, и более того — случился он под стенами родового замка семьи фон Вальдбург?” А когда стало известно, что ближе к девяти вечера в поместье Виттельсбахов кто-то доставил убитые тела и свалил их в кучу прямо перед воротами, то газета вовсе потерялась. Особенно, когда оказалось, что тела до этого были четвертованы, а потом сшиты обратно самым неприглядным образом — у кого-то было три руки, но не было ног, у кого-то голова была пришита к плечу, кто-то просто состоял из пяти ног (да, вместо головы тоже).

После этого газета извинилась перед Вильгельмом Эрнстом, сказав, что хоть мы и считаем вас узурпатором и тираном, но, пожалуйста, пришлите мракоборцев остановить этот кошмар. С русскими же Берлин через Лисицына поделился оперативными данными, и там всё подтвердилось — Августа фон Вальдбург и Альбрехт Баварский сцепились друг с другом, при этом до конца было неясно, какую всё же сторону заняла бывший Канцлер, и что собирается дальше делать.

Франкфуртская же газета, напротив, была напрочь занята Гессенским домом и стала похожа на рупор отборной нацистской пропаганды. Эдик даже полез искать аналогичные издания Германии тридцатых годов прошлого века для сравнения. И в целом, да — даже обороты использовались те же, и если евреев и славян заменить на техномагов и маглов, то публикации становились похожими до степени смешения. И из-за этого волосы на голове шевелились, потому что, судя по всему, в Гессене происходили погромы, расстрелы и загон части волшебного сообщества в концлагеря. Притом всё выходило последовательно и методично, что и подтверждалось по сводкам от мракоборцев Шваница, а значит данная акция готовилась Гессенским домом уже давно. По всему выходило, что Аненербе там обосновалось давно и обстоятельно.

Вечером та же газета объявила о том, что срок ультиматума для поддерживающих техномагию волшебников в Западной Германии истёк, и все, кто не поддержал решение Бригитты Вальдхаузен, будут арестованы и переданы в руки правосудия. При этом в газете

говорилось обо всех западных землях, включая Северный Рейн-Вестфалию, однако оперативные сводки мракоборцев об этой земле говорили, напротив, что там всё спокойно, наоборот, Вестфалия является оплотом благополучия, куда, собственно, и подались во множестве волшебники из Нижней Саксонии и Гессена. Однако Анна Эберль всё также хранила молчание по поводу запросов из Берлина, а известий о Морице Эберле, который уехал туда, не было вовсе. Это наводило на самые нехорошие мысли о готовящемся оттуда ударе, ведь Эберли собрали своё ополчение. Правда, было совершенно неясно, куда именно они собирались его применить.

Гамбургские же журналисты вторили своим франкфуртским коллегам, но в более либеральном тоне — они уповали на благоразумие тех, кому был предъявлен ультиматум, но одновременно с этим, когда Вильгельм Эрнст заявил, что ради спасения заложников в Байрсбронне он пошёл на сотрудничество с кайнцауберскими вооружёнными силами, объявили его не только узурпатором, но и тем, кто ради собственных низменных целей раскрыть существование волшебного сообщества перед маглами, тем самым разрушив его сначала в Германии, а затем и во всей Европе. Заявление было ожидаемым, тем более, что подобным образом выступили Министерство Магии Британии и Великие Рода Франции.

Кто все эти люди, и что они забыли в Германии, Эдик решил особо не разбираться, решив для себя, что всё, как у простых людей, сильные мира сего с радостью запрыгивают в проблемы соседа, если тот дал слабинку. Одно пока радовало — дальше заявлений у них дело не шло. Кроме военных консультантов из RedLine с Альбиона в Германию никто не прибыл, а Великие Рода Франции были заняты тем, что, судя по прочитанному в газетах, отмывались от связи с какой-то женщиной, которая спровоцировала Жана де Тулона, ликвидированного Михаилом в Сен-Тропе, на кровавую резню в Париже.

От имён, названий и географических мест пухла голова, но тут примерно в полночь, когда его коллеги уже приземлились в Штутгарте и двигались к Байрсбронне и Браубаху, а Романов с Лисицыным срочно отбыли к Шваницу по какому-то жутко срочному делу, с базой WarConsulting связалась Москва.

Москва и раньше могла связаться напрямую, но обычно это “напрямую” адресовывалось персонально Салтыкову, Эдика это касалось мало, он лишь несколько раз за последний год говорил с куратором из Кремля. Так и сейчас, голос в трубке изначально попросил к телефону Свята Вениаминовича. Но так как того не было, Михаил отсутствовал, то говорит пришлось Рихтеру, поймавшему себя на мысли, что он оказался в ситуации, когда все взрослые ушли, а на хозяйстве оставили его одного.

Москва не удивилась отсутствию начальства на базе, говорила недолго, и сообщила, что в связи с разворачивающимися событиями было принято решение о выводе наёмников с территории Германии. Пока что сроки окончательного вывода не назывались, но что он произойдёт, возможно, уже в начале сентября, это было уже точно. Россия закономерно оказалась не готова влазить в гражданскую войну в Магической Германии, даже руками своих военных консультантов.

Второе, о чём было сообщено Рихтеру, это нулевая толерантность по отношению к действиям британцев из RedLine — те были объявлены противником, которого, при появлении в поле зрения бойцов WC следует уничтожить. Эдди удивился подобной постановке вопроса, но спорить не стал, сообщив, что передаст всё остальным сотрудникам и руководству. Но вот когда разговор завершился, у него возникли какие-то неясные сомнения.

Он не часто разговаривал с Москвой, но у него свербило, что их куратор нынче был какой-то не такой, словно бы не тот, с кем он общался последний раз, когда они эвакуировались из Лондона. Голос был похожим, но в манере было что-то такое, что посеяло сомнения в его мозгу.

Во-первых, Москва позвонила в начале первого по средневропейскому времени, у них было уже начало третьего ночи, и в целом сама по себе ночная работа в столице не была ничем удивительным, но вопросы не были такими уж экстренными, чтобы сообщать их прямо посреди ночи, можно было бы и до утра подождать. Если, конечно, не считать распоряжения по британцам. Однако, оно само по себе было довольно бессмысленно — вряд ли бойцы Клима, которые сейчас ехали в Браубах или бойцы Тевтона, которые сидели в осаждённом штабе под замком Маркбург, не стали бы отвечать, если бы RedLine напали первыми.

А во-вторых, при попытке перезвонить по этому номеру механический голос ответил Рихтеру, что номера такого не существует. Возможно, это оказался всего-лишь технический сбой, потому Малыш Эдди позвонил по известной ему линии в Москву, и там ему ответил заспанный дежурный, и сообщил, что возможно их куратор и связывался лично, но сейчас его точно нет в здании, он ушёл час назад домой. Юноша извинился, повесил трубку и набрал Михаила. Тот был закономерно вне зоны доступа.

Задумавшись, а стоит ли звонить и высказывать свои сомнения Салтыкову, Эдди набрал и его. Тот спокойно выслушал информацию, переданную Москвой, а после сомнения своего подчинённого и попросил проверить номер телефона, с которого звонил их куратор.

А тем временем в Пекине проснулись люди, пошли на работу и узрели публикацию на передовице всех основных изданий о том, что британские империалисты взялись за старое, июньский опыт их ничему не научил, и сейчас они послали в Германию своё ЧВК RedLine, руководящий состав которой чуть ли не полностью состоит из бывших сотрудников Keenie Meenie Services, ранее существовавшей частной военной компании, прославившейся, среди прочего, подготовкой афганских моджахедов и полицейского спецназа Шри-Ланки, ответственного за массовые убийства множества гражданских. И вот теперь эти головорезы, как писали китайцы, направились в Германию с неясной целью, которая, кстати, для журналистов была простой и понятной — совершать военные преступления посреди тихой и спокойной Европы.

Одновременно с уведомлением о появлении телефона Романова в сети в мессенджере пришла от него ссылка на эту статью в Китае и лаконичным “почитай”. Пока Рихтер удивлялся повторению истории с братской помощью китайских товарищей, Михаил с Иваном уже оказались на базе.

А тем временем Вашингтон уже звонил на Даунинг-стрит с простым и лаконичным вопросом: “А что это у вас опять такое, и может нас в курс дела надо было поставить?” Лондон попытался оправдаться тем, что это частная организация, он не имеет к ней никакого отношения, но безрезультатно. В итоге они признались, что больше никто из их специалистов по военному консультированию не согласился ввязываться в это дело. В Вашингтоне удивлённо переспросили, какое же дело заставило использовать этих товарищей посреди Европы. На что им сказали, что точно не знают, но что-то связанное с вашими же, господа американцы, интересами в Нижней Саксонии. Те ответили что-то в стиле: “Что, простите?” и ушли консультироваться уже внутри себя.

Пока Вашингтон общался с Лондоном, в Китае вышли публикации с ретроспективным

разбором действий Keenie Meenie Services, и тут уже Берлин позвонил в Лондон с вопросом: “А вот эти ребята в Нижней Саксонии, они чего забыли у нас?” На попытку англичан ответить, что де это частная компания, они нам не указ, немцы спросили, а не хотят ли в Лондоне видеть русских? Да-да, тех самых, которые сейчас обосновались в пригороде Берлина. Так если чего, мы ж устроим, тут плыть недалеко. В столице Британии занервничали и сказали, чтобы Берлин искал заказчиков появления RedLine у себя на территории.

В Берлине сидели не идиоты, они помнили обращение некоего Вильгельма Эрнста к их спецслужбам из-за теракта в городке Байрсброн, который по какой-то причине полицейские ведомства проглядели — с этим ещё надо было разобраться, но Федеральный Канцлер решил спросить у Магического, а что собственно происходит? Магический честно признался, что одни волшебники не поделили Германию с другими волшебниками, на что его визави явно произнёс что-то непечатное и направил спецназ по адресам поместий Инги Веттин, Дитриха Бовеншульте и Филиппа Тельмана — то есть глав Нижней Саксонии, Бремена и Гамбурга. Вильгельм Эрнст не знал, кто именно стоит за появлением британского ЧВК, потому решил сдать всех, справедливо рассудив, что говорить про Гессен не стоит, так как там явно будет требоваться применение сил Бундесвера, а в Нижней Саксонии можно будет обойтись спецназом.

В четыре утра Шваниц сообщил в WarConsulting, что кайнцауберы пошли на полицейскую операцию в Ганновере, следующим будет Бремен и Гамбург. Рихтер, Романов и Лисицын крайне удивились, одновременно злорадно обрадовавшись — всегда приятно, когда серьёзного противника выводят из строя. Рихтер даже пошутил про *magistratus ex machina*[1].

Сразу за Шваницем в офисе русских раздался звонок из администрации Федерального Канцлера, где их настоятельно попросили, не предпринимать никаких резких движений на западе Германии, кроме тех, о которых уже известно Федеральному Правительству. Рихтер заверил, что ничего подобного не планировалось, но посетовал, что к ним звонили какие-то телефонные террористы под видом русских особистов и предлагали похабное. На том конце провода Берлин мрачно выругался и посоветовал пользоваться только проверенными каналами информации.

Эдик позволил себе такие речи ровно потому, что Михаил уже успел проверить номер телефона, с которого звонил якобы куратор из Москвы. Номер принадлежал женщине из городка Обнинск под Москвой, и судя по всему, из Обнинска этот номер последнюю неделю не выезжал. На лицо выходило, что кто-то просто замаскировался под русских с целью — да непонятно с какой целью. Всё сказанное было бесполезным от слова совсем, максимум на что это было похоже, так на обычный пранк.

И вот к пяти утра Шваниц сообщил, что руководство Нижней Саксонии задержано полицией и передано ни куда-то, а в БНД. Волшебники удивились появлению кайнцауберского спецназа у них дома, притом настолько, что даже не стали практически сопротивляться. Виктор, правда, пошутил, что сложно сопротивляться, когда тебе в лицо летит приклад, а пользоваться ты за сорок лет жизни научился только палочкой, да и той плохо.

А в это же время Берлин позвонил в Лондон и ехидно поинтересовался, а RedLine — это точно частная организация? На Даунинг-стрит явно нервно сглотнули и подтвердили это. На что Берлин повесил трубку и дал приказ на штурм доков Гамбурга, где располагались силы

RedLine.

Примерно в половине шестого Лисицын направился спать, а Рихтер с Романовым вышли из здания на улицу посмотреть на рассвет. Только что в индийских изданиях вышли статьи и о RedLine, и о Британской Империи, и о том, что вообще индусы думают обо всём этом. Вашингтон тем временем не смог дозвониться до Лондона, который уже вполне откровенно не брал трубку.

А тем временем над Германией на востоке небо начало стремительно светлеть.

**

(21 августа)

— Вильгельм, я думаю, что если бы во Второй Магической в Британии профессор Дамблдор использовал не школьников Хогвартса, а специалистов из Особой Воздушной Службы[2], то для Тёмного Лорда закончилось всё бы намного быстрее, — Августа фон Вальдбург в своём неизменно строгом чёрном платье сидела на диване в кабинете Канцлера Магической Германии, подобрав под себя ноги, и пила кофе.

— Я не специально, — Вильгельм Эрнст зевнул, потёр глаза и потянулся к своему кофе, стоявшему перед ним на столе, — Нужно сказать спасибо этим чёртовым китайцам.

- Но Статут нарушили именно Вы, Вильгельм, — саркастически заметила Августа, — Решили бросить в магловскую яму наш прекрасный магический мир.

— Магловская яма попросила лишь завести паспорта, интегрироваться в систему здравоохранения и платить налоги, — Эрнст откинулся в своём кресле и положил на стол перед собой руки.

— Всё, как в ГДР, — улыбнулась фон Вальдбург.

— Всё, как в ГДР, — кивнул ей Канцлер, — Через пару часов мы узнаем, чем закончилась операция в Гамбурге. И если всё хорошо, а я предполагаю, что у кайнцауберских бойцов всё сложится именно таким образом, то мы будем смотреть на смешно трепыхающегося противника на северо-западе.

— Мне пока что интересно, что напишут в газетах обо всём об этом?

— Ваши мюнхенские газетчики уже попросили меня ввести к вам мракоборцев, потому что не оценили эстетическую привлекательность композиции у ворот поместья Виттельсбахов.

— Ну, я Альбрехта предупреждала, — Августа улыбнулась, — Он не внял, потому его люди вернулись к нему вот в таком вот виде.

— Нет, ну, в целом благодаря этой безумной выходке, я стал смотреться куда выигрышнее в глазах общественности, — ухмыльнулся Эрнст, — А если уж мракоборцы ещё и порядок наведут...

— Альбрехт пока не сдался, даже трижды побитый, — фон Вальдбург отпила кофе, — Но я уже решила договариваться, Вильгельм, мне нужна Бавария, а ещё мне нужна Германия. Эрнст удивлённо воззрился на женщину, подался вперёд и подпёр подбородок рукой:

— Мне уже даже интересно, что Вы имеете в виду?

— Мне нужна целая и независимая Магическая Германия. Сильная и самостоятельная. Я глава рода, потому хочу, чтобы мои потомки жили в спокойствии и у них было будущее. Я не верю в будущее Германии под управлением англичан и американцев.

— Августа, — Вильгельм крайне нехорошо заулыбался, — Я сегодня не ложился спать, сейчас уже семь утра, потому прошу, поумерьте свой пафос, иначе я усну прямо тут.

Женщина закатила глаза и сделала глоток кофе:

— Отдайте мне Баварию, род фон Вальдбург доказал делом, что готов править этой землёй.

— Принесите мне Баварию, Августа, — очень вкрадчиво произнёс Канцлер, — Тогда и поговорим.

— Вы не боитесь, что если захвачу Баварию я, то уже никуда её не понесу?

— А на вопрос, боюсь я чего-то или нет, я отвечу, когда кайнцауберы закончат в Гамбурге и Бремене.

Августа понимающе кивнула и мрачно засмеялась.

Раскрылась дверь и на пороге появился высокий смуглый мужчина в белой рубашке, чёрной жилетке и таких же брюках. В руке он держал плетёную корзинку, прикрытую полотном.

— Доброго утра, герр Эрнст, — произнёс он бархатным голосом, учтиво поклонился и огладил бороду.

Августа удивлённо посмотрела на него и большим глотком допила свой кофе, поставила чашку на столик, а затем вытянула ноги и села спиной к подлокотнику, заняв весь диван.

— Доброго утра, — Вильгельм внимательно посмотрел на вошедшего, — Хаким, насколько я понимаю?

— Именно так, герр Эрнст, — турок кивнул, неспеша подошёл к столу и поставил перед Канцлером корзинку, не обратив никакого внимания на Августу.

— Что это? — немец скептически посмотрел на посетителя.

— Подарок, — Хаким расплылся в радушной улыбке.

Августа тем временем вытянула шею, чтобы получше рассмотреть корзинку.

— Откройте сами, — Вильгельм откинулся на спинку кресла и как бы невзначай вытащил волшебную палочку.

— Недоверие ко мне оправданно, — кивнул турок, — Но я пришёл сюда с подарком, а не с оружием, — он снял с корзинки полотно, в ней оказалась голова черноволосого мужчины с бородой, через всё лицо которого шли три глубоких пореза.

— Что это? — ледяным тоном спросил Канцлер. Августа привстала на диване и удивлённо подняла бровь.

— Это голова Али Демира в качестве моего жеста доброй воли, — голос Хакима был по-прежнему бархатным и спокойным, словно он принёс сладости к чаю, а не голову известного террориста.

— *De furore Rutenorum libera te, Domine*, — саркастически произнесла Августа и обратилась к Канцлеру. Хаким её прекрасно слышал, но снова не обратил внимания.

— И зачем она, позвольте узнать, мне нужна? На стену кабинета повесить? — тон немца по-прежнему был ледяным.

— Этот человек принёс много зла и крови на эту землю, больше он этого не сделает.

— В Гессене сейчас обретаются ребята, которые могут сделать так, что принесёт даже в таком виде, — саркастично заметила фон Вальдбург, деловито поправляя подол платья. У Хакима заиграли на скулах желваки.

— Хаким, я дам Вам совет, я понимаю, что на Востоке подобные жесты могут быть трактованы верно, но здесь несколько иная культура, — Вильгельм посмотрел на голову, — Подобной корзине, пожалуй, могли бы быть рады русские, однако же, они уже в Байрсбронне, и упаси Вас Господь, отправляться с этим подарком к герру Салтыкову. Насколько я понимаю, этим демаршем, Вы у него украли возможность отомстить за смерть своих

товарищей.

— Я это принёс, чтобы показать, что мой народ хочет жить в мире на этой земле, и мы сами готовы наказывать тех, кто этот мир нарушает.

— Мне пока не докладывали о том, что банда в Байрсбронне сложила оружие, — немец был непреклонен.

— Хаким, помнится, мы с Вами не далее, как три дня назад пытались договориться, — Августа хищно ухмыльнулась, — Но вместо удара по Аненербе, Ваши люди предпочли захватить больницу с женщинами и детьми, а после показательно начать отрубать головы пленным.

— Фрау, я разговариваю с Канцлером, — совершенно спокойно ответил турок.

— А я с Вами, — невозмутимо ответила женщина, — Простите, что не в хиджабе, но я не знала, что Вы преврёте наш с герром Эрнстом диалог своим появлением.

— Как я понимаю, Германия не принимает наш жест доброй воли? — в тон ей ответил Хаким, глядя на Эрнста.

— Хотим ли мы жить в мире с Вашим народом, Хаким? Да, — Эрнст кивнул и подался вперёд, — Хотим ли мы, чтобы террористы в Байрсбронне сложили оружие и предстали перед судом? Тоже да, — он упёрся локтями в столешницу и сплёл пальцы, по прежнему держа палочку, — Хотим ли мы, чтобы были отпущены три француза и два немца из Ваших застенков? Тоже да. А голова Вашего домашнего питомца нам не нужна, её бы нам русские принесли.

— Жаль, что наши переговоры не задались, — покачал головой турок, — Однако я должен сказать, что не собираюсь вести войну, как тот, чья голова стоит на Вашем столе.

— Хаким, мой Вам бесплатный совет, — сказала Августа, — Отпустите заложников, всех. И которые в Байрсбронне, и которые в Берлине.

— До новой встречи, герр Канцлер, — турок кивнул Вильгельму и неспеша вышел из кабинета, оставив корзину на столе.

— Ну, что банда осталась без лидера, это безусловно хорошая новость, — Эрнст встал из-за стола и задумчиво посмотрел на голову Али Демира, потом перевёл взгляд на Августу, — Только, пожалуйста, не несите мне голову Альбрехта.

— Ну, в целом иногда полезно держать в подвале коллекцию своих врагов, — та неспеша поднялась с дивана.

— Мне будет достаточно Баварии. И сегодня мракоборцев я туда вряд ли вышлю.

— Ладно, я поняла Вас, Вильгельм, — саркастически произнесла фон Вальдбург и направилась к выходу.

***

(21 августа)

Утро в Браубахе выдалось туманным и серым.

Где-то там, за облаками, быть может, и светило солнце, но здесь низкие серые тучи практически цеплялись за шпиль замка Марксбург.

Русские уже проснулись и аккуратно, стараясь не шуметь, выходили во двор. За забором простирался туманный немецкий городок, который исчезал в этой серой дымке уже на противоположном краю площади. С другой стороны на территории штаба деревья нависали своими неподвижными ветвями над площадкой, где стоял тентованный КАМАЗ WarConsulting.

Колонне Клима оставалось ехать каких-то полчаса, потому здесь бойцы пошли

прогревать грузовик и будить волшебников, спавших в здании. Двое как раз вышли из задних дверей, между которыми и забором боком к ним стоял КАМАЗ: молодой русоволосый парень с позывным Артист и чернявый дядька под сорок — Казбек.

Артист остался на крыльце, снял автомат с предохранителя и огляделся. С прутьев забора глухо падали капли, остальные звуки, казалось, тонули в туманной пелене. Казбек неспеша подошёл к водительской дверце, поправил автомат на плече и потянул за ручку.

Какой-то невнятный чавкающий звук раздался с противоположной стороны от забора из леса, он вторил открывшейся дверце, и в тишине промозглого утра казался оглушительным.

— Казбек, заводи, я гляну, — Артист направился к забору, обходя грузовик со стороны кабины.

Его напарник кивнул, не стал закрывать дверь и завёл автомобиль. КАМАЗ заурчал, проснувшись от сна, а после своим рыком сообщил на весь двор и, казалось бы, всю площадь, что он на ходу, в добром здравии и готов ехать. Артист же тем временем не услышал, что происходило перед главными воротами, пытаясь в пегом мареве разглядеть хотя бы что-то, кроме близлежащих стволов деревьев.

А к воротам из тумана стремительно приближалась толпа странных личностей, чертовски похожих на ходячих мертвецов. Компьютерные игры учат, что подобный противник падёт, когда его шкала жизни опустится до нуля. Телесериалы — что нужно стрелять обязательно в голову, но сейчас двое русских наёмников в бронетранспортёре оказались несколько озадаченными. С одной стороны, вот он противник, и его явно не сдержит кованый забор, а с другой — а толку стрелять? Всем известно же, что мёртвых не убить.

Ребята и девчата в лохмотьях с вывалившимися глазами, а кое-где и вовсе без мускул, всё ближе подходили к воротам, явно желая ускориться.

— Ты как хочешь... — пробормотал русский с позывным Фантом за пулемётами бтра и открыл огонь.

Очередь из стволов бронемашины врезалась в толпу оживших мертвецов, вверх и в стороны полетели ошмётки плоти и части тел — передний ряд наступавших оказался буквально скошен, а напиравшие сзади не смогли удержать равновесие и попадали на своих незадачливых товарищей. Перед воротами образовалась мерзкая куча-мала из полуистлевших тел.

— Штаб Питону, Штаб Питону, — заговорил напарник Фантом, сидевший за рулём бронемашин.

— Штаб на связи, — ответила рация.

— Атака мертвецов на ворота, — мрачно произнёс Питон, ему вторили спаренные пулемёты бтра.

— Слышим, Клим на подходе, обещает пятнадцать минут.

А тем временем на забор, который был возле Артиста, Казбека и их КАМАЗа, тоже полезли живые мертвецы. Их было меньше, однако, даже десяток подобного вида личностей, уже поражал воображение и вселял в сердца ужас.

Артист дал очередь по пытавшемуся перелезть забор противнику и понял, что даже отстреленные конечности не лишают тех желания перебраться через преграду. Прямо из кабины открыл огонь Казбек, однако их противники всё напирали, вставая на тела своих же товарищей и оказываясь уже наверху ограды.

И тут позади грузовика, по-прежнему стоявшего боком к забору, раздался громкий

женский голос, и мощный рукав огня протянулся в сторону сидящих на заборе неживых врагов. Пламя сшибло нескольких сверху, остальные же остались на своих местах, словно бы и не заметив, что они горят. Да, теперь в этом месте базу русских штурмовали не просто живые мертвецы, а горящие живые мертвецы.

Из дома же в организованном порядке вышли волшебники, как и говорила ректор Марксбургской Академии — как бы её слова не звучали пафосно, но здесь и сейчас вопрос предельно просто, и наглядно: либо драться с одинаковым шансом и погибнуть, и победить, либо погибнуть сразу, выйдя за ворота к ожившим мертвецам. То, что там ждёт безоговорочная смерть, осаждённые видели своими глазами — некоторых из мертвецов ещё прошлым вечером видели живыми и не желающими эвакуироваться. А вот теперь они уже стоят в рядах мёртвых, штурмующих русский штаб.

Волшебники стояли в полный рост и поливали огнём своих заклинаний лезущие через кованный увитый хмелем забор орды противника. Перед воротами высился уже натуральный вал из копошащихся однажды умерших тел, которые всё ещё не потеряли желания добраться до своей цели.

Слева и справа нападающие волны почти уже перехлестнули на территорию штаба, но пока сдерживались чарами немцев. Выстрелы из автоматов наносили мало урона противнику, если только не стрелять в упор, но памятуя о вчерашнем инциденте с караульными подходить к ним русские не стремились. Зато спаренные пулемёты бтра косили нападавших, натурально, как траву.

— Тевтон Климу, Тевтон Климу, приём, — рация командира заговорила голосом командира эвакуационной группы.

— Тевтон на связи! — отозвался тот, отвлѣкшись от стрельбы по ходячим мертвецам.

— Слышу, у вас жарко, две коробочки заходят на площадь, остальные следом, цели указать сможешь?

— Дай мне минуту.

— Принял, конец связи.

В любой другой ситуации Тевтон воспользовался бы просто ракетницей, но во-первых, город по-прежнему скрывал туман, и потому был риск, что её не заметят. А во-вторых, у него в распоряжении были волшебники, способные устроить такое фаер-шоу, что и сквозь туман будет видно.

Сейчас как раз ещё раз волны противника вновь начали перехлѣстывать через забор со стороны площади, их и попросил Тевтон поджечь, хорошо поджечь.

Бмп заходили на площадь на скорости, зная, что на другом её конце уже кипит нешуточный бой, достойный Джорджа Ромера. В тумане можно было бы сориентироваться на тепловизоры, но в них не было никакого толка — противник был ровно той же температуры, что окружающий их туманный город.

И вот полыхнуло зарево, сначала одно, после — второе. Пламя выхватило из тумана человеческие силуэты, которые, казалось бы, совсем не замечали столь яркого и очень горячего огня, который их объѣл. И бмп выстрелили, по очереди.

Мощные взрывы разметали кучи перебравшихся через забор мёртвых тел. Бронемашины зарычали и двинулись к воротам, обходя с двух сторон фонтан в центре площади, а в это время с центральной улицы уже заезжала колонна остальных автомобилей с бронетранспортѣром во главе.

Шедшая первой бмп зацепила что-то в тумане, смяла это и переехала. И буквально через

несколько мгновений мертвецы, до этого неумолимо лезшие на позиции живых, остановились. Остановились разом и попадали на землю прямо там, где их застал этот момент.

На площадь, лязгая металлом и грозно рыча, заезжала русская техника.

****

(21 августа)

За ночь прибывшие силы Бундесвера с приданными им русскими наёмниками и местной полицией оцепили магическую часть Байрсбронна. Первое кольцо оцепления охватывало исключительно магические кварталы, чтобы ни туда, ни оттуда никто не мог пройти, кому проходить не дозволено. Второе же кольцо было уже внутри, оно окружало периметр площади, на которой стояло захваченное здание лечебницы.

Русских в оцепление не поставили, отведя им роль ударной группы во время возможного штурма — рисковать своими людьми да даже и полицейскими Омару Хемейни не хотелось, непонятно, вообще ради чего, ради каких-то сектантов? А удачно подвернувшиеся русские вполне себе зайдут. Провалятся — не жалко. Выиграют — так под мудрым руководством немецкого турка. Но пока что мудрый немецкий турок отправил основные свои силы отдыхать, планируя с утра собрать совет в штабе и разработать план грядущих действий.

Каких-либо шевелений со стороны террористов не наблюдалось, оттуда вообще почти не доносилось звуков с тех пор, как в третьем часу ночи вокруг них замкнулось кольцо. Лишь когда рассвело, примерно в седьмом часу утра, наблюдатели заметили движение на территории больничного двора, нет, бандиты не выводили заложников на экзекуцию, и не было похоже, что они готовятся к прорыву. Они просто бегали, будто кто-то обнаружил что-то безумно интересное за зданием лечебницы и водили всех туда посмотреть.

Салтыкова разбудили примерно в семь утра новостями из Браубаха. Колонна Клима пробилась, деблокировала осаждённых в штабе русских и лояльных Берлину немцев. Попутно водитель деблокирующей бмп умудрился не заметить в тумане старейшего некроманта Германии, как о ней рассказывали. Эта женщина, по всей видимости, и вела на приступ русских укреплений орду мертвецов. Где она нашла такое количество тел, не совсем понятно, но точно, что некоторые из них были убиты не так давно — в начале ночи, когда кончился ультиматум, выдвинутый Вальдхаузенами, некоторые из лояльных Канцлеру волшебников всё ещё оставались в своих домах, решив никуда не бежать.

И вот простой военный консультант из России, сидевший за рулём своей бронемашины, наехал на старушку, не заметив ту в тумане. Почему она проигнорировала рёв и лязг стали, приближающиеся к ней — история умалчивала. Но факт остался фактом — все многолетние магические знания, артефакты и боевые чары не смогли спасти её жизнь после столкновения с двумя десятками тонн стали и брони. Свят Вениаминович на всё это лишь мрачно произнёс, что нужно соблюдать правила судоходства в оживлённых водах, и уже готов был после этой новости обратно лечь подремать, но тут его снова подняли и попросили срочно пройти в комнату, которую Омар Хемейни назначил штабом.

Войдя, Салтыков узрел крайне мрачного турецкого немца, нервно мрачно ухмыляющегося и раздражённого Хеопса, незнакомого ему, но уставшего, мракоборца в неизменной красной мантии, а также какого-то огромного, комплекцией не уступавшему ему самому, мужчину с рыжей бородой и такого же цвета волосами, заплетёнными в косу.

Четыре пары глаз устремились на него, а потом снова уставились обратно, на стол,

посреди которого стояла плетёная корзина. А в корзине лежала голова бородатого смуглого человека.

— Свят Вениаминович, — обратился к нему Омар, — Это у вас в порядке вещей, как я понимаю? — он раздражённо указал на корзину и передал русскому записку.

Тот хмыкнул, раскрыл лист бумаги и прочитал послание от Вильгельма Эрнста, что эта голова некогда принадлежала Али Демиру, что её ему доставили турки в качестве жеста доброй воли, и что он в свою очередь доставляет это Святу Салтыкову.

— Да, герр Хемейни, иногда мы дарим друг другу головы, — совершенно спокойно произнёс глава ВС, — Лично мне эта голова не нужна, могу отдать Вам, — он поднял бесстрастные глаза на немецкого офицера.

— Что это за выходка? — процедил тот сквозь зубы.

— Насколько я помню, герр Хемейни, у Вас есть приказ? — улыбнулся Салтыков, оперевшись на край стола.

— Мой приказ заключается в том, чтобы спасти заложников, но сейчас, признаюсь, мне хочется всех вас арестовать и отправить в тюрьму, как поехавших! — буквально выплюнул свою фразу немецкий турок.

— Поехавших надо в лечебное учреждение отправлять, — Свят Вениаминович совершенно спокойно пожал плечами, — Вот эта голова принадлежит лидеру банды, удерживающей нашу лечебницу, и с одной стороны это хорошая новость.

— Жаль, что у нас украли победу, — чуть раздражённо процедил Хеопс, — Я надеялся увидеть этого мудака с головой.

— Да, но что случилось, то случилось, это нынче подарок, — ухмыльнулся Салтыков, глядя на подчинённого.

— Что же, это теперь там все они без руководства? — пробасил рыжий мужчина.

— Ваши люди пропустили под вечер, как они же сами и сказали, каких-то двух мужчин и женщину, — крайне недовольно произнёс Омар, смерив взглядом рыжего волшебника, — Или это Ваши переговорщики?

— У нас не было людей, чтобы полноценно обеспечить блокаду территории, — пробормотал, опустив глаза в стол, мракоборец.

— Зато теперь есть, — сказал Хемейни, обведя собравшихся вокруг стола взглядом.

— Предлагаю отправить переговорщиков, — произнёс Салтыков.

— Я думал, Вы будете рваться в бой, — усмехнулся немецкий турок.

— Мы можем пойти на приступ, но какой в этом смысл, пока там заложники? — покачал головой Хеопс, — Я согласен со Святом Вениаминовичем, нужны переговоры.

— Насколько я понимаю, отступать им некуда, — пробасил рыжебородый, — Даже во Франции от них попытались откреститься.

— В целом, передать им автомобили для выезда, идея неплоха, — пожал плечами Свят Вениаминович.

— Я понимаю, к чему Вы клоните, но это опасно, — ответил ему Омар, — Особенно если они захотят взять с собой заложников.

— Ну, я не питаю иллюзий, что они идиоты, — глава ВС огладил бороду, — Они же понимают, чем закончится их выезд из лечебницы без заложников.

— Значит нужно формировать переговорную группу, — Хемейни посмотрел на рыжебородого мужчину, — Герр Церинген, мне сказали, что Вы уже занимались этим.

— Да, — тот кивнул, — Но мы не преуспели в этом. В течение часа будет подобрана

новая группа.

— Нам для начала туда надо отправить кого-то с целью узнать, а хотят ли они вообще переговоры?

— Да, всё будет... — Виктор Церинген хотел ещё что-то сказать, но позади Салтыкова раздался резкий хлопок, комнату заполнил сизый дым и запах тлена. Стало чуть холоднее, все резко обернулись на то место, где стоял невысокий человек в рогатом шлеме и кольчуге с размалёванным охрой под череп лицом. В одной руке он сжимал круглый щит, где на чёрном поле был изображён белый рогатый череп, другую руку положил на рукоять кривого меча, заткнутого за кушак на поясе.

Он злобно посмотрел на собравшихся, а после, увидев Свята Вениаминовича, с криком на совершенно непонятном наречии преклонил колена и протянул тому свиток. Русский удивлённо хмыкнул, шагнул вперёд и забрал его. После этого странный человек рассыпался прахом на пол комнаты.

— Герр Салтыков, — по голосу Омара Хемейни было понятно, что тот на грани бешенства, — Что это было?

— Герр Хемейни, это была, похоже, почта, — Виктор Церинген смотрел, как русский разматывает свиток и читает, что там написано. И как он мрачнеет по мере прочтения, — Я понимаю, что это прозвучит экстравагантно, но таков в нашем сообществе, раз уж Вы к нему прикоснулись, способ передачи писем.

— А это был что, почтальон? — немецкий офицер всё ещё сдерживался, чтобы не взорваться.

— У нас, у европейских волшебников, — Виктор говорил спокойно, было видно, что он подбирает слова, — У нас есть такие существа в услужении, как домовые эльфы. Так вот, иногда они могут доставлять послания от одного человека другому, — он посмотрел на то, как Салтыков сминает бумагу в руке, и что она от этого рассыпается прахом, — Возможно, у русских также есть существа, которые могут среди прочего доставлять послания от одних волшебников к другим.

— Герр Церинген, — Омар глубоко вздохнул, — Я понимаю, что вы все здесь сектанты, и мне, в сущности, наплевать, я пришёл сюда людей спасать, — он ткнул пальцем в грудь Виктора, — Но, пожалуйста, не лейте мне в уши ту дурь, которая у вас плещется в голове.

Салтыков увидел, как Церинген начал закипать и багроветь. В целом, подумал русский, тут бы даже обошлось без каких-либо заклинаний — цаубер просто бы сел на кайнцаубера и раздавил его с большой долей вероятности.

— Хватит уже, — Свят Вениаминович потёр глаза и опёрся руками на стол, — Мне нужно срочно отбыть повидаться с роднёй. В моё отсутствие нашей группой будет командовать Хеопс, он будет отвечать полностью за все вопросы.

— Надолго? — спросил тот, пока остальные удивлённо глядели на главу WC.

— Обычно пара часов, — тот пожал плечами, — В любом случае, сдаётся мне, ничего важного до полудня происходить не будет.

— А если они сложат оружие до полудня? — спросил Хемейни.

— Тогда я вам тут точно не нужен буду, — улыбнулся Салтыков, — Но вопрос крайне важный, так что не могу оставить без внимания.

— Простите, герр Салтыков, — Виктор внимательно посмотрел на него, — Из Байрсбронна сейчас нельзя мгновенно переместиться ни одним известным магическим способом. Как и в него.

— Буду знать, но это не мешает моему свиданию с родственниками, — снова улыбнулся русский, — Можно, я не буду Вас посвящать в детали, герр Церинген?

— Да, я просто предупредил.

— Ладно, следующая встреча через час, жду от герра Церингена состав переговорной группы, — недовольно сказал Омар и хлопнул в ладоши.

Остальные мужчины согласно кивнули, и направились на выход.

1 — *Magistratus ex machina* — отсылка на *deus ex machina* — неожиданную развязку трудной ситуации с привлечением внешнего, ранее не действовавшего в ней фактора, например, чудесное спасение героев.

2 — Особая воздушная служба — специальное подразделение вооружённых сил Великобритании, являющееся образцом для подразделений специального назначения во многих других странах по всему миру.

Глава XVII. Тени Кведлинбурга

*

(21 августа)

Эдди не стал ехать домой, а уснул на базе, попросившись в бывшую спальню Игната Кондратьевича. От новостей и событий кругом шла голова и спать в целом не хотелось, но он осознал — надо. Выдалось относительно спокойное время: в Браубах колонна пришла без особых проблем и сейчас уже готовилась двинуться обратно, в Байрсбронне тоже пока ничего выдающегося не успело случиться. По линии внешних связей Рихтер также никому не требовался — в Германии было обычное субботнее утро, если что и случится, так ближе к обеду, а пока нужно было хотя бы немного отдохнуть.

Михаил направился в свою спальню, она у него располагалась за стенкой. А капитан ФСБ Лисицын как раз проснулся, когда Эдди ложился, пожелал тому хороших снов и вышел из спальни Куприянова. Видно было, что Ивану сейчас снова предстоит куда-то ехать, ну и пусть, его работа явно включала в себя больше нервотрёпки, чем даже боец WC может представить.

Специалисту по внешним коммуникациям Эдуарду Рихтеру и раньше иногда снилась война в Грузии, куда он умудрился попасть в восьмом году, но сейчас сон был ярче обычного.

Их колонна шла в сторону Гори, он со своими сослуживцами сидел на броне бтра и глядел по сторонам. Вдруг вспышка сбоку и головной танк встал, подбитый и объятый пламенем. Эдик вместе с остальными бойцами ссыпался на землю и залёг у обочины под раскидистым орешником. Позади застрекотал пулемёт, но впереди никаких вражеских солдат не было. Вдруг Рихтер уловил движение в кустах в десятке метров перед собой и открыл огонь. Не было понятно, куда именно он стреляет, но там, в зарослях орешника, явно засел недруг, напавший на них.

Просвистели пули над его головой, кося ветви кустарника, и наконец-то Малыш Эдди заметил рыжеволосую фигуру, которая выскочила на открытое пространство, целясь в него из автомата. Долей секунды ему хватило, чтобы узнать её — это была Нина, та самая рыжеволосая Нина из отдела Романова, которую в накрытом полосатым флагом гробу, несколько дней назад они отправили на родину. Она стояла во весь рост и смотрела в него через прицел своего оружия.

— Эдик! — Рихтер отчётливо услышал её голос, затем прогремевший выстрел, и только потом проснулся.

В комнате было сумрачно и холодно, намного холоднее, чем перед сном. Может, кондиционер был включен, а он и не заметил, когда ложился? Окна оказались плотно зашторены, потому лишь немного света пробивалось по их краям.

— Эдик, ради чего? — нинин голос прозвучал так отчётливо, словно бы она была тут рядом с ним.

Рихтер помотал головой и огляделся, небольшая комната, в углу у двери была раковина, возле неё — стул, на который он свесил свою одежду. И никого больше, видно сон ещё не отпустил, если его слух играет с ним такие шутки.

Он приподнялся на локте, вздохнул и понял, что кондиционер хоть и был в комнате, но был отключен — все заслонки, из которых должен был дуть воздух, закрыты, но сам воздух в

комнате оставался крайне холодным.

Эдди увидел пар своего дыхания и сел на кровати, спустив ноги на пол. Тут возле стула, в паре шагов от него, из сумрака появилась Нина. Она была в той же одежде, что и в их последнюю встречу, только одежда эта вся была рваной, а на груди и шее у девушки зияли огромные рваные раны, а лицо было обгоревшим. Девушка стояла, скрестив руки на груди, и с неодобрением качала головой.

— Нина? — удивлённо выдохнул Рихтер, думая, что это всё ему снится, что это сон внутри сна.

— Эдик, зачем мы этим занимаемся, ты подумал? — с вызовом прозвучал голос девушки.

— Я... Я же... — пробормотал юноша, а она уже шагнула к нему, откинув волосы назад, словно демонстрируя своё обгорелое лицо.

— Ради чего мы все умерли, Эдик? — её голос был таким же холодным, как и воздух вокруг, и от этого внутри Рихтера всё сжалось. Он отодвинулся от неё, но она уже встала совсем рядом, нависая над ним. А потом резким движением вцепилась руками в горло. Юноша инстинктивно схватил руки, пытаясь высвободиться, ударил ногами, но те прошли насквозь девушки, словно её там и не было. Зато хватка была такой силы, что разжать её не представлялось возможным.

Дыхание перехватило, Рихтер захрипел и повалился навзничь на кровать, а ледяной голос перешёл на крик:

— Ради чего мы умерли?! — она душила его, а он ничего не мог с этим поделать, все попытки оттолкнуть или ударить её не приводили ни к чему, руки просто проходили сквозь тело.

Эдди обуял ужас, так страшно ему было, пожалуй, никогда в жизни, и ничего с этим поделать он не мог, лишь беспомощно сучил руками и ногами. Воздуха не хватало, а навалившаяся нечеловеческая тяжесть не давала встать и убежать.

И тут дверь в комнату распахнулась, кто-то появился на пороге, громко выматерился, подскочил и бросил что-то в Нину, которая тотчас растаяла. Тяжесть исчезла, холод пальцев, что душили его, тоже. Над ним стоял взволнованный Иван Лисицын, сжимая в руках склянку с чем-то белым внутри.

Эдик повернулся на бок и закашлялся, а фсбшник присел на край кровати и взволнованно похлопал его:

— Ничего-ничего, всё уже хорошо.

— Что? — тяжело вздохнув, произнёс Рихтер, осознавая, что в комнате заметно потеплело.

— Да как ты смеешь?! — посреди комнаты снова появилась Нина и попыталась броситься на них, но Иван резким движением метнул из склянки что-то в неё, и она снова растаяла.

На пороге комнаты появился взволнованный и заспанный Михаил:

— Что стряслось? — он перевёл взгляд с мужчин на рассыпанную на полу соль, — А, я догадываюсь.

— Это была Нина, — выдавил из себя Эдик, — Я сплю?

— Нет, — помрачнел Романов, — Только этого на базе не хватало.

— Что это было? — юноша перевёл взгляд с него на Лисицына, который встал с кровати и вышел на середину комнаты.

— Призрак, — пожал плечами Иван, — Как я понимаю, это кто-то из ваших?

— Да, четыре дня прошло уже, — Михаил кивнул и задумчиво потёр подбородок, потом посмотрел на фсбшника, — Ты как догадался?

— Коллегу встретил в коридоре, — мрачно отозвался тот и посмотрел на полупустую солонку в руках.

— Призраки же ночью приходят... — непонимающе пробормотал Эдик.

— Когда захотят, тогда и приходят, — отозвался глава аналитиков, — Вставай, пойдём на кухню, заберём соль, которую найдём.

— Не уверен, что её там столько, чтобы вам спокойно поспать довелось, — покачал головой Иван.

— Организуй тогда ты нам поспать, а то если ко мне кто-нибудь придёт, тут, боюсь, вся база закончится, — он грустно усмехнулся, — Но пока что только Эдик рискует не проснуться.

— Организую, но лучше в одной комнате.

— Давай тогда ко мне кровать перетащим, — Романов посмотрел на Рихтера, — Ты как? Поможешь?

— Я да, — кивнул тот, — А зачем она приходила?

— Чтобы убить тебя, судя по всему, — Михаил был в крайне дурном настроении, — Скажу Святу Вениаминовичу, что тут творится. Это всё очень паскудное дело.

— Ну, зато мы точно знаем, что именно произошло в Кведлинбурге, — Лисицын подал Эдику его вещи.

— А что случилось? — тот начал спешно одеваться.

— Вчера часов в одиннадцать вечера любители прусской истории, похоже, порвали Завесу.

— Что сделали?

— Давай, помоги с кроватью, по ходу объясню, — Иван ухватился за изножье.

**

(21 августа)

Каждый раз был, как в первый.

Он, наследник старого боярского рода, в свои годы уже должен был привыкнуть шагать по этой мёртвой земле, но нет, каждый раз был будто впервые.

Салтыков неспешно ступал по серой земле, больше похожей на песок, и не слышал звука своих шагов. Звуков в этом месте вообще практически не было. Лес, а точнее то, что от него осталось, был мёртвым. Иссохшие и перекрученные стволы не тянули к путнику свои узловатые ветви, они скорее указывали на него, словно бы чёрными пальцами. Указывали и безмолвно кричали: “Вот он! Чужак! Смотрите! Сам пришёл!”

А Свят Вениаминович тем временем продолжал свой неспешный путь. В этом мёртвом месте торопиться было некуда и незачем, коли пришёл сюда по своей воле, то и спешить боле не стоит. Это был конец пути и одновременно его начало — начало бескрайних пустошей, никогда не видевших света дневного человеческого светила. Вместо него над горизонтом вечно висел антрацитовый диск, чернее самой бездны. Говаривали, что если долго вглядываться в него, можно было навсегда остаться в этом месте, он ломал волю любого, наполняя сердце неизбывной печалью. И словно бы в насмешку небеса вокруг этого чёрного солнца переливались самыми безумными цветами: яркие золотистые и фиолетовые протуберанцы рассекали бирюзовое пространство, по которому, словно гигантские листья

невиданного дерева, плыли красные сполохи.

Под ногой раздался хруст, но Салтыков даже не опустил взгляд, спокойно смотря перед собой — кости здесь встречались столь же часто, словно ракушки на морском берегу. Вот ещё одна иссушенная временем и забытая веками кость сломалась под его пятой — так случалось всегда, и, быть может, наступит тот миг, когда он сам истлеет до такого состояния, что сломается под чьим-то сапогом, вдавленным в эту мёртвую землю.

Свят Вениаминович чувствовал, что уже близок к своей цели. Вдали замаячили столбы явно рукотворного забора, однако, в этом месте не было привычных расстояний — то, что казалось достижимым, могло находиться в сотнях вёрст вдали, а то и вовсе быть наваждением, мороком для услады глаз живущих здесь. Хотя слово “жить” и не могло быть применимым к обитателям этого места.

Главное не пересекать границу.

Это железное правило Салтыков усвоил хорошо, ещё когда только первый раз побывал здесь во времена учёбы. Его сокурсник нарушил этот запрет, и эти крики ещё долго стояли в ушах тех, кто остался с этой стороны. Но самое главное, граница не была зримой. Это было лишь ощущение, смутное чувство тревоги, которое перерастало в животный ужас неотвратимости, если зайти слишком далеко. Главное, остановиться там, где ещё будет возможность вернуться обратно.

Сильный порыв ветра ударил в лицо — вот оно, пора останавливаться.

Искорёженные деревья вокруг тоскливо заскрипели, впереди начали проявляться чёрные тени, чернее антрацитового светила над ними. Свят Вениаминович глубоко вздохнул и встал, расправив могучие плечи и оперевшись на резной посох. А после закрыл глаза.

Ещё один порыв ветра, но человек даже не шелохнулся, не повёл ни единым мускулом. К тоскливому скрипу вокруг примешалось небольшое шуршание — то под потоком воздуха заколыхались две медвежьи лапы, притороченные к его посоху. Притороченные ровно под черепом этого исполинского зверя. Салтыков давно уже не ходил по миру с ним, используя только для подобных визитов в неживые земли.

Чёрные тени стали фигурами и приблизились. Всего их было с десятков, и у каждой на том месте, где у обычного человека располагалось лицо, была маска. Медная, отливающая холодным металлом, но не имеющая рта — лишь прорези для глаз.

— Ты пришёл! — властно и холодно произнесла фигура, на маске которой бледным огнём горел узор, в котором угадывались мечи и звёзды, — Мы ждали! — и эта фраза разошлась по другим теням множеством шёпотов. Салтыков в очередной раз не смог сосчитать, сколько точно с ним говорит его предков, все голоса сливались в один единственный.

Если не считать ещё одного.

— А как же звать нашего удалого молодца? — тоном, в котором слышалось хищное веселье, произнесла тень в маске, по которой узором шли красные спирали, — Кто тот храбрец, что не убоился предстать перед нами?

— Зовите меня Медведем, — хрипло произнёс Свят Вениаминович.

— Мы соскучились, Медведь, — ответила она же, и эти её слова снова разошлись гомоном по всем теням. Они обступали, голоса слышались уже почти со всех сторон, но человек знал, нельзя двигаться с места, нельзя открывать глаза и прикасаться к окружающим его предкам. Иначе обратного пути не будет. И потому он лишь крепче сжал свой посох.

— Зачем пришёл? — властный и холодный женский голос той, что была в маске с

мечами и звёздами, прервал гомон.

— Я прочёл послание, — ответил Салтыков.

— Он прочёл послание! — воскликнул весёлый и надменный женский голос той, на чьей маске были красные спирали, — Смотрите-ка, за столько лет не разучился языку! А может, вначале обнимемся, чай не чужие люди? — она засмеялась так, словно льдинки застучали друг о друга, и этот смех опять разошёлся по толпе теней.

Свят Вениаминович молчал, кто-то ухватился за его посох, но сильная рука волшебника крепко держала его, не давая вырвать. Несколько фигур окружили боярина и начали шептать прямо под ухом:

— Не чужие ведь, родные. Не чужие ведь, родные, — но тот лишь глубоко вздохнул и продолжил ждать.

— Довольно! — всё также властно произнесла та, что была в маске с мечами и звёздами, и шёпот тотчас стих, — Не просто так к тебе посланника отправили, дело у нас серьёзное, да и времени у тебя, знаю, не так много, — её тон чуть сменился, там проскользнули язвительные нотки, — Коли, конечно, с нами остаться не пожелаешь.

— У меня ещё есть незаконченные дела, — ответил волшебник спокойным голосом, — Как доделаю, так приду. Сам, по своей воле.

— Все они так говорят, — чуть огорчённо произнесла фигура с красными спиралями на маске, — А потом не приходят.

— Сказала же, довольно! — ответила ей тень в маске с мечами и звёздами, — Сам придёт, коль срок выйдет. А пока, — она сделала паузу, — Пока некоторые не слишком разумные представители немецкого племени создали вам большую беду.

— Да какая ж это беда? Нам-то вот напротив, стало удобно ходить к ним, — ледяной смех фигуры в маске с красными спиралями стал пугающим.

— Я в курсе, что немцы из Аненербе хотели призвать в наш мир своего короля, — проговорил Свят Вениаминович.

— Ну, ты знаешь, Медведь, им это в каком-то плане даже удалось. Отголоски этого дела даже мы услышали. Думается, ты и сам мог почувствовать, — тон тени в маске с мечами и звёздами был по-прежнему надменным, но уже более деловым.

— Я почувствовал нехорошее прошлым вечером, — легонько кивнул Салтыков.

— Столько крови, столько силы! — картинно захохла фигура в маске с красными спиралями, — Эх, даже зависть обуяла меня, отчего ж какому-то там королю такие почести, а мне тут сидеть!

Порыв ледяного ветра обдал волшебника, но тот не пошевелился.

— Наши потомки более умны, чем эти немцы, — в голосе тени в маске с мечами и звёздами послышались нотки презрения, — Они знают, чем чреватые подобные действия.

— Что произошло? — хрипло спросил Свят Вениаминович.

— О, это было великолепно по задумке, но отвратительно по реализации, — фыркнула говорившая тень, — Они призвали в ваш мир короля. Король явился, но они не оказали ему должного почтения, они вовсе не подготовились. Словно бы призывали какого-то шамаханца.

— Он забрал их, забрал всех, — расхохоталась тень в маске с красными спиралями, — Сначала он забрал детей, что ему были пожертвованы. Потом он забрал того, кто звал его по имени. А потом, — эту интонацию можно было даже назвать кокетливой, если бы это слово было применимо сейчас к этой тени, — А потом он забрал всех, до кого дотянулся, кто был в

том доме.

— Король забрал всех и ушёл обратно в свои чертоги, — произнесла та, что была в маске с мечами и звёздами.

— А уйдя, не закрыл за собой дверь, — снова рассмеялась другая тень.

Салтыков грязно про себя выругался.

— Да, внучок, именно это я и сказала, когда узнала, что произошло, — мрачно усмехнулась тень в маске с мечами и звёздами, — А посему у вас есть теперь проблема.

— Теперь каждый из нас может прийти в ваш мир, — торжествующе произнесла вторая тень.

— Я разберусь, — произнёс Свят Вениаминович, — Спасибо.

— В ваш мир уже начали возвращаться души, — ей вторила первая фигура, — Пока слабые и ничтожные, но ты же сам понимаешь, кто может вернуться, если проблему не решить сейчас?

Салтыков похолодел. Да, он прекрасно понимал, что ткань Завесы хрупка, и если эту дыру не заделать сейчас, то проход будет только расширяться. А там и недалеко до того, чтобы кто-то из говорящих сейчас с ним теней, сможет через него пройти. И пусть лучше это будет его бабушка.

— Я понимаю, — он поклонился.

— Пойдёшь али останешься? — голос тени в маске с мечами и звёздами стал насмешливым.

— Вертаться обратно надобно, — глухо произнёс волшебник.

— Тогда до встречи, — также насмешливо продолжила фигура, — Надеюсь, вы быстро покончите с этим, а то ветра из вашего мира наводят у нас лишь суету, но ведь могут породить и смугу.

— До встречи, — Свят Вениаминович поклонился теням и почувствовал, как те отступили. Подождав несколько минут, он открыл глаза и направился в обратный путь.

***

(21 августа)

За те несколько дней, что он провёл в каменном мешке, Рихард фон Мольтке уже привык к темноте, сырости и смраду, который источал он сам и его товарищи, попавшие в эту ловушку. Холод пробрал их всех до костей, у самого Рихарда уже ломило спину и поясницу так, что он не мог толком сидеть, а грудь то и дело раздирал жуткий кашель. Им четверым раз в день сверху скидывали арбуз, прямо на остатки предыдущего, потому к вони испражнений узников добавлялся ещё и аромат подгнивших арбузных корок.

За ними никто не пришёл, а после того, как в их камеру бросили ещё и этого молодого магла, то даже никто не разговаривал. Рихард время от времени думал, что тяжелее всего приходится Ламберу — могучему голландцу, который был намертво прикован к стене, и которого поил и кормил арбузом этот молодой магл. Быть может, именно для этого его и отправили к ним? Нет, вряд ли, скорее он точно также никому не был нужен, как и сам Мольтке.

Именно с такими мыслями бывший глава германских мракоборцев дремал, когда внезапно сон закончился. Притом закончился самым странным из возможных способов — стало нестерпимо холодно. Тут и раньше дремота прерывалась холодом, но сейчас это была не подвальная сырость, а вполне зимний мороз.

Рихард поднялся с камней, прогрохотал цепью и понял, что на его руках остались

льдинки. Он этого не видел в темноте, но понял, что не удивится, если окажется, что стены их подземелья покрылись инеем.

— Рудольф, — мягкий голос молодого парня раздался в темноте. Мольтке первый раз слышал его и предположил, что французы тоже. Но вот молодой маг, судя по всему, узнал говорившего. И это повергло его в ужас: до слуха немца донеслись шлепки по камням и какие-то сдавленные звуки:

— Т-ты... т-ты н-не м-можешь з-здесь б-быть, — его тело била крупная дрожь, он заикался и, судя по звукам, пытался отползти подальше от голоса, а тот продолжал:

— Рудольф, я пришёл к тебе, дорогой мой.

— Т-ты н-не м-можешь, т-ты м-мне с-снишься, — сдавленно произнёс юноша.

— Тогда мы тоже в твоём сне, — мрачно произнёс Готье и закашлялся.

— О, я рад, что Рудольф не один, но в таком месте, — голос замолчал, делая долгую паузу, — Я переживал за него, когда он не вернулся в офис вместе с Ниной.

— От-ткуда т-ты з-здесь? — голос Рудольфа дрожал, но непонятно было, это из-за мороза или из-за страха.

— Покажись, призрак подземелий, — словно перебарывая дикую усталость хрипло произнёс Энцо Ламбер.

— Я не хочу, — голос из темноты стал немного обиженным, — Я не хочу пугать моего друга, а вы меня не можете заставить.

— Ты его и так напугал, — Ламбер провёл языком по иссохшим губам.

— Я не хотел, и сейчас не хочу, просто... — он снова замолчал, словно пытался собраться с мыслями.

— Г-Ганс, от-ткуда т-ты п-пришёл? — судя по звукам, Рудольф вжался в один из углов помещения.

— Оттуда, где мне теперь всегда надо быть, — очень грустно произнёс голос, — Я просто увидел проход и решил ещё раз взглянуть на тебя, на своего друга. Жаль, ты не смог со мной проститься.

— Дай угадаю, призрак, тебя убил взрыв в офисе вашей фирмы? — Энцо закашлялся после своего вопроса.

— Всё так, — голос стал ещё более печальным, — Потому я ушёл из этого мира, но сейчас смог вернуться обратно.

— К-как? Т-ты ж-живой?

— Нет, я точно такой же, каким ушёл, но всё ещё кое-чего могу.

— Призрак, — глухо выдохнул Ламбер, — А помоги нам и своему другу выбраться отсюда?

— А почему вы прикованы, а он нет? — печальный голос звучал очень удивлённо.

— П-пот-тому ч-что их ран-ньше п-посад-дили с-сюда, — Рудольф пытался справиться с дрожью, но у него ничего не выходило.

— Я хочу помочь тебе выбраться, — со вздохом произнёс голос, — Что до остальных, то про них решай сам, нужны ли они тебе.

Тотчас заскрежетала массивная каменная дверь, и часть стены отъехала в сторону. Из проёма пахло теплом, а тусклый свет, словно бы от открытого огня, осветил их камеру. Узники прикрыли глаза от него, слишком яркого для них, привыкших к темноте. В проёме появилась белёсая мужская фигура, которая быстро то ли вышла, то ли выплыла из их камеры, в которой тотчас стало заметно теплее.

Из коридора слышался крик на турецком, который перешёл в сдавленный хрип.

— Хочешь помочь нам, принеси ключи, — произнёс, щурясь от света, Ламбер.

— Или просто беги, — Готье зашёлся в громком кашле.

— Я вернусь, — глубоко вздохнул Рудольф, видимо, поборов свою дрожь, и аккуратно подошёл к выходу в коридор.

— Сомневаюсь, — зазвенел цепью Рихард и уселся на холодный пол.

Глава XVIII. La fête à la prison

*

(21 августа)

— Интересно, а почему нам вообще разрешили посреди Берлина штурмовать какое-то здание, населённое турками? — взводный WarConsulting с позывным Раввин сидел за рулём микроавтобуса и смотрел на неказистый дом из шлакоблоков, высившийся на другой стороне т-образного перекрёстка.

— Я удивлён скорее, что нас попросили форсировать подготовку, как бы не запретили трогать турок по итогу, — Иван Лисицын, сидевший рядом, поморщился, разглядывая летнюю веранду турецкого кафе перед зданием, — Кто знает этих больших политиков, может и решат, что тех заложников спасать не надо.

— Мы, конечно, маленькие люди, но как-то это не по-христиански, — хмыкнул наёмник.

— У тебя позывной Раввин же? — ухмыльнулся фсбшник, покосившись на собеседника.

— Наша вера породила христианство, — осклабился тот, — Я знаю, о чём говорю.

— Да-да, а ещё у вас добрый и всепрощающий бог.

— Ну, мы-то не обязаны, — пожал плечами взводный.

Лисицын задумчиво кивнул и достал свой блокнот, начав в нём что-то искать, изредка поглядывая на кафе в половине квартала от них. Там суетились официанты, приносили заказы одним гостям и убирали столы после ухода других — обычное обеденное время в районе, где расположены офисные здания.

В целом идея штурма днём представлялась фсбшнику спорной. Конечно, бойцам Салтыкова провести подобную операцию в духе американской “Дельты” не составляло особого труда, однако, имелось три фактора, ставящих штурмующих в крайне сложное положение. Во-первых, здание было высотой в девять этажей и имело по меньшей мере два подземных уровня, а ещё два подъезда, выходящих в небольшой дворик на противоположной от кафе стороне. А сколько внутри могло быть людей с оружием — совершенно непонятно.

По официальным данным в здании располагались недорогие офисы, но что там было в реальности оставалось только гадать — большинство арендаторов были натурализовавшимися в Берлине турками, потому просто так сходить и осмотреться внутри без привлечения к себе внимания не представлялось возможным. И это было вторым фактором, который нервировал Лисицына.

Четыре десятка бойцов WarConsulting должны были встретиться с неизвестностью. И в случае успеха отступить из здания сквозь плотную гдровскую застройку посреди турецкого квартала. Да, берлинская полиция должна была по плану сделать два кольца оцепления: вокруг здания и вокруг квартала. Основная база, с которой велась координация операции, находилась в ближайшем полицейском участке, примерно в полутора километрах дальше по улице от внешнего кольца. И необходимость добраться до неё по улице из четырёх полос, по обеим сторонам которой стояли пятиэтажки, рисовала в голове фсбшника эсхатологические картины то ли Дня Рейнджеров в Могадишо, то ли первого штурма Грозного. И это было как раз тем третьим фактором, что делало планируемую операцию самоубийственной.

— Веришь в магию и волшебство? — спросил Лисицын, прервав молчание.

— А надо? — прищурился Раввин.

— Да, но в целом это ничего не изменит, — задумчиво произнёс фсбшник и закрыл блокнот, спрятав его в карман, — Можно верить или не верить в дракона, но когда он прилетает, ему на твою веру насрать.

— Ты уверен, что нас там ждёт дракон? — взводный кивнул в сторону летней веранды, — Такую тушу надо много кормить, а ещё, чтобы она не захирела, отпускать летать, что-то я не вижу ни взлётной площадки, ни стоянки рефрижераторов.

— Я не удивлюсь, если мы там его обнаружим, — мрачно произнёс Иван, вспоминая марида, белоголового старика с кожей цвета слоновой кости. Если эти люди сюда его притащили, если притащили ракшаса, то кто вообще помешает им здесь прятать ещё какую-нибудь нечисть? Почему и не дракон, собственно?

— Что, как в Лондоне будем работать? — взгляд Раввина изучал собеседника.

— Нет, я не тяну на тёмного лорда, — отрицательно покачал головой Лисицын и повернулся к наёмнику, — Давай-ка сходим поедим?

Тот крайне удивлённо поглядел на фсбшника, потом взглянул на свою чёрную футболку и такого же цвета штаны, а затем саркастически заметил:

— Это, конечно же, не вызовет никаких подозрений.

— Ты можешь отказаться, эта затея вполне может закончиться нехорошо.

— Чтобы потом все говорили, что я сдрейфил? — прищурился наёмник, — А ты прямо-таки умеешь мотивировать на подвиги.

— Пистолет не забудь, — Иван снял с крючка свой пиджак и надел его.

— Может, сразу автомат? — взводный отстегнул кобуру, вынул пистолет и заткнул его за пояс, расправив поверх футболку. Саму же кобуру положил позади своего кресла и спросил, глядя, как его визави что-то набирает на смартфоне, — Вот если убьют меня, то Барби взвод примет, а у тебя какой план?

— Ну, буду импровизировать, — задумчиво продолжил что-то набирать на телефоне Лисицын, потом вздохнул и положил телефон в карман, — В крайнем случае, просто и глупо умру.

— Очень интересная перспектива, — фыркнул Раввин и вылез из машины. За ним последовал Иван и огляделся.

По обеим сторонам улицы всё было заставлено машинами так плотно, что четырёхполосная дорога стала трёхполосной, и то, если потесниться. За светофором она соединялась с такой же заставленной автомобилями улицей, что Лисицын мрачно про себя пошутил про рай для урбаниста и террориста.

— Так что разглядываем? — встав напротив, на него мрачно воззрился Раввин, молодой парень, моложе Ивана, со смуглой кожей, большим носом и чёрными курчавыми волосами.

— Да просто едим и трепемся, — засунув руки в карманы брюк, фсбшник неспеша направился к светофору.

— Операция когда? — взводный направился вслед за ним и тут же поймал на себе внимательный взгляд турчонка лет шести, который стоял у ближайшего дома.

— Как стемнеет, — поймав направление взгляда Раввина, совершенно обыденным голосом произнёс Лисицын.

— Что, на вертолётах, как “Дельта” в Могадишо?

— Ага, начало операции по фразе “Айрин”.

Они остановились на светофоре в небольшой, но пёстрой группке выходцев с Ближнего Востока, о чём-то громко беседовавших на родном языке.

— Квартал начнут перекрывать где-то в семь, — продолжил говорить Иван, двигаясь в потоке, переходящем дорогу, — Примерно к девяти стартуем.

— Все через вертушки что ли? — удивился Раввин, — А на земле как?

— Полицейские, — пожал плечами Лисицын, — Они уже как-то сами.

Мужчины спокойно перешли дорогу и дошли до летней веранды, занимавшей большую часть тротуара. Зашли внутрь и поздоровались с молодой девушкой в хиджабе, стоявшей у стойки с меню. Та сдержанно улыбнулась, положила два меню на стол, куда те присели, и отошла обратно.

— Как думаешь, они умеют готовить шакшуку? — задумчиво протянул Раввин, вглядываясь в потёртые листы.

— Думаю, тебя тут из хорошего, только долма ждать может, — бросил Лисицын, небрежно осматриваясь по сторонам.

— Не самое плохое, что может ждать, — пожал плечами его собеседник, — Но возьму я, пожалуй, плов.

— Ну, судя по названиям, это должно быть сытно и вкусно.

— Не высокая кухня, ну и ладно.

Мужчины сделали заказ и продолжили болтать, изредка оглядывая окружающее пространство, и уже через пять минут им стало понятно, что официантка очень внимательно слушает их разговор, ещё тем же самым занято двое пузатых турок за соседним столом за спиной у Раввина — в целом, ушей было достаточно, чтобы разговор строить дальше в нужном русле.

— Вообще мне по-секрету сказали, — капитан ФСБ заговорщицки понизил голос, не так, чтобы за соседнем столиком его было слышно, — Тут наружка с утра за зданием смотрит.

— За этим? — спросил взводный WC, отламывая лепёшку и принимаясь за суп.

— Ну, конечно, ради чего мы здесь собрались-то? — Иван последовал его примеру, про себя раздумывая, справится ли его организм с ишкембе чорбасы, а то от этого супа так разило чесноком, что возникали неудобные вопросы к самому себе же.

— Ну, я пришёл поесть, — Раввин укусил лепёшку и отправил в рот большую ложку наваристого супа тархан чорбасы и спросил, когда прожевал, — Так что там за секрет?

— В общем нам нужно найти одного турка, если он в здании, операция будет, — Лисицын взмахнул пустой ложкой и словно невзначай заметил, как за соседним столиком один мужчина что-то сказал другому, — Он тут главный, вся цель в нём.

Взводный проследил за тем, как один из пузатых мужчин поднялся и вышел с летней веранды, покачал головой и съел ещё одну ложку супа:

— Кстати, хорошая еда здесь, — он вытер рот салфеткой, когда тарелка опустела.

Лисицын кивнул, глядя, как официантка принесла два блюда с пловом и забрала их опустевшие миски.

— Вообще планировали заходить снизу, тут же два подъезда с той стороны, — он махнул рукой куда-то в сторону здания, — И третий через это кафе, но что-то там наверху не срослось.

— То есть? — Раввин добавил острого соуса в плов и поднял взгляд на фсбшника, — Всё-таки через крышу добираемся?

— Как пойдёт, — повёл плечами Лисицын, — Вообще будет решение от наружки.

Наёмник кивнул и разлил по цветастым керамическим пиалам чай из такого же

чайника:

— Так, ещё раз, мы высаживаемся на крыше, проходим здание до этого главного турка и возвращаемся на вертолёт?

— Да, звучит дико, но сопротивления не ожидается, — отпил чай фсбшник, принявшись за свой плов.

— Им настолько не нужен свой начальник? — удивился Раввин.

— Может, они в поддавки решили сыграть, — Иван зачерпнул большую ложку плова, подул на неё и отправил в рот.

Подошла официантка и поставила перед ними блюдо с ажурными краями, по центру которого возвышались горкой кусочки пахлавы:

— Господа, мы заметили, что вы у нас впервые, потому вот подарок от заведения, — она улыбалась, но старалась не смотреть на мужчин.

— О, как раз к чаю, благодарю, — улыбнулся ей взводный WC.

Девушка быстро кивнула и ушла с веранды внутрь кафе.

— Бомба или яд, как думаешь? — хитро прищурился Лисицын, глядя на собеседника.

— Вряд ли бомба, — покачал головой Раввин и аккуратно наколол вилок один из кусочков пахлавы, — И даже какой-то смертельный яд не нужен, достаточно привязать нас к унитазу.

— Противник, запертый в туалете, противником не является, — согласился Иван, доедая свой плов.

Откуда-то сверху раздался шум вертолётных винтов, на который русские инстинктивно подняли головы.

— Что, “Айрин”? — ухмыльнулся Раввин, повернув голову в сторону, где как раз вскочили на ноги оба турка из-за соседнего столика.

Лисицын успел подумать, что будет неловко, если это окажется просто какой-то вертолёт санавиации или, прости Господи, прогулочный, но противник уже начал движение, а потому, как говорится, какая русская свадьба без драки? Фсбшник вскочил на ноги и ударил ребром ладони по горлу ближайшего мужчину, что уже почти подскочил к их столу. Тот захрипел, всплеснул руками и стал заваливаться назад, когда прозвучал выстрел.

Раввин знал, что в рукопашной схватке всегда выигрывает тот, кто принёс пистолет, а оттого решил не испытывать судьбу и просто выстрелил во второго турка — тот дёрнулся, споткнулся и осел на пол.

Сзади завизжала вышедшая к ним официантка, а сверху всё отчётливее раздавался звук винтов — вертолёт, любезно предоставленные Бундесвером, заходили на посадку на крышу их здания.

**

(21 августа)

— А я уж думал, ты не вернёшься, — устало усмехнулся Мольтке, когда в дверном проёме появился, позвякивая ключами, Рудольф. Мракоборец успел заметить, что тело юноши заметно подрагивало, хотя тот и пытался держаться уверенно.

— Сначала Энцо, — отрицательно помотал головой Готье, когда их спаситель приблизился к нему, но тот был невозмутим. Он нащупал небольшую замочную скважину на кандалах, что держали щиколотку француза и отомкнул их.

Железки со звоном упали на каменный пол, зародив в голове Мольтке сомнение — ну, вот они сейчас освободятся, а дальше-то что? Они без палочек и в женских сарафанах, а ещё

продрогшие и замёрзшие — турки же их легко скрутят.

— Вот она, долгожданная свобода, — мрачно произнёс Энцо, когда к нему подошли Рудольф с Полем. Щёлкнули замки, и могучего телосложения француз несколько неуверенно шагнул вперёд, чтобы тут же завалиться на руки Готье — его ноги слабо слушались, — Ну, и вонь тут у нас, — он помотал головой, опираясь на своего товарища, — Дай мне пару минут, и я пойду.

Пол и стены чуть заметно дрогнули, до слуха узников донёсся далёкий гул, а после раздались крики ужаса из коридора.

— Видать, твой друг повстречал ещё тюремщиков, — Рихард встал на ноги, звякнув цепью, к которой торопливо направился Люфт.

— Сейчас-сейчас, — он явно сдерживал волнение, обуявшее его, и страх, его пугало сейчас буквально всё, что происходило вокруг. Где те сказочные истории о милых волшебниках, творящих добро и помогающих страждущим? Вокруг него была только грязь, вонь, а рядом в коридоре призрак ему мёртвого друга только что до смерти испугал каких-то турок. И Рудольф видел, что это была ни разу не фигура речи, ведь ключи от их кандалов он взял с пояса уже мёртвого человека.

Говорили ему, не надо связываться с русскими военными консультантами...

— Что, идём? — Рихард размял ногу, от которой только что отстегнули кандалы и посмотрел на сокамерников. Ламбер зашёлся в кашле, по прежнему опираясь на Готье, и немецкий мракоборец подумал, что их сейчас, должно быть, отлично слышно в комнате наверху.

— Д-давайте, з-за мной, — голос Люфта задрожал, но юноша быстро рванулся к дверному проёму.

— Сейчас, — кивнул француз, похлопав своего товарища по спине, того после кашля начало рвать прямо на пол. Мольтке же кивнул и зашагал по холодному липкому полу вслед за своим спасителем.

За дверью был коридор, освещённый фонарями на цепях, и с одной стороны — метрах в пяти от него — заканчивающийся массивной металлической дверью, а в другой — выломанной решёткой, лежавшей сейчас на каком-то тучном мужчине.

— Ганс сказал, что нам туда, — Люфт показал дрожащей рукой в сторону решётки, за которой коридор продолжался и упирался в лестницу.

— Стоит ли верить призраку? — фыркнул мракоборец и опёрся о стену. Судя по звукам из их камеры, Ламбера перестало рвать, и они с Готье наконец-то направились к ним.

— Я в-видел его л-лицо, — юноша повернулся к мракоборцу, и тот увидел проседь на его волосах. Да уж, это останется навсегда с ним, если они сумеют выбраться на волю.

В проёме позади показались французы, Энцо в грязном и изорванном женском сарафане выглядел одновременно жалко и комично, но уже более уверенно держался на ногах. Поль же, осторожно ступая босыми ногами по полу, прошёлся мимо них и присел на корточки у мёртвого мужчины:

— Как он здесь только оказался, твой призрак? — голос француза был сосредоточен, пока тот осматривал мертвеца.

— Его призрак сказал, что единственный наш путь, это к лестнице прямо, — отозвался Мольтке.

— Значит идём, — глава французских мракоборцев распрямился и, всё также осторожно ступая, пошёл дальше по коридору.

Стены и потолок здесь были бетонными, как в подвалах самых обычных домов, а оттого ажурные фонари, свисавшие с потолка на цепях, и дававшие неверный тёплый свет, выглядели даже черезчур вычурно. Зато здесь было намного теплее, чем в том каменном мешке, где они были в заточении.

В конце коридора у металлической лестницы лежало тело — этот турок явно умудрился сломать себе шею, упав с неё. Готье достаточно быстро осмотрел его и нашёл рацию и пистолет. Мольтке грязно выругался на то, что не умеет пользоваться этим прибором, зато оружие забрал себе. Когда-то давно отец учил его стрелять, осталось лишь надеяться, что руки не забыли навыка.

Лестница поднималась до небольшой площадки вверху, а затем уходила ещё одним более длинным пролётом направо. Мужчины успели дойти до его начала, когда рация у мертвеца заговорила по-турецки.

— Ну что, кто-то знает этот язык? — Ламбер закашлялся и сплюнул вниз.

— Н-нет, — помотал головой Люфт, — Не доводилось общаться.

— Сдаётся мне, — Готье прислушался к отрывистым и явно повторяющимся фразам, доносившимся сквозь шипение, — Кто-то наш труп вызывает.

— Это ничего не даст нам, — задумчиво произнёс Мольтке, глядя на видневшуюся наверху лестницы ещё одну металлическую дверь, — Кроме того, что этого турка кто-то ищет.

— Как не найдёт, придёт посмотреть, что случилось, — мрачно сказал Энцо и стал подниматься вверх, держась за перила.

Дверь наверху оказалась не запертой, а за ней обнаружилась комната, освещённая лишь монитором на который, судя по всему, были выведены камеры видеонаблюдения. Само помещение было небольшим, буквально три на три метра, напротив двери, через которую они зашли, была ещё одна, но деревянная. Справа — стол с тем самым светящимся монитором со стулом перед ним, а слева — небольшой кожаный диван и шкаф.

— О, это же коридор, по которому мы прошли, — Люфт, уже справившийся с дрожью в голосе, ткнул в одну из картинок на мониторе, — А это наша камера.

— Наблюдали за нами, значит, уроды, — Энцо уселся на диван, — Дальше-то что?

Рихард щёлкнул выключателем у деревянной двери, и на потолке загорелась тусклым светом лампочка.

— Люмус, — послышался мрачный голос с дивана.

— Я бы посмотрел, что тут как, — Рудольф присел за монитор, — Но тут всё по-турецки, ничего непонятно, — он пошевелил компьютерной мышью, пощёлкал ею, но вскоре разочарованно откинулся на стуле.

— Так, ну с голоду нам умереть не дадут, — Готье открыл дверцу шкафа и вытащил оттуда бутылку с водой и несколько пластиковых контейнеров, в которых, судя по всему, была какая-то каша.

— О, вам можно разве нашу еду? — искренне удивился Люфт, глядя на то, как один открытый контейнер оказался у Мольтке.

— Лучше воды, — чуть с хрипотцой сказал Энцо и протянул руку к бутылке, получил её и осушил наполовину буквально в один присест.

— Можно, мы ж такие же люди, как и ты, — произнёс Мольтке, кладя на стол пистолет, чтобы нормально поесть рукой кашу из контейнера.

— О, какие речи, — удивлённо произнёс Поль, только-только открыв свой

контейнер, — Я думал, герр мракоборец прожжённый шовинист.

— Очень сложно быть шовинистом без палочки, — ворчливо пробормотал тот с набитым ртом.

— Слышал, турки практикуют магию без неё, — Готье забрал бутылку с водой у Ламбера, отдав тому контейнер, — Но я не скажу, что они крайне добры к нам и терпимы.

— Какая разница, — раздражённо ответил немец, отдав свой контейнер Люфту, — В короткий срок мы научиться этому не можем, а без наших палочек мы беззащитны.

— У тебя есть пистолет, — француз отпил из бутылки и передал своему визави, — Это хотя бы что-то.

— Это какая-то дурная компьютерная игра... — пробормотал Рудольф, отправляя в рот рукой кашу.

— Что? — повернул к нему голову Мольтке, присевший на край стола, — На, запей, — он протянул бутылку с остатками воды.

— Просто это похоже на то, как в игре бывает... — юноша принял бутылку и запил остатками воды последнюю еду, — Ты проходишь по уровням, там получаешь амуницию и ресурсы... — он оглядел мужчин, скептически смотревших на него, и понял, что они совершенно не понимают его аналогий, потому нужно замолчать, — А, не важно, надо дальше идти.

— В идеале забрать бы палочки, — Готье доедал остатки каши из контейнера, — Тогда мы бы точно вышли.

— Не думаю, что они их тут хранят где-то, — покачал головой Ламбер, — Ты бы стал держать рядом с узниками их вещи?

— Нет, — француз покачал головой, обтёр о свой сарафан руку и вернул контейнер в шкаф, — Ну, что?

И тут по зданию вновь прошла дрожь, за которой последовал далёкий гул.

***

(21 августа)

Пули выбили крошку из бетонного косяка, заставив Раввина и Лисицына укрыться за поворотом коридора. Где-то с верхних этажей доносилась стрелковая канонада, а прямо по коридору, где в конце должен был быть спуск вниз, предположительно, к самому логову Хакима — стоял заслон из нескольких турок с автоматами. И стреляли они очень хорошо.

— Сдаётся мне, как обычно всё пошло не по плану? — Раввин вжался в стену, пытаясь вспомнить, сколько у него в обойме пистолета осталось патронов.

— Ну, тут ведь как, — осклабился фсбшник, смотря на свою волшебную палочку.

— Понятно, план был, но меня в него не посвятили, — весело фыркнул наёмник, — Никогда не любил особистов.

Турки перестали стрелять, в установившейся тишине от бетонных стен поднималась пыль. Раввин кивнул в сторону, откуда они пришли, где лежало два распластанных тела, а возле одного из них — пистолет:

— Достанешь мне, волшебник? — он глянул на Лисицына, — Я прикрою.

— Ацио! — тот не вставая взмахнул волшебной палочкой, пистолет шевельнулся, поднялся в воздух и полетел в их направлении, турки в коридоре открыли огонь.

— На, — Иван передал напарнику оружие, — Ты считаешь их выстрелы?

— Если там калаша, то до перезарядки ещё остались патроны, — тот проверил обоймы в пистолетах и взял оружие на изготовку, — Что, как в боевиках?

— Дерьмо идея, надо было гранаты брать, — фсбшник задумался, — Мне бы до них пару шагов ещё дойти, далековато отсюда.

— У тебя же огненное заклинание есть, — Раввин посмотрел на напарника, — Ты первый тогда, кинь в них струёй огня, а я из-за тебя тогда.

Канонада сверху замолкла на мгновение и раздался взрыв. Стены здания задрожали.

— Там Барби решил здание свалить что ли? — заворчал Лисицын, поднимаясь на ноги.

— Ну, надо же как-то путь проложить, — пожал плечами наёмник и поднялся следом.

— Дерьмо идея, я уже говорил это? — сплюнул Иван, начав замысловатое движение, в процессе которого он вышел из-за угла, — Инсендио!

Струя огня сорвалась с кончика его волшебной палочки и понеслась в сторону турок. Те успели ответить короткой автоматной очередью, пули выбили крошку из стены рядом с фсбшником, одна попала ему в бедро. Брызнула кровь, но волшебник лишь чуть покачнулся, сделав шаг вперёд, и начал сплетать ещё одно заклинание:

— Делювиум! — поток воды материализовался в коридоре и ринулся в сторону неприятеля, сметая всё на своём пути.

Из-за угла выскочил Раввин и стал садить из пистолетов с двух рук в догонку водному потоку. Фсбшник же, по прежнему не замечая своего ранения, сделал снова шаг в сторону и опять сплёл замысловатое заклинание:

— Менто Менорес! — с противоположной стороны раздался крик ужаса, один из турков отбросил свой автомат и вскочил, чтобы бежать, но тут же дёрнулся и распластался на полу от русской пули. Лисицын же будто только сейчас почувствовал боль в бедре, стиснул зубы и шагнул дальше, начиная очередное заклинание, — Инсендио.

Снова поток огня понёсся по коридору на позицию, преграждавшую их путь, и теперь, казалось бы, достиг своей цели. Раздались крики, полыхающие фигуры откатились назад, пытаясь сбить пламя. Наёмник отбросил один из пистолетов, а со второго уложил горящих противников.

— Я пустой, — Раввин выдохнул, отбрасывая второй пистолет.

— Задели, — прошипел Иван, припадая на раненую ногу.

Напарник подбежал к нему, быстро осмотрел повреждение и удивлённо выдал:

— Да ты везучий, больше крови только, кожу разорвало и всё.

— Зато болит, как будто невезучий, — злобно осклабился фсбшник и кивнул на позицию противника, — Глянь лучше, что там с оружием, нам дальше идти.

— Ты хотя бы знаешь куда идти?

— Ну, комната Хакима на нулевом этаже, вроде как.

Раввин подошёл к убитым туркам, подобрал один из автоматов и стал шарить по телам в поисках запасных обойм:

— Я слышал, ты в лису можешь превращаться, а потом бегать обнюхивать всё, — он обернулся к подошедшему напарнику.

— Если не боишься оборотней, то могу, — отозвался тот, — Но ты тогда один останешься, если я пойду.

— Что ты сразу тогда один не пошёл?

— Всем нужен напарник.

Сверху прогремел ещё один взрыв, потише предыдущих.

— А, я должен был спросить это раньше, — Раввин иронично усмехнулся, — Но ты посчитал, что в одного главу этой турецкой конторы не взять, но со мной точно получится?

— Ну, ты ж у нас простой советский супермен, с тобой всё получится, — в тон собеседнику ответил Иван, — Опять же, я предполагал, что Барби доберётся до нас быстрее...

Сверху снова прогрохотало, фсбшник с наёмником одновременно подняли головы на звук.

— А телепатии у тебя нет? — задумчиво спросил Раввин, переведя взгляд с потолка на напарника, — Ну, чтоб ты там к Барби подключился и спросил, долго ли ему тащиться ещё?

— Я бы с радостью, но у меня на другой частоте всё работает.

— Вот так дал бог напарника, а у него снаряжение отсталое.

Лисицын было открыл рот, чтобы продолжить их саркастичную беседу, но сверху ещё раз грохнуло, потому он только покачал головой, а после изогнулся и буквально за несколько мгновений обернулся в рыжего лиса, посмотрел на крайне удивлённого наёмника и осторожно потрусил вперёд.

Метрах в пяти была дверь направо, непонятно — закрытая или нет, он обернулся на напарника, показал на неё головой и двинулся дальше. Раввин осторожно, пригибаясь и держа автомат на изготовку, пошёл следом.

Дальше лис нырнул в Мир Духов и увидел, что действительно в конце коридора, метрах в десяти от них была лестница. И вот снизу по ней поднималось несколько смутных силуэтов. За несколько мгновений, пока те люди не показались в коридоре, он вышел в обычный мир и обернулся в человека.

— Авада Кедавра, — полыхнула зелёная вспышка, человек, успевший зайти в коридор, повалился обратно на лестницу, а Раввин присел на одно колено, взяв на прицел выход к ним.

— Там ещё несколько, — Лисицын с палочкой в руке распластался вдоль стены. Выстрелы сверху стихли, оттого можно было разобрать негромкие голоса с лестницы. Там турки, видимо, были крайне раздосадованы случившимся с их товарищем несчастьем.

Один из них высунулся из-за угла, но наёмник тремя выстрелами заставил его спрятаться обратно. А после он, пытаясь неслышно ступить, перешёл к другой стене, чтобы лучше видеть выход с лестницы. Когда там снова показался человеческий силуэт — Раввин выстрелил, силуэт скрылся, закричав что-то по-турецки.

— Вроде что-то про Аллаха... — пробормотал наёмник.

— Он им не поможет, — зло отозвался Лисицын и осторожно пошёл вдоль своей стены вперёд.

— Выходит, — произнёс Раввин, на выходе с лестницы показался турок.

— Авада Кедавра, — снова зелёная вспышка озарила коридор, и мужчина, неуклюже взмахнув руками, завалился на бок. Затем раздался возглас на турецком и послышались удаляющиеся шаги.

— Думаешь, чисто? — наёмник кивнул в сторону лежащего тела.

— Попробуем пока пройти, — отозвался фсбшник, и в тот же момент снова откуда-то сверху донесли выстрелы.

— Не понимаю только, почему такой бой наверху? — произнёс Раввин, — У них там охрана что ли?

— Ну, может, основные бойцы на верхних этажах располагаются, — пожал плечами Лисицын и направился к лестнице.

— Слушай, а вот мы вдвоём дойдём до Хакима, а дальше что?

— Если вдвоём, то ничего, — совершенно серьёзно сказал Лисицын, — Надо ждать остальных, вдвоём мы не возьмём его.

— Так и зачем же мы сейчас ломимся в этот коридор? — Раввин подошёл к напарнику, а тот задумчиво посмотрел на уходящую в темноту лестницу.

****

(21 августа)

Рудольф осторожно положил ладонь на полированную дверную ручку и нажал на неё. Дверной замок щёлкнул, открыв для сбежавших узников проход в новое помещение. Да, это по-прежнему походило для молодого немца на уровень какой-то компьютерной игры, и это похожесть зарождала в нём надежду на то, что вот сейчас, вот уже за этой дверью будет выход на улицу.

Но они снова зашли в новую сумрачную комнату, которая, в отличие от коридора, была устелена подушками и вообще походила на огромную кровать — стены были драпированы бархатом, а потолок, по ощущениям, был похож на огромный балдахин. А ещё буквально сразу в нос ударил стойкий аромат восточных благовоний и специй: сандал, мускат, корица, кофе — много кофе. Рудольф хорошо знал этот запах, так обычно пахло в его любимой турецкой кофейне, куда они с Гансом частенько заходили, но здесь это всё было во много раз ярче.

— И что это? — мрачно произнёс Ламбер, неуверенно переступая на большой подушке.

— Может, комната отдыха? — Мольтке огляделся и не смог понять размеры комнаты, полумрак по углам создавал впечатление, что там в нём прячется ещё довольно большое пространство, всё также устланное подушками.

— Тут как-то прохладно для комнаты отдыха, — пробормотал Рудольф, что-то не давало ему покоя здесь, хотя, возможно, это просто стресс от всего произошедшего играл свою роль.

— Нам всё равно надо идти, — хмуро сказал Готье.

— А мсье видит дверь? — чуть взволнованно усмехнулся Рихард фон Мольтке, пока его взгляд не наблюдал никакого выхода из комнаты, кроме того, через который они зашли. И это слишком сильно походило на тупик и ловушку, настолько, что бывший глава немецких мракоборцев даже раздумывал предложить идти обратно.

— Дверь открывается только для тех, кто видит её... — холодный женский голос раздался откуда-то со всех сторон. Спроси сбежавших узников, на каком языке говорили с ними, каждый бы ответил про свой. И что самое интересное, никто не слышал звука, женщина словно бы говорила у них в голове.

— Ты кто?! — почти одновременно воскликнули все четверо.

— Моё имя вам ни о чём не скажет, но вы здесь, в первую очередь, гости. Так что располагайтесь, — метрах в пяти перед ними в глубине комнате буквально из полумрака соткалась женщина средних лет восточной наружности в чёрном платье в пол, голову её покрывал хиджаб.

— Я Вас уже где-то видел, мадемуазель... — неспеша произнёс Готье, — С вами рядом ещё был человек с седыми волосами.

— Располагайтесь, вы гости в наших покоях, — та продолжила говорить, совершенно не обратив на него внимание, — Могу предложить кофе, — тут же у их ног на подушке появился резной серебряный поднос с четырьмя ажурными фарфоровыми чашками, наполненными чёрным напитком.

— Мы пленники, мы провели в вашем каменном мешке неизвестно сколько времени! — выпалил Мольтке пнув поднос. Тот со звоном перевернулся, кофе выплеснулся на красные и зелёные подушки.

— Ну, раз вы выбрались, можно считать вас нашими гостями, — покачала головой дама, — Нам не нужно кровопролитие.

Рихард тем временем передёрнул затвор пистолета и направил оружие на женщину:

— Говорите, как отсюда выйти? Мне всё равно, как нас тут называют, нам нужно отсюда выбраться.

— Не нужно, — покачала головой женщина, а остальные тем временем ощутили дуновение холодного воздуха позади себя. Обернувшись, они увидели высокого седобородого и седовласого мужчину в белых одеждах, он стоял ровно перед дверью, через которую они зашли в комнату. Его руки были сложены на груди, но взгляд не отражал совершенно никаких эмоций.

Рудольфу и остальным показалось, что в глазах этого мужчины пламенеет огонь, а при выдохе небольшие язычки пламени выходят из его ноздрей.

— Если вы не хотите кофе, ваш провожатый сопроводит вас до комнаты, где вы сможете отдохнуть некоторое время, — голос женщины был наполнен металлом и холодной учтивостью.

— Мы только из неё вышли, — мрачно произнёс Ламбер, — Пожалуй, мы откажемся, — он шагнул вперёд и тут же схватился рукой за свой голову, которую пронзила дикая боль.

— Не стоит пренебрегать чужим гостеприимством, — голос дамы звучал везде, он наполнял собой эту комнату, — Если вы отвергаете его, мы перестанем считать вас всех гостями.

Мольтке развернулся к мужчине и попытался выстрелить, но пистолет дал осечку. Потом ещё одну, и ещё, а после немец скривился и упал на колени, зажав свою голову и выронив оружие. Мужчина в белых одеждах лишь вытянул руку раскрытой ладонью к нему.

Рудольфу стало очень страшно и одновременно с ним очень тоскливо — он понял, что выхода из их узилища нет, а побег был лишь глотком свободы, после которого они вновь отправятся в каменный мешок. Возможно, до конца своих дней. Волшебство, пришедшее в его мир, сделало реальность похожей на очень страшную сказку. А оттого он просто выпалил, срывающимся на крик голосом:

— Может, вы нас просто отпустите?! Мы ничего не сделали вам, чтобы держать нас в заточении.

Лицо мужчины в белом озарилось торжествующей ухмылкой, и тот шагнул вперёд к ним.

— Вы не можете никуда идти, вы наши гости, — голос женщины продолжил звучать, но полумрак словно больше сгустился, оттого её фигура словно стала пропадать, теряться в сумраке комнаты.

Вдруг мужчина выкрикнул фразу на непонятном наречии и взмахнул руками, из его рта вырвался огонь, но одновременно с этим закричала женщина, закричала от боли. Все обернулись на неё и увидели, как в её руку вцепилось какое-то рыжее животное, которое дама безуспешно пыталась оторвать от себя. Мужчина в белом мгновенно переместился к ней, но в этот же момент до слуха Рудольфа донёсся хруст, женщина в чёрном завопила что есть мочи, а рыжий зверь кубарем откатился в сторону, куда-то в один из углов комнаты.

Белый человек же встал, как вкопанный, и словно с удивлением стал озираться по сторонам.

Боль отпустила голову Ламбера и Мольтке, и немец, не до конца понимая, что происходит, схватил пистолет и выстрелил в сторону седовласого мужчины. Выстрел прозвучал оглушающе, потом ещё один, а после бывший глава мракоборцев Германии, схватившись за горло и захрипев, завалился на пол. Его противник же протянул к нему одну руку, словно сжимая его горло.

Одновременно раздался мощный взрыв в дальнем углу комнаты — там в полумраке скрывалась дверь, которая сейчас слетела с петель, подняв тучу пыли и щепок. А следом из угла, куда совсем недавно откатился рыжий зверь, засиял синий свет и зазвучал голос, русский голос. Рудольф отчётливо разбирал слова, но не мог понять их смысла — а оттуда к ним неспеша, но уверенно, надвигался молодой мужчина, держа перед собой палочку, на конце которой сияла ни много ни мало — ярко-синяя звезда.

Готье остолбенел, он совершенно не мог понять, что за волшебство тут творится, всё это похоже было на заклинание Патронуса, вызывающее обычно духа-защитника мага, но никакого духа сейчас перед ними не было — был лишь волшебник, который творил магию, заставляющую человека в белых одеждах отступить. А лицо того и правда перекосила бессильная ярость, которая, однако, не могла ничего сделать с той силой, которая исходила от его противника. И он отступал, медленно отходил шаг за шагом в сторону коридора, откуда пришли бывшие узники. Волшебник же, которого Поль уже где-то видел, продолжал идти, на распев повторяя какое-то чудесное заклинание, выдавливая оппонента из комнаты. Из комнаты, в которую уже входили другие мужчины в камуфляже и с автоматами через взорванную дверь.

— По белому не стрелять, его держат! Остальных забираем! — команда на русском донеслась до слуха Рудольфа, и отчего-то от этих слов он почувствовал облегчение. Потому он буквально бросился в объятия к автоматчикам, один из которых резво его подхватил и потащил в сторону, откуда те пришли.

Тем временем мужчина в белых одеждах утробно закричал, из его рта и ноздрей вновь вырвалось пламя, а волшебник, державший палочку в направлении него, быстрым движением сунул руку в карман, вынул вторую волшебную палочку и бросил к ногам бывших узников, которых уже окружили автоматички.

Поль Готье, возле которого упала волшебная палочка, мигом сообразил, что от него требуется. Он подхватил это оружие, взмахнул им и выкрикнул всего одну фразу:

— Экспекто Патронум!

Комнату залила синяя вспышка, из её света соткался призрачный джек-рассел терьер и с громким лаем ринулся на ярящегося мужчину в белых одеяниях. Тот закричал и исчез ровно в тот момент, когда на него набросился призрачный пёс.

— Хакима тут нет, — произнёс один из автоматчиков, обращаясь к неизвестному магу.

— Уходим, быстро, — тот бросил фразу в сторону, переложил свою палочку в другую руку и уставился на окровавленный предмет на своей ладони, — Я замыкаю.

Мольтке, когда его проводили мимо, успел увидеть, что тот смотрит на оторванный человеческий палец, на котором было кольцо с крупным красным камнем.

Глава XIX. Собрание зверей

*

(21 августа)

Марта Мирбах лежала на мягком пушистом ковре, подложив под голову подушку, предусмотрительно скинутой ей же с дивана. Рукой же девочка обнимала огромного ирландского волкодава молочного цвета. Такого же цвета, как и ковёр, на котором они расположились, пёс словно бы был его частью, и мог вообще показаться какому-то наблюдателю духом этого места, пришедшим защитить маленькую гостью.

Сама же комната была небольшим круглым кабинетом в охотничьем домике в глубине Тевтобургского леса. На противоположной стороне от Марты высился письменный стол с несколькими стульями, задвинутыми под него, а дальше — большой шкаф с книгами в разноцветных обложках. Как уже успела девятилетняя немка выяснить — довольно легкомысленного и даже фривольного содержания. Такие точно нельзя было читать в её возрасте, однако, иных не было. Как, впрочем, и иных развлечений, кроме как лежать, обнимая огромного пса, иногда почёсывая его за бочок — завтрак уже был съеден, и второй тоже. Чисто теоретически скоро должен был быть обед, и местный эльф даже должен был его принести, но Марту это не радовало.

Турецкий плен завершился, сколько там прошло времени, три дня? Но её бабушка, всесильная Брунгильда отправлена на тот свет! С Гельмутом и Матиасом тоже что-то произошло — она это почувствовала буквально вчерашним вечером, когда её везли турки по ночному лесу. Видимо, сейчас она стала главой рода, но какой от этого прок. Да, где-то во Франции есть дядя Валерий, но во-первых, это слишком далеко, а во-вторых, вряд ли фрау Эберль её отпустит. Похоже, спасение из турецкого плена обернулось пленом семьи самых тёмных немецких волшебников.

Хоть Марта и не считала семью Эберлей злыми людьми, но даже она знала про слухи о насаженных на колья чужеземцев в их охотничьих угодьях. Но сейчас это наоборот вселяло уверенность об относительной безопасности её нынешней темницы — только сумасшедший рискнёт сунуться во владения Эберлей в Тевтобургском лесу. Конечно, те же турки убили Броккенскую ведьму, но против силы когтей вестфальцев не устояли.

Марта мрачно и торжествующе усмехнулась, чуть сильнее обняв пса. Тот повёл ухом и скосил глаз на девочку. У двери, метрах в пяти от них лежал ещё один волкодав, только тот был стального цвета с заметной проседью на морде. Девочка не боялась этих собак — настолько они были милыми и ласковыми, однако, всё же не рисковала пытаться выйти из кабинета. Неровен час и два четвероногих стража станут тюремщиками для неё. А оттого она лежала на мягком ковре, откровенно скучая, и ожидая, когда к ней придёт Анна Эберль — ведь та обещала. Как только закончит со всеми делами.

Наследница рода Мирбах догадывалась, что за дела могут быть у Служительницы Холма Калькризе, но предпочитала не думать в этом направлении. В конце концов, Марта видела, что к одному из столбом турками была привязана та самая француженка, которая порывалась отвезти её к дяде Валерию. И её не отвязали. Но она же вроде как глава Франции, нельзя же просто так... — тут девочка осеклась в своих мыслях. Конечно, можно! Нынче вообще можно всё, и никто ни за кого не заступится.

Обернулся на дверь, заворчал и поднялся на ноги пёс с проседью. За пределами

кабинета в коридоре, послышались торопливые шаги — Марта заинтересовалась ими, но ещё больше заинтересовался волкодав, которого она обнимала. Он также зарычал и напряженно поднялся, аккуратно сбросив объятая девочки.

Дверная ручка повернулась, собаки ответили на это басовитым лаем, но не двинулись с места — они наблюдали, кто зайдёт. А в дверном проёме возникла статная черноволосая женщина — Анна Эберль, глава Вестфалии, Марта не видела её раньше прошедшей ночи, но, как и все, слышала пугающие истории.

Нет, сейчас девочку эта женщина не пугала совершенно — младшая Мирбах смотрела, как волкодавы, увидев её, радостно завилыли хвостами и попытались, поднявшись на задние лапы и оперевшись на её грудь, лизнуть её лицо — просто чудо, а не собаки. Даром, что только что собирались броситься на входящего в эту же комнату.

— О, Марта, — потрепав пса по загривку, женщина всё же обернулась к девочке, севшей спиной к дивану, — Прости, что так долго, меня задерживали дела нашей чёртовой немецкой политики, как ты здесь проводила время?

— Скучала, — та насупилась и скрестила руки на груди.

— Да, я понимаю, — немного улыбнулась Эберль, — Здешняя библиотека не слишком интересна для гостей подобного твоему возрасту, признаю.

— Как долго я тут ещё буду? — Марта внимательно следила за хозяйкой этой земли, но та если и волновалась, выглядела совершенно спокойной.

— Я была бы рада отпустить тебя домой, но Восточная Германия нынче являет собой не самое безопасное место для маленькой девочки, — Анна присела на край столика, стоявшего напротив дивана Марты.

— У меня нет дома, — не по возрасту мрачно произнесла та, — В нашем доме теперь разве что призраки водятся.

Глава дома Эберль глубоко вздохнула и прикусила губу, чем очень заинтересовала Марту — явно что-то нехорошее происходило сейчас за стенами дома, где они сейчас находились.

— Я буду честно, я не знаю, что именно происходит сейчас в восточных землях, но их буквально наводнили призраки, — Анна на мгновение интонацией выдала своё волнение, но потом справилась и продолжила, — Где раньше поколениями не слышали о призрачных сущностях, те появляются. Притом скажу тебе открыто: в наш мир возвращаются, как призраки цауберов, так и кайнцауберов. И это самая непонятная угроза, но далеко не единственная.

— Германия в огне? — всё также мрачно усмехнулась девочка.

— Да, всё так. И как ни странно, самым безопасным местом является это, — она показала на окружающую обстановку, — Не сам наш охотничий домик, конечно, а Вестфалия. Север стал ничейным, после того, как Нижнюю Саксонию зачистили кайнцауберы по просьбе Берлина, — Марта очень удивлённо посмотрела на женщину, — На юге русские схватились с теми, кто восстал против нового Канцлера, а с востока расположился Гессен, где окопались убийцы твоих родных.

— А на западе Франция?

— Да, там твой дядя Валерий, что ждёт тебя, но и туда тебе ехать опасно.

Девочка от досады сжала зубы — и снова тюрьма, теперь рядом с пушистыми собаками.

— Я хочу, Марта, чтобы ты написала ему письмо, — голос Анны стал очень добрым, словно она и взаправду хотела позаботиться о ней, — Позови его сюда, в самое безопасное

место Германии. Ваш род не должен угаснуть на земле Германии.

— Зачем это Вам, фрау Эберль? — девочка внимательно посмотрела на женщину.

— Мне нужна сильная Германия, — маска доброты мгновенно спала с главы Вестфалии, перед Мартой Мирбах был сильный и волевой человек, способный идти до конца в своих деяниях, — И оттого я не хочу, чтобы вот эта техномагия ушла из вашей семьи, — она запустила руку в карман, и довольно изящным движением достала из кармана небольшой предмет и кинула его своей собеседнице.

Тот упал на ковёр перед девочкой и оказался usb-флешкой на серебряной цепочке, которую Марта забрала в кабинете своего отца, и которую уже у неё забрали турки. Оттого сейчас она ошарашенно переводила взгляд с этой вещицы на Анну и обратно, пока та не произнесла:

— Секреты твоей семьи должны оставаться у вас.

— Вы же скопировали оттуда всё, да? — младшая Мирбах прищурилась.

— Марта, девочка, — усмехнулась и покачала головой Анна, — Я могу загнать в лесу дичь или выследить беглеца по следу, но чтобы что-то откуда-то скопировать, тут у меня лапки, — она ещё раз усмехнулась и саркастически заметила, — Особенно, если пытаться копировать информацию с совершенно незащищённой магией флешки.

— Ладно, давайте я напишу письмо дяде Валерию, только ещё вопрос.

— Своей дерзостью ты пошла в отца, говори.

— Вы убили Кристину Фавр де Поль?

— В политическом смысле, да. В физическом... — Анна повела плечами, — Тебе так дорога эта француженка?

— Она была доброй со мной.

— Она была идеалисткой, — фыркнула фрау Эберль, — За это и поплатилась.

— Вы же тоже хотите видеть сильной Германию, — Марта забрала флешку, повесила себе на шею и посмотрела на женщину.

— К счастью, ради этого я готова залить нашу землю кровью.

— А светлых магов в Германии не осталось?

— Осталось, они все в Гессене.

**

(21 августа)

Свят Салтыков с тяжёлым вздохом шагнул на подстриженный газон заднего двора небольшого дома, который им определили в качестве места для размещения в Байрсбронне. После мёртвого мира Нави чистый шварцвальдский воздух пьянил, а другим казавшиеся мрачными и низко нависшими серые тучи буквально ослепляли светом солнца, который всё же проходил сквозь них.

Глава WarConsalting зажмурился и сильнее опёрся посохом о землю — каждый раз ему было трудно справиться с эйфорией возвращения в мир людей, такой живой и пьянящий. Нет, родня может звать его сколь угодно сильно — покинуть этот мир Свят собирался только когда ему предназначено, добровольно уходить в Навь его не прельщало.

Он потёр глаза и огляделся — нет, вроде бы никто не видел его возвращения, даром, что в дом размещались ребята Хеопса. Правильно, по старой традиции, вымуштрованной ещё Куприяновым, если Свят Вениаминович отпраивался поговорить с роднёй, то ни его уход, ни возвращение никто не должен был видеть. Ходили слухи о пропавших наёмниках, что видели это, но сам Салтыков лишь посмеивался над ними в бороду — никого с собой в Навь он не

утаскивал, хотя разубеждать людей в правдивости этого и не собирался.

Его взгляд опустился на скамейку, где так и лежали его земные вещи, оставленные при заходе в мир мертвецов: блокнот, ручка, смартфон, трубка с табаком, пистолет. Даром, что они техномаги, но механика ломается в Нави независимо от того, кто её туда пронесит, оттого лучше оставить подобное за порогом.

Свят сделал шаг к скамье и понял, что что-то не так. В этом мире было как-то холоднее, чем когда он уходил, он это ощущал буквально спиной — словно там, позади него, была увесистая ледышка, от которой исходил этот холод. Хотя нет, это была не ледышка — там словно была дверь в старый-старый погреб, а скорее — могилу.

Салтыков резко выдохнул, перехватил покрепче посох, развернулся — слишком резко после перехода между мирами, сознание поплыло. А вот то, что он увидел, можно было бы списать на эффект того самого опьянения после возвращение в мир людей, но нет. Всё было взаправду — перед ним стояла маленькая девочка, лет шести от роду, бледная на лицо, но с чёрными, как смоль, волосами, заплетёнными в две косички. Платье на ней хорошенькое — бело-розовенькое, с кружевами и рюшечками, а вон даже ангелочки вышиты и лошадка...

Свят похолодел и отступил на шаг, перехватывая посох в боевую стойку — он сам выбирал это платье больше чем пятьдесят лет назад. Уж очень он любил сестрёнку, не мог доверить взрослым выбирать ей платье для похорон, те и не противились.

— Аннушка, — выдохнул он, перебирая в голове заклинания, которые следует сейчас применить. Да, она явно за ним увязалась, он-то шёл и не оборачивался, а мертвецы ступают неслышно. Чёртовы шутки Кровавой Барыни!

— Братик, не бойся... — она склонила голову набок, в её чёрных глазах блеснули озорные нотки, но Свят напротив похолодел. Перед ним стоит умершая пятьдесят четыре года назад его младшая сестра и говорит с ним, не имея ни носа ни рта. Да, на её круглом личике были только лишь глаза, чёрные, как угольки, и бездонные, как бездны Космоса.

— Братик, бабушка сказала, что вам помощь нужна будет... — голосок у неё был точь-в-точь, как у умершей сестрёнки. Только ничего не было, что могло этот голос издавать, только лишь глаза...

— Твоё место среди ушедших... — сдавленно произнёс Салтыков, так и не придумав, что лучше сделать со своей родственницей. Если она, действительно, здесь по воли их бабушки, а не благодаря шуткам Кровавой Барыни, то, может, и не стоит её прогонять?

— Я не претендую на то, чтобы остаться здесь, — её голос был одновременно и грустным и шутливым, Свят совершенно был сбит с толку, — Я бы и не пошла за тобой, братик, но бабу Соню надо слушать.

Глава WarConsulting сглотнул, да, бабу Соню надо слушать, кто не слушает ту, что нынче предстаёт в образе тени в маске с мечами и звёздами, тот обычно плохо заканчивает. И даже не по её воле.

— Баба Соня сказала, что вы одни не справитесь... — Аннушка провела ладошкой по лицу, и на том месте, где до этого не было ни носа, ни рта, они проступили. Точно такие же, как много лет назад.

— С прорехой в Завесе уж как-нибудь разберёмся, — проворчал Салтыков.

— Дело не только в ней, — голос девочки был полон волнения и заботы, она шагнула вперёд, и сильнейший тёмный маг русских наёмников весь внутри сжался. Он понял, что он не сможет ничего сделать своей сестрёнке. Даже если она сейчас вцепится в него зубами.

— Не бойся, Свят, меня правда бабушка послала... Она сказала, что один лисёнок

освободил старика...

— И что с того? — мрачно произнёс русский волшебник, — Он в целом догадывался, кто мог быть тем “лисёнком”, но идти справляться о берлинской операции, не решив, что делать с Аннушкой, он не собирался.

— Я буду рядом с тобой... Если что, меня благословила бабушка...

И тут, видимо, не выдержав напряжение, Салтыков расхохотался. Сильнейший некромант семьи, его бабушка, мог, конечно, кого-то “благословить”, но благословлённый после этого испытывал крайне интересные чувства. Оттого слова его сестры звучали чертовски иронично.

Но и списывать со счетов её было невозможно — умертвие прошло в мир живых, либо его надо отправить назад, либо...

— Я не могу тебя оставить, — он опустил посох, нет, это существо, каким стала его сестрёнка, по-настоящему представляло опасность, но что если взаправду их бабушка её прислала? И что если взаправду им всем грозит опасность, с которой они не справятся?

— Не бойся, я с тобой, — девочка то ли прыгнула, то ли просто переместилась в пространстве, но буквально через мгновение после её слов, она уже обнимала своего постаревшего старшего брата за ногу. А тот, обливаясь холодным потом, пытался придумать объяснение для своих коллег, откуда взялась эта девочка, и кто вообще она такая есть?

***

(22 августа)

С морского побережья задувал свежий бриз. В небольшой беседке, стоявшей на прибрежном холме, он надувал парусами занавески и заставлял сидевших там волшебников то и дело поправлять волосы, сбивающиеся на глаза.

Компания подобралась такая, что может случиться только лишь на атлантическом побережье Европы: глава французских Великих Родов Мишель Колиньи в белом костюме-тройке, рядом с ним сидел Теодор Нотт, новый Ректор Шармбатона в чёрном костюме такого же покроя, а напротив на такого же покроя костюме, только коричневом, был Анри де Камбэрак, глава Департамента Магического Транспорта Магической Франции, а рядом с ним сидел в льняном вполне себе летнем костюме Министр Магии Магической Британии Драко Малфой, блондин с зачёсанными назад волосами.

— Что ж, в эти тёмные времена даже море беспокойно, — британец отпил из бокала вино.

— Оно явно волнуется от того, что происходит на западе, — ответил ему Колиньи, бросив взгляд сквозь занавески.

— Как писали в газетах, над тевтонскими лесами сгущается тьма? — иронично произнёс Малфой.

— Всё так, но эта зараза проникла и к нам, во Францию, — выдохнул де Камбэрак, — Но мы же собрались здесь именно затем, чтобы обсудить сложившуюся обстановку?

— В некотором роде так и есть, — ответил блондин, — Но, думаю, у месье Колиньи есть, что сказать нам всем.

— Так и есть, — кивнул Мишель, — Но вначале я хочу представить вам нашего неожиданного союзника, — он кивнул в сторону особняка, что стоял чуть поодаль, и от которого уже шла стройная молодая девушка в кожаных брюках, таком же корсете и белой кружевной сорочке. Её белоснежные волосы развевались на морском ветру, словно живя своей жизнью. Когда она вошла в беседку, то, обратившись к Колиньи, произнесла:

— Сеньор Колиньи, Вы представите меня собравшейся публике? — на лице девушки было явное презрение ко всем окружающим, но тон был совершенно спокойным, даже деловым.

— Конечно, мадемуазель Понсе де Леон, — тот учтиво улыбнулся и указал на стул во главе стола, — Присаживайтесь, — после он перевёл взгляд на собравшихся, — Нереа Понсе де Леон, представляет Магическую Испанию, что решила включиться в наши с вами дела и оказать посильную помощь в разрешении сложившегося кризиса.

— Понсе де Леон? Род изгнанников, породнившийся с королями Испании? — удивился Малфой, — Я ожидал более представительного посланника.

— Может, Вам, сеньор Малфой, также не по душе, что я девушка? — та прищурилась, глядя на британца.

— Это не имеет большого значения, — тот пожал плечами, — Учитывая, что номинальная глава Франции тоже вашего пола. Пока что.

— Насколько знаю, это ненадолго? Она пропала без вести в Берлине.

— Её погубила её тяга к авантюризму, — поморщился де Камбэрэак.

— Если подобная тяга является проблемой, мы не сработаемся, — девушка покачала головой.

— Вовсе нет, просто удивительно, что не член рода Бурбонов представляет Францию.

— Ваши позиции шатки, как эти занавески на ветру, — усмехнулась Нереа, — Зачем Бурбонам вас поддерживать, пока непонятно. Потому здесь я.

— Что правда, то правда, — пожал плечами Колиньи, — Но мы собрались здесь, чтобы разработать план укрепления наших позиций.

— Вы готовы сражаться с русскими?

— Они нам не особо интересны, пусть с ними разбирается глава Гессенского дома.

— Того, которого обвинили в пособничестве Анненербе? — удивлённо подняла бровь Понсе де Леон, — Союзников, конечно, не выбирают, но я бы предпочла свести контакты с ними до минимума. И тщательно помыться после, если всё же контакт состоится.

— Вам так претит союз с немецкими волшебниками? — бесстрастно спросил Нотт.

— Лично меня не прельщают люди, профессионально занимающиеся замерами черепов, того и гляди, мой решат измерить.

— О, это вряд ли, — усмехнулся Драко, — Тем более, что в нашем плане им уготована очень простая роль, они будут нашим тараном в войне с Берлином, — он пригубил вина, — Давайте по порядку, раз уж начали с Германии, предлагаю обсудить состояние дел там.

— А дела там за пределами Гессена не очень хороши, — пожевал губами Колиньи, — Русские при поддержке немецких маглов смогли пробиться в Браубах и вывести оттуда всех волшебников, что не решились присягнуть Вальдхаузенам. Пока что их довели до Байрсбронна и разместили, по моей информации, в этом городке. Из-за этого можно смело утверждать, что мы по-прежнему контролируем Рейнланд-Пфальц и Саар, там не осталось никого, кто мог бы организовать сопротивление.

— Три земли из шестнадцати? — подняла бровь Понсе де Леон, — Не густо.

— Нижняя Саксония вместе с Бременом и Гамбургом вышла из под юрисдикции Магической Германии, маглы по наущению Вильгельма Эрнста арестовали тамошних глав нашего сообщества.

— Канцлер Германии продался маглам? — всё также бесстрастно уточнил Нотт.

— Именно так, — вздохнул Малфой, — Безумный тюрингиец, видно, решил

уничтожить волшебников своей страны.

— А я же верно помню, что в Байрсбронне сейчас находятся турецкие террористы, захватившие там заложников? — Нереа перевела взгляд с Драко на Мишеля.

— Всё так, там же находится магловский военный отряд и русские наёмники, ведомые восточными тёмными волшебниками, — кивнул последний, — Но при этом Виктор Церинген потворствует им и отказался примыкать к нашей коалиции.

— Идиот, — пожал плечами Теодор Нотт, — Он хочет, чтобы его маглы посадили на цепь.

— Я слышала про этих русских, не могу понять, почему никто их не выгнал из Германии до сих пор? — спросила Понсе де Леон.

— Им потворствует Канцлер Магической Германии, а также глава их мракоборцев, — ответил Малфой, — Но мы уже работаем над планом устранения, как первого, так и второго. После их кончины можно будет легко разобраться и с этими восточными варварами.

— Из ещё плохого из Германии, — Мишель Колиньи отпил вино, — Дом Виттельсбахов оказался разбит отрядами фон Вальдбург, Альбрехт с остатками лояльных ему волшебников бежал в Гессен.

— Баварию мы потеряли, — кивнул на эти слова Малфой, — А вместе с ней потеряли и возможность вступления в войну Австрии, как я понимаю. Нужно добиться мирного вывода турецкого отряда из Байрсбронна.

— Террористов, держащих в заложниках женщин и детей? — удивилась Понсе де Леон.

— Али Демир, который руководил штурмом лечебницы, пропал без вести, — пожал плечами британский Министр Магии, — Теперь турками командуют несколько наших волшебников, нехорошо, если они будут убиты при штурме.

— А как они там оказались?

— Пришли с миссией доброй воли.

— Президент Международной Конфедерации Магов уже объявил Канцлера Магической Германии нелегитимным правителем и пособником маглов, — Мишель потёр глаза, — Правда, учитывая, что за последние несколько дней это уже который призыв к волшебникам о неподчинении его руководству, вряд ли это подействует.

— Думаете, никто не решится на открытое противодействие? — Нереа посмотрела на главу Великих Родов Франции.

— Все, кто мог, уже выступили против с оружием в руках, — пожал плечами тот, — Боюсь, сейчас на территории, которую контролирует Эрнст, остались только лояльные ему маги. Ну, и ещё запуганные им.

— Кроме этого Президент также призвал Канцлера дать туркам безопасный коридор в Пфальц, — заметил глава Магической Британии, — Если он не согласится, а он не согласится, то быть Вильгельму Эрнсту палачом женщин и детей Байрсбронна, ведь по его вине они погибнут.

— А что у нас с Вестфалией? — внезапно спросил де Камбэрэк, но никто ему не ответил, собравшиеся лишь пожалы плечами, чем сильно удивили Нерею, но она не стала пока задавать вопросы об этом, а спросила самую банальную вещь:

— А какие планы в итоге по Германии?

— Гессен и Пфальц атакуют родовую землю нынешнего Канцлера, Тюрингию. Основные силы техномагов сейчас размещены в Берлине, потому проблем для захвата этой земли быть не должно. Затем наши входят в Саксонию, полностью отрезав Берлин от Баварии, —

ответил Драко, — Сейчас лояльные нам волшебники из Нижней Саксонии размещаются в Гессене, ударной группировки будет достаточно для захвата вражеских земель и быстрого продвижения. Ну, а после падения Саксонии мы устраним Вильгельма Эрнста и Виктора Шваница, обезглавив техномагическое чудовище.

— Это прекрасно, но меня сейчас волнует другое техномагическое чудовище, поменьше, — подал голос де Камбэрак.

— Глава Французской Директории пропала без вести, — Колиньи отпил вино из бокала, — Де Ноай медлит. Глава мракоборцев в берлинской лечебнице. Нас поддерживают Великие Рода и Шармбатон. Ситуация во Франции намного благоприятнее для нас, чем то, что происходит в Германии.

— Думаю, не стоит доводить до гражданской войны во Франции, — поморщился Анри, — Но как по мне, сейчас отличное время для нашего выступления, — он повернулся к Нерее, — Наша испанская гостья сможет поддержать нас боевыми отрядами, если это потребуется?

— Наша испанская гостья сначала хотела бы посетить замок Шармбатон, — улыбнулась Понсе де Леон, — Отряды, если такое понадобится, будут, но пока не до конца понятны силы противника.

— Рода де Ноай и Талейран-Перигор, мракоборцы и полукровки, — пожал плечами Мишель, — Это не то, чтобы мало, но Габриэль де Ноай политик, а не воин. Полководцев у них пока что нет.

— Именно потому что он политик, мы не можем пока организовать интервенцию, — повёл плечами Малфой, — То есть можем, но пока его игра слишком осторожна, чтобы это было оправданно.

— Насколько я знаю, мадемуазель Фавр де Поль собиралась организовывать выборы Министра Магии, — сухо произнёс Теодор Нотт, — Но кто знает, где она теперь? Так что предлагаю организовать нам самим эти выборы в стенах Шармбатона. Мы соберём магическую конференцию и представим нашего лидера, альтернативного Парижу.

— Думаю, мистер Колиньи будет отличной кандидатурой на эту роль, — улыбнулся Драко и поглядел на Нотта, — Тем более, как показала практика, проводить выборы в Шармбатоне умеют. Сколько потребуется времени?

— Думаю, нескольких дней будет достаточно.

— А если объявится мадемуазель Фавр де Поль? — спросил Анри де Камбэрак.

— Насколько я понимаю, к её исчезновению причастны турецкие волшебники, так что не объявится.

— Устранить нынешнего главу Директории не планируете? — спросила Нерее.

— Пока нет, — повёл плечами Колиньи, — Но вполне возможно, что в какой-то момент он пропадёт без вести. Как и младший Талейран-Перигор.

— Тогда я, пожалуй, отправлюсь в Шармбатон, посмотрю на выборы, — улыбнулась Понсе де Леон, — Если никто, конечно же, не против?

— О нет, но могу ли я надеяться на то, что после выборов Магическая Испания сформулирует свою позицию более чётко, чем прибытие наблюдателя?

На это девушка не ответила, она откинулась на спинку стула и посмотрела на пенящееся море:

— Мы все здесь, чтобы покончить с угрозой техномагии в Европе, но Германия слишком далеко, потому мы туда точно не полезем. Но вот участие в подавлении этого зла

во Франции, думаю, сможем принять, — взгляд испанки скользнул по собравшимся и упёрся в Мишеля Колиньи, — В обмен на выгодное предложение, естественно.

— Ни сколько не сомневался, — тот расплылся в улыбке, — Обсудим это в Шармбатоне через несколько дней.

Больше книг на сайте - Knigoed.net